

В

РФ

25

1/1
2-142

ПЕРЕДАНО Н. П. Б.
изъ книгъ протоіеря
Никифора Ивановича
ЛЯБОРИНСКАГО
* 11 юля 1903 года.

СБОРНИКЪ

23 АВГ 1973

СЛОВЪ, ПОУЧЕНІЙ, БЕСѢДЪ,

РЪЧЕЙ

н 6793 а

и

КРАТКИХЪ БЛАГОЧЕСТИВЫХЪ РАЗМЫШЛЕНІЙ

Превосвященнаго Августина

Епископа Екатеринославскаго и Таганрогскаго
(† 30 Ноября 1892 г.).

31524
КХ

Съ портретомъ автора и его автографомъ.

Изданіе Протоіеря Пречистенскаго Собора Александра Гуляницкаго.

138
Обр. ас 1994
4/1/20к

294

БИБЛИОТЕКА
Епархіального
Управленія

ВИЛЬНА.

Типографія И. Блюмовича.

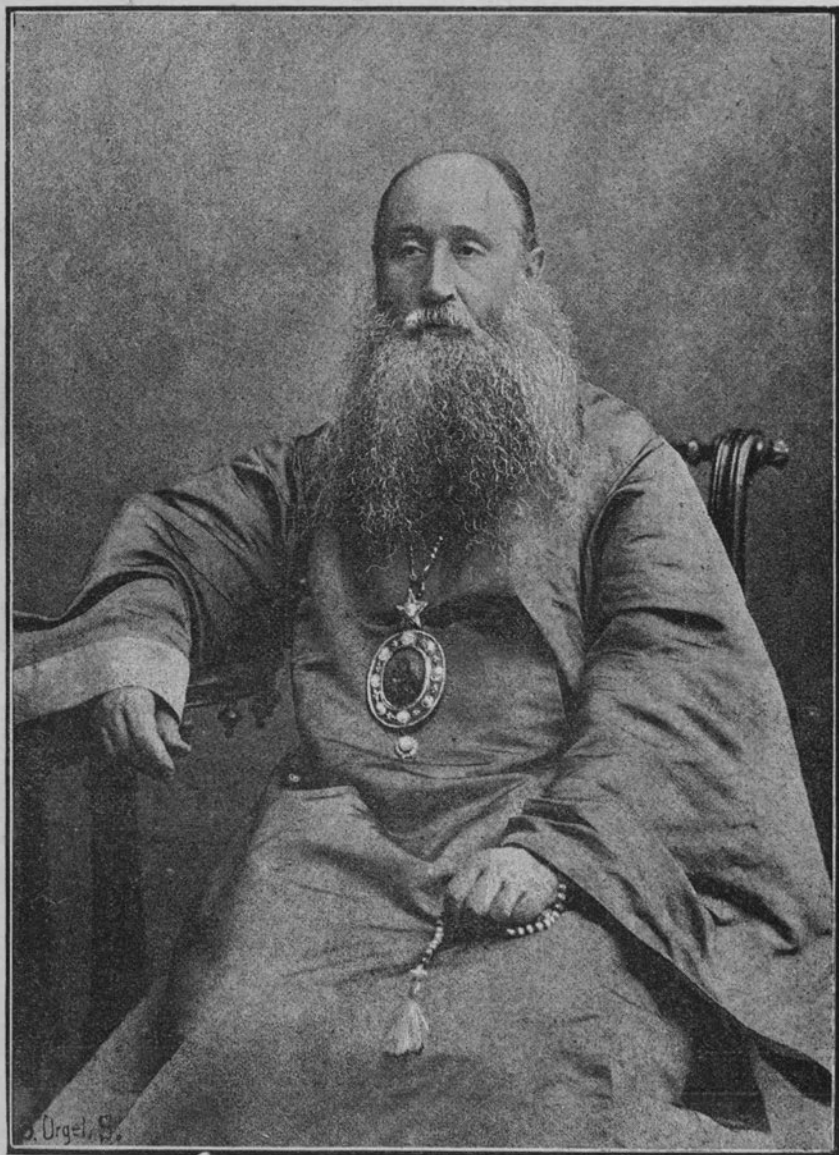
1893.

РЕДКИЙ ФОНД

41

Дозволено духовной цензурой. 9-го Августа 1893 г. Вильна.

W 6793.

D. Uggel. S.

Enrico Argenti.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

Handwritten text in the upper left corner, appearing to be "1800" followed by a flourish.

— 2 —

ПЕРЕДАНО Н. П, Б,
изъ книгъ протоіерея
Никифора Ивановича
ЛЯБОРИНСКАГО
* 11 іюля 1903 года.

І. С Л О В А.

и 9064.

Д В У Х Ъ С Л О В О

О МНИМЫХЪ НИЩИХЪ.

Чудо, животома просливимъ не живи.

(Сир. 40, 29).

Съ церковной кафедры если слышится слово о нищихъ, то это слово—за нихъ и въ пользу ихъ. Въ настоящемъ случаѣ мы желаемъ сказать свое слово не прямо въ пользу нищихъ. Не оскорбитесь, братіе, началомъ слова нашего и не закройте слуха и вниманія вашего, привыкшихъ слушать здѣсь только глаголы мира и любви, только вѣщанія милосердія и человеколюбія. Таже любовь къ Богу и ревность о благѣ ближняго, которая въ устахъ служителей слова Божія возбуждаетъ слово за нищихъ,—таже самая любовь и ревность заставляеть и насъ, хотя не безъ глубокаго прискорбія, предстать предъ лице ваше съ словомъ вразумленія и обличенія людей, дѣлающихъ себя нищими.

Нельзя не видѣть, бр. мои, что между нищими очень, очень многіе только прикрываются именемъ меньшей страждущей братіи Христовой, въ самомъ-же дѣлѣ суть люди праздные и лѣнивые, боящіеся труда и работы, любящіе праздность и покой, тунеядцы и бродяги въ полномъ смыслѣ слова, живущіе и питающіеся именемъ Христовымъ, а въ темнотѣ своихъ угловъ, нерѣдко совершающіе такіа дѣла, которыя скорѣе достойны имени врага Христова—дѣла, о которыхъ *срамно есть и глаголати* (Еф. 5, 12). Ахъ, какъ горько, какъ тяжело согрѣшаютъ эти

жалкія братія наши такимъ постыднымъ образомъ жизни! Какую жалкую участь готовятъ они себѣ въ жизни будущей, не смотря на то, что, кажется, болѣе всѣхъ надѣются въ ней для себя счастья и блаженства!!

Господь Богъ, воззавши человѣка къ настоящей жизни, даровалъ ему извѣстную долю силъ, извѣстную мѣру способностей для жизни. Чрезъ надлежащее развитіе этихъ силъ и правильное упражненіе этихъ способностей человѣкъ и устрояетъ настоящую свою жизнь. Чѣмъ болѣе и правильнѣе развиваетъ кто свои силы и способности, тѣмъ болѣе онъ устрояетъ земную жизнь свою истинно по-человѣчески. И наоборотъ: чѣмъ меньше кто трудится надъ своимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ въ жизни настоящей, тѣмъ меньше жизнь его походитъ на истинно человѣческую. Правильное употребленіе тѣлесныхъ и душевныхъ силъ человѣкомъ въ этой жизни имѣетъ связь и съ будущею жизнью. Въ словѣ Божіемъ настоящая жизнь называется временемъ *спянія*, а будущая—временемъ *жатвы*; въ немъ говорится, что въ жизни будущей каждый получитъ *по дѣломъ своимъ, восприметъ мзду по своему труду*. Это значить то, что судьба каждаго изъ насъ въ будущей жизни будетъ соотвѣтствовать тому нравственному состоянію, до котораго кто довелъ себя въ жизни настоящей; что судьба эта будетъ не наградою только или наказаніемъ, а первѣе всего—прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ такого или иного образа поведенія нашего въ жизни настоящей.

Судите-же сами, братіе, что дѣлаютъ послѣ этого тѣ люди, которые богодарованныя имъ силы и способности оставляютъ не только безъ надлежащаго развитія и усовершенствованія, а прямо почти безъ всякаго употребленія. Люди эти прежде всего оскорбляютъ и огорчаютъ Господа Бога: взять отъ Господа даръ, каковъ-бы онъ ни былъ, только во всякомъ случаѣ дарованный единственно по любви къ намъ, которой мы не заслужили, и потомъ оставить этотъ даръ въ презрѣніи и пренебреженіи, скажите, не неблагодарность-ли это и безчувственность къ Дароподателю?! Люди эти согрѣшаютъ, далѣе, противъ самихъ себя. Отеческая десница Божія дала имъ извѣстные дары для ихъ-же собственнаго счастья и блаженства, а они презрительно оставляютъ эти дары нетронутыми. Не значить-ли это прямо идти вопреки своей природѣ, вопреки собственной совѣсти, дерзновенно попирая вѣчные законы бытія и жизни, положенные въ насъ

Творцомъ всяческихъ? И, думаете, не преступна въ очахъ Божіихъ такая странная безпечность, такая холодная и мертвая небрежность къ собственному нашему духовному благу и счастію?

Нужно-ли говорить послѣ этого, какой участи могутъ и должны ожидать себѣ подобные люди въ грядущемъ вѣкѣ? Христосъ Спаситель, изобразивъ людей этихъ подъ образомъ *раба лукаваго и лѣниваго*, который, взявъ отъ господина своего одинъ *талантъ*, вмѣсто того, чтобъ, подобно другимъ рабамъ, пустить его въ оборотъ и приумножить, только *скрылъ его въ землю*, т. е. оставилъ его безъ всякаго употребленія.—Христосъ Спаситель изрекаетъ такой имъ судъ въ лицѣ того-же раба: *исключимаго раба вверзите во тму кромѣшнюю, ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ* (Матѣ. 25, 24—30). Трудно-ли узнать въ образѣ этихъ людей и въ ихъ евангельскомъ первообразѣ—рабѣ неключимомъ—тѣхъ изъ нашихъ нищихъ, о которыхъ мы говоримъ теперь? Къ сожалѣнію, если о комъ, то преимущественно о такихъ нищихъ надо сказать, что они именно скрываютъ богодарованныя имъ силы и способности въ землѣ. Если кто, то, по преимуществу, они это—рабы лукавые и лѣнивые, взявшіе отъ Господа своего извѣстные таланты и потомъ не только не развившіе и не приумножившіе ихъ, не только не приобрѣвшіе на нихъ никакихъ правъ и залоговъ на блаженство въ жизни будущей, но и оставившіе ихъ безъ всякаго употребленія даже по отношенію къ жизни настоящей.

Не менѣе тяжело согрѣшаютъ подобные нищіе и противъ Христа Спасителя. Въ самомъ дѣлѣ, не дерзко-ли, не богохульно-ли принимать на себя дорогое имя братіи Христовой, и принимать именно съ тою лукавою цѣлью, чтобъ этимъ божественнымъ именемъ прикрыть свою лѣность, безпечность, распущенность,—чтобъ обратить его въ постыдное ремесло и низкій промыслъ?! Когда нѣкоторые іудеи много мечтали и хвалились своимъ происхожденіемъ отъ Авраама, Иисусъ Христосъ отвѣчалъ имъ: *еслибы вы были дѣти Авраамовы, то дѣлами бы и дѣла Авраамовы*. Когда затѣмъ тѣже іудеи сказали: мы—дѣти Божіи, одного Бога имѣемъ отцемъ,—Спаситель, указавъ имъ на то, что они не любятъ Его и не принимаютъ Его божественнаго ученія, которое Онъ принесъ отъ Отца своего, такъ продолжалъ съ ними рѣчь свою: *Вашъ отецъ—дѣволъ... въ немъ нѣтъ истины... онъ лжеецъ и отецъ лжи* (Іоан. 8, 33—45). Что сказалъ-бы Онъ и нынѣ и скажетъ нѣкогда тѣмъ изъ именующихъ себя братією

Его, которые, святотатственно похитивъ себѣ это имя, сдѣлали изъ него возглавіе для своей праздности и часто безпиравственности? „Еслибъ вы были Моею братіею, то творили-бы и дѣла Мои: вы не прикрывали бы ложно Моимъ именемъ своихъ дѣлъ—темныхъ и лукавыхъ,—вы бы любили его, дорожили имъ, благоговѣли предъ нимъ,—вы бы чествовали и прославляли его, а не злоупотребляли и промшляли имъ; нѣтъ, вы не Мои братія, вы дѣти не Отца Моего небеснаго,—вы братія и дѣти того, кто *можетъ есть и отецъ лжи: отойдите отъ Меня дѣлающіе незаконіе; Я никогда не зналъ васъ!* (Матѳ. 7, 23). Что иное скажетъ Христосъ Спаситель на страшномъ судѣ своемъ этой самозванной братіи своей?

Согрѣшая противъ Господа, противъ Іисуса Христа, противъ самихъ себя, люди эти согрѣшаютъ, наконецъ, противъ своихъ ближнихъ—противъ того общества, въ которомъ живутъ они. Люди живутъ *въ обществахъ* для того, чтобы совокушными силами и взаимною помощію легче и удобнѣе достигать своего общаго счастья здѣсь, на землѣ, и другъ другу содѣйствовать въ нравственномъ воспитаніи себя въ союзѣ церковномъ для полученія блаженства тамъ, на небѣ. Св. ап. Павелъ (1 Кор. 12, 12—26) уподобляетъ общества христіанскія одному стройному составу тѣла человѣческаго, въ которомъ много членовъ и всѣ вмѣстѣ составляютъ *одно тѣло*,—въ которомъ если *страждетъ одинъ членъ, то съ нимъ страждутъ и всѣ*,—въ которомъ, поэтому, *глазъ не можетъ сказать рукъ, голова ногамъ*, вообще—одинъ членъ другому: „ты мнѣ не нуженъ“! По мысли апостола это значить, что какъ между разными званіями, сословіями и состояніями, такъ и между частными лицами въ обществѣ—такая тѣсная и живая связь, что всѣ они, какъ-бы ни казалось какое изъ нихъ незначительнымъ, всѣ полезны, важны и необходимы для блага цѣлаго общества, подобно тому, какъ всѣ члены необходимы для блага и здоровья тѣла человѣческаго. Такимъ образомъ, на каждомъ изъ членовъ общества, какъ-бы, повидимому, ни былъ онъ низокъ въ своей долѣ, лежитъ непремѣнный долгъ и свящ. обязанность—содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и возможности, общему благу. Какъ-же, значить, неблагодарны и какъ вредны для общества тѣ люди, которые, пользуясь всѣми возможными его услугами, средствами и силами для собственнаго блага, въ свою очередь не производятъ ничего для его блага! А таковы именно всѣ наши мнимые нищіе. Это—такіе члены об-

щества, которыхъ надо или благовременно отсѣкать, или благо разумно и искусно врачевать, чтобъ они не заражали собою прочихъ членовъ общественнаго дѣла; — это — тунеядцы — не по праву питающіеся на счетъ трудовъ и плодовъ рукъ человѣческихъ и взамѣнъ этого не дающіе обществу ничего, кромѣ развѣ нравственно вредной заразы, разрушительныхъ болѣзней и под. Образъ жизни, который ведутъ эти люди, въ сущности — не то же ли, что и воровство, только совершаемое подъ скромною формою нищеты и убожества и — что всего жалче, преступнѣе и опаснѣе — подъ св. знаменемъ имени Христова?

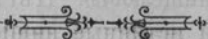
Мы говорили до сихъ поръ о тѣхъ нищихъ, которые, будучи совершенно здоровы и способны къ честному труду, по какому-то странному упорству, ничего не хотятъ дѣлать и думаютъ прожить свой вѣкъ именемъ Христовымъ и подаваніями добрыхъ людей. Мы видѣли при этомъ, какъ недобросовѣстно, какъ грѣшно и преступно поступаютъ эти люди. Есть еще нищіе другаго рода, которые, по-видимому, имѣютъ всѣ основанія и права для проважденія нищенскаго образа жизни: это — слѣпые, хромые, нѣмые, безрукіе, безногіе, вообще — разнаго рода калеки. Но, если подумать внимательнѣе, и эти люди не совсѣмъ невинны, когда оставляютъ всѣ труды и занятія и пускаются по міру за подаваніями. Ужели въ самомъ дѣлѣ отсутствіе въ тѣлѣ одного какого нибудь члена дѣлаетъ невозможными для человѣка трудъ и занятіе и уполномочиваетъ его на совершенное бѣздѣйствіе? Ты не имѣешь, напр., глазъ? За то имѣешь руки, способныя къ дѣятельности; сверхъ того имѣешь тонкій слухъ и здоровыя ноги. Не имѣешь слуха и языка? Но у тебя есть глаза, руки и ноги. Не имѣешь руки или ноги? Но остальные члены тѣла у тебя совершенно здоровы. Можно, кажется, не лѣнивому калѣкѣ, еслибъ только онъ захотѣлъ, найти себѣ трудъ, выбрать себѣ занятіе, сподручное ему по тѣмъ органамъ, какими онъ владѣетъ. Если-же онъ, имѣя возможность и силу, слыша даже неоднократные призывы и побужденія къ такому труду со стороны другихъ, предпочитаетъ, однакожъ, хожденіе съ сумою и выпрашиваніе подаваній, то онъ тяжко грѣшитъ и предъ Богомъ и предъ собою, и предъ обществомъ.

Но да не подумаетъ кто нибудь, братіе, что мы хотимъ этимъ отнять у вашего благочестія любовь къ милосердію, погасить въ васъ св. ревность къ нищелюбію. Нѣтъ; мы знаемъ, что кромѣ мнимыхъ нищихъ есть и истинные нищіе и, что особенно жалко,

большая часть людей этих и трудиться не могут и просить стыдятся (Лук. 19, 3). Люди эти не носят за плечами нищенской сумы, не являются на улицах и под окнами, не стоят съ простертыми руками на папертяхъ церковныхъ;—презримые и незнаемые никѣмъ, кромѣ Всевидящаго и Всезнающаго, въ своихъ полуразрушенныхъ хижинахъ, большею частію въ скромномъ обществѣ своихъ несчастныхъ семействъ, они борются съ горемъ и нуждою, съ удивительнымъ терпѣніемъ переносятъ всѣ роды скудости и лишения, и нерѣдко доходятъ до послѣдней степени бѣдности и нищеты, а сказать другимъ о своемъ горѣ они стыдятся; попросить у другихъ помощи имъ совѣстно. Такимъ-то нищимъ да служить наше нищелюбіе, а ихъ такъ много, найти ихъ вездѣ такъ не трудно...

Что-же дѣлать намъ съ тѣми нищими, о которыхъ мы прежде говорили, которые только носятъ образъ нищеты? Какъ ни худо дѣлаютъ эти люди, какъ ни вредны они въ обществѣ, но худого сразу не исправишь; если начать обходиться съ ними жестоко и презрительно, или—что всего хуже—если начать только смѣяться и ругаться надъ ними,—они дѣлаются еще упорнѣе, еще неисправимѣе и ожесточеннѣе. Такъ и грѣшно и бесполезно обращаться съ ними. Не отказывая имъ въ посильномъ подаваніи, безъ котораго они, по устарѣлой привычкѣ, не могутъ обойтись, будемъ стараться, по возможности, исправлять и вразумлять ихъ, представляя имъ при этомъ съ одной стороны всѣ невыгоды и непріятности, все безобразіе и безнравственность нищенской жизни, всю великую отвѣтственность за нее предъ судомъ Божиимъ, а съ другой стороны—всѣ выгоды и пріятности, всю нравственную красоту и заслугу предъ Богомъ и людьми жизни честной, трудовой. Если-бы вразумляемый нами изъявилъ готовность оставить свой прежній нищенскій образъ жизни и только не умѣлъ взяться за дѣло (а такихъ есть немало), не зналъ, чѣмъ ему заняться, гдѣ пріютиться, какъ устроиться и под.,—наше дѣло разрѣшить это недоумѣіе его, подать ему добрый совѣтъ, или же, если ужъ мы искренно желаемъ ему добра, помочь ему на первыхъ порахъ своими собственными услугами и средствами. Только главное—будемъ дѣйствовать при этомъ единственно въ духѣ кротости, снисхожденія, терпѣнія и любви. Аминь.

(«Воскресное Чтеніе» 1862 г. № 15).

2.

СЛОВО

О НИЩИХЪ.

Аще кто о своихъ, паче-же о домашнихъ не промышляетъ, въры отверглася есть, и невпрнаго гурійи есть.

(1 Тим. 5, 8).

Вникая глубже въ вопросъ о нищенствѣ, я, братіе, часто въ печальномъ раздумѣ останавливался мыслию на тѣхъ прискорбныхъ явленіяхъ и ужасныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ нашей жизни, которыя порождаютъ, развиваютъ и поддерживаютъ собою нищенство. Внезапная потеря имущества отъ разнообразныхъ несчастныхъ случаевъ, тяжкая болѣзнь, истощившая послѣднія силы и окончательно убившая здоровье, раннее круглое сиротство и бездомовство... кто въ состояніи предвидѣть и предотвратить всѣ эти и подобные ужасы! И, по истинѣ великаго духа, сильной воли и твердаго характера нужно для того, чтобъ не пасть и не разбиться подъ ударами подобныхъ несчастій,—чтобъ, не найдя себѣ послѣ нихъ ни въ комъ и ни чемъ поддержки и сочувствія, не взять странническаго посоха и нищенской сумы и не пойти куда очи глядятъ. Размышляя объ этихъ ужасныхъ случаяхъ, невольно поникнешь мыслию предъ недовѣдомыми путями Промысла, и во глубинѣ души пожелаешь только одного: чтобъ люди стали менѣе самолюбивы и горды, а болѣе челоувѣколюбивы и общительны,—чтобъ они не оставляли безъ сочувствія и помощи несчастныхъ, подвергшихся подобнымъ ударамъ судьбы,—чтобъ они брали такихъ на свои руки, на свое призрѣніе и попеченіе.

Но есть, братіе мои, одно обстоятельство, умножающее и поддерживающее собою нищенство,—обстоятельство не то-что непредотвратимое, какъ тѣ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. На это обстоятельство я и хочу обратить теперь ваше вниманіе.

Вотъ въ семействѣ не богатомъ, но и не совсѣмъ бѣдномъ, является на свѣтъ Божій новый членъ. Въмѣсто обычной радости, въ этомъ семействѣ слышатся теперь воздыханія, вопли, дерѣдко

ропотъ на небесное Провидѣніе. Какая-жь этому причина?— Новорожденный—калека. Дитя растеть, печали семейства умножаются; родители во глубинѣ души желаютъ, нерѣдко даже молятся, чтобъ Господь «принялъ къ себѣ» ихъ калеку. Но дитя не умираетъ,—естественная любовь матери къ своему дѣтищу въ настоящемъ случаѣ переходитъ въ что-то похожее на ненависть къ нему. Всякая рѣзвость, такъ свойственная дѣтскому возрасту, каждый неосторожный шагъ его вознаграждаются толчками, заушеніями и т. п.; старшіе дѣти этого семейства пріобрѣтаютъ какъ-бы право, какъ угодно и сколько угодно, безнаказанно тѣшиться надъ своимъ несчастнымъ братомъ. Наконецъ, дитя выросло; пора-бы и учить его чему нибудь; но зачѣмъ и чему его учить?—думаютъ родители: вѣдь оно—калека, знать ужъ такъ суждено ему, чтобъ не жить ему своимъ трудомъ и не ѣсть своего хлѣба. Задумался, крѣпко задумался отецъ, а мать горько плачетъ.— „До коихъ поръ ты будешь лежать у насъ?“—слышитъ, наконецъ, несчастный калека. „Вѣдь такъ-же нельзя пролежать цѣлую жизнь! Ты-бы пошелъ куда нибудь, попросилъ-бы, авось добрые люди не откажутъ. Вотъ хоть завтра, напр., въ городѣ храмовой праздникъ: сколько тамъ будетъ всякаго народа, а господь! Хоть десятый дастъ копѣйку,—и того не высидишь на лавкѣ» и т. д. Раздумываетъ несчастный: «что дѣлать? не послушаешься,—еще больше будетъ брани и упрековъ мнѣ.»—«Какъ-же я пойду?» спрашиваетъ онъ. «Вѣдь я не знаю дороги, да и просить какъ-то не умѣю, и господь боюсь.»—«Вотъ такой-то слѣпецъ,—ты его знаешь,—обѣщался взять тебя съ собой; онъ тебя научить, какъ просить. Пойдешь?»—«Пойду!»... И—бѣдное дитя отдается въ ученики нищему! Первый опытъ нищенства удался; отецъ и мать чрезвычайно довольны и съ радушіемъ относятся къ своему калекѣ. Черезъ нѣсколько времени невдалекѣ открывается ярмарка: таже исторія повторяется съ молодымъ нищимъ. Два-три опыта,—и онъ уже привыкъ къ нищенской жизни, пересталъ бояться господъ, научился разнымъ причитываніямъ при выпрашиваньи подацій; чрезъ годъ ему уже пріятны подобныя путешествія за сборами, и со временемъ онъ является записнымъ бродягой—попрошайкой.

Еще подобное явленіе. Вдова, имѣющая единственную дочь, приняла къ себѣ зятя, который, поступая въ ея семью, обѣщался содержать ее до смерти. Пока зять былъ моложе и теща не совѣмъ стара, дѣло шло у нихъ ладно. Но вотъ у зятя свое уже порядочное

семейство, а теща замѣтно ослабѣла въ силахъ, стала неспособною къ работамъ и трудамъ. Къ довершенію несчастія—любимая дочь ея заболѣла и умерла: много плакала бѣдная старуха и, наконецъ, лишилась послѣдняго зрѣнія. Зять давно уже косо посматривалъ на слабую старуху; теперь онъ окончательно на нее напустился: «иди себѣ съ Богомъ! Что мнѣ дѣлать, куда дѣваться съ тобою? Развѣ не знаешь, что и кромѣ тебя у меня куча дѣтей, а я — человѣкъ одинокій, одному мнѣ на васъ не наработать?» и проч. Плачетъ несчастная, горько плачетъ; но, выслушивая ежедневно одно и то же, встрѣчая неуваженіе и презрѣніе со стороны настроенныхъ отцомъ внучатъ своихъ, претерпѣвая отъ нихъ даже прямыя обиды и оскорбленія, она, наконецъ, берется за пищенскій посохъ....

Еще подобный случай. Старикъ-отецъ женилъ своего сына. Новая хозяйка дома, поживши нѣсколько времени, глубоко возненавидѣла, почему-то, старика. Ей досадно, когда онъ пройдетъ по комнатѣ; она плюетъ вслѣдъ ему; она ворчитъ что-то подъ носъ себѣ, когда онъ изрѣдка промолвитъ слово; она даже не хочетъ смотрѣть на него. Къ общему столу его давно уже перестали приглашать; питается-же онъ остатками отъ стола дѣтей своихъ, или же, большею частію, сухимъ хлѣбомъ съ водою; наконецъ, и хлѣбъ начали запираить отъ него. Спать въ избѣ ему давно уже не стало мѣста; лѣтомъ онъ проводитъ ночь на дворѣ подъ синимъ небомъ, а зимой—на полу на землѣ вмѣстѣ съ молодыми животными. Невѣстка его давно уже твердитъ мужу: «что намъ дѣлать съ твоимъ старикомъ? Не беретъ Богъ къ себѣ, да и только. Самъ не работаетъ, а ему подай. Гдѣ-жъ намъ набраться на него? Вѣдь у насъ уже, слава Богу, подростаютъ дѣти... Почему тебѣ не сказать-бы ему, пусть себѣ идетъ въ люди».... Видѣлъ все это, зналъ всю ненависть къ себѣ невестки несчастный старикъ; но молчалъ и терпѣлъ: когда-же сынокъ сдѣлалъ ему роковое предложеніе,—онъ не въ силахъ уже терпѣть болѣе,—онъ берется за мѣшокъ и идетъ по міру за пропитаніемъ....

Можно-бы привести много еще подобныхъ случаевъ: но съ одной стороны, они слишкомъ знакомы всякому внимательному наблюдателю; съ другой—и грустно, тяжело говорить о томъ, какъ родители своихъ дѣтей, дѣти своихъ родителей, мужъ жену, жена мужа, братъ сестру, сестра брата,—вообще люди, долженствующіе, по всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ, состоять въ самой тѣсной связи и самой искренней любви между собою,—

какъ, говорю, эти люди обрекаютъ другъ друга на тяжелую, нищенскую жизнь. И, Боже мой, это совершается въ христіанскихъ семействахъ!! Когда я размышлялъ объ этомъ, мнѣ пришли на мысль слова Писанія, которыя я привелъ въ началѣ моего слова къ вамъ: *кто не заботится о своихъ, особенно о домашнихъ, тотъ отвергся отъ вѣры и хуже невѣрнаго.*

Въ самомъ дѣлѣ, бр. мои, вѣра наша учить насъ оказывать любовь, милость и благосердіе всѣмъ безъ изыятія, ближнимъ и дальнимъ, знаемымъ и незнаемымъ, единовѣрнымъ и иновѣрнымъ, даже явнымъ недоброжелателямъ и врагамъ нашимъ; а эти люди отказываютъ въ нихъ даже тѣмъ, кто имѣетъ на нихъ самыя первыя, самыя священныя и неприкосновенныя права,—отказываютъ людямъ, ближе которыхъ не можетъ быть къ намъ никого на землѣ. Гдѣ-же тутъ наша вѣра? Гдѣ любовь, которую завѣщалъ намъ съ креста своего до конца возлюбившій насъ Спаситель, и въ которой одной мы должны свидѣтельствовать свою вѣру въ Него? Если въ нашихъ дѣйствіяхъ нѣтъ любви,—не значить-ли это, что мы отверглись вѣры?—Но такіе люди, по апостолу, хуже невѣрныхъ. Дѣйствительно, оставаться безчувственными и жестокими въ отношеніи къ тѣмъ, чрезъ кого мы получили бытіе и жизнь, отъ кого потомъ вскормлены и воспитаны,—это такое дѣло, на которое и невѣрные не могутъ смотрѣть равнодушно. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, непросвѣщенныхъ христіанскою вѣрою, неуваженіе къ родителямъ почиталось дѣломъ безчестнымъ; во всѣхъ законодательствахъ и религіяхъ оскорбленіе родителей принимаемо было за величайшее преступленіе и угрожаемо страшными наказаніями отъ Бога и отъ людей. Такимъ-же образомъ, дать бытіе и жизнь новому, подобному намъ существу, и потомъ оставить его безъ всякаго прирѣнія и попеченія,—это опять дѣло, котораго не дѣлаютъ и невѣрные, слѣдуя одному естественному человѣческому чувству. Но что я говорю: невѣрные? Такъ не дѣлаютъ даже неразумныя животныя: и онѣ кормятъ и поятъ своихъ дѣтей..

«Я человѣкъ бѣдный,» скажешь. «Что-же мнѣ дѣлать, когда я едва себя могу содержать? Гдѣ взять мнѣ силъ и средствъ на содержаніе людей лишнихъ?»—Ты человѣкъ бѣдный? Но такъ-ли ты бѣденъ въ самомъ дѣлѣ, чтобъ былъ уже не въ состояніи прокормить одного, лишняго по твоему, человѣка? Не гоняешься-ли ты за большимъ, излишнимъ? Не скопляешь-ли на черный день? Не скупишься ли ты?—Ты человѣкъ бѣдный? Но всѣ-ли ты

употребляешь силы и средства къ облегченію своей бѣдности? Усугубляешь-ли свои труды, приумножаешь-ли свои занятія? Не лѣнишься-ли ты?—Ты человѣкъ бѣдный? Но если ты добрый сынъ,—скорѣе самъ перенесешь извѣстное лишеніе, чѣмъ заставишь переносить его своего престарѣлаго отца, или мать. Если ты настоящій отецъ,—скорѣе себѣ откажешь въ кускѣ хлѣба, нежели оставишь безъ него свое дитя.—Впрочемъ, выше мы видѣли, что не бѣдность только заставляетъ такъ дѣлать. Гордость, самолюбіе, своекорыстіе, не любовь къ людямъ—вотъ еще что, и большею частію именно это заставляетъ такъ дѣлать. Человѣку досадно, что его трудами пользуются люди, не принимающіе въ нихъ участія, и вотъ онъ гонитъ ихъ отъ себя, какъ лишнее бремя, какъ напрасно ядущихъ хлѣбъ его. Онъ забылъ, что этотъ человѣкъ, напрасно ядущій хлѣбъ его, есть первый благодѣтель его на землѣ, которому онъ обязанъ рѣшительно всѣмъ, самую даже жизнь свою. Онъ забылъ, что это дитя—его лишнее бремя—*кость отъ костей его и плоть отъ плоти его*,—что оно нѣкоторымъ образомъ есть какъ-бы онъ самъ, и во всякомъ случаѣ нисколько не виновато тѣмъ, что родилось калекой... Есть и такіе, которые заставляютъ своихъ домашнихъ нищенствовать—въ надеждѣ и самимъ поживиться отъ ихъ нищенскихъ сборовъ. И—замѣчательное дѣло: этотъ человѣкъ, который заставилъ своего отца, свою мать, свое дитя пойти въ нищіе,—этотъ самый человѣкъ, при встрѣчѣ съ чужимъ нищимъ, нерѣдко подаетъ ему Христа ради. Такъ всегда и вездѣ: ложь и неправда обманываетъ сама себя! Не думаешь-ли ты этими подаяніями чужимъ нищимъ загладить вину свою въ отношеніи къ своимъ, домашнимъ? Или ты представляешь, что только тотъ—настоящій нищій, который бродитъ и проситъ, и только такому нищему поданная милостыня пріятна Богу? Или это у тебя фарисейская замашка—дѣлать благодѣянія на-показъ? Или, наконецъ, ты считаешь, что при такомъ благодѣяніи можно обойтись только нѣсколькими копѣйками и спасти свою душу, тогда какъ на содержаніе тѣхъ людей, которыхъ ты сдѣлалъ нищими, потребно гораздо болѣе?—Откуда-бы ни происходило это въ тебѣ,—во всякомъ случаѣ, не льстись, возлюбленный! Милостыня твоя не благоугодна Богу; она не спасетъ тебя. Воши твоихъ присныхъ, которыхъ ты прогналъ отъ себя, день и ночь вопіютъ *во уши Господа Саваова* (Іак. 5, 4): онѣ заглушаютъ своею силою гласъ молитвы, возносимой за тебя чужимъ нищимъ, не даютъ ему доходить до престола Господня,

и уготовляютъ тебѣ, вмѣсто милости и любви, праведный гнѣвъ Божій.

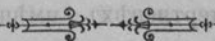
Но вотъ мальчикъ и дѣвочка—круглыя сироты, у которыхъ безпощадная смерть отняла отца и мать, и больше у нихъ нѣтъ никого изъ родныхъ; вотъ вдова съ малолѣтними дѣтьми, которыхъ она не въ силахъ обути, одѣть и прокормить; вотъ цѣлое семейство, разоренное отъ пожара, отъ падежа скотскаго или отъ другаго внезапнаго несчастія. Что этимъ людямъ дѣлать? Кому объ нихъ думать, заботиться и хлопотать? Кому ихъ спасать отъ нищеты и нищенства?

Слова Писанія о людяхъ, не заботящихся о своихъ присныхъ, могутъ быть понимаемы въ смыслѣ болѣе обширномъ: ихъ можно приложить не къ отдѣльнымъ только семействамъ, но и къ совокупности нѣсколькихъ семействъ, къ цѣлому обществу людей, связанныхъ между собою единствомъ мѣста, житейскихъ потребностей, интересовъ,—однимъ словомъ, ихъ можно приложить къ тому, что мы называемъ *селеніемъ, погостомъ, приходомъ*. Христіанское селеніе, какъ-бы велико и обширно оно ни было по своему вышнему положенію,—по внутреннимъ отношеніямъ членовъ своихъ должно быть ни болѣе, ни менѣе, какъ однимъ обширнымъ семействомъ. И не таково-ли оно на самомъ дѣлѣ во многихъ отношеніяхъ? Посмотрите: управляется оно одними начальниками, какъ семейство однимъ старѣйшиною; дома и огороды, поля и нивы, луга и роци его—вмѣстѣ; рабочій скотъ его—на одномъ пастбищѣ. Если случится какое несчастіе,—налетитъ, напр., саранча, повѣтетъ смертоносная зараза, загорится домъ,—это несчастіе касается всего селенія;—и еслибы сосѣдъ не шелъ спасать другаго отъ пожара, все село выгорѣло-бы.. Сверхъ того, въ немъ почти всѣ—и дѣйствительные родственники между собою: тотъ тому кумъ, а этотъ другому свать и т. д. Еще болѣе это нужно сказать о погостѣ или приходѣ; сверхъ всего прочаго, тутъ еще и храмъ Божій и отецъ духовный—для всѣхъ одинъ и тотъ-же. Какой болѣе тѣсной связи нужно между людьми! Подлинно, это одно семейство. Если-же такъ, то отчего въ этомъ обширномъ семействѣ не найдетъ себѣ пріюта бездомный сирота, не встрѣтитъ сочувствія и помощи безсильная вдова, разорившееся отъ несчастныхъ случаевъ семейство, разбитый горемъ и болѣзнію хозяинъ и т. п? Не грѣшно-ли, не стыдно-ли намъ выпускать изъ нашего общества нищихъ въ міръ Божій? Почему-бы намъ не взять на свое призрѣніе и попеченіе этихъ несча-

стныхъ? Не говоря уже о нравственномъ значеніи такого безчеловѣчнаго отношенія къ нашимъ ближнимъ, развѣ малый вредъ происходитъ отсюда для самого общества вашего, оставляющаго такихъ людей безъ призрѣнія? Человѣкъ идетъ въ нищіе; у него есть дѣти—тоже нищіе; отъ нихъ опять дѣти—и опять нищіе и т. д. и т. д. Сколько пропадаетъ у общества рабочихъ рукъ, свѣжихъ силъ! И само-же общество, въ добавокъ къ этому, должно отбывать за такихъ людей разныя повинности, взносить за нихъ подати,—и чѣмъ больше накопляется такихъ людей, тѣмъ больше этихъ повинностей, тѣмъ болѣе нарастаетъ эта подать. Но дайте этому человѣку пособіе на первыхъ порахъ, пріютите его,—раньше или позже онъ поправится и станетъ честнымъ труженикомъ, такимъ-же, какъ и всѣ добрые поселяне или граждане. Да и много-ли нужно для того, чтобы сразу не пустить человѣка въ нищіе? Изъ цѣлаго многочисленнаго общества одинъ дастъ уголь въ своемъ жилищѣ, другіе—по мѣркѣ хлѣба, третьи—лишнюю у себя одежду; одинъ—въ займы, другой—въ помощь, и—человѣкъ спасенъ... Со временемъ онъ съ лихвою воздастъ своимъ благодѣтелямъ. А какая благодарность къ благодѣтелямъ будетъ жить въ душѣ его во всю жизнь! Какою одушевится онъ ревностію—помогать другимъ, подвергающимся одинаковымъ съ нимъ ударамъ судьбы! Такъ велитъ намъ Богъ помогать нашимъ ближнимъ, такъ учить насъ святое евангеліе Христово, такъ требуетъ отъ насъ христіанскій долгъ, если мы желаемъ, чтобы наша христіанская вѣра была для насъ душеспасительна.—Если-же мы, братіе, остаемся холодными и равнодушными къ несчастіямъ людей, живущихъ вмѣстѣ съ нами, хотя-бы эти люди и не были нашими родными, и до того простираемъ свою холодность и равнодушіе, что эти люди въ нашихъ-же глазахъ принуждены идти въ нищіе, то въ такомъ случаѣ на насъ падаетъ приговоръ апостола, что мы, называясь вѣрными во Христа, не замѣчаемъ, какъ отвергаемся отъ вѣры и поступаемъ хуже невѣрныхъ.

Да избавитъ-же Господь души наши отъ такого безчеловѣчія! Иначе наша вѣра, на которую мы такъ надѣемся и которою столько хвалимся, послужитъ только къ нашему вѣчному стыду и осужденію предъ Богомъ и человѣками. Аминь.

(«Воскресное Чтеніе» 1862 г. № 34).

3.

СЛОВО ВО СВЯТОЙ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

*Что воздадеъ Господеву о всѣхъ, яже
воздаде ми.*

(Псал. 115, 3).

Такъ спрашивалъ себя праведный Давидъ, когда представлялъ себѣ тѣ милости и благодѣянія Божіи, которыми Господь Богъ ущедрялъ его во все продолженіе его жизни.

Христіане, братіе! Если когда, то преимущественно нынѣ и намъ благовременно предложить себѣ этотъ вопросъ Давида. Св. церковь представляетъ нынѣ духовному взору нашему такія милости и благодѣянія Спасителя нашего, излитыя на насъ, грѣшныхъ, которыя, поколебавъ, въ минуту явленія своего міру, небо, землю и преисподнюю, не престають до-нынѣ, и не престануть до скончанія вѣка колебать священнымъ трепетомъ и благоговѣйнымъ изумленіемъ все существо наше. Крестъ, гробъ и плащаница, мучительныя страданія, позорная смерть и погребеніе Господа,—вотъ предметы сегоднешняго церковнаго воспоминанія. Желая какъ можно глубже напечатлѣть въ сердцѣ нашемъ великія голгоевскія событія, св. церковь представляетъ и для чувственнаго взора нашего вещественныя подобія смерти Богочеловѣка: вотъ предъ нами плащаница, и на ней изображенъ Спаситель, обвитый погребальными пеленами. Такъ, кажется, и слышишь изъ этого таинственнаго гроба: *обратитесь и видите, аще есть бользнь, яко бользнь моя* (Плач. Іер. 1, 12). „Смотрите, въ моей плоти отъ главы до ногъ нѣсть цѣлости (Иса. 1, 6), но кійждо удъ ея безчестіе претерпѣ: глаза—терніе, лице—оплеванія, челюсти—заушенія, уста—во отцѣ растворенную желчь, ушеса—хуленія злочестивая, рудѣ и нозѣ—гвоздіе, все тѣло—протяженіе на крестѣ“ (стихира вел. пятка); наконецъ, испивъ горькую чашу страданій до дна, Я, бездыханный и беззрачный, не имѣя вида ни доброты, въ мертвецѣхъ вмѣняюся и во гробъ малъ страннопріемлюся (дѣсни св. церк.),—и все это васъ ради“. О,

чтоже воздадимъ Господеву Спасителю нашему о всѣхъ, яже воздаде намъ?

Воздать Господу по достоянію за все, что Онъ воздалъ намъ, мы, братіе, рѣшительно не въ состояніи. Если-бы даже мы принесли ему въ жертву все наше имущество, спокойствіе, благосостояніе, наконецъ—самую свою душу и тѣло, то и эта жертва наша не была-бы равносильна той, какую Онъ принесъ за насъ; не была-бы равносильна потому, что всѣ блага наши, самая душа и тѣло наше—не наши, а Его (1 Кор. 6, 20): *вся наша Его суть, и мы сами—не свои* (тамже ст. 19), а Егоже. Но, *самъ далъ всѣмъ животъ и дыханіе и вся* (Дѣян. 17, 25), Онъ и *не требуетъ благихъ нашихъ* (Псал. 15, 2); единъ вѣдый челоѣческаго естества немощь (цѣльнъ церкви), Онъ и не ищетъ отъ насъ того, что выше силъ нашихъ. Что-же воздадимъ Ему? Мы сказали, что душа и тѣло—не наши: это—такъ; однакожь, такое или иное направленіе, такое или иное дѣйствіе, такой или иной образъ жизни души и тѣла,—это въ нашей власти;—у насъ есть сердце, которое совершенно отъ себя заправляетъ всею нашею внутреннею жизнію. Это—единственная наша собственность, и ея-то хочетъ отъ насъ нашъ высочайшій Благодѣтель, какъ единственной жертвы, которую мы въ состояніи принести Ему: *даждь ми, сыне,—говоритъ Онъ,—твое сердце* (Прит. 23, 26).

Отдать сердце кому нибудь, и на языкѣ обыкновенномъ и на языкѣ слова Божія, значить—отъ всей души полюбить кого. Нужно-ли выяснять, почему именно этой жертвы ищетъ отъ насъ Спаситель нашъ и что Онъ—такъ сказать—имѣетъ на нее полное право? Это съ перваго разу очевидно для всякаго. Исторія страданій и смерти Господа, которую мы въ страстную седмицу такъ часто слышимъ, есть ничто иное, какъ раскрытіе слѣдующей истины: *такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть* (Іоан. 3, 16); *такъ возлюби насъ грѣшныхъ Спаситель нашъ, яко по насъ душу свою положи* (1 Іоан. 3, 16). Богъ, который насъ сотворилъ и сохраняетъ, дѣлается за насъ жертвой, спасаетъ насъ, когда мы достойны были Его наказанія, подвергается ударамъ, которые долженствовали пасть на насъ, и чрезвычайнымъ способомъ, который одна любовь могла найти и привести въ исполненіе, исторгаетъ насъ изъ той глубины, въ которую мы увлеклись нашими беззаконіями: Любовь Отца небеснаго распинаетъ, любовь Сына Божія распинается, *да чада Божія наречемся и будемъ* (1 Іоан. 8, 1). Какже при мысли этой

не согрѣтся сердцу пламенною, горячайшею любовію, къ сладчайшему Іисусу, какъ не истоятъ ему предъ этой бездной безконечной любви Божіей, возлюбившей насъ недостойныхъ *до конца* (Іоан. 13, 1)?.. Любовь, оказываемая намъ со стороны другихъ, естественно вызываетъ въ нашемъ сердцѣ чувство взаимной любви: какъ-же любви Божіей, *крѣпкой яко смерть* (Пѣсн. 8, 6), не вызываетъ въ нашемъ сердцѣ взаимной къ себѣ любви? Любовь отеческая находитъ возмездіе себѣ во взаимной любви сыновней; любовь братняя и дружеская считаетъ данію для себя взаимную любовь брата и друга: почему-же не считать нашей любви ко Господу возмездіемъ и данію за Его любовь къ намъ? Правда, дань эта слишкомъ мала и незначительна: любовь наша ко Господу не равносильна любви Его къ намъ, одна отстоитъ отъ другой какъ земля отъ неба, какъ временное отъ вѣчнаго, конечное отъ безконечнаго. Но не скорби, душа, любящая Господа твоего! Если ты не можешь любить Его столько, сколько Онъ достоинъ, люби столько, сколько можешь. Сердцевѣдецъ знаетъ мѣру силъ твоихъ, слышитъ твои тайныя воздыханія о Немъ,—Онъ приметъ эту малую любовь твою, какъ пріялъ нѣкогда двѣ лепты вдовицы. Одна уже мысль, а тѣмъ паче скорбь твоя о томъ, что ты не можешь любить Господа столько, сколько Онъ достоинъ любви, пріятели для Него всякихъ приношеній. Отдай-же всецѣло, христіанинъ, твое сердце своему Спасителю: одинъ Онъ вполнѣ достоинъ владѣть имъ; воспламени его святою любовію ко Господу, пусть оно живетъ и дышетъ симъ, и только симъ божественнымъ пламенемъ.

Но, братіе, пламенная любовь не можетъ долго таиться въ сердцѣ: она непременно выразится въ свойственныхъ ей дѣйствіяхъ. Іосифъ аримаѳейскій горячо любилъ Господа Іисуса,— и хотя сначала, *страха ради іудейска* (Іоан. 19, 38), не обнаруживалъ своей любви къ Нему, однакожъ, когда Господь умеръ на крестѣ, онъ уже не можетъ долѣе таить въ сердцѣ ея божественное пламя: онъ идетъ къ Пилату и, прося у него позволенія погребсти тѣло Христово, явно открывается въ своей любви къ умершему. Душа христіанская! По милости Божіей, давно уже прошли тяжкія времена боязни, теперь время свободнаго, открытаго исповѣданія Христа Сыномъ Божіимъ, нашимъ Спасителемъ и искупителемъ. Что-же ты боишься открыть и исповѣдать свою любовь къ Нему? тебя не изженуть изъ сонмища: въ царствѣ Христовомъ за такое исповѣданіе ублажаютъ. Гряди же, исповѣдай, открой и докажи свою любовь къ твоему Спасителю.

Чѣмъ-же мы можемъ выражать и свидѣльствовать нашу любовь къ Господу? Припомнимъ, какъ мы ведемъ себя по отношенію къ любящимъ насъ и любимымъ нами, когда хотимъ доказать нашу взаимность. Въ такомъ случаѣ мы обыкновенно безпрекословно исполняемъ волю любимыхъ нами, во всемъ подражаемъ имъ, сочувствуемъ имъ во всѣхъ приключеніяхъ ихъ жизни, въ радостныхъ сорадуясь, въ скорбныхъ соскорбя. Почему-же намъ не вести себя подобнымъ образомъ по отношенію къ нашему Господу, если мы любимъ Его не словомъ только и языкомъ, но дѣломъ и истиною (1 Иоан. 3, 18), если мы искренно желаемъ обнаружить и доказать свою любовь къ Нему? Почему не стараться всячески исполнять Его св. волю, выраженную въ законѣ, почему не подражать Его жизни, почему не принять дѣятельнаго участія въ Его крестныхъ страданіяхъ?

Аще кто любитъ Мя,—говоритъ самъ Спаситель нашъ,—*слово Мое соблюдетъ; имѣяй заповѣди Моя и соблюдай ихъ. той есть любяй Мя, а не любяй Мя—словеса Мои не соблюдетъ* (Иоан. 14, 21, 23, 24). Какія это заповѣди нашего Спасителя, которыя мы должны исполнять для выраженія нашей любви къ Нему? Господь нашъ—весь *любы* (1 Иоан. 4, 2), а изъ любви что другое можетъ и проистекать, какъ не любовь-же? Законодатель любвеобиленъ: какія-же заповѣди Его и могутъ-ли быть инія, какъ не заповѣди о любви? *Сія заповѣдую вамъ, да любите другъ друга, сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, яко-же возлюбихъ вы; заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга* (Иоан. 15, 17. 12; 13, 34): вотъ заповѣди нашего любвеобильнаго законодателя! Изъ нихъ видно, что исполнять заповѣди Его—значитъ не что иное, какъ любить другъ друга. Такимъ образомъ, мы иначе не можемъ выразить свою любовь къ Господу, какъ любовію къ ближнимъ нашимъ. Это очень естественно: когда мы любимъ извѣстнаго человѣка, то любимъ не только его, но и тѣхъ, кого онъ любитъ, и этою любовію къ послѣднимъ свидѣльствуетъ, между прочимъ, свою любовь къ первому. Притомъ-же Господь Иисусъ всѣхъ насъ *не стыдится братіею нарицати* (Евр. 2, 11), всѣмъ намъ *даде область чадомъ Божиимъ быти* (Иоан. 1, 12): значить, и мы и ближніе наши—едино благодатное семейство единаго Отца любви. А если такъ, то тотъ *ложь есть, кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ* (1 Иоан. 4, 20); кто истинно любитъ Господа, тотъ не можетъ не любить ближнихъ своихъ, такъ-же какъ истинно любящій отца своего по

плоти, не можетъ не любить единокровныхъ себѣ братьевъ и сестеръ. Итакъ, любовь къ ближнимъ, или—что тоже—исполненіе воли Божіей—есть первый способъ выраженія нашей любви ко Господу. Другой способъ выраженія этой любви есть подражаніе жизни Господа. Вся жизнь Его—отъ яслей до гроба—представляетъ высочайшій, безпримѣрный, единственный образецъ для подражанія во всѣхъ отношеніяхъ: каждое дѣло, каждое слово Богочеловѣка глубоко поучительны и назидательны для всѣхъ и каждаго. Не достало-бы намъ времени, если-бы мы захотѣли представить все то, чему мы можемъ и должны подражать въ жизни Христа Спасителя. Посмотрите, напр., какъ удивительна Его нищета и убожество. Онъ родился въ нищетѣ и всю жизнь Свою провелъ въ крайней бѣдности: *мысы язвыны умуть и птицы небесныя шпзда, Сынъ-же человѣческій не имьтеть идъ главу подклонити* (Матѣ. 8, 20), сказалъ Онъ однажды человѣку, изъ честолюбія желавшему быть ученикомъ Его. Какъ удивительно Его повиновеніе Отцу небесному! *Мое брашно есть*, говорилъ Онъ ученикамъ своимъ, *да сотворю волю пославшаго Мя и совершу дѣло Его* (Іоан. 4, 34). Тяжка и ужасна была для Него та минута, когда Онъ представлялъ Себѣ тѣ страданія, которыя готовила Ему злоба іудеевъ, и потому Онъ молился: *Отче мой! аще возможно есть, да мимоидеть отъ Мене чаша сія*. Но, такъ какъ эта чаша предопредѣлена была Ему Отцомъ, то Онъ совершенно повиновался Его волѣ: *обаче не яко-же Азъ хощу, но яко-же Ты* (Матѣ. 26, 39), присовокушилъ Онъ. Не дивна-ли Его снисходительность къ величайшимъ грѣшникамъ? Нечего уже и говорить о томъ, что Онъ не гнушался ими, удостоивалъ ихъ особенной близости къ Себѣ, такъ что за это злоба мнимыхъ праведниковъ прозвала Его *ядцею и винопійцею, другомъ мытарей и грѣшниковъ* (Матѣ. 11, 19); довольно указать на одинъ особенно замѣчательный случай въ этомъ отношеніи. Однажды книжники и фарисеи приводятъ къ Нему женщину и обвиняютъ ее въ такомъ преступленіи, за которое, по закону, ее слѣдовало побить камнями, и спрашиваютъ Его: *Ты-же что на сіе глаголеши?* Но вотъ что глаголетъ имъ божественный Учитель: *иже есть безъ грѣха въ васъ, первѣе верзи камень на ню* (Іоан. 8). А не безпримѣрна-ли любовь Его къ врагамъ? *Отче, отпусти имъ* (Лук. 23, 24), взывалъ Онъ со креста къ Отцу своему, умоляя Его о своихъ распинателяхъ. Почему-же намъ не подражать по возможности симъ высокимъ добродѣтелямъ Господа нашего? А иначе—мы и не

выразимъ любви своей къ Нему: *многолики во Христѣ пребываютъ, говорить ближайшій ученикъ Его,—долженъ есть, якоже Онъ ходилъ есть, и сей такожде да ходитъ* (Іоан. 2, 6); *образъ даждь, да якоже Азъ сотворилъ вамъ, и вы творите* (Іоан. 13, 19), говорить Онъ самъ.

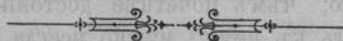
Высочайшій образъ выраженія нашей любви ко Господу есть участіе въ Его крестныхъ страданіяхъ,—участіе не холодное, а живое, дѣятельное. Это участіе тѣсно связано съ указанными нами прежде способами выраженія любви ко Господу: оно есть прямое слѣдствіе сихъ послѣднихъ. Кто истинно подражаетъ жизни Христа Спасителя, тотъ необходимо самымъ дѣятельнымъ образомъ участвуетъ въ Его страданіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое была вся жизнь нашего Господа отъ Виолеема до Голгофы, какъ не одна огромная цѣпь лишеній, бѣдствій, страданій всякаго рода? Значить, какую-бы черту этой жизни христіанинъ ни избралъ себѣ въ подражаніе, во всякомъ случаѣ оно не обойдется для него безъ страданія,—не обойдется уже по тому одному, что самая черта эта непременно запечатлѣна характеромъ страданія. Съ другой стороны, жизнь Христова, по самому существу своему, какъ разъ противоположна обычной жизни плоти и міра: поэтому подражатель Христовой жизни естественно становится во враждебное отношеніе и къ собственной своей плоти и къ окружающему его міру. Плоть и міръ, съ своей стороны, не могутъ выносить этого равнодушно: всѣми силами своими, подкрѣпленными еще силами адскими, они вооружаются противъ истиннаго ученика Христова. Плоть преслѣдуетъ его своими неразумными требованіями, міръ—своими соблазнами, насмѣшками, укоризнами, клеветами, презрѣніемъ, ненавистію; первая всегда волнуется своими страстями противъ всего, что носитъ на себѣ печать Христа и Его евангелія, второй—всегда ищетъ вины и лжесвидѣтельства, на подражателя Христова; міръ всегда способенъ найти законъ, въ силу котораго истинный ученикъ Христовъ *долженъ есть умереть* (Іоан. 19, 7); плоть всегда готова подтвердить этотъ мнимый законъ неистовымъ воплемъ: *возьми, возьми, распни Его* (Іоан. 19, 15). Вотъ отчего Спаситель обѣщалъ Своимъ послѣдователямъ такую скорбную участь въ жизни сей: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. 16, 33), *будете ненавидимы всеми—имене Моего ради* (Матѣ. 10, 22), говорилъ Онъ ученикамъ Своимъ. Вотъ отчего и *все, хотѣвшіи и хотящии благочестно жити о Христѣ Исусѣ, гоними были и всегда будутъ* (2 Тим. 3, 12).

Вотъ отчего истинный христіанинъ такъ часто изображается въ словѣ Божіемъ воиномъ Христовымъ. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, надо вынести ему тяжелыхъ подвиговъ борьбы и внутренней и внѣшней! Изъ этихъ-то подвиговъ и слагается тотъ *крестъ*, который долженъ *взять* всякій, кто только *хочетъ идти* по Христу (Мар. 8, 34). Возьми-же его, возлюбленный о Христу братъ, и неси безропотно до самой своей Голгофы. Иначе — ты не оправдаешь своей любви къ Спасителю: Онъ самъ говоритъ: *яже не носитъ креста своего, и всмѣль Мече грядеть, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 27).

Итакъ, мы узнали, что можемъ и должны воздать Господеви Спасителю нашему о всѣхъ, яже воздаде намъ. Спросимъ-же теперь свою совѣсть, пусть она скажетъ, воздаемъ-ли мы и воздавали-ль когда нибудь Ему то, что можемъ и должны? Любимъ-ли мы Его такъ, какъ Онъ возлюбилъ насъ? любимъ-ли ближнихъ нашихъ такъ, какъ Онъ повелѣлъ намъ? Подражаемъ-ли Его жизни, которой одной должны подражать? Принимаемъ-ли дѣятельное участіе въ Его страданіяхъ? Ради связаннаго за насъ по рукамъ Господа связали-ль мы руки свои отъ лихвы и корысти, отъ мзды неправедной? Ради удареннаго за насъ въ ланиту и оплеваннаго въ лице, научились-ли мы великодушно переносить оскорбленія, причиняемыя намъ иногда неосторожностію ближнихъ? Ради понесшаго на раменахъ своихъ великій и безмѣрно тяжелый крестъ для нашего спасенія, коснулись-ли мы хоть перстомъ *благую* *та и легкаго бремени* (Матѣ. 11, 30), — Его заповѣдей, для собственнаго-же нашего спасенія? Ради обнаженнаго за насъ, покрыли-ль наготу хоть одного безпріютнаго брата нашего? Ради распятаго за насъ, *распяли-ль плоть нашу со страстями и похотями*? (Гал. 5, 24). Ради вкусившаго за насъ оцетъ съ желчію, возбрали-ль устамъ нашимъ вкушать отъ потоковъ житейскихъ сладостей, отъ *кладенцовъ сокрушенныхъ* (Іерем. 2, 13)? Ради умершаго за насъ, умерли-ль міру съ его соблазнами, умертвили-ль „плоти нашей мудрованіе“ (тропарь 9-го часа), умерли-ль *грѣху*? (Рим. 6, 11). Коротко, давшему за насъ всего Себе, отдали-ль мы сердце наше? Ахъ, Господи! *Тебѣ правда, намъ-же стыдѣніе лица* (Дан. 9, 7). О, кто дастъ *главъ* нашей *воду и очесемъ* нашимъ *источникъ слезъ*, да *плачемся* не только *день и ночь* (Іер. 9, 1), но и всю жизнь нашу о нашемъ безчувствіи, жестосердіи и неблагодарности ко Господу!

Но, Господи, Господи! *Отгнми сердце каменное отъ плоти нашея и даждь намъ сердце плотяно* (Иезек. 36, 26), да сіе воздадимъ Тебѣ за вся, яже воздалъ еси намъ. Аминь.

(«Воскресное Чтеніе» 1867 г. № 55).

4.

СЛОВО

НА РОЖДЕСТВО СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА

Сегодня мы празднуемъ одинъ изъ величайшихъ праздниковъ христіанскихъ — Рождество Господа и Спасителя нашего, Иисуса Христа. 1868 лѣтъ тому назадъ, второе лице Пресвятыя Троицы, Сынъ Божій, сходитъ съ неба на землю, вселяется во утробу пречистой Дѣвы, и рождается отъ Нея подобнымъ намъ человѣкомъ. Великая, во вѣки непостижимая тайна! Она необходима была для нашего спасенія, и ее могла измыслить и привести въ дѣйствіе одна только безпредѣльная любовь Божія къ намъ грѣшнымъ! Пріискренивъ пріобщившись нашей плоти и крови, Христось Спаситель содѣлался самымъ близкимъ, роднымъ намъ; для того-же, чтобъ непрестанно продолжалось и все крѣпче утверждалось это родство Его съ нами и наше — съ Нимъ, — Онъ основалъ на землѣ Церковь Свою, и въ ней даруетъ намъ св. слово Свое, благодать Св. Духа, плоть и кровь Свою и другія таинственныя средства нашего общенія и единенія съ Собою. Вотъ почему въ св. Писаніи новаго завѣта христіане называются *присными*, т. е. своими, *Богу, чадами Божиими, избранными, святыми, друзьями, и братіями* Христа Спасителя, *наслѣдниками Богу, сонаслѣдниками Христу!* Какая высокая честь, какое великое счастье — быть въ родствѣ съ Господомъ Иисусомъ, а чрезъ Него и съ единосущными Ему — Богомъ Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ! *Блаженъ иже имѣтъ племя въ Сионѣ, и юзиги во Иерусалимѣ* (Иса. 31, 9), — восклицалъ нѣкогда пророкъ: несрав-

ненно блаженнѣ мы, христіане, имѣющіе южики во Іерусалимѣ не земномъ, а небесномъ, и притомъ не людей простыхъ, а самыя Лица Божества! Слава Тебѣ, Отче, Сыне и Душе Святый! слава Тебѣ, Троице Пресвятая, благоволившая тако!

Но, братіе мои и други, чѣмъ выше честь, тѣмъ больше нужно дорожить ею; чѣмъ почетнѣе достоинство, тѣмъ внимательнѣе нужно быть къ нему: нужно всегда *ходить*, или жить, *достойно своего званія*, чтобъ не лишиться его. Со стороны Господа сдѣлано все, что только можно и нужно было сдѣлать, для поддержанія нашего родства съ Нимъ: но все-ли нужное для этого дѣлается съ нашей стороны? Всегда-ли мы дорожимъ, всегда-ли даже помнимъ это наше высокое достоинство и назначеніе? Всегда-ли живемъ достойно нашего небеснаго званія?

Однажды, когда Спаситель въ храмѣ училъ народъ, сказали, что Его хотятъ видѣть и ожидаютъ мать и братья. Спаситель, взглянувъ на окружающій Его народъ, сказалъ: *се Мати Моя и братія Моя: иже бо иже сотворитъ волю Божию сей братъ Мой, и сестра Моя, и мати Ми есть* (Мар. 3, 34, 35). Эти слова показываютъ, какое главное условіе нужно для того, чтобъ сохранить нерушимымъ наше родство съ Господомъ,—они внушаютъ, что для этого нужно творить волю Божию.

Что-же? Творимъ-ли мы волю Божию? На этотъ важный вопросъ пусть отвѣтитъ каждому изъ насъ его совѣсть. Мы только укажемъ здѣсь то начало, руководясь которымъ, она можетъ отвѣтитъ каждому безошибочно.

Творить волю Божию—значитъ жить такъ, какъ учить слово Божіе. Какъ-же и чему оно учить? Сущность всего, чему учить слово Божіе, выражена коротко въ слѣдующихъ словахъ евангелія: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею... и искренно твоею, яко самъ себя. Въ сихъ двухъ заповѣдяхъ весь законъ и пророцы* (Мат. 22, 37—40), вся сила и сущность всего писанія, вся воля Божія. Новый завѣтъ есть исключительно завѣтъ любви; въ немъ Господь Богъ нашъ открылъ Себя какъ любовь, такъ что апостолъ Іоаннъ не нашелъ лучшаго имени для Бога, какъ назвавъ Его любовію: *Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 9), говоритъ онъ. Любовь къ человѣку низвела Сына Божія съ неба на землю; любовь управляла и руководила всѣми Его дѣйствіями: любовь-же вознесла Его, наконецъ, на крестъ. Какое-же слово, какое ученіе, какая воля нашего Спасителя, какъ не слово, ученіе, воля о люб-

ви? *Сія заповѣдую вамъ, да любите другъ друга; заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 15, 17), неоднократно говорилъ Онъ ученикамъ Своимъ, въ послѣдней прощальной бесѣдѣ съ ними, предъ Своими страданіями, и вообще ничему такъ настойчиво не училъ ихъ и словомъ и примѣромъ, какъ любви; ничего такъ неотступно не заповѣдалъ имъ, какъ заповѣдь о любви. Апостолы, въ свою очередь, сильно настаивали на эту заповѣдь въ своихъ бесѣдахъ и посланіяхъ: одинъ изъ нихъ, по преданію, въ глубокой старости, вмѣсто всякихъ наставленій и завѣщаній, только это и говорилъ своимъ ученикамъ: „чада моя, любите другъ друга!“ Явивъ въ себѣ совершеннѣйшіе образцы любви первенствующимъ христіанамъ, тѣ передали его слѣдовавшимъ за ними, и т. д. до нашихъ дней. Всѣ постановленія и учрежденія Церкви, всѣ ея таинства и обряды суть не что иное, какъ выраженіе любви Божіей къ намъ; всѣ наши мысли, чувства, желанія и стремленія, вся наша жизнь и дѣятельность должны быть не инымъ чѣмъ, какъ выраженіемъ нашей любви къ Богу. Да и можетъ-ли быть иначе? Христосъ Спаситель, совершивъ въ естествѣ человѣческомъ дѣло нашего спасенія, примирилъ, соединилъ, породнилъ небо съ землею, божество съ человѣчествомъ; а самое прямое, естественное и почти неизбѣжное чувство, связующее родственныя отношенія,—есть любовь. Итакъ, вотъ то начало, тотъ признакъ, по которому совѣсть каждаго изъ насъ можетъ безошибочно рѣшить, творимъ-ли мы волю Божію, и потому—въ родствѣ-ли мы съ Господомъ, или нѣтъ? Если мы любимъ Господа нашего болѣе всего на свѣтѣ, и ближняго нашего—какъ самихъ себя,—благо намъ: мы дѣти Божіи, мы друзья и братья Христовы. Если-же совѣсть наша не смѣетъ увѣрять насъ въ этомъ,—значитъ мы потеряли благодать усыновленія Богу, не подорожили нашими безцѣнными правами и преимуществами: мы не дѣти Божіи, а рабы лукавые,—не други и братья Христа, а противники Его.

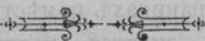
Любовь къ Богу не есть только соблюденіе извѣстныхъ церковныхъ обычаевъ и приличій—посѣщеніе храмовъ, соблюденіе постовъ и т. п., не есть также благоговѣйное чувство, заставляющее насъ подчасъ вздохнуть и вознестись сердцемъ горѣ... Любовь къ ближнему тоже не есть только естественное чувство расположенности къ извѣстнымъ лицамъ, состраданія къ страждущимъ и т. д. Все это—прекрасно и входитъ въ полноту любви христіанской; но далеко не исчерпываетъ всей ея глубины, не

достигаетъ всей высоты, не проникаетъ всей ея широты. Любовь, любящая не словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истиною, не ограничивается только воздыханіями и желаніями; она—не минутное только расположеніе и влеченіе, а—начало, сосредоточіе и конецъ, словомъ—душа всей жизни и дѣятельности христіанина. Проникнутый ею человѣкъ нигдѣ не видитъ, ни въ чемъ не ищетъ своего; ничего не предпринимаетъ, ничего не дѣлаетъ исключительно для себя: что-бы онъ ни думалъ, что-бы ни дѣлалъ, въ какихъ-бы обстоятельствахъ ни находился, всегда и вездѣ у него въ виду слава Божія и счастье ближняго. Если-бы нужды любви того потребовали, онъ съ радостію готовъ пожертвовать имъ своею славою, своею честію, своими привязанностями, своимъ имуществомъ, наконецъ своею жизнію. Такова-ли наша любовь къ Богу и ближнему?

Нѣкогда іудеи, состязаясь со Христомъ Спасителемъ, хвалились предъ Нимъ своимъ родствомъ съ Авраамомъ; Спаситель отвѣчалъ имъ на это: *аще чада Авраамля бысте были—дѣла Авраамля бысте творили*. Когда потомъ тѣже іудеи, возражая Спасителю, упомянули о своемъ родствѣ съ Богомъ: мы дѣти Божіи, одинъ Богъ нашъ отецъ,—Спаситель опять замѣтилъ имъ на это: *аще-бы Богъ отецъ вашъ былъ, любили убо бысте Мене, Азъ бо отъ Бога изыдохъ и придохъ*. Затѣмъ Онъ открылъ имъ, что будучи по плоти чада Авраамовы и по происхожденію дѣти Божіи, по своимъ дѣламъ и поведенію, они стали дѣтьми діавола: *вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хотите творити* (Іоан. 8, 33—44). Какъ-бы и нѣкоторымъ изъ насъ, братіе, не услышать отъ Спасителя этого страшнаго слова! Какъ-бы и намъ, возвеличеннымъ честію и славою чадъ Божіихъ и сонаслѣдниковъ Христовыхъ, не явиться, по жизни и поведенію нашему, дѣтьми врага Божія! А это такъ легко, потому что и мы не только хотимъ творити, но нерѣдко, къ сожалѣнію, и на самомъ дѣлѣ творимъ похоти діавола! Не хочется мнѣ омрачать свѣтлости настоящаго праздника подробнымъ перечисленіемъ здѣсь тѣхъ похотей діавольскихъ, на которыя мы такъ падки и которыя такъ глубоко унижаютъ наше достоинство, изъ сыновъ Божіихъ дѣлая насъ сынами діавола. Я только замѣчу, что, какъ будто нарочно, именно въ праздники, подобные настоящему, мы охотнѣе всего и предаемся этимъ похотямъ, прилагаясь нерѣдко скотомъ несмысленнымъ и уподобляясь имъ.

Да не будетъ-же сего между нами, братіе, и въ праздникъ сей, и во вся дни живота нашего. Отвергнемъ отъ себя всѣ похоти злыя, всѣ дѣла темныя и нечистыя, а вмѣсто того, постараемся имѣть истинную, глубокую и полную любовь къ Богу и ближнимъ. Тогда и въ сей жизни мы постоянно пребудемъ въ тѣсномъ родственномъ союзѣ съ Господомъ Богомъ, и въ будущей удостоимся вѣчнаго, блаженнаго единенія съ нимъ. Аминь.

(«Руководство для Сельск. Паст.» 1868 г. № 53).

5.

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ ТРЕТЬЕЙ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

И шедъ (Иуда) глагола архіереомъ и возводамъ, како Ею предасть имъ. И возрадовашася, и совѣщаша ему сребреники дати. И обѣщася, и искаше удобна време, да предасть Ею имъ (Лук. 22, 4—6).

Вотъ до чего довела несчастнаго Иуду страсть сребролюбія! Возведенный Господомъ на высокое достоинство апостола, принятый въ число ближайшихъ Его учениковъ и сотрудниковъ, друзей и таинниковъ, три года видѣвшій самые поразительные опыты необыкновенной мудрости, несказанной правды и благости, безпредѣльной любви и милости своего Учителя и Господа; Иуда забываетъ все это, идетъ къ врагамъ своего Учителя и обѣщается выдать Его имъ, а потомъ, улучшивъ удобное время, совершаетъ и самое предательство за извѣстную сумму. Чудное, удивительное дѣло! Тридцать сребренниковъ (немного больше нашихъ 15-ти рублей),—и изъ-за этого забыть и вѣроломно предать несравненнаго благодѣтеля и друга, а потомъ погубить и душу свою... Боже нашъ! до чего только можетъ дойти человѣкъ водимый страстію!

Братіе-христіане! Страсть Іудина, къ несчастію, быстро и широко распространяется въ человѣческихъ обществахъ. Жажда денегъ, любовь къ золоту, стремленіе къ обогащенію, какимъ-бы то ни было путемъ и образомъ, едва-ли не самая главная болѣзнь нашего времени. Величайшій изъ проповѣдниковъ христіанскихъ, св. Іоаннъ Златоустъ, такъ изображалъ нѣкогда состояніе современнаго ему общества: „одинъ окрадываетъ поля, другой похищаетъ чужихъ рабовъ; одинъ судится съ сосѣдомъ о водѣ, другой ссорится о воздухѣ съ живущимъ съ нимъ въ одномъ домѣ; одни спорятъ о границахъ помѣстій, другіе заводятъ тяжбу о строеніяхъ; одинъ силится получить то, чего не давалъ, другой не хочетъ отдать того, что взялъ; одинъ не удовлетворяется процентами, другой старается отнять даже самый капиталъ; одинъ стенаетъ отъ бѣдности, другой не знаетъ себѣ покоя отъ богатства; неимущаго презирають, на зажиточнаго злоумышляютъ. Деньги сдѣлали и жизнь безжизненною; за деньги мы продаемъ даже свободныя стихіи: дороги отданы на откупъ, земля раздѣлена на участки, воды принадлежать владѣльцамъ, назначена цѣна и воздуху... Богатые чахнутъ отъ хлопотъ, ростовщики сохнутъ отъ заботъ; хищники всюду производятъ смятенія, сребролюбцы толпятся въ судебныхъ мѣстахъ; кушцы стараются нажитья бѣдою другихъ; клеветники торгуютъ ложью.“ (Бес. на слова: *всѣ мятется всякъ человекъ*). Думаемъ, не ошибемся, если скажемъ, что мрачная картина эта, главнымъ фономъ которой служить страсть сребролюбія, можетъ идти и къ нашему времени. Поэтому считаемъ не безвременнымъ — въ эти спасительныя дни поста и покаянія, особенно въ эти свящ. минуты, посвященныя нарочитому воспоминанію преданнаго на тридцати сребренницѣхъ и пострадавшаго за насъ Господа, обратить вниманіе наше на эту страсть, чтобъ, по возможности, возбудить въ сердцахъ нашихъ достойное ея отвращеніе.

Корень всѣхъ злыхъ сребролюбіе есть (1 Тим. 6, 10), говоритъ апостолъ Христовъ, — и немного нужно прозорливости, чтобъ видѣть всю справедливость этого изрѣченія. Сребролюбіе какъ паутиною опутываетъ всѣ пути и пружины житейскія, и какъ ядомъ отравляетъ всѣ связи и отношенія человѣческія. Тамъ оно проявляется взяточничествомъ, здѣсь ростовщичествомъ; тамъ скупостію, здѣсь безумною роскошью и расточительностію; тамъ грубымъ и открытымъ воровствомъ и грабительствомъ, здѣсь — болѣе тонкимъ, искуснымъ, мнимо-благороднымъ. Имъ и

для него совершаются самыя гнусныя измѣны, самыя безчеловѣчныя злодѣйства, и совершаются не вслѣдствіе минутнаго увлеченія, не послѣ долгой и упорной борьбы, но съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ, обдуманно и разсчитанно, нерѣдко съ изумительнымъ искусствомъ, съ геніальною изобрѣтательностію. Не напрасно тотъ-же апостолъ въ другомъ мѣстѣ называетъ сребролюбіе—*идолослуженіемъ*, а сребролюбцевъ—*идолослужителями* (Кол. 3, 5; Еф. 5, 5): какихъ только жертвъ не приносятъ они своему идолу! Нерѣдко ему приносится въ жертву долгъ, честь, совѣсть, самыя дорогія привязанности, словомъ—все великое, все священное.. Но укажемъ на нѣкоторые примѣры подобнаго рода. Сребролюбивые, скупые родители лишаютъ должнаго содержанія и приличнаго воспитанія своихъ дѣтей, и тѣмъ дѣлаютъ участь ихъ, быть можетъ, на вѣки несчастною. Сребролюбивыя дѣти нерѣдко встаютъ противъ естественныхъ внушеній дѣтской любви, признательности и уваженія къ родителямъ,—требуютъ себѣ достойной, а чаще недостойной части отцовскаго имѣнія, расточаютъ его, а потомъ расхищаютъ до конца и послѣднее достояніе несчастныхъ стариковъ-родителей. Сребролюбцы братья, дяди и племянники, зятья и тести, вообще родичи, часто изъ-за самаго незначительнаго клочка земли, или тряпья какого, разрываютъ между собою родственныя связи и отношенія, затѣваютъ тяжёбые процессы, дѣлаются непримиримыми врагами другъ другу, иногда до самаго гроба. Сребролюбцы-хозяева и господа обращаются съ своими слугами и рабочими, какъ иной добрый человѣкъ не обращается и съ своею скотиной,—не даютъ знать имъ ни отдыха, ни покоя, ни праздника святаго, ни дня Господняго... Отъ кружка семейнаго, домашняго перейдемъ къ союзу общественному, гражданскому, и посмотримъ, что здѣсь производитъ сребролюбіе. Сребролюбець-опекунъ, вмѣсто того, чтобъ замѣнять для сиротъ отца, для чего онъ и поставляется благодѣтельнымъ правительствомъ, только озлобляетъ сира и уморяетъ вдовицу, до конца добываетъ и безъ него уже убитыхъ горемъ. Сребролюбець-врачъ, призванный быть другомъ и благодѣтелемъ страждущаго человѣчества, нерѣдко нарочито развиваетъ и усиливаетъ болѣзнь врачуемаго имъ, чтобъ пришлось долѣе лечить ее, и вмѣстѣ съ жизненными соками вытянуть изъ больного побольше серебра и золота. Сребролюбець-военачальникъ, на коемъ въ мирное время почиваетъ много добрыхъ чаяній и надеждъ цѣлаго народа, нерѣдко готовъ бываетъ, изъ страсти къ своему при-

бытку, забыть свой долгъ, присягу, царя и отечество,—и гибнуть цѣлыя сотни и тысячи ввѣренныхъ его военачальству отъ голода, отъ стужи, отъ болѣзни, отъ предательства и проч. Сребролюбець-градоначальникъ даетъ въ своемъ городѣ убѣжище недобрымъ людямъ разнаго рода, ворами и разбойникамъ за условленную плату отъ нихъ; часто придирается, то подъ тѣмъ, то подъ другимъ благовиднымъ предлогомъ, къ состоятельнѣйшимъ изъ гражданъ и т. п. Сребролюбець-судья за деньги бѣлое дѣлаетъ чернымъ и черное бѣлымъ, обвиняетъ невиннаго и оправдываетъ злодѣя,—вообще на вѣсахъ его правосудія та сторона перетягиваетъ другую, на которую больше положено золота, какова-бы она ни была сама въ себѣ. Сребролюбець... но можно-ли пересказать все зло, производимое сребролюбіемъ и сребролюбцами? Отъ сребролюбія происходитъ обманъ въ торговлѣ, примѣсь и поддѣлка, обвѣшиванье и обмѣриванье, запрашиванье въ три дорога за покупаемый товаръ; отъ него-же происходятъ азартныя игры со всѣми ихъ недобрыми послѣдствіями, разныя безумныя предпріятія и отчаянные риски, а потомъ злостныя банкротства; ему-же обязаны своимъ происхожденіемъ подложныя завѣщанія, поддѣльныя подписи, дѣланье фальшивой монеты и проч. и проч. Вообще, кажется, нѣтъ и не можетъ быть зла, на которое не рѣшился-бы сребролюбець,—нѣтъ жертвы, которой онъ не принесъ-бы, если то нужно, своему золотому тельцу;—и если бы только (отъ чего да сохранить насъ Господь!) все извѣстное общество заразилось этою несчастною страстію и начало жить и дѣйствовать по ея требованіямъ,—о, это былъ-бы настоящій адъ.

Но не однимъ только людямъ, стоящимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ сребролюбцу, дѣлаетъ столько зла сребролюбіе: сколько сребролюбець дѣлаетъ зла другимъ, столько-же, если не больше еще, сребролюбіе дѣлаетъ зла ему самому. Если сребролюбець есть врагъ благоденствія и довольства, мира и спокойствія ближнихъ своихъ, то сребролюбіе—такой-же точно врагъ благоденствія и довольства, мира и спокойствія самого сребролюбца. И всякая страсть, овладѣвши человѣкомъ, дѣлаетъ его жалкимъ рабомъ и плѣнникомъ своимъ, такъ что онъ какъ-бы ничего другаго не видитъ и не слышитъ, не знаетъ и не хочетъ знать, кромѣ одной этой своей страсти и ея удовлетворенія. Но о страсти сребролюбія это нужно сказать по-преимуществу: мы сейчасъ только видѣли, къ какимъ ужаснымъ порокамъ и злодѣяніямъ понуждаетъ она своего плѣнника, какихъ жертвъ

требуетъ она отъ своего раба; такихъ великихъ жертвъ не требуетъ и къ такимъ ужаснымъ злодѣяніямъ не приводитъ человѣка никакая другая страсть. А между тѣмъ, съ другой стороны, труднѣе всего человѣку отстать отъ этой страсти, труднѣе всего сребролюбцу освободиться отъ своего мучительнаго рабства. Почему такъ? А вотъ почему. Во-первыхъ, человѣкъ, преданный другимъ страстямъ и порокамъ, напр. пьяница, плотоугодникъ, большею частію сознаетъ, что онъ дѣйствительно преданъ пороку и что это дурно и опасно, почему и подумываетъ исправиться; но сребролюбецъ рѣже всего сознаетъ, что онъ преданъ именно пороку и что это дурно и опасно. Большею частію бываетъ такъ, что сколько-бы онъ ни гонялся за взятками и барышами, какъ-бы подчасъ ни кривилъ изъ-за денегъ своей душой,—ему все кажется, что этимъ онъ только добываетъ кусокъ хлѣба, обезпечиваетъ себя и свое семейство, стало быть—поступаетъ честно, законно, благородно. Будучи въ такомъ самообольщеніи, онъ, конечно, никогда и не подумаетъ, что въ немъ гнѣздится страсть и что нужно-бы подавить ее скорѣе. Преданнаго другимъ страстямъ и порокамъ, если-бъ онъ и находился въ такомъ самообольщеніи, могутъ навести на умъ другіе,—сдѣлать ему замѣчаніе, наставленіе, подвергнуть его порокъ осмѣянію и проч. Но съ сребролюбцемъ поступить такъ рѣже всего рѣшаются люди: одни его боятся, какъ человѣка богатаго и сильнаго; другіе ему завидуютъ, какъ человѣку счастливому; всѣ-же вообще, хотя въ душѣ иногда и ненавидятъ его, но по разнымъ побужденіямъ и расчетамъ готовы скорѣе льстить ему и заискивать его, чѣмъ сказать ему горькую правду. Дальше,—преданный другимъ страстямъ и порокамъ часто въ самомъ удовлетвореніи имъ находятъ много такого, что заставляеть его образумиться; пьяница, напр., допьется до сумашествія, преданный разврату окончательно испортитъ свое здоровье, и хоть тутъ остановится. Но съ сребролюбцемъ почти ничего такого не можетъ случиться. Удастся ли счастливо задуманное имъ рискованное предпріятіе,—онъ и впредь никогда не покинетъ его; не удастся,—онъ снова и снова не престанетъ пробовать его, какъ обѣщающее такой счастливый исходъ и такой богатый плодъ. Наконецъ (и это самое главное) другія страсти даютъ своимъ плѣнникамъ хоть кратковременный отдыхъ, знаютъ хоть какое нибудь удовлетвореніе, и по удовлетвореніи затихаютъ на время. Но страсть сребролюбія не знаетъ отдыха, не умѣетъ удовлетворяться, никогда не утихаетъ.

Любятъ серебро не насытятся сребра (Еккл. 5, 9),—говорить и слово Божіе и опытъ. Достигъ сребролюбець одного, и уже недоволенъ и желаетъ другаго; получилъ другое,—мало, думаетъ, вотъ еслибъ достигъ того-то и того; достигъ этого, и опять находитъ, что и этого мало и опять стремится къ новому, и опять недоволенъ, и такъ все у него: стремленія и предпріятія, недовольства и разочарованія.. Понятно, отчего это такъ. Сердце наше вообще не можетъ быть насыщено ничѣмъ земнымъ, временнымъ, тлѣннымъ, потому что оно не земнаго происхожденія и назначенія: дайте ему хоть и весь міръ со всѣми его благами, оно и тогда не будетъ довольно, потому что оно совсѣмъ не того просить, совсѣмъ иного хочетъ. Но сребролюбець думаетъ насытить его серебромъ и золотомъ, или-же покупаемыми на его вѣсь благами, радостями и удовольствіями: понятно, что оно не только не насытится, не удовлетворится, не успокоится, а только больше еще почувствуетъ отъ этого свою вѣчную жажду. Эта жажда, эта неудовлетворяемость сердца заставляетъ богатаго сребролюбца измышлять все новыя и новыя и все напрасныя средства ея удовлетворенія. И до какого только безумія не доходитъ онъ иногда на этомъ пути? До безконечности разнообразить удовольствія и наслажденія жизни; изобрѣтаетъ множество новыхъ, самыхъ неестественныхъ нуждъ и потребностей; до баснословнаго доводитъ свои расходы на столъ, на одежду, на прислугу и проч. такъ что тамъ, гдѣ иной обошелся-бы десятками рублей, ему мало сотенъ и даже тысячъ. А въ душѣ—все таки пусто, а въ сердцѣ еще болѣе жгучая жажда!—Въ такомъ-то безвыходномъ рабствѣ держитъ своего плѣнника страсть сребролюбія. Это страшное рабство, это жалкое направленіе всѣхъ силъ и способностей, всей жизни и дѣятельности на служеніе одному идолу,—эта вѣчная алчба и жажда и вѣчная ненасыщаемость ничѣмъ не даютъ сребролюбцу мира душевнаго и спокойствія сердечнаго, дѣлаютъ его неспособнымъ къ обыкновеннымъ радостямъ жизни, терзаютъ, мучатъ его среди всѣхъ видимыхъ удовольствій и наслажденій, дѣлаютъ его безчувственнымъ, мрачнымъ, суровымъ, ненавидящимъ всѣхъ и все, кромѣ денегъ. Вотъ какъ изображаетъ его состояніе св. Іоаннъ Златоустъ. «Сребролюбець,—говорить,—продаетъ самъ себя и скитается, враждуя противъ цѣлой вселенной. Скорбитъ, что земля вмѣсто класовъ, источники вмѣсто воды, горы вмѣсто камней не приносятъ ему золота. Для него богатство всего предпочтительнѣе, деньги вождѣлннѣе солнечнаго свѣта:

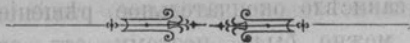
непріятно ему небо, потому что не приноситъ золота; не радуется солнце, потому что испускаетъ незолотые лучи; огорчаетъ его плодородіе года, печаленъ онъ при видѣ общаго благосостоянія. Всѣхъ ненавидитъ—и бѣдныхъ, и богатыхъ: бѣдныхъ изъ опасенія, что прійдутъ и станутъ просить у него милостыню, а богатыхъ за то, что ихъ богатство не ему принадлежитъ. Ему думается, что всѣ владѣютъ его собственностію, и, какъ всѣми обиженный, на всѣхъ негодуетъ (на Матѣ. Бес. 80 и 83). Ужасное состояніе!

Но зло сребролюбца не оканчивается предѣлами настоящей жизни.... Онъ всю жизнь свою служилъ не Богу живому и истинному, а мамонѣ; не Христу—Спасу душъ нашихъ, а золотому тельцу и своему чреву: можетъ ли онъ послѣ этого имѣть часть съ вѣрными въ царствіи Божіемъ? Съ другой стороны, сколько ему пришлось въ жизни обидѣть людей, сдѣлать неправдъ, насилій, притѣсненій и т. п.,—и за все это онъ долженъ будетъ отдать теперь отчетъ предъ неумытнымъ Судією! Тамъ слезы вдовъ и сиротъ, озлобленныхъ имъ, тамъ *мзда дѣлателей, удержанная имъ*, здѣсь неповинная кровь, пролитая имъ или другими въ угоду его корысти,—все это вопіетъ на небо... Другой грѣшникъ, преданный другимъ страстямъ и порокамъ, можетъ отвратить отъ себя праведный гнѣвъ Божій, заслуженный его беззаконіями, дѣлами благотворенія, любви и милосердія къ ближнимъ, милостыней: *тая бо отъ смерти избавляетъ и очищаетъ всякъ грѣхъ* (Тов. 12, 9). *Милости хощу, а не жертвы*,—говорилъ неоднократно Господь (Осін 6, 6). *Дадите милостыню, и се вся чиста вамъ будутъ* (Лук. 11, 41),—говорилъ самъ грядущій Судія живыхъ и мертвыхъ фарисеямъ, и, изображая Свой страшный судъ, показавъ, что только *милостивіи помиловани будутъ: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ*, говоритъ Онъ, *Мнѣ сотвористе* (Матѣ. 25, 40). Но сребролюбцу, къ несчастію, меньше всего доступно это средство примиренія съ правдою Божією и спасенія: сребролюбіе *затворяетъ его утробу* (1 Іоан. 3, 17) для ближнихъ, отнимаетъ у него почти самую возможность благотворенія. Какъ въ самомъ дѣлѣ сребролюбцу напитать алчущаго, напоить жаждущаго, принять страннаго, одѣть нагата, когда для всего этого нужны расходы и издержки, а онъ пуще всего этого боится? Зачѣмъ ему посѣщать больнаго и заключеннаго, когда въ больницѣ и въ темницѣ ему не предстоитъ получить ни одной денги, а скорѣе его станутъ просить здѣсь о помощи и пособіи?

Будемъ, братіе, внимательны къ себѣ, чтобы не дать въ сердцѣ укорениться такой опасной страсти, какъ сребролюбіе. Если въ вашу душу уже заровилась искра этой страсти, и вы окомъ завистливымъ начинаете посматривать на богатство и роскошь, и съ радостію и жадностію ищете случаевъ къ обогащенію себя,—вспомните, что *хотящій богатится впадаетъ въ напасть и сътъ, и въ похоти многи несмысленны и вреждающія, яже погружаютъ чловѣка во всегубительство и погубель* (Тим. 6, 9).—вспомните, что вы вступили уже на тотъ опасный путь, который кажется людямъ прямымъ и ровнымъ, широкимъ и удобнымъ, но конецъ котораго приходитъ и приводитъ прямо во дно адово, и остановитесь во время. Зачѣмъ вамъ засматриваться на живущихъ въ богатствѣ и роскоши. Подумайте лучше, сколько есть такихъ, которые васъ считаютъ счастливыми и, быть можетъ, не меньше васъ завидуютъ вашей долѣ,—сколько такихъ, которые должны довольствоваться самою простою пищею, самымъ скуднымъ одѣяніемъ,—сколько, наконецъ, есть совершенно *нагихъ и лишенныхъ даже дневныхъ пищи* (Іак. 2, 15);—и, сами *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни* будите (1 Тим. 6, 8). Воспомните при этомъ о нашемъ призваніи, о нашемъ неземномъ назначеніи. Не для этой жизни рождены мы, не здѣсь и конецъ нашъ. *Мы отъ Бога есмь* (1 Іоан. 4, 6), а *не отъ міра* (Іоан. 15, 19); *житіе наше на небсѣхъ есть* (Филип. 3, 20); мы *причастницы званія небснаго* (Евр. 3, 1); *предназначены въ сожители святымъ и въ присные Богу* (Еф. 2, 19), въ *наследники Богу и сонасльдники Христу* (Гал. 4, 7). Сообразно-ли же съ такимъ несравненно высокимъ призваніемъ и назначеніемъ—привязываться всѣмъ существомъ своимъ къ какой-нибудь мнимо-дорогой пыли, къ какому-нибудь бездушному металлу? Благоразумно-ли изъ-за этой привязанности ни во что вмѣнять ваше несравненное благородство и достоинство, которымъ восхотѣлъ почитать насъ, по одной безпредѣльной любви Своей къ намъ, милосердый Господь нашъ? Помня всегда это,—если вы богаты, пользуйтесь своимъ богатствомъ во славу Божию, во благо и счастье вашихъ ближнихъ и для вашего собственнаго нравственнаго усовершенствованія, но *не прилагайте къ нему сердца* вашего, не обращайтесь въ цѣль и послѣднее благо вашей жизни, не дѣлайте изъ него идола, иначе вамъ нельзя уже будетъ угодить Господу: *не можете бо, сказано, Богу работати и мамонѣ* (Матѳ. 6, 24). Если же вы бѣдны, то *не уповайте на неправду и на восхищеніе не желайте* (Псал. 61, 11). *Ничтоже внесохомъ въ міръ*

сей, явь, яко ниже изнести что можемъ (2 Тим. 6, 7); *наши изыдохомъ отъ чрева матери нашей, наши и отыдемъ* отсюда (Іов. 1, 21). Сребро и золото не поидеть съ нами въ ту жизнь и не *возможетъ изъяти насъ въ день гнѣва Господня* (Соф. 1, 18); съ нами и за нами пойдутъ только дѣла наши, и тамъ или оправдять, или осудятъ насъ на вѣки. Аминь.

(«Труды Кіевской дух. академіи» 1867. Апрель).

6.

СЛОВО

О СУДѢ ПИЛАТА И О ПОДРАЖАТЕЛЯХЪ ЕМУ ¹⁾.

Въ исторіи страданій и крестной смерти Господа нашего Иисуса Христа каждая отдѣльная черта, каждое малѣйшее событіе, по своей знаменательности и назидательности, можетъ составить собою предметъ нарочитаго церковнаго собесѣдованія. Въ настоящій разъ изъ всей этой знаменательной исторіи мы обратимъ вниманіе ваше лишь на одно обстоятельство,—на осужденіе Иисуса Христа Пилатомъ, и въ немъ поищемъ уроковъ для общаго нашего назиданія.

Шумно волнуется народъ іудейскій. Дѣлюю ночь водить онъ своего Господа связаннымъ по улицамъ и стогнамъ города, отъ одного судилища къ другому, отъ другаго къ третьему; на судилищахъ безсовѣстно клевететь, явно лжесвидѣтельствуеть на Него и открыто и нагло требуетъ Его казни. Слѣпая толпа то и дѣло кричить: *возьми, возьми, распни его!* Лукавые первосвященники и старѣйшины съ гордою важностію долагаютъ: *мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умереть.* Постоянные ученики Его, могшіе быть лучшими свидѣтелями о Немъ на судѣ,

¹⁾ Сказано въ Кіево-Братскомъ монастырѣ при воспоминаніи страданій Иисуса Христа (на пассію).

въ страхѣ и ужасѣ разбѣгаются, оставивъ Его на волю враговъ, на произволь судьбы. Среди всей этой суматохи одинъ только Пилать, повидимому, безпристрастно относится къ дѣлу. Онъ прямо и неоднократно свидѣтельствуеъ, что въ обвиняемомъ онъ не находитъ рѣшительно никакой вины; мало того: онъ даже принимаетъ нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобъ какъ нибудь успокоить народную ярость и злобу и покончить это дѣло безъ пролитія невинной крови. Пилать былъ главнымъ начальникомъ Иудей; отъ него зависѣло окончательное рѣшеніе судебного дѣла надъ Иисусомъ; можно было, поэтому, отъ его безпристрастнаго голоса и принятыхъ имъ мѣръ ожидать совѣтъ иного обора для неправаго дѣла. Но... извѣстно, чѣмъ и какъ кончилось это дѣло: тотъ-же самый Пилать подписалъ смертный приговоръ Тому, въ Комъ не находилъ никакой вины, и осудилъ на казнь злодѣя Того, Кого самъ призналъ праведникомъ.—Что-жъ это значить? Что заставило этого, доселѣ такъ разсудительнаго и безпристрастнаго судью, вдругъ перемѣниться въ отношеніи къ Подсудимому и поступить съ Нимъ вопреки своимъ убѣжденіямъ, противъ своей собственной совѣсти? Евангелистъ говоритъ, что Пилать до тѣхъ поръ отклонялъ свой приговоръ надъ Иисусомъ, пока Иудей не представили такого возраженія: *еще сею пустиши, нѣси друтъ Кесареви* (Іоан. 19, 12); другой евангелистъ замѣчаетъ, что Пилать осудилъ Иисуса Христа на распятіе, *хотя народу хотѣніе сотворити* (Мар. 15, 15). Итакъ—вотъ что заставило Пилата безсовѣстно поступить съ Иисусомъ: онъ хотѣлъ угодить этимъ своему начальству и народу,—боялся потерять благосклонность къ себѣ и Кесаря римскаго и общества Иудейскаго, въ случаѣ несогласія съ лукавою волею синедріона. Угодничество и ласкательство побудили его рѣшиться на безсовѣстный поступокъ, и, обманывая себя и другихъ, онъ только умываетъ руки передъ народомъ, въ знакъ своей мнимой невинности въ безчестномъ дѣлѣ!

Нечего грѣха таить, братіе: и нашими дѣйствіями и отношеніями къ ближнимъ очень часто заправляетъ тоже чувство угодливости, какое было въ Пилатѣ, и также часто побуждаетъ и заставляеъ насъ дѣйствовать противъ долга, противъ чести, противъ совѣсти, нерѣдко—прямо ко вреду и гибели другихъ. Казалось-бы чувство угодливости меньше всего способно вредить людямъ: вѣдь на то оно и чувство угодливости, что хотеть угождать людямъ; но на дѣлѣ, большею частію, выходитъ со-

всѣмъ напротивъ. Это оттого, что въ основѣ его лежитъ обыкновенно не любовь христіанская, а самолюбіе человѣческое,—не самоотверженіе евангельское, а лукавая самоугодливость; поэтому оно ищетъ угодить, главнымъ образомъ, самому себѣ, и если угождаетъ другимъ, то не всѣмъ и каждому, а лишь нѣкоторымъ, и не такъ себѣ просто, безъ ничего, а непременно съ какою нибудь заднею цѣлью: угодить-же самому себѣ и еще кой-кому другому часто можно лишь вредя другимъ. Вы, напримѣръ, почему-бы тамъ ни было, близки къ своему начальнику. Кто-бы и каковъ-бы ни былъ вашъ начальникъ, все-же, какъ человѣкъ, онъ можетъ ошибаться, можетъ имѣть свои пристрастія, предубѣжденія. Вы очень хорошо видите и знаете, что вашъ начальникъ тамъ-то поступилъ пристрастно, тамъ слишкомъ поспѣшно, въ томъ дѣлѣ невинно обидѣлъ одного подчиненнаго, въ другомъ — незаслуженно возвысилъ другаго; но, вмѣсто того, чтобы сказать ему слово правды, раскрыть ему глаза, вы еще стараетесь поддакивать ему, поддѣлываетесь подъ его тонъ и вкусъ. Ему не нравится такой-то подчиненный—и вы готовы чѣмъ угодно доказывать, что такой-то, дѣйствительно, нехорошій человѣкъ; ему полюбился такой-то—и вы опять утверждаете, что такой-то, дѣйствительно, рѣдкій человѣкъ, примѣрный, единственный человѣкъ, хоть-бы въ душѣ-то своей вы иногда и совсѣмъ иначе думали. Сколько, такимъ образомъ, благодаря вашей угодливости, можетъ страдать добрыхъ, честныхъ и благородныхъ личностей лишь по недоразумѣнію, предубѣжденію, случайному капризу вашего начальника! Далѣе, вашъ начальникъ, какъ человѣкъ-же можетъ имѣть извѣстныя дурныя наклонности и порочныя стремленія; а вы, вмѣсто того, чтобы указать ему на нихъ, только стараетесь заслонить ихъ отъ него: вы, кстати и не кстати, удивляетесь его необыкновенному уму, его рѣдкой добротѣ, его небывалому безкорыстію и самоотверженію; мало того: вы готовы даже при случаѣ разжигать его страсти, давать пищу его дурнымъ наклонностямъ. Вотъ, напр., въ среду подчиненныхъ его поступаетъ человѣкъ съ честною и правдивою душою, съ вѣрою въ добро и правду, съ надеждою—жить и трудиться для блага общества. Онъ служитъ совершенно безупречно. Но, при первомъ представленіи къ своему начальнику, онъ держалъ себя нѣсколько свободно, т. е. безъ всякаго подобострастія и униженія; при второмъ доложилъ начальнику, что такое-то опредѣленіе его онъ затрудняется примирить съ такою-то и такою статьею законовъ...

Что это за чудакъ такой? разсуждаетъ вашъ начальникъ, и въ душѣ уже рѣшаетъ сбыть его какъ нибудь. Для приличія, однакожь, онъ спрашиваетъ вашего мнѣнія о новомъ своемъ подчиненномъ: вы очень хорошо понимаете, чего хочется вашему начальнику, и вмѣсто того, чтобъ защитить невиннаго человѣка, начинаете рѣчь въ такомъ родѣ, что теперь вообще люди и Бога не почитаютъ и начальства не признаютъ, что этотъ чудакъ—не просто чудакъ, но вмѣстѣ интригантъ, что ему хочется скорѣе выслужиться, отличиться и самому стать здѣсь начальникомъ; что онъ это прямо высказывалъ тамъ-то и тогда-то, и т. д. Глаза искрятся у вашего начальника; онъ умиленно жметъ вамъ руку за вашу искренность и приверженность къ нему, т. е. за вашу лесть, ложь, угодничество, а благородному человѣку уговоряетъ сѣти... Такъ-то лесть и угодничество однихъ можетъ губить другихъ! Бываютъ случаи, когда угодничество обнаруживается почти такими-же точно дѣйствіями въ отношеніи къ людямъ, какъ угодничество Пилата—въ отношеніи къ Иисусу Христу. Въ вашемъ вѣдѣніи, положимъ, состоитъ извѣстный человѣкъ, добрый, честный, исправный и благонадежный. Но вашъ начальникъ, почему-то, не долубливаетъ его, и постоянно твердитъ вамъ, что это человѣкъ нехорошій,—что, по моему, его не слѣдовало-бы держать здѣсь и прочее въ этомъ родѣ. Вамъ жаль хорошаго человѣка, вы пытаетесь вымолвить за него и слово защиты; но начальникъ вашъ и слушать васъ не хочетъ. Что-жь дѣлать,—рѣшаете вы тогда: изъ-за этого человѣка еще пожалуй потеряешь благосклонность начальства; пусть-же себѣ убирается съ Богомъ,—я предъ нимъ не буду виноватъ, это не моя воля,—и изъ угожденія своему кесарю—вы ставите дѣло такъ, что добрый и невинный человѣкъ по необходимости долженъ бываетъ убраться... И сколько можетъ быть подобныхъ случаевъ, сколько подобныхъ невинныхъ жертвъ, когда ласкательство, лесть, угодничество проникаютъ общественныя отношенія! А они, къ прискорбію, такъ бываютъ въ обществахъ чело-вѣческихъ обычны, что большею частію уже и не считаются порокомъ, а признаются простыми приличіями, вѣжливостью, или же законнымъ уваженіемъ низшаго къ высшему.

Да не подумаетъ кто-либо, братіе, что, говоря все это, мы хотимъ проповѣдывать грубость, неуваженіе, непочтительность къ высшимъ себя. Сохрани насъ Богъ отъ этого! Но иное дѣло почтеніе, любовь и уваженіе, и совсѣмъ иное—лесть, угодниче-

ство и ласкательство. Первое и словом Божиим заповѣдуется, и совѣстію внушается, и Богу угодно, и людямъ приятно; второе— и словомъ Божиимъ осуждается, и неиспорченною совѣстію воспрещается, и предъ Богомъ мерзко, и для добраго человѣка отвратительно. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ на льстеца—человѣкоугодника: какъ онъ отвратителенъ! Вотъ онъ толкается чего-то въ передней своего начальника: это онъ задабриваетъ его лакея, швейцара, вообще—прислугу. Еще болѣе онъ старается то тѣмъ, то другимъ, иногда самымъ жалкимъ и низкимъ способомъ склонить въ свою пользу его жену, мать, тетку, даже маленькихъ его дѣтей. Наконецъ, показывается и самъ тотъ, въ коемъ онъ видитъ свое счастье: по нѣмому движенію руки его, нашъ рабъ и льстецъ усаживается какъ разъ противъ него, и принимаетъ положеніе самое уничиженное. Онъ жадно ловить каждое слово, каждый взглядъ его, старается предугадать и предупредить всякое малѣйшае движеніе его; вздохнулъ начальникъ — вздыхаетъ и онъ, улыбнулся начальникъ—улыбается скромно и онъ. А рѣчи, какія сладкія и мягкія рѣчи говоритъ онъ ему! А какую беззавѣтную преданность, какое безпредѣльное подчиненіе изъясняетъ онъ ему! Но знаете-ли вы, что собственно заставляетъ этого человѣка такъ унижаться? Не думайте, что это въ самомъ дѣлѣ онъ такой добрый, мягкій, такой нѣжный и услужливый по самому своему характеру. Посмотрите на него у него дома — и вы удивитесь: въ передней начальника кроткій агнецъ, а въ виду самага начальника—не больше, какъ червякъ,—дома у себя онъ часто выглядываетъ свирѣпымъ волкомъ и тигромъ, котораго трепещутъ жена, дѣти, прислуга. Не думайте также, что онъ привязался къ семьѣ начальника такъ себѣ просто, по какой-то безотчетной преданности. Какая тамъ безотчетная преданность къ чужому семейству у человѣка, иногда пожилаго и обремененнаго своимъ семействомъ! Нѣтъ, не природная доброта здѣсь и не безотчетная симпатія, а корыстный расчетъ: онъ хочетъ влѣзть въ душу своего начальника; тогда онъ будетъ править всѣмъ за него, и вмѣстѣ и имъ самимъ; будетъ представлять себя постоянно къ повышеніямъ, отличіямъ и наградамъ; разженетъ своихъ недоброжелателей, подниметъ своихъ любимцевъ, достигнетъ высокихъ почестей, займетъ лучшее мѣсто въ службѣ и съ избыткомъ выместитъ на своихъ подчиненныхъ и вознаградитъ себя за всѣ тѣ пресмыкательства и униженія, какими досталось ему все это.

Ласкательство, лесть, угодничество всего болѣе господствуютъ въ отношеніяхъ подчиненныхъ къ начальству; но онѣ проникли и въ другія отношенія людей между собою,—въ отношенія низшихъ по чину къ высшимъ, даже равныхъ къ равнымъ, въ отношенія одного пола къ другому, особенно-же—въ отношенія къ лицамъ высокимъ по званію, богатымъ по состоянію, знатымъ по происхожденію, сильнымъ по своимъ связямъ и вліянію.

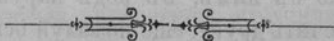
Здѣсь они проявляются въ низкопоклонничествѣ, въ высокыхъ титулахъ, какія даютъ нѣкоторые извѣстнымъ лицамъ въ разговорахъ съ ними, какъ-бы по ошибкѣ или въ шутку,—въ похвалахъ и удивленіяхъ необыкновенному уму, мужеству, великодушію, красотѣ и добротѣ, вообще какимъ-бы то ни было совершенствамъ человѣка,—въ похвалахъ и удивленіяхъ, выражаемыхъ тутъ-же, предъ нимъ, глазъ на глазъ, и т. п. И въ этой области людскихъ отношеній, лесть и угодничество такъ вѣлились въ наши нравы и обычаи, такъ срослись и сжились съ нашими взаимными обхожденіями, что мы часто и не замѣчаемъ ихъ, считаемъ ихъ просто вѣжливостію и приличіемъ—не больше, и отступленіе отъ нихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, для многихъ кажется юродствомъ, неумѣньемъ жить, оригинальничаньемъ, чуть-чуть не грѣхомъ и порокомъ. А между тѣмъ и здѣсь они не менѣе вредны, какъ и въ отношеніяхъ къ начальству, и во всякомъ случаѣ недостойны серьезнаго человѣка, тѣмъ болѣе—христіанина. Извѣстныя лица, напр., угодничаютъ предъ знатною особою,—большею частію не безъ заднихъ кой-какихъ мыслей и тайныхъ цѣлей: знатной особѣ, съ своей стороны, очень пріятно, что за нею ухаживаютъ, въ ней заискиваютъ такіе-то и такіе. Какъ тщеславная и самолюбивая, она хочетъ щедро наградить, вполне отплатить своимъ поклонникамъ,—и вотъ то и дѣло она ходатайствуетъ за нихъ предъ властями, рекомендуетъ ихъ начальству на высшія общественныя должности. Ей нѣтъ дѣла до того, насколько достойны и пригодны ея кліенты для того положенія, въ какое она прочтетъ ихъ: достаточно одного того, что ей они умѣли угодить и понравиться. Ея ходатайство и рекомендація большею частію принимаются, и общество надѣляется недостойными, неспособными, неблагонамѣренными дѣятелями. Иногда человѣкъ водить знакомство съ знатымъ лицомъ и безъ особыхъ видовъ на большія награды; но, такъ какъ это все-же даетъ ему почетное значеніе и вѣсь въ обществѣ,—другіе завидуютъ ему, предполагаютъ нѣчто недоброе въ его знакомствѣ и ища себѣ

попасть въ число подобныхъ счастливцевъ, угодничаютъ уже предъ нимъ, или же стараются всячески оттереть его отъ знатнаго лица. Сколько здѣсь пищи для взаимныхъ неприязностей, сплетень, клеветъ, интригъ! Иногда льстецы и поклонники до того успѣваютъ оморочить богатаго вельможу, что онъ передаетъ имъ все свое достояніе, оставляя ни причемъ ближайшихъ родственниковъ своихъ, имѣющихъ всѣ права на его достояніе. Это естественно вооружаетъ другъ противъ друга — родственниковъ и льстецовъ вельможи. Иногда... но чего не бываетъ отъ угодничества? Развѣ можно заразъ пересказать все зло, происходящее отъ него, особенно при такомъ широкомъ и сильномъ развитіи его въ человѣческихъ обществахъ. Въ проявленіяхъ религіознаго чувства угодничество сопровождается часто такими дѣйствіями, которыя суть въ своемъ родѣ осужденіе Иисуса Христа на распятіе и смерть. У васъ, напр., есть другъ, зараженный невѣріемъ; вы часто бываете свидѣтелемъ его кощунственныхъ рѣчей, его противорелигіозныхъ дѣйствій: въ душѣ вы совершенно иначе убѣждены и настроены, чѣмъ вашъ другъ; но, вмѣсто того, чтобъ заградить ему уста, по крайней мѣрѣ напомнить ему, чтобъ онъ не слишкомъ уже завирался, вы или молчите при всѣхъ его богохульныхъ выходкахъ, или же еще и подакиваете ему одобрительною улыбкой, утвердительномъ знакомъ, сочувственнымъ словомъ, иногда и дѣломъ, небольшимъ грѣшкомъ совмѣстно съ нимъ, въ родѣ нарушенія поста и т. п. Какъ-же можно перечить другу: еще пожалуй оскорбишь его этимъ! Такъ лучше ужъ оскорбить Бога вмѣсто его...

Братіе-христіане! Апостолъ Павелъ сказалъ о себѣ: *аще быхъ еще челоукомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо быхъ* (Гал. 1, 10). Быть можетъ, это сказалъ онъ потому, что въ его время общество человѣческое состояло по преимуществу то изъ іудеевъ, то изъ язычниковъ: нельзя было тогда остаться вѣрнымъ Христу, и въ то же время угодить какому нибудь еврею, угодить язычнику и пребыть вѣрнымъ рабомъ Христовымъ. Въ обществахъ христіанскихъ, каково наше, казалось-бы, должно быть иначе, потому что здѣсь всѣ — рабы Христовы. Однакожъ, слово апостола имѣетъ значеніе свое и въ наше время, приложимо и къ нашему христіанскому обществу. И теперь не можетъ быть Христовымъ рабомъ тотъ, кто изъ угодничества не говоритъ правды тамъ, гдѣ слѣдуетъ, говоритъ ложь и неправду, которой никогда никому говорить не слѣдуетъ, — кто лестью и угодниче-

ствомъ пролагаетъ себѣ дорогу въ жизни и на этой дорогѣ не падить добраго имени, чести и благосостоянія всякаго встрѣчнаго,—кто изъ угодничества боится сказать слово въ защиту осмѣиваемой и поругаемой религіи и готовъ даже самъ пристать къ ея ругателямъ. Будемъ-же всегда помнить это слово апостольское, и отвергнемъ отъ себя всякое угодничество, низость, лесть, ласкательство, пресмыкательство, такъ противныя нашему христіанскому призванію. *Куплены есте цѣною*,—говоритъ тотъ-же апостоль,—цѣною крови Сына Божія, поэтому *не будите раби челоукомъ* (1 Кор. 7, 23). Да не соблазняетъ насъ то, что порокъ, о которомъ мы говоримъ, такъ широко и глубоко вошелъ въ наши нравы и обычаи, въ наши житейскія связи и отношенія. Не станемъ извинять себя тѣмъ, что жизнь-де такъ поставлена и противъ нея ничего уже не подѣлаешь. Жизнь такъ поставлена! Но кто-же ее такъ поставилъ, какъ не сами-же люди? А если такъ, то они-же могутъ поставить ее и иначе. Притомъ-же, мы не должны подчиняться жизни, когда она фальшиво поставлена, а напротивъ сами должны подчинять ее себѣ и ставить на путь правый. Поставимъ-же ее иначе по тому образцу, какой начертанъ для нея въ законѣ Божіемъ; распутаемъ ея перепутанныя связи и отношенія; будемъ жить и дѣйствовать не *яко челоукоугодницы*, но *якоже раби Христовы* (Ефес. 6, 6). Аминь.

(«Воскресное Чтеніе» 1868 г. № 51).

7.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕЯ И. В.

Благовѣрной Государыни, Великой Княжны Маріи Александровны (5 октября).

Нынѣ два торжества сошлись у насъ, братіе! Отечественная Церковь наша празднуетъ нынѣ память трехъ великихъ учителей и святителей своихъ, Петра, Алексія и Іоны. Православный Государь нашъ празднуетъ нынѣ день рожденія своей дочери, въ которой Онъ видитъ залогъ благоволенія и любви къ Нему Царя

небеснаго. Но торжество Церкви православной не есть-ли вмѣстѣ и торжество Царя православнаго, равно какъ и торжество Царя православнаго не есть-ли вмѣстѣ и торжество Церкви православной? Первородный Сынъ Церкви православной, ревнующій о ея благѣ, не можетъ не радоваться ея радостію и не торжествовать ея торжествомъ; съ своей стороны Церковь православная, видя въ благоденствіи Царствующаго Дома залогъ своего благоденствія, не можетъ не раздѣлять его семейныхъ радостей. Такъ церковное и гражданское, Божіе и Кесарево объединяются у насъ въ одномъ высшемъ имени православнаго.

Сыны Церкви православной и отечества православнаго! на насъ лежитъ священная обязанность отвѣтить своимъ сочувствіемъ этой сугубой радости двухъ отечественныхъ торжествъ. А какъ это сдѣлать,—этому поучимся изъ примѣра празднуемыхъ нынѣ святителей.

Святители нашей Церкви: Петръ, Алексій и Іона жили въ то время, когда любезное отечество наше, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ областей, лежало еще въ развалинахъ, а въ нѣкоторыхъ—только-что начало оправляться отъ ранъ, нанесенныхъ ему татарскимъ разгромомъ. Татары все еще терзали сердце Россіи, а семейные раздоры удѣльныхъ князей, для окончательнаго рѣшенія коихъ нужно было обращаться къ иновѣрной власти съ большими подарками, еще болѣе усиливали тягость ига, и безъ того тяжкаго. Народъ волновался, оказывалъ нерѣдко сопротивление законной власти и приставалъ то къ той, то къ другой партіи княжеской. Много, много нестроений, крамоль и разнаго рода неустойствъ господствовало тогда на Руси. И вотъ святители Божіи, облеченные силою свыше, исходятъ на великое, трудное и святое дѣло—облегченія, умиротворенія и успокоенія страждущаго отечества. То укрощаютъ они свирѣпость татарскихъ хановъ и лютость, жестокость и мздоимство ихъ вельможъ,—то умиряютъ мелкихъ князей, готовыхъ идти и вести другъ друга подъ мечъ за какой нибудь незначительный участокъ земли,—то подаютъ великимъ князьямъ мудрые и благотворные совѣты, служащіе ко благу отечества,—то обуздываютъ непокорныхъ, сдерживаютъ мятежниковъ и нарушителей общественнаго порядка и спойствія угрозою отлученія и духовнаго запрещенія.

Нужно-ли, братіе, говорить, что и на насъ лежитъ долгъ и обязанность—содѣйствовать всѣми зависящими отъ насъ мѣрами благу отечества? Для чего-же люди и живутъ въ обществахъ,

если не для того, чтобы совокупными силами удобнѣе достигать своего общаго блага? И только тогда, когда мы будемъ ревностно исполнять эту обязанность, мы будемъ достойными членами общества; только тогда видно будетъ, что мы любимъ наше отечество, сочувствуемъ нашему Царю православному, способствуемъ ему въ осуществленіи его благихъ намѣреній о насъ; только тогда мы и будемъ вполне способны сорадоваться радости Царя и торжествовать Его торжеству.

Да не подумаетъ кто либо, что эта обязанность вполне приложима и обязательна только для лицъ, стоящихъ на высшихъ степеняхъ въ общественной лѣстницѣ и облеченныхъ высшею властію, а по отношенію къ людямъ низшихъ круговъ, не имѣющимъ никакой особенной власти она не имѣетъ никакого значенія. Апостоль Христовъ уподобляетъ общества христіанскія одному стройному тѣлу, въ которомъ много членовъ, и всѣ вмѣстѣ составляютъ одно тѣло, въ которомъ если славится или болятъ одинъ членъ, то съ нимъ славится или болятъ и всѣ,—въ которомъ, поэтому, око рукѣ, рука ногѣ, вообще одинъ членъ другому не можетъ сказать: ты мнѣ не нуженъ. По мысли апостола, между разными званіями, сословіями, классами и отдѣльными лицами въ обществѣ такая связь, то всѣ они, какъ-бы какое ни казалось незначительнымъ, всѣ равно важны и необходимы для блага цѣлаго. То правда, что чѣмъ выше положеніе въ обществѣ, тѣмъ болѣе лицамъ, находящимся въ этомъ положеніи, открыто простора, дано возможности и средствъ дѣйствовать такъ или иначе. Но не надо забывать и того, что всякая высшая власть въ своей дѣятельности опирается на непосредственно слѣдующей за нею низшей,—эта, въ свою очередь, на слѣдующей за нею низшей и т. д., пока дѣло дойдетъ не только до самой низшей власти, но и до простаго земледѣльца, до простаго, необлеченнаго никакою властію, поселнина. И такъ на каждомъ изъ насъ, какъ-бы кто ни былъ низокъ по своей долѣ, лежитъ священная обязанность—содѣйствовать и споспѣшествовать общему благу отечества.

Да не подумаетъ опять кто-либо, что только во время, неблагоприятное по чему-нибудь для отечества, напр. во время войны, голода и т. п., мы можемъ содѣйствовать благу отечества. Нѣтъ, общественная жизнь растетъ, зрѣетъ, развивается и совершенствуется—можно сказать—ежечасно. И какъ сѣмя для своего прозябанія ежеминутно требуетъ дѣйствія на него свѣта, теплоты, влаги и т. д., такъ и общественная жизнь постоянно нуждается

для своего усовершенствованія въ дружномъ содѣйствіи ей всѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ общества. Нѣтъ того дня, нѣтъ того часа, когда-бы гражданинъ былъ ненужнымъ членомъ общества и не могъ бы, если-бы захотѣлъ, быть ему болѣе или менѣе полезнымъ.

Чѣмъ же и какъ—спросите—мы можемъ и должны содѣйствовать общему благу нашего отечества? Говоря вообще, мы можемъ дѣлать это не иначе, какъ ревностнымъ, честнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ тѣхъ обязанностей, какія возлагаетъ на каждаго изъ насъ его званіе, состояніе и положеніе въ отечествѣ. Мы сказали, что апостольское уподобляетъ христіанское общество стройному составу тѣлесному,—продолжимъ теперь апостольское уподобленіе. Когда тѣло бываетъ здорово? Тогда, когда всѣ члены, всѣ органы его надлежащимъ образомъ исполняютъ свое назначеніе. Не прими желудокъ пищи, или не перевари ее, не поднимись рука, не поиди нога,—и все тѣло нездорово, оно болитъ. Не такъ-ли въ обществѣ? Не отъ того-ли и здѣсь несправедливости, насилія, угнетенія, притѣсненія, вопли и стоны, повсюдныя жалобы на недоброхотство людей?—Не отъ того-ли, говоримъ, всѣ эти нравственныя болѣзни общества, что въ немъ далеко не всѣ думаютъ и стараются о ревностномъ и добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей? Въ самомъ дѣлѣ, сколько-бы уменьшилось въ обществѣ бродяжничества, пьянства, тунеядства, разврата, если-бы родители и воспитатели со всѣмъ усердіемъ и ревностію исполняли свои обязанности по отношенію къ своимъ дѣтямъ и питомцамъ,—учили ихъ, и словомъ и собственнымъ примѣромъ, страху Божию, трудолюбію, честности, разнымъ ремесламъ, наукамъ, искусствамъ? Сколько-бы уменьшилось насилій, угнетеній, притѣсненій, открытыхъ и тайныхъ грабительствъ и разбоевъ, если-бы каждый усердно занимался дѣлами своего званія, а держащіе въ своихъ рукахъ вѣсы правосудія—военачальники и градоначальники—добросовѣстно, нелицемѣрно, немздоимно исполняли возложенныя на нихъ обязанности—творить судъ и правду?.. Но многіе, очень многіе еще намѣренно стараются злоупотреблять своимъ общественнымъ положеніемъ. Все зло въ этомъ отношеніи, кажется, вытекаетъ изъ того ложнаго взгляда на общественныя должности, по которому многіе видятъ въ нихъ только средства—какъ говорятъ—наживаться, т. е. извлекать изъ своего положенія въ обществѣ и своего начальственного отношенія къ другимъ возможно большую сумму

и денег и разнаго рода удовольствій въ свою пользу. Понятно само собою, что этотъ взглядъ, въ самомъ основаніи своемъ, разрушаетъ общее благо,—понятно, что человѣкъ, зараженный имъ, не станетъ задумываться и останавливаться ни предъ какими средствами къ достиженію своей завѣтной цѣли — обогащенія. Вотъ отчего у насъ почти каждый должностной человѣкъ никогда не бываетъ доволенъ тѣмъ мѣстомъ, которое занимаетъ въ обществѣ, а все стремится стать выше и выше, часто вовсе не размышляя о томъ, способенъ-ли онъ къ исполненію тѣхъ обязанностей, которыя требуются тѣмъ общественнымъ мѣстомъ, котораго достигнуть онъ такъ усиливается. До обязанностей ему какъ будто и дѣла нѣтъ,—его интересуеть одно: «тамъ больше доходовъ!» Но вотъ онъ достигъ искомаго мѣста: что-жь, если новыя его обязанности ему не подь силу? Онъ окружаетъ себя приверженцами, трудами которыхъ думаетъ замѣнить свои, а имъ за это открывается обширное поле безнаказанныхъ злоупотребленій...

Пора, пора уже намъ, братіе, оставить этотъ взглядъ, такъ вредный и опасный по своимъ послѣдствіямъ; пора навикнуть смотрѣть на общественныя обязанности окомъ болѣе человѣческимъ, болѣе христіанскимъ. Особенно это потребно теперь, когда всѣ сословія, всѣ классы нашего общества ожидаютъ улучшенія своего быта, сходятся выдти изъ замкнутаго положенія, думаютъ подать другъ другу братскую руку и совмѣстно, съ сознаниемъ своего человѣческаго достоинства, равенства и равноправности между собою, идти великимъ путемъ науки, развитія и усовершенствованія. Кто держится теперь этого ложнаго взгляда, тотъ не можетъ сочувствовать современному движенію нашей жизни, тотъ врагъ цѣлаго нашего отечества. Да не будетъ-же этого ни съ кѣмъ изъ насъ! Аминь.

(«Собственноручная рукопись автора»).

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВ. МУРОПОМАЗАНІЯ

и вѣнчанія на Царство Благочестивѣйшаго Госу-
даря Императора Александра Николаевича, произ-
несенное въ Виленскомъ Николаевскомъ кафедраль-
номъ соборѣ 26-го августа 1875 г.

Торжества церковно-гражданскія, подобныя настоящему, вы-
ражаютъ тѣсный союзъ церкви съ государствомъ.

И церковь, и государство, общю и послѣднею цѣлю своею,
имѣютъ благополучіе человѣка, только церковь—благополучіе по
преимуществу духовное и вѣчное, а государство—благополучіе
внѣшнее и временное; поэтому, чѣмъ согласнѣ дѣйствуютъ
они для своей цѣли, тѣмъ успѣшнѣе и вѣрнѣе могутъ достигать
ея. Какъ и чѣмъ государство помогаетъ церкви въ высокомъ
служеніи ея человѣку,—это кратко показываетъ св. апостоль
Павель, когда, убѣждая христіанъ молиться за царя и за всѣхъ,
иже во власти суть, прибавляетъ: „да тихое и безмолвное житіе
поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ (1 Тим. 2, 2). Это
значить, что добрый порядокъ и устройство государства даютъ
намъ возможность жить мирно, спокойно, безопасно во внѣшнемъ
отношеніи, а внѣшнее спокойствіе даетъ намъ возможность без-
препятственно исполнять требованія вѣры и упражняться въ
дѣлахъ благочестія. Какъ и чѣмъ церковь, съ своей стороны, помога-
етъ государству въ благоустроеніи общества,—это еще яснѣе и оче-
виднѣе высказываетъ тотъ-же св. апостоль, когда говоритъ о значе-
ніи благочестія для жизни человѣка вообще: „благочестіе на все
полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей“ (1 Тим. 4, 8).

Для насъ, вѣрныхъ сыновъ православной церкви и право-
славнаго государства, эти двѣ истины столь ясны и несомнѣнны,
что не нуждаются почти ни въ какихъ разъясненіяхъ и доказа-
тельствахъ. Потому-то церковь наша такъ и молится о Царѣ
своемъ, что Онъ мудрыми своими распоряженіями и законопо-
ложеніями помогаетъ ей въ ея великомъ дѣлѣ просвѣщенія и

спасенія вѣрующихъ; потому, съ другой стороны, и православный Царь нашъ болѣе всего заботится о насажденіи въ средѣ своихъ подданныхъ благочестія христіанскаго, что только истинный христіанинъ есть наилучшій гражданинъ, чѣмъ-бы онъ ни былъ и въ какомъ-бы положеніи ни находился.

Но, братіе мои, въ то время, когда мы такъ торжественно празднуемъ тѣсный союзъ нашей церкви съ государствомъ и государства съ церковію, къ намъ доносятся, большею частію изъ-за моря, рѣзкіе голоса, не только противъ сего союза, но и противъ самаго государства и церкви,—противъ самаго даже существованія ихъ въ родѣ человѣческомъ. Вы, конечно, знаете, на чьи голоса я намекаю.. „Отъ насъ изыдоша (1 Іоан. 2, 19), нѣкоторые лживіи учителя“ (2 Петр. 2, 1), которые, подъ предлогомъ всеобщей свободы, любви, равенства и братства, хотятъ разрушить и церковь, и государство, и даже семью и частную собственность. Для распространенія своего ученія въ народѣ, они стараются возбудить въ немъ недовольство существующими порядками, какими-бы то ни было средствами и путями, хотя-бы это были ложь, клевета, поджигательство, даже ядъ и кинжалъ. И многіе послѣдуютъ ихъ разврату,—скажемъ словами апостола (2 Петр. 2, 2),—одни по невѣжеству и легкомыслію; другіе—изъ увлеченія мнимою новостію, новостію ихъ ученія; иные—въ чаяніи тѣхъ благъ, какія обѣщаютъ имъ эти лжеучители въ будущемъ; иные, можетъ быть, и по страху предъ тѣми кровавыми средствами, какими они заставляютъ соглашаться съ собою. На современномъ языкѣ лжеучители эти называются социалистами и коммунистами, а по способу и цѣли распространенія своего ученія—революціонерами или революціонными пропагандистами. Слишкомъ много и долго пришлось-бы намъ говорить теперь, если-бы мы хотѣли подробно изложить ученіе этихъ ложныхъ печальниковъ народнаго благоденствія и, при свѣтѣ слова Божія и здраваго разума, разоблачить и изобличить это пагубное ученіе. Мы сдѣлаемъ это лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Первѣй всего укажемъ главное начало, или тотъ основной пунктъ, изъ котораго выходятъ проповѣдники социализма и коммунизма. Міръ—говорятъ они—существуетъ отъ вѣчности самъ собою. Внѣ его и выше его нѣтъ никакого Бога: то, что люди называютъ Богомъ, въ сущности есть или тотъ-же самый міръ съ его силами и законами, или-же самъ человѣкъ съ его стремленіями и потребностями. Какъ міръ возникъ самъ собою, такъ

и все существующее въ немъ происходитъ само-же собою, путемъ естественнаго возникновенія и развитія одной формы жизни изъ другой. Не было въ мірѣ, или съ міромъ, никакого божественнаго творенія,—нѣтъ въ немъ и никакого божественнаго промысленія. И человѣкъ, эта высшая и совершеннѣйшая форма міровой жизни, произошелъ самъ собою изъ низшихъ формъ—растительной и животной. У него нѣтъ души, какъ чего-то отличнаго и отдѣльнаго отъ его тѣла, и съ его разрушеніемъ—душа разрушается, разсѣвается и безслѣдно исчезаетъ въ общей жизни природы. Все, такъ называемыя, высшія стремленія и потребности духовныя, въ сущности, не имѣютъ никакого значенія и суть не болѣе, какъ одни пустыя слова: религія—плодъ невѣжества и суевѣрія; совѣсть и нравственность—порожденіе привычки и неправильнаго воспитанія; безсмертіе и загробное воздаяніе—созданіе фантазіи и эгоизма и т. д. Жизнь человѣка, какъ и жизнь всего существующаго, не имѣетъ никакихъ разумныхъ конечныхъ цѣлей и высшихъ нравственныхъ задачъ: цѣль жизни—въ самомъ процессѣ ея, и единственное, вполне разумное и самое нравственное стремленіе человѣка должно заключаться въ томъ, чтобы всячески улучшать и дѣлать возможно-пріятнымъ для себя этотъ процессъ.. Вотъ въ общихъ чертахъ символъ вѣры нашихъ социалистовъ и коммунистовъ! Противъ него вопіетъ и здравый разумъ, и неиспорченное нравственное чувство, и строгая правдивая наука, и вся исторія человѣчества, и все, все, что только есть въ родѣ человѣческомъ лучшаго и благороднѣйшаго, истинно-человѣческаго, отличающаго людей отъ животныхъ.

При такомъ глубокомъ разрывѣ съ религіознымъ міросозерцаніемъ, у социалистовъ, какъ понятно само собою, не можетъ быть и рѣчи объ уваженіи къ какимъ-бы то ни было порядкамъ, установленіямъ и учрежденіямъ, освящаемымъ религіею; при такомъ усиленномъ желаніи развѣчивать человѣка, лишить его благороднаго достоинства и низвести на одну ступень съ животными, социалисты не могутъ любить, а должны ненавидѣть все то, что дѣлаетъ жизнь человѣческую не похожею на жизнь животныхъ. И вотъ, поэтому-то именно имъ такъ и не нравится семейная и гражданская жизнь, частная собственность, государственное устройство, не говоримъ уже—церковь. Бракъ, какъ извѣстно, служитъ основою семейной жизни; семейная жизнь, вмѣстѣ съ правомъ частной собственности, служитъ основою жизни гражданской; гражданская—государственной. Прочь все это! кричатъ

коммунисты. На мѣсто брака, съ разными его стѣсненіями и ограниченіями, должна быть предоставлена всѣмъ и каждому полная и безграничная свобода половыхъ отношеній. Взамѣнъ частной собственности, отдѣльнаго хозяйства, земля и дома должны дѣлиться между всѣми по ровну. Взамѣнъ гражданскаго общества или государства должна быть учреждена коммуна, гдѣ нѣтъ ни старшаго, ни меньшаго, ни начальника, ни подчиненнаго, а всѣ равны между собою, всѣ одинаковы. Такъ! и понятно почему такъ. Вѣдь у животныхъ нѣтъ семейной жизни, ни частной собственности, ни гражданскаго общества, ни государственнаго устройства, ни церкви; зачѣмъ-же все это намъ, когда мы ничѣмъ существенно не различаемся отъ животныхъ? Всѣ эти учрежденія только стѣсняютъ насъ на каждомъ шагу, сдерживаютъ наши дикіе инстинкты, налагаютъ узду на нашу чувственность, на нашъ эгоизмъ, не даютъ намъ жить и дѣйствовать такъ, какъ намъ хотѣлось-бы, какъ живутъ, напр., хоть-бы тѣже животныя, ни въ чемъ не стѣсняя себя, никому и ни въ чемъ не давая никакого отчета!

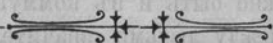
Мы сказали прежде, что социалисты и коммунисты проповѣдуютъ свое ученіе во имя всеобщей свободы, любви, равенства и братства. Познакомившись теперь нѣсколько ближе съ этимъ ученіемъ, мы легко можемъ понять, можно-ли вѣрить этимъ громкимъ обѣщаніямъ и пышнымъ фразамъ социалистовъ? Свобода, любовь, равенство, братство,—всѣ эти прекрасныя свойства жизни человѣческой возможны только тамъ, гдѣ есть вѣра въ Бога, создавшаго человѣка по Своему образу и подобию, для вѣчнаго блаженнаго общенія и единенія съ Собою, и затѣмъ возсоздавшаго его, послѣ его паденія, по неизреченной любви Своей къ нему. Гдѣ-же отрицается бытіе Бога—Творца, Промыслителя, Искушителя, Судии и Мздовоздателя, гдѣ не признается духовность и безсмертіе души, гдѣ не дается мѣста какой-бы то ни было религіи, гдѣ общество человѣческое насильственно приравнивается и искусственно приспособляется къ стаду неразумныхъ и безсловныхъ животныхъ,—какая тамъ можетъ быть свобода, какая любовь, какое равенство и братство? Въ скотоподобномъ обществѣ и эти лучшія качества человѣческія могутъ имѣть развѣ только скотскій характеръ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое свобода социалистовъ, какъ не полнѣйшій произволъ всѣхъ и cadaго дѣлать безнаказанно все, что кому вздумается, что только придетъ на умъ и впадетъ на сердце нравственно испор-

ченнаго человѣка? Что такое любовь коммунистовъ, какъ не одинъ только половой инстинктъ, незнающій никакихъ стѣсненій и ограниченій себѣ и кажущійся любовью только до времени его удовлетворенія? А равенство и братство социалистовъ—это какое-то несвойственное человѣческой природѣ обезличеніе всѣхъ и каждаго, подобное тому, какое мы видимъ, напр., въ стадѣ овецъ и т. п. Но какъ въ стадѣ животныхъ, несмотря на видимое полное равенство ихъ между собою, всегда есть животныя сильнѣйшія и слабѣйшія и первыя всегда обижаютъ послѣднихъ, такъ неизбежно должно быть и въ коммунѣ социалистовъ. Сама природа полагаетъ между людьми значительное различіе отъ самаго ихъ рожденія, и если не будетъ въ извѣстномъ человѣческомъ обществѣ какихъ-либо высшихъ сдерживающихъ началъ, то сильнѣйшіе и умнѣйшіе въ немъ непременно станутъ обижать слабѣйшихъ и простѣйшихъ. Когда въ вожакахъ коммуны заговоритъ эгоизмъ, жадность, честолюбіе, сластолюбіе,—прощай тогда всеобщая свобода, прощай хваленая любовь, пресловутое братство! Ничѣмъ не удержишь тогда того, у кого нѣтъ ни Бога, ни закона, ни совѣсти, ни чести.. Истина эта понятна сама собою, но ее доказали и на опытѣ коммунисты всѣхъ вѣковъ и народовъ, всегда и вездѣ оставлявшіе за собою ужасы всевозможныхъ злодѣяній; ее же доказываютъ они и теперь, уже тѣмъ однимъ, что, проповѣдуя о всеобщей свободѣ и любви, въ тоже время угрожаютъ огнемъ и мечемъ всѣмъ тѣмъ, кто не соглашается съ ними. И такъ, напрасно коммунисты говорятъ о свободѣ, любви, равенствѣ и братствѣ; эти прекрасныя слова они взяли напрокатъ изъ чуждаго имъ христіанскаго словаря и только обманываютъ ими простодушныхъ.

Братія-христіане и соотечественники! Пока социалистическія и коммунистическія идеи проповѣдывались гдѣ-то далеко отъ насъ, въ чужихъ краяхъ и у другихъ народовъ, мы могли только удивляться и жалѣть, что есть на свѣтѣ люди, считающіеся притомъ весьма образованными, которымъ наскучило быть высшими твореніями Божиими, созданными по образу и подобию Божію, тяжело показалось быть возлюбленными чадами Божиими, предназначенными для вѣчной жизни со Христомъ въ Богѣ, но захотѣлось породниться съ низшими неразумными тварями и перестроить свою жизнь по образцу жизни четвероногихъ, и птицъ, и гадовъ. Но когда эти пагубныя идеи проникли и къ намъ, когда онѣ стали настойчиво проводиться въ массы нашего

народа и грозятъ заразить собою у насъ даже дѣтей, юношей и дѣвъ*), намъ нельзя относиться къ нимъ равнодушно, и мы должны принять противъ нихъ все зависящія отъ насъ мѣры и средства. Самою-же рѣшительною мѣрою и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ этой заразы можетъ и должно быть воспитаніе себя и другихъ въ духѣ вѣры и благочестія христіанскаго. Аминь.

(«Литов. Епарх. Вѣдом. 1875 г.» № 41).

9.

СЛОВО ВО СВЯТЫЙ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ

и въ день благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Великія двѣ тайны, отъ вѣчности сокровенныя въ Богѣ и въ послѣдокъ дней (Евр. 1, 2) явленныя въ мірѣ, составляютъ предметъ нынѣшняго нашего торжества. Празднуя день благовѣщенія, мы празднуемъ тайну воплощенія Сына Божія для нашего спасенія, — воспоминаемъ тотъ величайшій моментъ человѣческой исторіи, когда, по предвѣчному совѣту Божію, Единородный Сынъ Божій сошелъ и вселился во утробу Дѣвы, дабы заимствовать отъ Нея наше человѣческое естество въ личное единеніе съ Собою. А вспоминая нынѣ-же день распятія и смерти Господа нашего Іисуса Христа, мы торжествуемъ тайну нашего искупленія страданіями и смертію вочеловѣчившагося Сына Божія, — воспоминаемъ тотъ, не менѣе великій, моментъ человѣческой исторіи, когда Сынъ Божій, испивъ до дна уготованную ему чашу искупительныхъ страданій за насъ, вслухъ неба и земли сказалъ: *совершишася! и преклонь главу предаде духъ* (Іоан.

*) Циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ, отъ 24 мая 1875 г.

19, 30). Эти двѣ тайны, какъ понятно всякому внимательному христіанину, стоятъ въ самой тѣсной и неразрывной связи между собою и суть только двѣ стадіи одной и той-же тайны, два періода одного и того-же дѣла—тайны и дѣла спасенія нашего во Христвѣ Иисувѣ. Поэтому и два различныя празднества церковныя, такъ необычно стекшіяся нынѣ въ одинъ день, въ сущности не такъ различны одно отъ другаго, какъ это можетъ представиться съ перваго взгляда; и различныя, по-видимому, чувства, возбуждаемыя этими празднествами—чувство радости и чувство печали—вовсе не исключаютъ одно другаго и легко совмѣщаются и сорастворяются въ душѣ христіанской. И радость благовѣщенія можетъ и должна сопровождаться скорбію о нашихъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, низведшихъ Сына Божія съ пренебесной высоты на земную юдоль нашего бытія, и печаль о страданіяхъ и смерти Сына Божія можетъ и должна сопровождаться радостію о нашемъ искупленіи и примиреніи съ Богомъ, совершившимися чрезъ эти страданія и эту смерть.

Братіе-христіане! Тайна нашего спасенія во Христвѣ Иисувѣ—одна изъ тѣхъ истинъ, съ которыми мы знакомы, къ которымъ мы прислушались и привыкли отъ дней дѣтства и юности. Но чувствуемъ-ли мы и сознаемъ-ли мы, по крайней мѣрѣ всегда-ли живо чувствуемъ и отчетливо сознаемъ все великое, ни съ чѣмъ несравнимое и ничѣмъ другимъ незамѣнимое, значеніе этой тайны для нашей мысли и жизни? Убѣждены-ли мы и крѣпко-ли убѣждены, что въ этой тайнѣ, и притомъ только въ ней одной—и высочайшій свѣтъ для нашего ума, и величайшая отрада для нашего сердца, и самая прочная опора и путеводная нить для всей нашей дѣятельности?

Богъ есть безконечная любовь,—внушаетъ намъ эта тайна. Для счастья и блаженства Онъ воззвалъ человѣка къ жизни, украсилъ его Своимъ образомъ и подобіемъ, и вступилъ съ нимъ въ ближайшее общеніе, въ тѣснѣйшій союзъ, тотчасъ по его сотвореніи. Затѣмъ, когда первозданный человѣкъ добровольно уклонился отъ этого союза, горделиво возмечтавъ о самобытности, и ему угрожала вслѣдствіе этого гибель со всѣмъ его злополучнымъ потомствомъ, Онъ не только не умалилъ своей любви къ нему, но явилъ ее еще въ большей силѣ и высшей мѣрѣ. Единородный Сынъ Божій принимаетъ на себя всю нашу вину предъ Богомъ, всѣ ея печальныя послѣдствія и всю отвѣтственность за нее. Въ опредѣленное заранѣе время Онъ дѣлается подобнымъ

намъ человѣкомъ, не переставая въ тоже время быть Богомъ, открываетъ и возвѣщаетъ намъ все, что намъ нужно знать и дѣлать для возвращенія, потеряннаго грѣхомъ, счастья и блаженства, а затѣмъ полагаетъ за насъ и самую душу Свою, приноситъ Самаго Себя Богу Отцу въ умиловительную и искупительную жертву за грѣхи міра. Возстановивъ, такимъ образомъ, нарушенный союзъ между Богомъ и человѣкомъ, сынъ Божій, дабы на вѣки утвердить прочность и оградить безопасность этого союза, или *новаго завета* Своего, созидаетъ на землѣ Свою св. Церковь и даетъ ей чудесныя средства—постоянно продолжать и усвоить каждому человѣку совершенное Имъ разъ навсегда и для всѣхъ дѣло искупленія и спасенія. Въ числѣ этихъ средствъ самое чудное и поразительное то, въ которомъ Онъ даетъ вѣрующимъ вкушать Свою плоть и пить Свою кровь,—ту самую плоть и кровь, что Онъ принялъ отъ насъ во утробѣ Дѣвы вмѣстѣ съ нашею душою,—которыя потомъ принесъ за насъ въ жертву на крестѣ и которыя, послѣ этого, въ преображенномъ видѣ, сдѣлались существовою, навѣки нераздѣльною и неразлучною частію Его Божественной Личности. По любви Своей къ намъ, Онъ устроилъ такъ, что самыя обыкновенныя вещества, употребляемыя нами въ пищу и питіе, въ извѣстномъ богослужебномъ дѣйствіи становятся этимъ самымъ Его божественнымъ тѣломъ и этою самою кровію, и, принимая ихъ въ себя, мы входимъ съ Нимъ въ такое преискреннее общеніе и единеніе, что Онъ пребываетъ въ насъ, а мы—въ Немъ (Іоан. 6, 56). Такимъ образомъ человѣчество, отпавшее было, въ лицѣ своего прародителя, отъ союза съ Божествомъ, теперь снова соединено съ Нимъ, и соединено не по духу только, но и по плоти и крови,—союзомъ не нравственнымъ только, но и физическимъ, органическимъ. Между Христомъ-Богомъ и искупленнымъ Имъ и вѣрующимъ въ Него человѣчествомъ—такое-же отношеніе, какъ между виноградною лозою и ея вѣтвями (Іоаннъ, 15, 5), или-же—какъ между головою тѣла и прочими его членами (1 Кор. 6, 15; 12, 27). Люди, бывшіе нѣкогда чуждыми Богу, *врагами Божиими*, (Рим. 5, 10) и въ этомъ отчужденіи отъ жизни Божіей могли погибнуть погибелью конечною и безвозвратною, сдѣлались теперь *присными Богу, братьями Христу, чадами Божиими, храмами и жилищами Божиими, причастниками божественнаго естества*, словомъ—самыми близкими и родными Богу существами (Еф. 2, 19; 2 Кор. 6, 16; 2 Петр. 1, 4 и мн. др.).

Дабы такое *презльмое богатство* (Еф. 2, 7) любви Божіей, явленное роду человѣческому въ тайнѣ его искушенія, не было чѣмъ-либо похожимъ на слабость или пристрастіе Бога къ человѣку, таже самая тайна внушаетъ намъ, что Богъ есть все-совершенная правда. Уже въ этой самой тайнѣ проявилась не одна только любовь, но и правда Божія, требовавшая удовлетворенія, жертвы за грѣхъ человѣка,—и когда Сынъ Божій Самого Себя предложилъ въ эту жертву, Отецъ Небесный *не пощадилъ* и Его возлюбленнаго, *но предалъ Его за всѣхъ насъ во явленіе правды Своея* (—3, 25). Поэтому-же и Самъ Спаситель и Испытатель нашъ, такъ много и сильно возлюбившій насъ, будетъ когда-то и нашимъ Судіею, который потребуетъ отъ насъ строгаго отчета въ томъ, какъ мы воспользовались содѣяннымъ Имъ для насъ спасеніемъ и, затѣмъ, воздастъ каждому по дѣламъ его.

Если, такимъ образомъ, человѣкъ и созданъ и возсозданъ единственно любовью Божіею, то самымъ первымъ и главнымъ дѣломъ всей его жизни должна быть любовь къ Богу, своему Творцу и Избавителю. Мы должны любить Его, *яко Той пересте возлюбилъ есть насъ* (1 Иоан. 4, 19). Далѣе, такъ какъ всѣ люди суть возлюбленныя дѣти Божіи и братья между собою по происхожденію и искушенію, то отсюда другая обязанность наша—любить другъ друга: *возлюбленіи*,—писалъ своимъ ученикамъ апостоль Іоаннъ,—*еще сице возлюбилъ есть насъ Богъ, и мы должны есмь другъ друга любить* (1 Иоан. 4, 11). И какъ любовь Божія къ человѣку не ограничилась только созданиемъ его, но, когда того потребовало благо человѣка, простерлась даже до *зрака рабѣя* и до *смерти крестныя* (Филип. 2, 7, 8) въ лицѣ Единороднаго Сына Божія: такъ и наша любовь къ Богу и людямъ не должна ограничиваться однимъ только чувствомъ благодарности къ Богу и благорасположенія къ людямъ,—не должна быть любовью только въ умѣ и сердцѣ, но должна проявляться и на самомъ дѣлѣ,—должна быть живымъ и дѣятельнымъ служеніемъ Богу и людямъ,—служеніемъ, простирающимся до самопожертвованія. *О семъ познахомъ любовь*, говоритъ тотъ-же апостоль Христовъ, *яко Онъ по насъ душу Свою положи, и мы должны есмь по братіи души полагати* (—3, 16). Но чтобы наша любовь была разумною, а не слѣпою, она должна управляться правдою, воздающею всѣмъ должное. Въ силу этой правды мы должны любить Бога больше всего на свѣтѣ, больше чѣмъ самихъ себя, а ближнихъ нашихъ столько-же, сколько самихъ себя, ничуть

не меньше. Въ силу этой-же правды, Бога мы должны любить ради Его Самого, а ближнихъ и самихъ себя—только ради Бога и въ Богѣ. Это значитъ, что мы должны любить въ себѣ и въ другихъ отнюдь не все, а только то, что есть въ насъ достойнаго любви Божіей, истинно-добраго и прекраснаго, свидѣтельствующаго о нашемъ созданіи по образу Божію—тому образу, который одинъ собственно и составляетъ предметъ любви Божіей въ насъ и для воссозданія котораго приходилъ на землю и умеръ на крестѣ Сынъ Божій. Такимъ образомъ наша любовь къ людямъ вовсе не должна быть тѣмъ, что называютъ нынѣ гуманностью, а любовь къ себѣ—тѣмъ, что называютъ эгоизмомъ: напротивъ—она должна быть *распятіемъ* нашей *плоти со страстями и похотями* (Гал. 5, 24), *совлеченіемъ* въ себѣ, а потомъ, сколько отъ насъ зависитъ, и въ другихъ, *ветхаго чловѣка съ дѣляньями его и облеченіемъ въ новаго чловѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины* (Еф. 4, 22—24; Кол. 3, 9, 10).

Таково въ общихъ чертахъ ученіе вѣры и нравственности, возвѣщаемое и внушаемое намъ тайною нашего спасенія во Христѣ Иисусѣ! Посмотримъ теперь какого ученія держатся люди, не знающіе этой тайны и не принимающіе ея.

Вотъ предъ нами народъ еврейскій. Онъ былъ когда-то возлюбленнѣйшимъ, избраннѣйшимъ народомъ Божіимъ, а его религія—единственною истинною религіею въ родѣ чловѣческомъ. Но онъ не уразумѣлъ дня посѣщенія своего, отвергъ исповѣдуемую и проповѣдуемую нами *велию благочестія тайну* (1 Тим. 3, 16), и что-же случилось потомъ, не говоримъ уже съ самымъ этимъ народомъ, но съ его религіею,—религіею богооткровенною? Чистѣйшее и возвышеннѣйшее нѣкогда понятіе этой религіи объ Іеговѣ до того исказилось и обезобразилось въ талмудѣ и въ головѣ еврея, что мы не рѣшаемся даже излагать его здѣсь, боясь оскорбить ваше религіозно-нравственное чувство. Скажемъ только развѣ, что богъ талмуда—какой-то смѣшной и жалкій... Не менѣе смѣшнымъ и жалкимъ является намъ и каждый еврей, думающій угодить своему богу мелочными обрядами и бессмысленными церемоніями, въ родѣ правильнаго обрѣзыванія ногтей, умовенія рукъ, соленія мяса по закону и прочее и прочее, и въ однихъ этихъ мелочахъ полагающій свое спасеніе... А какую дикую нравственность, или, правильнѣе, безнравственность стала проповѣдывать, какое презрительное и ненавистное отношеніе ко всему роду чловѣческому стала внушать евреямъ эта изуродо-

ванная ихъ религія? Одни только евреи—люди, созданные Богомъ и составляющіе предметъ Его отеческаго промысленія, а всѣ прочіе народы—почти тоже, что скоты безсловесные; они даже не Богомъ созданы... Поэтому и относиться къ нимъ по человѣчески не слѣдуетъ, даже грѣшно; напротивъ, ихъ нужно всячески преслѣдовать, угнетать, истреблять...

Вотъ предъ нами народъ мусульманскій, чтущій единаго Бога, Творца и Правителя міра, но, подобно народу іудейскому, не признающій тайны спасенія нашего во Христѣ Иисусѣ. Многіе восхваляютъ религію этого народа, считаютъ ее естественною и разумною. Но знаете-ли вы, братіе, что такое этотъ Аллахъ мусульманскій? Это страшный деспотъ и тиранъ, не знающій никого и ничего, кромѣ своего собственнаго каприза. Однихъ онъ создалъ для блаженства, другихъ для мученія; однимъ даетъ прелестный рай,—тотъ самый рай, котораго не можетъ не стыдиться всякій нравственно-развитой человѣкъ, другихъ повергаетъ въ адскій огонь. И все это онъ дѣлаетъ—однихъ такъ щедро награждаетъ, другихъ такъ жестоко наказываетъ—только потому, что ему такъ нравится, онъ такъ предопредѣлилъ, не обращая рѣшительно никакого вниманія на нравственныя качества награждаемыхъ и наказываемыхъ... Спрашивается, можно-ли любить такого бога? Предъ нимъ можно лишь трепетать, какъ трепетали-бы вы, напримѣръ, предъ громадною скалою, готовою сейчасъ обрушиться на васъ и раздавить васъ и т. п. А гдѣ нѣтъ любви къ Богу, тамъ не можетъ быть и истинной любви къ человѣку, и вотъ мусульманство, точно также какъ и жидовство, проповѣдуетъ презрѣніе и ненависть ко всѣмъ иновѣрцамъ и убіеніемъ ихъ *мнитса службу приносити* своему чудовищному Аллаху. Да и въ отношеніи къ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ мусульмане не знаютъ истинной человѣческой любви. Женщины у нихъ признаются существами низшими мушинъ по самой своей природѣ. Онѣ и созданы Аллахомъ будто-бы только для того, чтобъ быть рабынями мушинъ и удовлетворять ихъ грубой чувственности...

Вотъ предъ нами народы языческіе... Но мы не будемъ говорить много о томъ, что называется религіей у этихъ народовъ. Это тѣже самыя ребяческія бредни, которыми и въ древности пробавлялось язычество, помраченное смысломъ и отчужденное отъ жизни Божіей (Еф. 4, 18); это тоже самое, извѣстное намъ изъ исторіи, поклоненіе и служеніе *твари вмѣсто Творца*, измѣненіе *славы темнаго Бога въ подобіе образа темнаго че-*

ловка, и птицъ, и четвероногихъ, и гады (Рим. 1, 23, 25). Оставимся лучше на ученіи современныхъ намъ мудрецовъ, для которыхъ также слово крестное кажется *юродствомъ*, а Христосъ распятый—*соблазномъ и безуміемъ* (1 Кор. 1, 18, 23). Въ основѣ всего сущаго,—проповѣдуютъ эти мудрецы,—лежитъ нѣчто неопредѣленное и безкачественное, безсознательное и безвольное. По какой-то роковой, слѣпой необходимости оно вѣчно проявляется и развивается во вселенной. Все изъ него возникаетъ и все въ него-же возвращается и въ немъ исчезаетъ, и въ этомъ постоянномъ возникновеніи и исчезновеніи, въ этомъ безначальномъ и безконечномъ круговоротѣ—всего существующаго весь смыслъ и вся цѣль жизни. Человѣкъ думаетъ, что онъ есть нѣчто особенное въ ряду существъ міра, хвалится своими духовными силами и способностями, говоритъ о какихъ-то высшихъ стремленіяхъ и религіозно-нравственныхъ потребностяхъ, мечтаетъ даже о безсмертіи; но все это жалкое пониманіе вещей, либо пустое тщеславіе и хвастовство. Человѣкъ—такая-же тварь, какъ и всѣ прочія; онъ тоже растеніе и животное, только лучшаго устройства, болѣе развитой организаци. Всѣ, такъ называемыя, духовныя силы и способности его, всѣ эти мнимыя высшія потребности и религіозно-нравственныя стремленія его—или слѣпая и безцѣльная игра въ немъ того-же самого всеобщаго начала, которое вѣчно проявляется и развивается во вселенной, или-же—еще проще—физическіе и химическіе процессы его организаци, т. е. дѣло его мозга, крови, нервовъ. Съ разрушеніемъ организма исчезаютъ и всѣ эти силы и способности, стремленія и потребности, исчезаетъ навсегда и самъ человѣкъ, обращаясь въ тоже самое состояніе, въ какомъ былъ онъ до своего зачатія и рожденія... Нужно-ли договаривать, какія практическія начала, или правила для жизни, вытекаютъ изъ этого ученія? Нѣтъ Бога,—нѣтъ души; человѣкъ неволенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не отвѣтственъ за нихъ ни предъ кѣмъ. Итакъ... живи какъ живется, какъ хочешь и можешь: или съ отчаяніемъ махни на все рукой, потому что «все на свѣтѣ пустяки», «жизнь есть пустая и глупая шутка,» или-же больше и слаще ѣшь, пей, веселись, спѣши насладиться жизнію, потому что завтра умрешь (1 Кор. 15, 32).

Мы сопоставили ученіе, открываемое намъ тайною нашего спасенія во Христѣ, съ ученіемъ людей не знающихъ и не принимающихъ этой тайны. Какое неизмѣримое различіе между

этими двумя учениями! И трудно-ли видѣть, какое именно изъ этихъ ученій такъ безмѣрно превосходитъ другое? Да, только ученіе, возвѣщаемое тайною нашего спасенія, даетъ здоровое понятіе о Богѣ и человѣкѣ и ихъ взаимномъ отношеніи; только оно уясняетъ намъ наше положеніе въ мірѣ, открываетъ подлинный смыслъ и указываетъ истинную цѣль нашей жизни: видѣ же этого ученія, во всѣхъ рѣшительно человѣческихъ мудрованіяхъ, чуждыхъ этой тайны Божіей, — одинъ только мракъ и ужась, одно лишь заблужденіе и отчаяніе.

Будемъ-же, братіе, дерзновенно исповѣдывать эту тайну и неуклонно держаться возвѣщаемаго ею ученія. Будемъ углубляться въ нее своимъ умомъ и сердцемъ и всею нашею душою — не во дни только и часы, подобные настоящимъ, но и во всякое время. Здѣсь наше *все*: это самая душа, самое сердце исповѣдуемаго нами христіанства. Чѣмъ чаще и глубже мы будемъ вникать въ эту тайну, тѣмъ понятнѣе, свѣтлѣе и отраднѣе будетъ становиться все и въ насъ и около насъ. Мы поймемъ, наконецъ, и самую эту тайну, безъ сомнѣнія настолько, насколько это возможно для человѣка, — поймемъ, уяснимъ себѣ возможность и необходимость воплощенія и крестной смерти для насъ Бога-Слова; опытно извѣдаемъ, такъ сказать *вкусимъ* всю необыкновенную сладость божественной любви, явленной и заповѣданной намъ въ этой тайнѣ, и такъ сроднимся съ нею, что не промѣняемъ ее ни на какое иное ученіе, хотя-бы даже *ангелъ съ небесе* возвѣщалъ намъ это ученіе (Гал. 1, 8). Аминь.

(«Литов. Епарх. Вѣдом.» 1877 г. № 14).

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ

и въ день восшествія на престолъ Государя Императора *).

Лишь только свѣтъ Христовъ возсіялъ надъ грѣшною землею, лишь только начала возникать въ родѣ человѣческомъ вѣра во Христа, какъ истиннаго Сына Божія, *пришедшаго въ міръ грѣшныя спасти*, — злобныя силы ада рѣшились помрачить этотъ свѣтъ, подорвать, или же и совсѣмъ искоренить эту вѣру. Уже самаго І. Христа, не смотря на то, что въ Его жизни и дѣятельности явно и ярко сіяли лучи божественнаго величія, современники называли сыномъ Іосифа-плотника, ядцею и винопійцею, бѣснующимся, сумашедшимъ и, наконецъ, вознесли Его на позорное древо казни, какъ бунтовщика и богохульника, сами не вѣдая того, что дѣлали. Воскресеніе І. Христа изъ мертвыхъ, вознесеніе Его на небо, сошествіе на апостоловъ Св. Духа, открывшееся въ нихъ и сопровождавшееся необыкновенными знаменіями и чудесами, показали всему міру, кто таковъ былъ отверженный и поруганный имъ мнимый сынъ плотника... И вотъ вѣра во Христа распятаго торжествуетъ; общество послѣдователей, или церковь Его распространяется съ изумительною быстротою; новыя начала мысли и жизни, возвѣщенные Іисусомъ, небольшимъ числомъ простыхъ рыбаковъ и дѣлателей палатокъ разносятся по всему міру и не только подрываютъ, но грозятъ и вовсе уничтожить и замѣнить собою всѣ прежнія основы и начала жизни, которыхъ держалось и которыми жило дотолѣ человечество. — Но силы ада не дремлютъ; они не хотятъ уступить безъ бою новой божественной силѣ свое владычество надъ міромъ, — противъ церкви Христовой начинаются жесточайшія

*) Произнесено въ Виленскомъ кафедральномъ соборѣ 19 февраля 1876 г.

гоненія и преслѣдованія. Противъ нея вооружились и фанатизмъ иудеевъ и суевѣріе язычниковъ; вооружились и мудрецы, и невѣжды, и философы, и грубая чернь; жрецы, правители, наконецъ — сама верховная власть, въ лицѣ римскихъ императоровъ. Три вѣка слишкомъ рѣкою лилась кровь христіанская по всему греко-римскому міру, а христіанство отъ этого не только не убавлялось, а только расширялось и, наконецъ, признано и объявлено господствующею религіею...

Не успѣла еще церковь Христова заживить свои тяжелыя раны, не успѣла еще вдоволь насладиться дарованнымъ ей миромъ, какъ, по дѣйствию тѣхъ-же враждебныхъ ей силъ, она должна была снова вступить въ борьбу, и притомъ не съ виѣшними уже врагами, а такъ-сказать съ своими домашними. Въ нѣдрахъ ея явилось много людей, которые, по разнымъ побужденіямъ и съ разными цѣлями, снова подняли вопросы и завязали споры о томъ, кто таковъ—Основатель христіанства. Если Онъ—Сынъ Божій, то въ строгомъ-ли и собственномъ смыслѣ, или же въ иномъ какомъ-либо, — Богъ-ли Онъ по самой своей природѣ, или же Онъ—человѣкъ по природѣ и только за его жизнь и заслуги, оказанныя человѣчеству, ему дано божеское достоинство? Если Онъ—Богъ по самой своей природѣ, то какъ примирить это съ представленіемъ о единствѣ Божіемъ,—какъ мыслить о Его отношеніяхъ къ Богу Отцу,—какъ примирить это и съ тѣмъ, что Онъ былъ человѣкомъ, во всемъ, по-видимому, подобнымъ намъ и даже былъ распятъ и умеръ? Можетъ-ли Богъ стать человѣкомъ; а если можетъ, то нужно-ли это было и—для чего? Да и какъ представить въ одномъ лицѣ соединеніе двухъ природъ, такъ безмѣрно различныхъ и отличныхъ одна отъ другой? Рядомъ съ этими и другими вопросами о Сынѣ Божіемъ были подняты подобные вопросы о Св. Духѣ—третьемъ лицѣ Божественныя Троицы, и о другихъ соприкосновенныхъ предметахъ, касающихся христіанскаго вѣроученія, нравоученія, богослуженія. Для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ представители церкви, т. е. пастыри и учителя ея, собирались вмѣстѣ, составляя изъ себя такъ-называемые помѣстные и вселенскіе соборы, и съобща рѣшали спорные вопросы, сообразуясь во всемъ съ словомъ Божіемъ, древнимъ преданіемъ церковнымъ и, наконецъ, съ естественными требованіями здраваго смысла,—конечно, гдѣ и сколько это было нужно и возможно. Много, безспорно, требовалось отъ нихъ при этомъ ума и силы воли, много ревности

по истинѣ, много терпѣнія и самоотверженія,—и всего этого доставало у нихъ съ избыткомъ, хотя многимъ изъ нихъ пришлось и душу свою положить за истину Христову, защищая и уясняя ее противъ враждебныхъ ей, или же только не понимающихъ и извращающихъ ее партій. Такая внутренняя борьба, сопровождавшаяся при томъ всегда взаимною враждою и ожесточеніемъ борющихся религіозныхъ партій, продолжалась въ церкви болѣе пяти столѣтій, и плодомъ ея явилось строгое и точное опредѣленіе *православнаго* христіанства. Ученіе, принятое и утвержденное семью вселенскими соборами, стало теперь называться *православнымъ*, т. е. правильнымъ, или истиннымъ ученіемъ христіанскимъ, а ученіе, отвергнутое на соборахъ, какъ ложное и опасное, стало называться *еретическимъ*.

Послѣднею ересью, съ которою много и долго пришлось бороться древней церкви, было иконоборство, т. е. отверженіе почитанія св. иконъ; наконецъ, и эта ересь съ Божіею помощію была отвергнута и иконопочитаніе возстановлено, сперва въ 786 году, въ Никеѣ, на 7-мъ вселенскомъ соборѣ, а потомъ вторично въ 842 году, въ Константинополѣ, на помѣстномъ соборѣ. Въ послѣдній разъ это случилось около времени великаго поста. Въ первое воскресенье этого поста, патріархъ со всѣмъ священнымъ соборомъ и клиромъ константинопольскимъ, въ сопровожденіи Императрицы съ ея малолѣтнимъ сыномъ, сената, войска и безчисленнаго множества народа, совершилъ крестный ходъ по улицамъ и за стѣнами города. На обратномъ пути шествіе остановилось у главныхъ городскихъ воротъ, водворилась тишина, и священный соборъ, торжественно провозгласивъ многолѣтніе всѣмъ ревнителямъ и поборникамъ православія, а почившимъ въ борьбѣ и подвигахъ за оное—вѣчную память, изрекъ, затѣмъ, анаѣмю, или осужденіе и отлученіе, не только на иконоборцевъ, но и на всѣхъ прежнихъ еретиковъ и отступниковъ отъ православія, осужденныхъ уже вселенскими соборами. Такимъ образомъ это было славное празднество, или *торжество православія*; положено было и на будущее время—вспоминать это торжество и воспроизводить его каждый годъ, въ первое воскресенье великаго поста. Предки наши, принявъ изъ Константинополя св. православную вѣру, вмѣстѣ съ нею приняли и это празднество православія;—и вотъ мы нынѣ совершаемъ оное.

Но празднуя торжество Православія, какъ сыны Церкви православной, мы въ нынѣшній-же день, какъ сыны государства

русскаго, празднуемъ начало 22-ой годовщины славнаго и въ высшей степени благодѣтельнаго царствованія возлюбленнѣйшаго царя нашего, Государя Императора. Знаменательно и въ высшей степени поучительно совпаденіе этихъ двухъ торжествъ въ одинъ день! Православіе именно есть та божественная сила, которою создано, окрѣпло и возвеличилось русское государство. Это такая общеизвѣстная истина, что и не требуетъ для себя нарочитыхъ доказательствъ. Кто хоть немного знакомъ съ исторіею Руси, тотъ знаетъ, чѣмъ было для нея православіе во всѣ эпохи ея свѣтлѣйшей жизни,—знаетъ, что именно въ православіи церкви русской лежалъ залогъ благоденствія, могущества и величія государства русскаго,—что не будь Русь православною, ея исторія, ея судьба была-бы совсѣмъ иною... Эту истину сознаетъ и весь народъ русскій, хотя, конечно, не всегда достаточно ясно и отчетливо: онъ любитъ называть свое отечество по преимуществу Русью *православною*, и слова *русскій* и *православный* для него означаютъ одно и то же. Эту же истину, безъ всякаго сомнѣнія, сознаетъ—и даже больше чѣмъ кто-либо другой—и Самъ Благочестивѣйшій Государь нашъ. Ее Онъ высказалъ 21 годъ тому назадъ, въ первомъ царственномъ словѣ своемъ, обращенномъ къ народу, т. е. въ Высочайшемъ манифестѣ своемъ, при восшествіи на прародительскій престолъ *). Ею же, этою мыслию, Онъ, безспорно, руководился и доселѣ руководится во всѣхъ благихъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ своихъ, во всѣхъ тѣхъ великихъ реформахъ и преобразованіяхъ, которыя совершены и еще совершаются и будутъ совершаться, по Его державному слову, въ нашей общественной и государственной жизни, къ нашему благу и счастію.

Какой-же урокъ для себя извлечемъ мы, братіе, изъ сегодняшнихъ нашихъ двухъ торжествъ и зъ сказаннаго сейчасъ по поводу ихъ?—Урокъ этотъ, кажется, ясенъ самъ собою:—нужно хранить православіе, какъ зѣницу ока, какъ самую дорогую святыню, завѣщанную намъ Спасителемъ нашимъ; въ частности—нужно усвоить себѣ православіе умомъ, любить сердцемъ, прово-

*) Вотъ слова манифеста, сюда относящіяся: «наконецъ — и сіе есть первое живѣйшее желаніе Наше—свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность, сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія.

дѣть его въ жизнь, осуществлять въ дѣятельности. Это необходимо намъ и какъ гражданамъ, и для счастья земнаго, временнаго, и для блаженства небеснаго, вѣчнаго. Урока этого никогда не слѣдуетъ забывать—и не нѣкоторымъ только лицамъ и не въ здѣшнемъ только краѣ, но всѣмъ и повсюду православнымъ. Враждебныя православію силы не успокоились и послѣ временъ иконоборства и продолжаютъ воевать противъ церкви Христовой даже до нынѣшняго дня. Въ то самое время, когда любезное отечество наше просвѣщалось св. крещеніемъ и утверждалось въ истинахъ православія, западная половина церкви Христовой, по начинанію церкви римской и потомъ подъ ея преобладающимъ вліяніемъ, начала отпадать и скоро совсѣмъ отпала отъ живаго союза съ древнею церковію вселенскою и образовала собою такъ-называемую римско-католическую церковь, во многомъ уклонившуюся отъ духа и завѣта истинной церкви Христовой. Затѣмъ, съ 16-го вѣка, отъ римско-католической церкви начали, въ свою очередь, отпадать различныя части ея, и подъ общимъ именемъ протестантства и реформатства образовали собою особыя христіанскія общины, въ которыхъ только и осталось отъ древней церкви, что вѣра во Христа. Наконецъ, и эта вѣра во Христа сильно потрясена въ послѣднее время, по дѣйствию тѣхъ-же враждебныхъ ей силъ: изъ нѣдръ протестантства не замедлило выйти, какъ и теперь еще выходитъ, множество людей, которые въ слухъ всего христіанскаго міра проповѣдуютъ, что І. Христосъ былъ сынъ Іосифа и Маріи, гуманнѣйшій человѣкъ, но большой мечтатель,—что Онъ умеръ на крестѣ, но не воскресъ,—что проповѣданная Имъ религія и основанная церковь уже отжили свое время, что пора уже просвѣщенному человѣчеству отречься отъ имени христіанскаго и создать себѣ новую, лучшую религію. Люди эти пошли даже гораздо дальше евангельскихъ фарисеевъ, саддукеевъ и книжниковъ: они отвергли не только І. Христа, но и возвѣщеннаго Имъ Бога Отца, поставивъ на мѣсто живаго Бога слѣпую матерію, или-же большею частію—самихъ себя, самаго человѣка... Ученіе этихъ поклонниковъ матеріи и самообожателей заходитъ нерѣдко и къ намъ и выдается здѣсь, какъ послѣднее слово науки, долженствующее пересоздать міръ; въ сущности-же оно весьма древнее ученіе, ученіе исконнаго человѣкоубійцы и отца лжи, который еще прародителямъ нашимъ внушалъ оное: только послушайте меня и *будете яко бози...* Будемъ-же, братіе, гнать отъ себя прочь это богохульное и богопротивное ученіе и

стоять твердо въ ученіи Христовомъ, въ ученіи православномъ. *Созижду церковь Мою и врата адава не одолѣютъ ей* (Матѣ. 16 18), сказалъ нѣкогда І. Христось, а *І. Христось вчера и днесь, Той же и во вѣки* (Евр. 13, 8) и слово Его непреложно: *небо и земля мимоидетъ, словеса-же Его не мимоидутъ* (Матѣ. 24, 35). Аминь.

(«Воскресное Чтеніе» 1877 г. № 6).

II.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВ. МУРОНОСИЦЫ

и равноапостольныя Маріи Магдалины.

Св. Марія Магдалина, память которой мы нынѣ празднуемъ, принадлежитъ къ лику св. женъ-муроносицъ. Муроносицы — это тѣ жены, которыя, во время земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, всюду слѣдовали за Нимъ, чтобы слушать Его божественное ученіе, назидаться примѣромъ Его святѣйшей жизни и оказывать Ему посильныя услуги. Нѣкоторыя изъ нихъ были исцѣлены Имъ *отъ злыхъ духовъ и болѣзней*, и сдѣлавшись послѣ этого Его ученицами, *служили Ему имънѣемъ своимъ* (Лук. 8, 1—3), стараясь всячески облегчить Ему трудный подвигъ Его служенія роду человѣческому. Любовь, самая чистая и святая, ко Христу Спасителю одушевляла этихъ женъ во все время слѣдованія за Нимъ; но съ особенною силою эта любовь проявилась во дни послѣднихъ Его страданій и смерти. Когда вели Его на крестную казнь и всѣ почти ученики Его разбѣжались и скрылись, жены-муроносицы, побѣдивъ страхъ любовію, сопровождали Его до самой Голгофы, стояли у креста Его до послѣдняго Его издыханія и затѣмъ смотрѣли, гдѣ и какъ полагалось тѣло Его. Что пережили, что почувствовали онѣ въ это время—понятно само собою... Но онѣ еще не все сдѣлали, что могли и хотѣли-бы сдѣлать любимому Учителю, теперь уже мертвому. По іудейскому обычаю, тѣло мертвеца при погребеніи помазывалось разными благовон-

ными веществами; Иосифъ и Никодимъ, погребавшіе тѣло Христова, помазали его составомъ изъ смирны и алоя (Іоан. 19, 38—40): но... неужели не окажутъ этой послѣдней чести Его пречистому тѣлу и онѣ, Его вѣрныя ученицы, такъ безпредѣльно Ему преданныя? Муро и другія благовонныя масти онѣ уже припасли и приготовили; но наступившій субботній покой, начинавшійся по закону съ вечера пятницы, не позволилъ имъ возлить это муро на пречистое тѣло. И вотъ, лишь только прошла суббота, на разсвѣтъ перваго дня недѣли, онѣ (а прежде всѣхъ ихъ Марія Магдалина) съ приготовленными ароматами спѣшатъ къ погребальной пещерѣ, въ которой лежало тѣло ихъ Учителя и Господа. Ничто не останавливаетъ ихъ отъ этого путешествія, ни естественная женская слабость и робость, ни страхъ ночи, ни опасеніе воиновъ, сторожившихъ у гроба... Это то именно обстоятельство (замѣтимъ мимоходомъ), это несеніе мюра ко гробу Христа Спасителя, дабы помазать имъ пречистое тѣло Его, и дало этимъ женщинамъ названіе муросолицъ. — Что было дальше съ женами-муросолицами—думаемъ извѣстно каждому христіанину. Онѣ первыя услышали вѣсть о воскресеніи Господа отъ ангеловъ небесныхъ и возвѣстили эту всерадостнѣйшую вѣсть апостоламъ, онѣ же первыя сподобились увидѣть Самого Воскресающаго и поклониться Ему. Какова была при этомъ ихъ радость—этого и вообразить нельзя... По вознесеніи Господа на небо, нѣкоторыя изъ нихъ пошли проповѣдывать о Немъ, возвѣщать всюду Его Имя и насаждать Его божественное ученіе. По крайней мѣрѣ это несомнѣнно извѣстно о Маріи Магдалинѣ, которая съ проповѣдью о Христѣ была и въ Римѣ и въ Ефесѣ. Церковь причислила муросолицъ къ лику святыхъ своихъ, а Маріи Магдалинѣ, сверхъ того, усвоила наименованіе равноапостольной, за ея апостольскіе труды во благовѣстіи Христовомъ.

Св. муросолицы — первыя, но не единственныя женщины въ ликѣ христіанскихъ святыхъ. Христіанство возвѣстившее полную религіозно-правственную равноправность мужескаго пола и женскаго и этимъ избавившее женщину отъ рабства и униженія, въ коемъ она находилась цѣлыя тысячелѣтія, во всемъ почти древнемъ мірѣ, дало новому міру многое множество женщинъ, истиннѣ великихъ и святыхъ. Уже во времена апостольскія мы видимъ женъ, которыя съ величайшимъ усердіемъ внимаютъ проповѣди апостоловъ и съ полною преданностію и самоотверженіемъ раздѣляютъ съ ними ихъ труды и опасности.

Апостоль Павель, въ посланіи своемъ къ римлянамъ (гл. 16) упоминаеть о нѣсколькихъ такихъ женщинахъ, которыхъ называетъ возлюбленными, сестрами и матерями своими, помощницами и сотрудницами во Христъ Іисусъ, и говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ *много потрудились о Господь*, раздѣляли узы апостола и голову свою полагали за его душу. Во времена гоненій на церковь, христіанскія жены утѣшали заключенныхъ въ темницахъ, перевязывали раны мученикамъ и, по выраженію св. Златоуста, мужественнѣе львовъ терпѣли мученія за вѣру. Исторія Церкви представляетъ цѣлыя сонмы такихъ безстрашныхъ мученицъ, которыхъ ни мечъ, ни огонь, ни смерть, ни животъ, ничто не могло разлучить отъ любви Христовой и которыя, какъ на брачный пиръ, шли на муки, пытки и казни за имя и дѣло Христова. По прошествіи времени гоненій, съ IV-го вѣка, однѣ изъ христіанскихъ женъ (какъ напр. Меланія-римлянка) всецѣло предаются дѣламъ христіанской благотворительности, расточаютъ громадныя имѣнія на бѣдныхъ и несчастныхъ, строятъ гостепріимницы, больницы и т. п. богоугодныя заведенія; другія (какъ напр. Марія-египетская) идутъ въ пустыни и монастыри и, отрекшись здѣсь отъ всего мірскаго, посвящаютъ свою жизнь изумительнымъ трудамъ подвижничества христіанскаго; иныя, наконецъ, въ тихомъ семейномъ кругу ничего не щадятъ, всемъ жертвуютъ для воспитанія дѣтей въ духъ Христовомъ и воспитываютъ такихъ великихъ свѣтильниковъ вѣры и благочестія, какъ напр. Макрина и Емилиа—св. Василия Великаго, Нонна—св. Григорія Богослова, Анеуса—св. Іоанна Златоустаго и проч. Если отъ древней вселенской церкви мы перенесемъ свой мысленный взоръ на нашу отечественную церковь, то и здѣсь увидимъ не мало великихъ и святыхъ женъ, которыя всемъ сердцемъ любили Іисуса Христа, служили Ему, проповѣдывали о Немъ. Таковы напр.: св. Ольга равноапостольная, первая открывшая путь христіанству въ наше дорогое отечество, преподобная Евфросинія-полоцкая, преподобная Евфросинія-суздальская и многія другія.

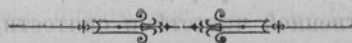
Жены и дѣвы христіанскія! И вы имѣете счастье называться ученицами и послѣдовательницами Іисуса Христа. Если хотите не только называться, но и быть таковыми, то и вы должны, подобно муроносицамъ и всемъ святымъ женамъ, любить Іисуса Христа, служить Ему, проповѣдывать о Немъ. Любить Іисуса Христа и служить Ему не значитъ только умомъ и сердцемъ

возноситься къ Нему, отдавать Ему преимущество предъ всѣми людьми за Его божественныя совершенства, воздыхать при мысли о Его страданіяхъ за насъ, молиться Ему, кланяться предъ Его иконою и т. п. Любить Его и служить Ему значитъ, главнымъ образомъ, соблюдать Его слово, исполнять Его заповѣди (Іоан. 14, 21, 22),—такъ поставить свою жизнь и направить свою дѣятельность, чтобы началомъ, средоточіемъ и концомъ ея былъ только Онъ—Его ученіе, Его воля, Его примѣръ. Кромѣ того, любить Его значитъ любить ближнихъ нашихъ, не исключая и враговъ нашихъ, и любить такъ, какъ Онъ возлюбилъ всѣхъ насъ—до готовности даже *положить* за нихъ *душу Свою* (Іоан. 13, 34; 15, 13); а служить Ему значитъ служить человѣчеству, строгимъ и точнымъ исполненіемъ нашихъ обязанностей,—служить особенно бѣдствующему и страждущему человѣчеству—этой *меньшей братіи* Его (Матѳ. 25, 40)—дѣлами состраданія, милосердія, благотворительности, братской помощи, и служить, опять, до самоотверженія. Когда вы будете такъ любить Его и такъ служить Ему, то вмѣстѣ съ этимъ и уже однимъ этимъ вы будете и проповѣдывать о Немъ, потому что проповѣдывать о Немъ можно и должно не съ церковной только кафедры, но всегда и вездѣ, и не словомъ только и языкомъ, но болѣе всего самымъ дѣломъ, самую жизнь—по Его духу и завѣту.... Теперь посмотрите, какое широкое поприще, несмотря на видимую тѣсноту круга обычной вашей дѣятельности, открыто предъ вами для выполненія этой священной обязанности вашей въ отношеніи къ Іисусу Христу. Вотъ семейство... Какъ оно ни мало, но въ немъ кладутся и зарождаются сѣмена тѣхъ явленій, изъ какихъ слагается великая общественная жизнь. Каждый изъ насъ, выростая подъ домашнимъ кровомъ, при выступленіи на общественную дѣятельность приносить съ собою черты характера, сложившагося въ тишинѣ роднаго круга. Но душею, царицею домашняго круга, должна быть женщина, въ качествѣ матери, супруги или сестры: отъ нея зависитъ духъ семейства, большая или меньшая его чистота и святость: отъ нея зависитъ устроеніе и утвержденіе тѣхъ всѣдневныхъ семейныхъ обычаевъ, которые кладутъ неизгладимую печать на нравственный обликъ человѣка. А воспитаніе дѣтей?... Возрастая долгое время на рукахъ матери, научаясь отъ нея понимать и различать вещи, они наслѣдуютъ отъ нея не только тѣлесное, но и духовное здоровье, и если не всегда похожи бываютъ на нее по лицу, то по душѣ—почти всегда. Питая дѣтей

своею плотію и кровію, мать, вмѣстѣ съ этимъ, сообщаетъ имъ первыя нравственныя понятія и убѣжденія, составляющія основу ихъ духовнаго склада и личнаго характера на всю послѣдующую жизнь. Дальнѣйшіе воспитатели человѣка, такъ сказать, только возводятъ вершины на томъ основаніи, какое положено въ немъ первоначально любовію матери. Такимъ образомъ, женщина собственно даетъ церкви и обществу такихъ или иныхъ дѣятелей; отъ нея зависитъ нравственное направленіе, чистота и святость не только единичныхъ личностей, но и цѣлыхъ поколѣній... Чувствуете-ли всю высоту этого призванія вашего и всю великую отвѣтственность за него предъ Богомъ и людьми? Старайтесь-же, если вы любите І. Христа и желаете служить Ему, старайтесь создавать въ своемъ домѣ тихій рай, гдѣ все дышало-бы благочестіемъ, молитвою, теплою вѣрою и любовію,—гдѣ дѣти ваши, изъ людей темныхъ и невѣдущихъ, дѣлались-бы просвѣщенными христіанами, изъ существъ природы—сынами и дочерьми Божиими, великими по нравственной чистотѣ и святости,—гдѣ мужчина, супругъ-ли то, или братъ, или другъ, размягчалъ-бы и согрѣвалъ свою душу, иссушаемую и охлаждаемую ежедневнымъ трудомъ и обычными житейскими дрязгами, и откуда онъ выходилъ-бы на дѣло и дѣланіе свое бодрѣе, нравственно-чище и святѣе, чѣмъ какимъ пришелъ сюда. Безъ сомнѣнія, для этого придется вамъ много сдѣлать усилій надъ самими собою, отъ многого привычнаго отказаться, ко многому непривычному привыкнуть; придется не мало пролить слезъ, провести бессонныхъ ночей, перенести несправедливыхъ и обидныхъ нареканій со стороны людей, живущихъ по духу міра сего, вообще—терпѣть и страдать; но.. вѣдь никакая любовь не обходится безъ жертвъ и страданій и она-же дѣлаетъ ихъ легкими и пріятными. Семейство—самое первое и главное, но не единственное поприще, на которомъ христіанскія женщины могутъ служить Іисусу Христу и проповѣдывать о Немъ. Онѣ могутъ дѣлать это и внѣ семейнаго круга,—напр. въ школахъ, или пріютахъ, гдѣ имъ ввѣряется воспитаніе молодого женскаго поколѣнія и гдѣ онѣ должны замѣнять для своихъ питомицъ родныхъ матерей и сестеръ, а также въ уединенныхъ обителяхъ, гдѣ все способствуетъ созиданію себя и другихъ по духу Евангелія Христова и ничто не мѣшаетъ предаваться самымъ высокимъ подвигамъ христіанской любви и самоотверженія. Наконецъ, и помимо школъ, пріютовъ и обителей, сколько представляется христіанскимъ женщинамъ случаевъ служить Христу,

являть свою любовь къ Нему! Развѣ мало въ обществахъ чело-
вѣческихъ невѣжества, нищеты, болѣзней, всякаго рода скорбей и
страданій? Спѣшите-же къ ближнимъ вашимъ, которыхъ самъ
Христосъ *не стыдится называть* своими *братіями* (Евр. 2, 11),
спѣшите съ посильною помощью—и матеріальною и духовною,
осушайте ихъ слезы, облегчайте ихъ горе, созидайте ихъ счастье
временное и благовѣчное. Образцомъ въ этомъ святомъ дѣлѣ,
послѣ мученицъ и другихъ святыхъ женщинъ, да послужать
вамъ и сегодняшнія Августѣйшія Именинницы наши, Государыня
Императрица и Государыня Цесаревна, которыя, какъ извѣстно,
даютъ благой примѣръ, защиту и покровительство всемъ об-
щественнымъ и частнымъ начинаніямъ, клонящимся къ распро-
страненію въ любезномъ отечествѣ нашемъ свѣта истины и добра
и къ облегченію въ немъ горя и страданій. Аминь.

(«Литов. Епарх. вѣд.» 1878 г. № 31).

12.

СЛОВО ПО СЛУЧАЮ ЗАУПОКОЙНАГО ПОМИНОВЕНІЯ

Литовскою духовною семинаріею ея основателей,
благодѣтелей, начальниковъ и всѣхъ въ ней
учившихъ и учившихся, 6-го октября 1878 года,
наканунѣ празднества пятидесятилѣтняго юбилея
семинаріи.

Не совсѣмъ обычное празднество у насъ нынѣ, братіе! Мы
собрались въ этотъ св. храмъ, дабы въ нарочитой молитвѣ предъ
Богомъ помянуть всѣхъ усопшихъ основателей, благодѣтелей,
начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ нашей семинаріи.
Ближайшимъ-же поводомъ къ этому послужило для насъ то
обстоятельство, что семинарія наша оканчивается нынѣ пятиде-
сятилѣтній періодъ своего существованія. Быть можетъ, братіе,

по этому случаю вы ждете от меня теперь и слова о семинари-же, о ея значеніи и заслугахъ для здѣшняго края, для церкви православной и общества русскаго, о ея разнообразныхъ судьбахъ и многочисленныхъ перемѣнахъ, происходившихъ въ ней и съ нею въ теченіе полувѣковой ея жизни, и т. п. Но да позволено будетъ мнѣ умолчать обо всемъ этомъ: рѣчь объ этомъ вывела-бы насъ далеко за предѣлы церковнаго собесѣдованія, да притомъ она и будетъ предложена желающимъ слышать ее—завтра. Вмѣсто этого, мы думаемъ предложить вашему вниманію нѣсколько общихъ христіански-назидательныхъ мыслей, возбужденныхъ въ насъ настоящимъ нашимъ поминовеніемъ.

Мы поминаемъ 'нашихъ усопшихъ. Что это за поминовеніе такое и зачѣмъ оно?

Когда друзья, родные, хорошіе знакомые расстаются между собою на продолжительное время, они взаимно просятъ и обѣщаются не забывать другъ друга. Когда человѣкъ, жившій въ одномъ мѣстѣ и обществѣ, переходитъ въ другое мѣсто и общество, онъ также проситъ своихъ знакомыхъ не забывать его и старается оставить имъ что-нибудь на память о себѣ. Человѣкъ престарѣлый, собирающийся въ могилу, нерѣдко серьезно задумывается надъ тѣмъ, чтобы такое оставить ему на память о себѣ послѣ смерти. Наконецъ, когда человѣкъ уже умираетъ,—и тогда послѣднюю просьбою его къ окружающимъ бываетъ просьба не забывать его. И чѣмъ шире кругъ лицъ, состоящихъ одрѣ умирающаго и обѣщающихъ хранить память о немъ, тѣмъ легче и спокойнѣе, повидимому, умирать человѣку; напротивъ, ничего кажется не бываетъ тяжелѣе для умирающаго, какъ мысль о томъ, что о немъ некому вспомнить, что его всѣ позабудутъ. Что-же значитъ все это? Отчего человѣку такъ хочется, чтобы его всѣ помнили, чтобы о немъ никогда не забывали? Не самолюбіе это и эгоизмъ, какъ можетъ показаться нѣкоторымъ, а естественная потребность нашего духа. Это знакъ того, что душа наша создана для общенія съ другими душами, и только въ этомъ общеніи находитъ возможное удовлетвореніе для себя; это инстинктивное сознаніе и тайное гаданіе ея о томъ, что нѣкогда всѣ мы составимъ одну общую семью Божию и будемъ жить въ ней, никогда уже не разлучаясь, но вѣчно пребывая всѣ вмѣстѣ... Друзья и родные вспоминаютъ другъ о другѣ въ умѣ и представленіи, въ разговорахъ съ посторонними; но всего этого какъ-то мало и недостаточно для души любящей,—и вотъ, когда она отверзаетъ

уста свои для молитвы, предъ нею носятя образы ея любимыхъ и она, такъ сказать, невольно произноситъ имена ихъ предъ Богомъ. Послѣ этого, человѣку дѣлается легче и покойнѣе на сердцѣ: онъ какъ будто сейчасъ повидѣлся и побесѣдовалъ съ своими друзьями и родными; онъ высказалъ теперь предъ Богомъ все свои благожеланія имъ, какихъ не высказалъ-бы иногда и при личномъ свиданіи и бесѣдѣ съ ними. Пока друзья и родные живы, у нихъ, кромѣ молитвы, есть и другія средства взаимнаго общенія—свиданіе, переписка, взаимные подарки и т. п.; но коль скоро одинъ изъ нихъ умеръ, — общеніе съ нимъ становится возможнымъ только въ молитвѣ. Оставшіяся отъ покойника вещи, даже его портреты, могутъ лишь напоминать о немъ, но не даютъ сердцу вкушать живаго и дѣйствительнаго общенія съ нимъ: это даетъ единственно только молитва... Итакъ, вотъ гдѣ начало и основаніе молитвы за усопшихъ: въ прирожденномъ стремленіи душъ ко взаимному общенію и единенію и въ томъ, что самое дѣйствительное средство этого общенія и единенія есть взаимная молитва. И церковь наша, не подавляющая, а только очищающая, освящающая и возвышающая все доброе человѣческое, не только не запретила, какъ сдѣлала, напр., протестантская церковь, а еще повелѣла намъ поминать усопшихъ, обративъ, такимъ образомъ, естественную потребность сердца въ положительную заповѣдь. Истинно по-матерински поступила она съ нами и въ этомъ, какъ поступаетъ и во всемъ!

Будучи душевною потребностію, поминовеніе усопшихъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ естественный долгъ благодарности, должная дань признательности къ тѣмъ изъ нихъ, которые оказали намъ какія-либо услуги и благодѣянія и которымъ вообще мы обязаны чѣмъ нибудь. Настоящее наше поминовеніе по-преимуществу таково, потому что большинство здѣсь предстоящихъ и молящихся обязаны поминаемымъ усопшимъ всеѣмъ, что только есть лучшаго и благороднѣйшаго въ ихъ жизни, не говоря уже о томъ, что многіе изъ насъ—родные внуки и дѣти ихъ, обязанные имъ даже самую свою жизнь... Да,—еслибъ не эти наши покойники, не ихъ христіанская ревность и энергія, большинство изъ насъ не только не имѣли-бы того образованія, какое имѣетъ нынѣ, но не принадлежали-бы и къ той истинной церкви Божіей, къ которой имѣютъ счастье принадлежать теперь. Они, если можно такъ выразиться, своею грудью отстояли и на своихъ собственныхъ плечахъ вынесли, хотя, конечно, не безъ содѣйствія благодати

Божіей, наше дорогое православіе, а вмѣстѣ съ нимъ и нашу народность, отъ тѣхъ острыхъ стрѣлъ и тяжкихъ ударовъ, какіе пущены были въ нихъ здѣсь... Самое училище наше для того собственно и устроено первоначально, чтобъ воспитать въ немъ людей, которые могли-бы бороться съ церковію, хотя христіанствующею, но мірскіе интересы, житейскіе разсчеты и славу человѣческую возлюбившею паче славы Божіей, и съ народностію, хотя единоплеменною нашею, но искаженною вліяніемъ той церкви. И оно не замедлило воспитать и дать здѣшнему краю такихъ людей, -- людей, *готовыхъ присно ко отвѣту всякому вопрошающему словесе о нашемъ упованіи* (1 Петр. 3, 15), *сильныхъ и утѣшати въ здоровомъ ученіи и противящіяся обличати* (Тит. 1, 9), способныхъ даже души свои полагать, когда того требуетъ нужда, за чистоту своей вѣры и неприкосновенность своей народности. Вслѣдствіе этого, хитро придуманная и искусно созданная такъ называемая унія исчезла, какъ дымъ, а презираемое и угнетаемое православіе восторжествовало даже до сего дня... Какіе-же великіе, послѣ этого, благодѣтели—наши усопшіе, и какъ намъ не благодарить ихъ! Но чѣмъ-же и благодарить ихъ теперь, какъ не пламенною молитвою объ упокоеніи ихъ въ царствіи небесномъ? По вѣрѣ нашей церкви, великая бываетъ польза душамъ умершихъ отъ церковнаго поминовенія ихъ, особенно—когда оно соединяется съ приношеніемъ за нихъ таинственной жертвы тѣла и крови Христовой. Это и дѣлаемъ мы нынѣ,—и лучшаго, болѣе дѣйствительнаго благодаренія нашимъ усопшимъ благодѣтелямъ мы не можемъ уже и придумать.

Служа выраженіемъ благодарности къ дорогимъ нашимъ покойникамъ, настоящее поминовеніе ихъ служить въ тоже время и къ нашей духовной пользѣ и назиданію.

И во-первыхъ,—по ученію нашей церкви, какъ мы молимся здѣсь за умершихъ, такъ и они молятся тамъ за насъ, особенно же тѣ изъ нихъ, которые стяжали большее дерзновеніе ко престолу Владычню. Такимъ образомъ, нынѣ молится тамъ за насъ цѣлый сонмъ ревнителей вѣры и подвижниковъ благочестія, создавшихъ наше училище, трудившихся въ немъ и для него, воспитавшихся въ немъ, а во главѣ сего сонма *воздвѣгаетъ* къ Богу свои *преподобныя руки* (1 Тим. 2, 8) приснопамятный іерархъ Литовской церкви, любившій и лелѣявшій это училище, какъ свое родное дѣтище. Великое утѣшеніе въ этомъ для насъ, братіе! Мы твердо уповаемъ, что гласъ столькихъ и такихъ молит-

венниковъ не будетъ не услышанъ и низведетъ помощь и благословеніе свыше на наши скудные труды во благо нашего училища.

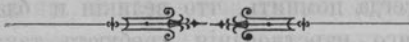
Далѣе, поминая нашихъ покойниковъ, мы естественно вспоминаемъ, что мы—ихъ ученики и преемники, и потому должны быть подражателями ихъ вѣры и продолжателями ихъ славныхъ дѣяній. Невольно, такимъ образомъ, припоминается намъ при этомъ заповѣдь апостола: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, иже взирающе на скончаніе жителства подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. 13, 7). Да, братіе мои, мы должны подражать вѣрѣ поминаемыхъ нынѣ наставниковъ нашихъ, потому что и теперь, какъ и во дни ихъ, повсюду распространено—то невѣріе, то суевѣріе, то безразличіе въ дѣлахъ вѣры, или такъ-называемый религіозный индифферентизмъ. Противъ невѣрія мы должны защищать нашу вѣру; противъ суевѣрія—разъяснять ее; противъ индифферентизма — показывать, что далеко не все равно, къ какой-бы вѣрѣ человекъ ни принадлежалъ,—что какъ истина, по природѣ своей, всегда одна, такъ и истинная вѣра и истинная церковь можетъ быть тоже только одна. Въ частности мы должны подражать поминаемымъ нынѣ усопшимъ и въ отношеніяхъ нашихъ къ той вѣрѣ и церкви, для борьбы съ которыми и создано ими наше училище. Необходимо это какъ потому, что церковь та и доселѣ не перестаетъ посягать на чистоту нашего православія и во имя вѣры разжигать политическія страсти, такъ и потому, что различіе между тою вѣрою и нашею православною совѣмъ не такъ незначительно, какъ иногда можетъ казаться. Нынѣ часто можно слышать, что различіе между католичествомъ и православіемъ самое несущественное, состоящее почти въ одной только обрядности, — что теперь уже не время для мелочныхъ вѣроисповѣдныхъ словопреній, которыя рождаютъ только раздѣленія, смуты и нестройнія въ обществѣ и т. д. Если мы хотимъ быть достойными учениками и преемниками нашихъ покойниковъ, мы должны показывать ложность подобныхъ взглядовъ и сужденій, — должны разъяснять, что въ основаніи ихъ лежитъ или незнаніе дѣла, или-же, чаще, религіозный индифферентизмъ, а отъ индифферентизма не очень далеко и до полнаго безвѣрія и безбожія.

Наконецъ, настоящее наше поминовеніе для болѣе внимательныхъ можетъ служить нагляднымъ выраженіемъ той связи, какая существуетъ между нашею и должна-бы существовать между всякою другою наукою—съ одной стороны, и между жизнію бу-

душаго вѣка—съ другой. Въ настоящее время нерѣдко можно встрѣчать людей, которые, во имя науки, отрицають безсмертіе духа человѣческаго и будущую, загробную жизнь. Такіе люди не станутъ поминать своихъ покойниковъ молитвою: отъ ихъ покойниковъ, отъ всего существа ихъ, по ихъ ученію, только удобряется кора земная и—больше ничего! Не наша это наука, и не отъ насъ эти люди, а еслибъ и отъ насъ, то мы имѣемъ полное право сказать о нихъ словами апостола: *отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ* (1 Иоан. 2, 19). Наша наука, вообще говоря, есть приготовленіе къ будущей жизни. То боговѣдніе, которое она намъ сообщаетъ, и тѣ правила жизни, какія она намъ внушаетъ и конечною цѣлью которыхъ служитъ возможное для насъ здѣсь богоуподобленіе,—все это есть не что иное, какъ только развитіе въ насъ способности и вкуса къ будущей блаженной жизни *со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 3, 3), гдѣ наше боговѣдніе должно перейти въ непосредственное богосозерцаніе и богообщеніе. Такова-бы должна быть, по настоящему, и всякая христіанская наука, потому что и вся здѣшняя жизнь наша, по христіанскому ученію, есть только приготовленіе и воспитаніе для жизни будущей.

Помолимся-же, братіе, еще и еще, съ живою вѣрою и теплою любовію, помолимся объ усопшихъ рабахъ Божіихъ, основателяхъ и благодѣтеляхъ нашей семинаріи и всѣхъ въ ней начальствовавшихъ, учившихъ и учившихся, да упокоитъ ихъ Господь въ царствіи Своемъ небесномъ, въ селеніяхъ святыхъ Своихъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная. Аминь.

(«Литов. Епарх. вѣд.» 1872 г. № 42).

13.

СЛОВО

НА 26^е АВГУСТА,

день коронованія и священнѣйшаго миропомазанія Благочестивѣйшаго Государя Императора, Александра Николаевича.

Съ обычнымъ празднованіемъ воскреснаго дня у насъ соединилось нынѣ еще другое празднованіе—дня коронованія и священнаго помазанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего, Александра Николаевича.

Двадцать три года прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ совершилось это помазаніе и вѣнчаніе на царство Благочестивѣйшаго Государя нашего,—и все это время ознаменовано величайшими реформами, самыми коренными и высшей степени благодѣтельными преобразованіями любезнаго отечества нашего, во всѣхъ разнообразныхъ сферахъ и проявленіяхъ его жизни. Слава и благодареніе Господу, сподобившему насъ жить въ такое свѣтлое время! Хвала и честь великому Помазаннику Божію, воздвигнутому Богомъ для царствованія надъ нами и совершившему уже столько великихъ и славныхъ дѣяній для нашего блага и счастья! Имя Его крупными буквами запишется на скрижаляхъ исторіи и никогда не умретъ въ сердцѣ и памяти благодарныхъ, осчастливленныхъ Имъ россиянь.

Но, братіе мои, воздавая хвалу и благодареніе Господу Богу и великому Государю нашему за ихъ милости и благодѣянія къ намъ, будемъ всегда помнить, что великія и благодѣтельныя реформы нынѣшняго царствованія требуютъ также немалыхъ реформъ и въ нашей внутренней духовной жизни, въ нашемъ умѣ, сердцѣ и волѣ, и что только подъ условіемъ нашего нравственнаго усовершенствованія, нашего внутренняго улучшенія и преобразованія возможенъ надлежащій успѣхъ и всѣхъ этихъ внѣшнихъ, государственныхъ реформъ и преобразованій.

Не много, кажется, нужно сообразительности, чтобы понять эту истину: такъ она ясна и проста для всякаго здравомыслящаго.

Вотъ предъ нами извѣстная крестьянская реформа: кто не понимаетъ, что для того, чтобы принести всѣ свои благіе плоды, реформа эта требуетъ непременно внутренней, нравственной реформы въ ушахъ и сердцахъ крестьянъ? Въ прежнемъ положеніи своемъ они нажили много дурныхъ привычекъ, отъ которыхъ имъ необходимо теперь отвыкнуть,—усвоили много одностороннихъ и странныхъ взглядовъ, отъ которыхъ нужно теперь отрѣшиться. Такъ, напр., они не должны уже смотрѣть на свой трудъ, какъ на барщину; но должны понять и оцѣнить его съ иной точки зрѣнія и, затѣмъ, полюбить его; должны отрѣшиться отъ прежняго взгляда на грамотность и образованіе, какъ на роскошь, какъ на нѣчто излишнее и даже вредное и опасное для нихъ, и усвоить себѣ взглядъ совершенно противоположный; должны отстать отъ утвердившейся вѣками привычки—свободное отъ трудовъ время проводить въ нетрезвости, всѣ радости и скорби своей жизни ознаменовывать пьянственнымъ разгуломъ, а вмѣсто того—найти для себя иныя, невинныя развлечения, развить въ себѣ вкусъ къ другимъ чистымъ и благороднымъ удовольствіямъ. Вообще-же они должны научиться пользоваться дарованнымъ имъ даромъ гражданской свободы разумно и правильно, единственно во благо свое и другихъ, а это не такъ легко и просто, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Таже крестьянская реформа, какъ понятно само собою, требуетъ не малой реформы и въ нравственномъ характерѣ самихъ бывшихъ владѣльцевъ крестьянъ. Они должны теперь отвыкнуть отъ многого, къ чему привыкли при прежнемъ порядкѣ, когда для нихъ работали даромъ другіе; должны отказаться отъ такъ-называемыхъ барскихъ затѣй, уменьшить свои расходы на роскошь, тщеславіе и т. п.

Другія современные намъ реформы также требуютъ важныхъ перемѣнъ въ нашихъ прежнихъ взглядахъ, привычкахъ и характерѣ. Земскія, напр., и городовыя учрежденія требуютъ, чтобы мы отрѣшились отъ прежнихъ сословныхъ предрассудковъ и предубѣжденій и преслѣдовали не свои только интересы, или интересы того сословія, къ которому сами принадлежимъ, но—благо и пользу всего извѣстнаго общества; требуютъ, чтобы мы пріучались видѣть въ каждомъ человѣкѣ, кто-бы онъ ни былъ по своему званію, первѣе всего именно человѣка, нашего брата, имѣющаго одинаковыя съ нами права на пользованіе благами и удобствами жизни. Судебная реформа требуетъ, чтобы мы от-

выкли отъ мысли, что богатый, сильный и высокопоставленный человекъ можетъ безнаказанно обидѣть бѣднаго, слабого и низкопоставленнаго,—чтобъ отвыкали также отъ такъ-называемаго крючкотворства, ябедничества и сутяжничества, къ которымъ у насъ такъ много было охотниковъ при прежнемъ судопроизводствѣ. Учебная реформа имѣетъ въ виду, между прочимъ, отучить насъ отъ такъ-называемаго верхоглядства и всезнайства: она требуетъ, чтобы люди, берущіеся учить чему-либо въ школахъ, сами напередъ основательно научились тому. Она требуетъ также, чтобы люди эти развивали не одинъ только умъ, но и сердце и характеръ, и даже физическую сторону своихъ питомцевъ,—чтобъ они не только обучали, но вмѣстѣ и воспитывали молодое поколѣніе, и воспитывали, первѣе и паче всего, своимъ благимъ примѣромъ, своею собственною нравственно-безупречною жизнію. Военская реформа,—чтобы мы не полагались на происхожденіе отъ знатныхъ и богатыхъ родителей, какъ на нѣчто такое, что давало-бы намъ особенныя права и преимущества въ жизни, сравнительно съ обыкновенными смертными, но старались сами пріобрѣтать себѣ эти права и преимущества своими личными достоинствами и заслугами...

Видите, братіе, какъ, рядомъ съ внѣшними реформами, на разныхъ поприщахъ нашей общественной жизни должны идти внутреннія реформы въ умахъ и сердцахъ нашихъ; видите, сколько требуется нынѣ перемѣнъ и преобразованій въ нашихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, характерѣ и привычкахъ! Всѣ мы—и крестьяне и дворяне, и кушцы и мѣщане, и духовенство и военные—всѣ призываемся современными государственными преобразованіями и улучшеніями и нравственно обязуемся постоянно и неослабно преобразовывать и улучшать самихъ себя, подавляя свои эгоистическія стремленія и склонности, вообще свойственныя человеку, и взамѣнъ ихъ насаждая и возвращая въ себѣ одни благія и чистыя расположенія и стремленія;—призываемся и обязуемся упорно бороться съ самими собою, отказывая себѣ во многомъ, къ чему такъ давно уже привыкли, и пріучая себя ко многому другому, что такъ непріятно иногда для нашего самолюбія, чувственности, спокойствія, выгоды и т. п. Особенно-же къ этому призываются и обязуются передовые люди нашего общества, стоящіе во главѣ разныхъ общественныхъ и государственныхъ учреждений, на плечахъ коихъ непосредственно лежитъ проведеніе въ жизнь и осуществленіе на дѣлѣ, въ той или другой

общественной средѣ, нынѣшнихъ благодѣтельныхъ реформъ. И понятно, почему такъ: эти люди, преимущественно предъ прочими, должны отличатся всецѣлою преданностію своему дѣлу, строгою честностію и неподкупною правдивостію въ исполненіи своихъ обязанностей, полнѣйшимъ безпристрастіемъ, безкорыстіемъ, самоотверженіемъ; а такія качества не легко даются и самому благонамѣренному человѣку... Но не преувеличиваемъ-ли мы дѣла? Дѣйствительно-ли такъ необходимы для насъ эти внутреннія, нравственныя реформы и преобразованія, которыя такъ тяжело достаются? Да, братіе, — необходимы, крайне необходимы, и мы нисколько не преувеличиваемъ дѣла, когда утверждаемъ это. Въдъ безъ нихъ, безъ этихъ внутреннихъ реформъ и преобразованій, и всѣ внѣшнія государственныя реформы могутъ остаться лишь на словахъ, да на бумагахъ, онѣ не дадутъ намъ искомага довольства и благоденствія, не исцѣлятъ нашихъ старыхъ общественныхъ язвъ, чего всѣ надѣются и ожидаютъ отъ нихъ, и для чего собственно онѣ и предприняты и вводятся...

Въ виду всего этого нельзя не пожелать возможно-большаго развитія и распространенія между нами строго-христіанскихъ религіозно-нравственныхъ понятій и убѣжденій. Будемъ воспитывать и себя и дѣтей нашихъ въ истинахъ и правилахъ ученія Христова; станемъ съ усердіемъ и любовію насаждать, возвращать, возгрѣвать и всячески приумножать, и въ себѣ и въ другихъ, духъ вѣры и благочестія христіанскаго. Ибо только этотъ духъ и можетъ въ должной мѣрѣ воодушевить насъ на тѣ нелегіе труды внутреннихъ реформъ и преобразованій, какіе требуются нынѣ отъ насъ внѣшними реформами и преобразованіями государственными; только этотъ-же духъ — духъ вѣры и благочестія христіанскаго и можетъ создать изъ насъ вѣрныхъ сыновъ и слугъ отечества, добрыхъ, честныхъ и полезныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ нашей общественной жизни. Говоримъ это на томъ основаніи, что тѣ труды внутреннихъ реформъ и преобразованій, къ которымъ мы призываемся теперь, въ сущности суть тѣже обычные подвиги нравственнаго самоусовершенствованія, къ которымъ христіанство постоянно призываетъ и обязываетъ своихъ послѣдователей; а потому, конечно, только люди, не совсѣмъ чуждающіеся этихъ подвиговъ, и могутъ быть болѣе или менѣе честными и полезными общественными дѣятелями; самымъ-же лучшимъ, самымъ честнымъ и полезнымъ дѣтелемъ и можетъ быть тотъ, кто близко и по соб-

ственному опыту знакомъ съ этими подвигами, кто всецѣло про-
никся духомъ евангелія, кто обратилъ христіанскія убѣжденія,
такъ сказать, въ свою плоть и кровь, поставилъ ихъ главнымъ
руководительнымъ началомъ своей мысли и своей дѣятельности,
словомъ: самымъ лучшимъ общественнымъ дѣятелемъ можетъ
быть только истинный христіанинъ.

Нужно-ли доказывать эту послѣднюю мысль нашу? Предста-
вимъ себѣ истиннаго христіанина и посмотримъ, каковъ онъ на
поприщѣ общественной дѣятельности. Онъ чуждъ тщеславія, са-
момнѣнія, своекорыстія, а потому не станетъ величаться на
службѣ своими совершенствами и преимуществами; не будетъ
выставлять себя на видъ, унижая другихъ; не станетъ порывать-
ся въ начальники и законодатели, не имѣя на то призванія, не
станетъ братья за дѣло, которое ему не по силамъ, а взявшись
за дѣло, ему назначенное и посильное, будетъ дѣлать его со всѣмъ
усердіемъ и ревностію, какимъ-бы ни казалось оно на взглядъ
другихъ ничтожнымъ, невиднымъ, неблагодарнымъ. Онъ лю-
битъ ближнихъ, какъ своихъ братій во Христѣ, а потому готовъ
на всякое пожертваніе—и матеріальное и духовное—въ ихъ
пользу; съ любовію выслушаетъ просьбу бѣднаго и нищаго, охот-
но понесетъ свою милостыню въ тюрьму, пріютъ, богадѣльню,
съ радостію вступится за неправедно обижаемаго и угнетаемаго,
пристроитъ сироту и т. п. Онъ вовсе не похожъ на тѣхъ фи-
лантроповъ, которые много кричатъ и мало дѣлаютъ, или-же и
ничего не дѣлаютъ; которые не столько заботятся о бѣдныхъ,
сколько о себѣ самихъ, о своихъ удовольствіяхъ, покупаемыхъ
пожертваніями въ пользу бѣдныхъ, о своемъ повышеніи, про-
славленіи. Онъ издѣтства наученъ любить и бояться Бога—все-
видящаго, всеправеднаго, всесвятаго—и все дѣлать какъ-бы въ
Его присутствіи, предъ Его очами; въ такой или иной жизнен-
ной карьерѣ своей онъ видитъ первѣе всего руку Божию, перстъ
Промысла Божія о немъ; наконецъ, онъ убѣжденъ и всегда твер-
до помнитъ, что не здѣсь конецъ всему,—что за гробомъ на-
станетъ для него другая жизнь, гдѣ прежде всего потребуютъ
съ него отчета за здѣшнюю жизнь. Отсюда его служебная дѣя-
тельность, въ какомъ-бы положеніи и состояніи онъ ни находился,
не нуждается ни въ какихъ постороннихъ побужденіяхъ и по-
ощреніяхъ, ни въ какомъ внѣшнемъ надзорѣ и контролѣ; въ
ней нѣтъ и тѣни какой-либо лжи и неправды, лицемерія и лу-
кавства, лести и коварства, а, напротивъ, усматривается только

правдивость и честность неизмѣнная, безкорыстіе неподкупное, самоотверженіе безпредѣльное.

Да дастъ намъ Господь побольше такихъ дѣятелей! Аминь.

(«Литов. Епарх. вѣд.» 1879 г. № 45.)

14.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ 25-ТИ ЛѢТІЯ

царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича (19-го февраля 1880 г.).

Привѣтствуемъ васъ, братіе, съ настоящимъ великимъ днемъ праздника нашего. Да, великъ, сугубо великъ, для всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества нашего, празднуемый нынѣ день. 19-е февраля—день восшествія на царскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего. Среди тяжелыхъ, какъ извѣстно, обстоятельствъ совершилось это восшествіе нашего Государя на его прародительскій престолъ; но, возсѣдши на немъ, Онъ не замедилъ измѣнить эти обстоятельства къ лучшему, прекративъ тогдашнюю крайне-разорительную войну Россіи съ ея вѣшними врагами и воззвавъ ее на путь великихъ реформъ и преобразованій въ ея собственной, внутренней жизни. 19-е же февраля — день освобожденія отъ крѣпостной зависимости двадцати-трехъ милліоновъ русскихъ крестьянъ,—освобожденія, совершившагося, къ удивленію всего міра, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній нашего государственнаго организма, тихо и спокойно, по одному державному глаголу великаго Монарха. Такое великое значеніе, незабвеннаго для Россіи, дня 19-го февраля усугубляется нынѣ еще особеннымъ обстоятельствомъ: нынѣ Россія празднуетъ не просто только годовщину восшествія на престолъ, но вмѣстѣ и двадцатипятилѣтіе царствованія сидящаго на этомъ престолѣ Царя своего. И вотъ мы видимъ и знаемъ, что—кромѣ обычныхъ у насъ въ подобные дни молитвъ, моле-

ній, прошеній и благодареній за Царя, возносимыхъ къ престолу Божію милліонами устъ и сердець во всѣхъ концахъ и углахъ обширнѣйшаго отечества нашего и даже за предѣлами онаго, въ земляхъ и странахъ облагодѣтельствованныхъ Царемъ нашимъ, — весьма многіе изъ лучшихъ сыновъ Россіи возимѣли доброе намѣреніе ознаменовать и уже ознаменовали, а многіе, безъ сомнѣнія, не замедлятъ въ скоромъ будущемъ ознаменовать нынѣшній благознаменитый день еще особенными дѣлами общественной благотворительности, которыя-бы сохранили память этого дня и грядущимъ поколѣніямъ.

Что-же мы скажемъ вамъ, братіе, въ настоящій день съ сего священнаго мѣста? Нынѣ и нашъ мысленный взоръ естественно обращается къ празднуемому всею Россіею двадцатипятилѣтію и останавливается на важнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ событіяхъ этого періода, чтобы найти въ нихъ уроки назиданія, достойные великаго дня. Но на этомъ пути мысль наша сейчасъ-же, невольно поражается однимъ явленіемъ, въ высшей степени страннымъ и въ тоже время грустнымъ и печальнымъ, которое способно даже омрачить свѣтлую радость нынѣшняго праздника. На всемъ протяженіи двадцатипятилѣтняго царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего мы видимъ: съ одной стороны — цѣлый рядъ реформъ и преобразованій, мудро и заботливо пересозидающихъ и улучшающихъ нашу общественную жизнь, а съ другой стороны — цѣлый-же рядъ вопіющихъ неурядиць и безобразій, свидѣтельствующихъ, повидимому, о полномъ нравственномъ разложеніи этой самой общественной жизни. Отъ престола царскаго, въ продолженіи четверти вѣка, цѣлыми потоками изливаются милости и благодѣянія на всю землю русскую, а русскіе люди только злоупотребляютъ этими милостями и благодѣяніями. Всѣ великія гуманныя идеи и мѣропріятія Царя своего, направленные къ поднятію и возвышенію человѣческой личности, они поняли, повидимому, только какъ свободу ничего не дѣлать, или-же дѣлать всевозможныя гадости и пакости; облегченные и улучшенные способы просвѣщенія они обратили въ способы развращенія; обновленный и улучшенный общественный судъ сдѣлалъ орудіемъ извиненія и оправданія своихъ беззаконій. Но этого мало. Они не только злоупотребляютъ великими милостями и щедротами Царя своего; но и не довольствуются ими, ропщутъ на Него, предъявляютъ Ему свои дикія требованія, клонящіяся къ разрушенію всего государственнаго и общественнаго строя

жизни, и даже... даже вступаютъ съ Нимъ въ личную дерзкую борьбу! Всмотримся-же, братіе, внимательнѣе въ это ненормальное явленіе нашей жизни.

О великихъ и славныхъ реформахъ нынѣшняго царствованія и ихъ благодѣтельномъ значеніи для нашего общественнаго развитія и преуспѣянія не станемъ говорить теперь. Рѣчь объ этомъ не вмѣстилась-бы въ предѣлы обычнаго церковнаго собесѣдованія. Притомъ-же, и кто не знаетъ этихъ великихъ и благодѣтельныхъ реформъ и преобразованій, прославившихъ и обезсмертившихъ имя нашего благостнѣйшаго Монарха? Ихъ знаетъ и имъ удивляется весь современный міръ. Поэтому перейдемъ скорѣе къ нашимъ общественнымъ безобразіямъ, къ нашимъ ранамъ и язвамъ.

Что мы видимъ въ нашей обновленной жизни за истекшее двадцатипятилѣтіе? Въ семействахъ разлады и раздоры, нарушеніе супружеской вѣрности, незаконныя сожительства на глазахъ дѣтей, бракоразводные процессы, полнѣйшую безпечность о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей и суетные хлопоты объ ихъ только матеріальномъ обезпеченіи, непочтительность къ старшимъ, табакъ, карты и вино въ рукахъ юношей, романы и суетныя издѣлія моды въ рукахъ дѣвицъ, и въ довершеніе всего—иногда кинжалы и револьверы въ рукахъ тѣхъ и другихъ, вмѣсто дѣтскихъ игрушекъ и учебниковъ. На разныхъ поприщахъ общественной и государственной службы видимъ почти ежедневное и повсюдное нарушеніе законовъ, взяточничество и страшныя казнокрадства. Въ частной жизни—стремленіе къ легкой наживѣ, похищеніе и присвоеніе чужой собственности, дерзкое оскорбленіе чести и добраго имени ближнихъ, особенно властей и начальствующихъ, открытые публичные скандалы, непрерывные судебные процессы, и ко всему этому всеобщія жалобы и ропоть на всѣхъ и на все, поразительное легкомысліе и вольномысліе. Говорить-ли о нашихъ убійствахъ и самоубійствахъ, которыя обратились у насъ почти въ обыденныя явленія и въ которыхъ упражняются даже наши юноши и дѣвы, чуть не малолѣтнія дѣти, то потому, что они успѣли уже „разочароваться въ жизнь“, то по причинѣ „безнадежной любви“, то наконецъ потому, что учитель поставилъ имъ неудовлетворительную отмѣтку за урокъ?! А что дѣлается въ нашихъ судахъ „скорыхъ и правдивыхъ“? Тамъ есть цѣлыя сотни „софистовъ XIX-го вѣка“, получившихъ отъ народа еще болѣе характерное и неприглядное прозвище; все

призваніе этихъ людей состоитъ въ томъ, чтобы за извѣстную сумму денегъ изъ блага дѣлать черное и изъ чернаго бѣлое. И люди эти такъ успѣшно ведутъ свое дѣло, что часто совсѣмъ затмѣваютъ и нашу „общественную совѣсть“, представителями и выразителями которой служатъ въ судахъ такъ-называемые присяжные засѣдатели. Вотъ, напр., мужъ въ пьяномъ видѣ убиваетъ свою жену, — и общественная совѣсть признаетъ его невиннымъ, по одному тому, что онъ былъ пьянъ! Убиваетъ жена невѣрнаго, или нелюбимаго мужа, либо наложница—законную жену, свою соперницу: невиноваты ни та, ни другая, потому что онѣ дѣйствовали подъ влияніемъ ревности! По какимъ-то неразвѣданнымъ побужденіямъ, прикрытымъ напускнымъ гуманизмомъ, изступленная женщина-дѣвица поднимаетъ дерзкую руку свою на достойнѣйшаго слугу царя и отечества: невиновата и она, сто разъ невиновата! Мы даже рукоплещемъ ей и возводимъ ее въ героини, въ спасительницы отечества, чуть не въ святые!—Промышленность и торговля наши горько плачутъ нынѣ отъ недостатка честныхъ дѣятелей. Злостныя банкротства умножаются; наши банки или ссуды то-и-дѣло лопаютъ по милости такихъ распорядителей или кассировъ, которые знаютъ и блюдутъ только свой собственный карманъ и, затѣмъ, будучи даже осужденными, съ украденными сотнями тысячъ чужаго достоянія отправляются на мѣсто своей ссылки во всей помпѣ комфорта и роскоши, чуть не на триумфальной колесницѣ. Наши искусства и художества занимаютъ больше грязными картинами. Въ разныхъ галереяхъ, магазинахъ, фотографіяхъ вы неизбѣжно встрѣчаете и этихъ древнихъ миѳическихъ русалокъ, вакханокъ, нимфъ, сатировъ, и новыхъ, современныхъ намъ пѣвицъ, танцовщицъ, балетчицъ и такъ-называемыхъ натурщицъ, въ обнаженномъ до цинизма видѣ, въ самыхъ сладострастныхъ позахъ. Не говоримъ уже о нашихъ „сценическихъ“ искусствахъ, изъ коихъ многія способны похитить изъ сердца зрителя послѣдніе остатки стыдливости и цѣломудрія и до которыхъ, однакъ, мы такъ охочи и падки, что не можемъ отказать себѣ въ наслажденіи ими даже въ нарочитые дни праздниковъ и постовъ христіанскихъ. Въ литературѣ нашей, такъ-называемой свѣтской, которою питается и просвѣщается большая часть нашего образованнаго общества, можно найти все, что угодно, кромѣ уроковъ религіи и нравственности. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ тѣже картины разврата, то грубаго, то утонченнаго, въ произведеніяхъ такъ-называемой изящной

словесности,—въ романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ, любимомъ чтеніи нашихъ юношей и женщинъ; встрѣчаемъ нравственно-непристойные анекдоты, шутки и остроты въ сатирическихъ журналахъ и каррикатурныхъ листкахъ; находимъ насмѣшки надъ священными лицами и предметами, глумленія надъ лучшими вѣрованіями и высшими чаяніями человѣчества; встрѣчаемъ и ученіе о самообразованіи міра, о происхожденіи человѣка отъ обезьяны и проч. и проч. *).

Мрачна и печальна картина, представляемая русскою жизнію за истекшее двадцатипятилѣтіе; но она была-бы не полною, если-бы мы не упомянули еще здѣсь о нашихъ такъ-называемыхъ социалистахъ. Это самая большая язва нашего общества, завершеніе и вѣнецъ нашихъ безобразій. Говорить-ли объ ихъ дикомъ ученіи, по которому въ обществахъ человѣческихъ не должно быть ничего человѣческаго — ни семьи, ни собственности, ни власти, ни религіи, ни нравственности? Говорить-ли о томъ, какъ они старались и стараются разными путями распространять это свое тлетворное ученіе въ нашемъ простомъ и добромъ народѣ, возбуждая въ немъ недовольство существующими общественными порядками, приглашая его къ бунтамъ и измѣнѣ и обѣщая ему за это золотыя горы и какую-то чисто-животную свободу? И не безслѣдно прошло для нашего народа это развращающее ученіе: по кайней мѣрѣ, въ немъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, стали замѣчаться и проявляться, въ разсматриваемое нами время, буйство, пьянство, лѣнь, плутовство, распутство... Говорить-ли о томъ, что они, эти дикіе учителя и просвѣтителы наши, успѣли заманить въ свои скопы и логовища и многихъ изъ русскихъ женщинъ, даже такихъ, которыя по рожденію и образованію могли-бы быть украшеніемъ своего пола, и — какъ эти жалкія созданія, отложивъ въ сторону женскій стыдъ, поправъ свое призваніе, указанное Богомъ и природою, явились усердными споспѣшницами и исполнительницами, а иногда и поджигательницами ихъ злодѣйскихъ замысловъ? Вспоминать-ли, наконецъ, о томъ, о чемъ больнѣе всего вспомнить, — объ этихъ святотатственныхъ, такъ упорно и настойчиво повторяющихся съ ихъ стороны, по-

*) При этомъ изображеніи печальнаго нравственнаго состоянія нашего общества мы пользовались мыслями и нерѣдко цѣлыми выраженіями, заимствованными изъ проповѣди прот. *Н. Розанова* въ день Преображенія Господня (Церк. Вѣст. № 33 за 1879 годъ); отчасти также — изъ проповѣди прот. *Полсадова* о нигилизмѣ (Литов. Епарх. Вѣдом. № 50 1879 г.).

кушеніяхъ на драгоцѣнную жизнь, на священную особу Помазанника Божія?... О, Русь православная, Русь царелюбивая! узнаешь-ли ты нынѣ дѣтей своихъ?

Конечно, пороки и преступленія всегда были въ землѣ русской, какъ и вообще между людьми; но до такой наглости и дерзости они никогда еще не доходили въ нашемъ отечествѣ. Въ прежнее время порокъ такъ и сознавалъ себя порокомъ, и дѣйствовалъ скрытно, втайнѣ; теперь-же онъ нарядился въ пышныя фразы и въ мнимо-научныя оправдательныя теоріи и въ этихъ дослѣдкахъ своихъ выступаетъ открыто, нагло, съ похвалбою. Воровство и хищеніе нынѣ уже не преступленіе, а заслуга и добродѣтель; распутство — неприкосновенное право; честь и совѣсть—трусость и подлость! Воры, развратники, убійцы, злодѣйствуя во всю ширь и мощь своей извращенной природы, стараются увѣрить себя и другихъ, что они наилучшіе люди, печальники и радѣтели общественнаго блага, — что они готовятъ намъ всѣми этими ужасами новую эпоху благоденствія... При взглядѣ на эту мрачную картину, намъ невольно припоминается и тотъ народъ, грубый и чувственный, который нѣкогда ропталъ на Бога, хулилъ и возмущался противъ чуднаго вождя своего—Моисея—за то, что они избавили его отъ рабства египетскаго, и, вкушая небесную манну, вздыхалъ и плакалъ о мясахъ египетскихъ, лукѣ и чеснокѣ (Исх. 16, 2, 3, 8; 17, 2—4; Числь 11, 4—6). Припоминается намъ и притча Спасителя нашего о невливаніи вина нова въ мѣхи ветхи (Лук. 5, 37), и Его наставленіе: *не давайте святыни псамъ, и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобъ онъ не попрамъ его ногами своими и обратившись не растерзали васъ* (Матѣ. 7, 6); приходятъ, наконецъ, на память и слова Его, обращенныя нѣкогда къ іудеямъ: *много добрыхъ дѣлъ явилъ Я вамъ отъ Отца Моего; за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями?...* (Іоан. 10, 32).

Но не будемъ отчаяваться, братіе мои! Есть еще въ народѣ русскомъ не сотни только и тысячи, а—думаемъ—и милліоны мужей и женъ, не преклонявшихъ колѣнъ своихъ предъ современнымъ Вааломъ. Эти вѣрные слуги Царя и отечества до глубины души возмущаются нашими общественными недугами и съ полнымъ негодованіемъ и омерзеніемъ отвращаются отъ злодѣевъ и злодѣйствъ, позорящихъ наше отечество, задерживающихъ и останавливающихъ его на пути мирнаго, свободнаго и плодотворнаго развитія, на пути истиннаго прогресса и обновленія, какой

указанъ ему державною волею Монарха. Къ числу такихъ вѣрныхъ слугъ принадлежимъ, безъ сомнѣнія, и мы, собравшіеся нынѣ въ храмъ сей, чтобы излить здѣсь въ молитвѣ предъ Богомъ и радость и скорбь сердца нашего о Царѣ своемъ. — Похвальна, конечно, эта ревность вѣрныхъ слугъ Царя и отечества противъ нашихъ супостатовъ; достолюбезна эта искренняя радость и скорбь ихъ, пріятна эта сердечная молитва ихъ о Царѣ своемъ; но однимъ этимъ мы не должны ограничиваться. Намъ необходимо дѣйствовать противъ зла, удручающаго русскую землю, и дѣйствовать твердо и неуклонно, — необходимо бороться съ нимъ всячески, побѣждать и ослаблять его, дабы, наконецъ, съ корнемъ вырвать и уничтожить его. Это внушаютъ намъ и наши собственные умы и сердца; эту-же заповѣдь мы слышали и отъ самого Отца нашего отечества, 20-го прошлаго ноября, послѣ чудеснаго спасенія Его на пути подъ Москвою: „въ заботахъ о Россіи Я отдалъ себя въ руки Провидѣнія“, говорилъ Онъ тогда окружающимъ Его, „и Господь хранить Меня; но крамола должна быть искоренена. Я обращаюсь ко всѣмъ благомыслящимъ людямъ для уничтоженія зла, пустившаго корни“.

Велика, братіе, и *широка* это заповѣдь августѣйшаго Отца нашего, — и нельзя здѣсь, въ двухъ-трехъ словахъ, высказать все то, что можно и должно дѣлать намъ для ея выполненія. Но мы укажемъ, по крайней мѣрѣ, самое общее и главное, что намъ нужно имѣть въ виду при рѣшеніи этой нашей задачи, и именно: опредѣлимъ ближе и точнѣе то зло, съ которымъ мы должны сражаться, и укажемъ главное оружіе для борьбы съ нимъ.

Итакъ, что-же это за зло такое? Какъ имя ему? Гдѣ найти и указать его? — Зло это называется *материализмомъ* и его можно встрѣтить, въ большей или меньшей мѣрѣ, въ такой или иной формѣ, и въ нашихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, и въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ. Какъ будто по нарочному дѣйствию исконнаго врага всякаго добра, зло это проникло къ намъ съ запада, именно около времени восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего, около 25-ти лѣтъ тому назадъ, и встрѣтило у насъ такой радушный пріемъ, какого не имѣло даже на своей родинѣ. Оно быстро расло и развивалось въ нашемъ обществѣ — сначала въ такъ-называемомъ образованномъ, а потомъ и въ полуобразованномъ, и, созрѣвши, стало приносить плоды по роду своему, отъ которыхъ мы теперь прихо-

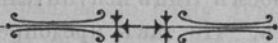
димъ въ трепеть и ужасъ. Что это дѣйствительно такъ, что матеріализмъ именно есть то зло, которое удручаетъ нынѣ русскую землю, для убѣжденія въ этомъ достаточно только припомнить основную доктрину матеріализма и сопоставить ее съ тою мрачною картиною нашей жизни, каковую мы видѣли выше. Нѣтъ Бога, Творца и Промыслителя міра, — проповѣдуетъ матеріализмъ: первобытная, исконная матерія сама собою сложилась въ формы видимаго нами міра и сама изъ себя произвела жизнь — сначала растительную, потомъ животную, а потомъ и человѣческую. Человѣкъ есть только высшая порода животныхъ: въ немъ нѣтъ души, какъ особаго начала, отличнаго отъ тѣла; то, что мы называемъ душою или духомъ, есть не болѣе, какъ результатъ извѣстныхъ отношеній между частицами матеріи. Если-же нѣтъ ни Бога въ мірѣ, ни души въ человѣкѣ, то понятно, что всѣ религіозно-нравственныя идеи человѣчества не имѣютъ ровно никакого значенія. Свобода воли, совѣсть, долгъ, честь, стыдъ, нравственная отвѣтственность, загробное воздаяніе — все это слова, не имѣющія смысла, все это жалкій плодъ невѣжества. Реальными, стоящими полнаго вниманія и уваженія, должны быть признаны только животныя инстинкты, — эгоизмъ и чувственность. Но такъ какъ, далѣе, эти фальшивыя, на взглядъ матеріалистовъ, религіозно-нравственныя идеи и понятія лежатъ въ основѣ всего общественнаго и государственнаго строя человѣческой жизни и этотъ строй жизни мѣшаетъ полному торжеству эгоизма и чувственности, то нужно, во что-бы-то ни стало, разрушить этотъ старый, никуда негодный порядокъ жизни... Видите-ли теперь, братіе, что эта именно безбожная и безнравственная доктрина составляетъ главный жизненный нервъ всѣхъ тѣхъ общественныхъ неурядицъ и безобразій нашихъ, о которыхъ мы говорили прежде? Чувствуете-ли, что она-же, эта пагубная доктрина, двигала и руками нашихъ отъявленныхъ негодяевъ, покушавшихся на убійство своего Царя-Освободителя и Благодѣтеля? Царь есть первый представитель, защитникъ и охранитель того богоустановленнаго порядка жизни, который ненавистенъ этой адской доктринѣ и который она силится уничтожить... Такъ-называемый социализмъ есть только послѣдовательное примѣненіе къ жизни, практическое осуществленіе на дѣлѣ матеріалистическаго ученія; это — родной братъ матеріализма.

Узнавъ нашего врага, намъ не трудно теперь указать и оружіе для борьбы съ нимъ. Религія, и притомъ православно-хри-

стіанская религія, единая, истинная и спасительная всѣмъ чело-
вѣкомъ,—вотъ самое надежное, единственное оружіе противъ этого
врага. Матеріалистическому растлѣнію умовъ и нравовъ будетъ
положенъ конецъ только тогда, когда всѣ и каждый будетъ серь-
езно заботиться объ усвоеніи умомъ и сердцемъ и проведеніи
въ жизнь чистыхъ религіозно-нравственныхъ понятій, внушае-
мыхъ нашею св. вѣрою. *Азъ есмь путь и истина и жизнь* (Іоан.
16, 4); *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и*
Азъ упокою вы (Матѳ. 11, 28), — говорилъ Христось, Спаситель
нашъ. И опытъ всѣхъ вѣковъ и народовъ показалъ, что дѣй-
ствительно нѣтъ въ цѣлой поднебесной другаго пути и другаго
имени, на которомъ и о которомъ люди могли-бы прочно, по-
койно и счастливо основать и устроить свою жизнь. Христіан-
ство, кажется, меньше всего занимается дѣлами міра сего, а
между тѣмъ ни одна сила въ мірѣ не способна такъ, какъ оно,
благонастроить и благоустроить жизнь человѣческую—и частную
и общественную.

Покаемся-же, братіе-соотечественники, и будемъ вѣровать во
евангеліе (Мар. 1, 15), и станемъ устроить по нему жизнь свою.
Тогда никакіе матеріалисты и социалисты не будутъ намъ страшны;
тогда имъ не найдется и мѣста между нами. Аминь.

(«Литов. Епарх. Вѣдом.» 1880 г. № 8).

15.

СЛОВО

ВО СВЯТЫЙ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ

Невинныя страданія всегда почти возбуждаютъ въ душѣ
нашей теплое участіе, любовь и благоговѣніе къ страдальцу. Тѣмъ
паче способны возбудить въ насъ эти чувства такія непримѣр-
ныя страданія, каковы были страданія Господа нашего Іисуса
Христа. Мало сказать, что Онъ былъ невинный страдалецъ: Онъ
былъ еще величайшій другъ и благодѣтель челоуѣчества, болѣе

чѣмъ кто-либо другой имѣвшій правъ на его признательность и благодарность. Нигдѣ и ни въ комъ на свѣтѣ не являлось и не явится уже столько добра, милости, правды и любви къ людямъ, сколько явилось ихъ во Христѣ Исусѣ,—и однакожь эти люди приговорили казнить Его самою страшною казнію. И слушая этотъ незаконный приговоръ и предшествовавшія ему клеветы на себя и ложныя обвиненія, и идя на незаслуженную страшную казнь, и вися уже на древѣ позора въ страшныхъ мукахъ, Онъ хоть-бы слово выронилъ въ укоръ и порицаніе врагамъ Своимъ, вознесимъ Его на крестъ; даже будучи *укоряемъ* ими *противу не укоряше* (1 Петр. 2, 23). Мало того: Онъ наконецъ молится за нихъ, просить Отца небеснаго о прощеніи ихъ, вмѣсто того, чтобы призывать на нихъ громы и молніи небеснаго мщенія. Поистинѣ—безпримѣрный, единственный въ исторіи человѣчества Страдалецъ! И мы нисколько не поняли-бы этого чуднаго Страдальца и Его страданій, никогда не разгадали-бы всей силы Его кротости и незлобія, равно какъ и злобы людской, обнаружившейся въ этомъ случаѣ, если-бы не знали, чтъ этотъ Страдалецъ и эти страданія были *необыкновенны*. Да, братіе, всѣ мы, конечно, знаемъ, что это страдалъ не человѣкъ, по случайному стеченію обстоятельствъ, а самъ Сынъ Божій, для того и ставшій человекомъ, чтобы пострадать. Знаемъ, что Онъ страдалъ за грѣхи и беззаконія всего міра, которые Онъ взялъ на Себя, чтобы принести за нихъ въ Своемъ Лицѣ искупительную и очистительную жертву Богу. Знаемъ, что такъ предопредѣлено Ему было отъ вѣка Богомъ Отцомъ и такъ Онъ Самъ изволилъ и что все это устроила безконечная правда и любовь Божія „насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія“. *Такъ писано есть,—говорилъ Самъ этотъ Страдалецъ по Своемъ воскресеніи,—и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцехъ, наченце отъ Иерусалима* (Лук. 24, 46. 47).

Итакъ, *такъ подобаше пострадати Христу...* Какое однакожь безмѣрное величіе этихъ Его страданій! Кто въ состояніи объять и измѣрить всю широту и долготу, всю глубину и высоту сихъ страданій? Страдать невиннѣйшему и безгрѣшнѣйшему за грѣхи и беззаконія другихъ, какъ-бы за Свои собственные,—страдать притомъ Богу за человѣка, Творцу за Свою благодарную тварь... о, это превыше всякаго ума и слова—не нашего только, но даше и ангельскаго! Намъ остается только въ благо-

говѣйномъ изумленіи преклониться предъ этимъ дивнымъ Страдальцемъ,—со слезами любви и благодарности пасть въ прахъ предъ этимъ *преизобильнымъ богатствомъ благодати* Божіей, предъ этою *превосходящею разумніе любовію Христовою* (Еф. 2, 7; 3, 19).

Впрочемъ одного этого было-бы весьма недостаточно съ нашей стороны въ настоящія священныя минуты. При нарочитомъ вспоминаніи объ этой великой и страшной жертвѣ, принесенной за насъ, намъ слѣдуетъ еще вспомнить и о тѣхъ нравственныхъ обязанностяхъ, какія наложены на насъ этою жертвою, и, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, провѣрить, хорошо-ли мы исполняемъ эти обязанности.

Христосъ за всѣхъ умре,—говоритъ одинъ изъ Его апостоловъ,—*да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (2 Кор. 5, 15). Это значитъ, что люди, послѣ того, какъ умеръ за нихъ Христосъ, должны жить уже не для себя, какъ жили когда-то прежде, а для Него. Тѣмъ болѣе, конечно, обязуются жить такъ люди, вѣрующіе въ Него, вступившіе съ Нимъ въ духовный союзъ и живое общеніе, сдѣлавшіеся Его учениками и послѣдователями, однимъ словомъ—христіане. Они—по преимуществу—Его народъ, Его наслѣдіе и достояніе, Его друзья и братья, а потому, естественно, должны и принадлежать Ему всецѣло, должны и жить только для Него одного.—Что-же, братіе-христіане, принадлежимъ-ли мы Ему всецѣло? Отдали-ль мы Ему безраздѣльно нашу душу и сердце,—посвящаемъ-ли на служеніе Ему всю нашу жизнь?

Для того, чтобы вѣрующіе во Христа знали все, что нужно имъ знать и дѣлать, сообразно съ ихъ христіанскимъ званіемъ, и имѣли полную возможность *достойно ходити* сего высокаго званія (Еф. 4, 1), Христосъ Спаситель основалъ на землѣ Свою церковь. Въ ней непрестанно возвѣщается Его божественное ученіе и совершается духовное возрожденіе и освященіе вѣрующихъ силою и дѣйствіемъ Святаго Духа, живущаго въ ней, и подъ невидимымъ руководствомъ самого ея Главы и Основателя, обѣщавшаго пребывать съ нею *во вся дни до скончанія вѣка* (Мате. 28, 20). Здѣсь открыты для насъ источники спасенія, текутъ рѣки воды живой; здѣсь даруется намъ *отъ божественной силы Его все потребное для жизни и благочестія* (2 Петр. 1, 3),—все необходимое для того, *да отвергнешея нечестія и мірскіхъ похотей цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынешнемъ вѣцѣ* (Тит. 2, 12).—Какъ-же мы относимся къ церкви Христовой

и совершаемому въ ней дѣлу спасенія нашего? Увы, братіе мои! для многихъ изъ христіанъ нашего времени церковь и все, что въ ней дѣется, есть нѣчто какъ-бы совершенно чуждое и постороннее, къ чему они обращаются только въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ жизни, какъ, напр., при вступленіи въ бракъ, при крещеніи дѣтей и т. п., да и обращаются не столько по внутреннему сознанію необходимости подобнаго обращенія, сколько потому, что того требуетъ установившійся обычай, или даже положительный законъ гражданскій. Другіе изъ христіанъ, повидимому, стыдятся своей принадлежности къ церкви Христовой,—по крайней мѣрѣ стыдятся обнаружить свою принадлежность къ ней—пойти, напр., въ храмъ вмѣстѣ съ другими, изобразить на себѣ крестное знаменіе, положить поклонъ, поцѣловать св. икону, прочесть книгу или повести бесѣду церковно-религіознаго характера. Иные, какъ-будто, даже вовсе не знаютъ великаго значенія и спасительнаго назначенія церкви Христовой, не понимаютъ, какъ и откуда явилась и зачѣмъ существуетъ она на землѣ, а потому нерѣдко смѣшиваютъ и отождествляютъ ее съ духовенствомъ и его сословными интересами. Для такихъ христіанъ часто ненавистно бываетъ все, что носитъ на себѣ печать церковности и напоминаетъ о церкви: они ненавидятъ лицъ духовнаго сана—за одно то, что это служители церкви; глумятся надъ самымъ внѣшнимъ видомъ и костюмомъ священнослужителей; издѣваются надъ церковно-богослужебнымъ чиномъ, языкомъ и т. п.—Но, не распространяя далѣе рѣчи о подобныхъ христіанахъ, посмотримъ лучше на самихъ себя. Уважаемъ-ли мы и строго-ли уважаемъ уставы и обычаи церкви Христовой? Читаемъ-ли и изучаемъ, по крайней мѣрѣ слушаемъ-ли съ благоговѣніемъ и любовію проповѣдуемое въ ней слово Божіе? Ищемъ-ли въ ней и у нея разрѣшенія нашихъ сомнѣній и недоумѣній, утѣшенія въ скорбяхъ, врачеванія въ болѣзняхъ? Она ежедневно зоветъ насъ въ свои богослужебныя собранія, гдѣ мы могли-бы, по меньшей мѣрѣ, облегчить свою душу въ пламенной молитвѣ предъ нашею завѣтною святыней; но загляните въ любой день въ любой изъ храмовъ: много-ли вы найдете здѣсь молящихся? Есть у нея нарочитые дни и времена, когда она усиленно зоветъ къ себѣ чадъ своихъ, приглашая ихъ, по крайней мѣрѣ на это время, отложить всякое попеченіе: всѣ-ли и всегда-ли мы откликаемся на этотъ зовъ ея и, вмѣсто того, чтобы идти къ ней, не отходимъ-ли, по обычаю и

привычкѣ, *овъ убо на село свое, овъ же на купли своя?* (Матѣ. 22, 5). Да и тѣ изъ насъ, которые внимають этому матернему гласу ея, съ такимъ-ли тщаніемъ и горѣніемъ духа текутъ къ ней, съ какимъ спѣшатъ, напр., въ дома пировъ, игръ и зрѣлищъ, въ мѣста разбѣянія и другихъ суетныхъ забавъ и удовольствій? Не тяготятся-ли и они продолжительностію ея молитвословіи и священнодѣйствій, чаще мнимою, нежели дѣйствительною, тогда какъ на разныхъ балахъ и вечерахъ съ удовольствіемъ просиживаютъ цѣлыя ночи? Не обращаютъ-ли и они богослужебныхъ собраній церковныхъ въ мѣста и времена пустой болтовни между собою, тщеславной выставки себя напоказъ и многого другаго, еще худшаго?... Есть въ церкви, между прочими ея спасительными учрежденіями, два чудныя таинственные священнодѣйствія, которыя, если правильно пользоваться ими, самаго отчаяннаго и негоднаго человѣка могутъ сдѣлать добрымъ христіаниномъ. Въ одномъ изъ этихъ священнодѣйствій, во имя Распятаго за насъ, намъ отпускаются всѣ наши грѣхи и беззаконія, и мы снова являемся предъ правдою Божіею чистыми и невинными, какими вышли нѣкогда изъ купели крещенія; въ другомъ—мы входимъ въ самое тѣсное и живое общеніе съ самимъ Распятымъ вкушая Его пречистое тѣло, за насъ преданное, и Его честную кровь, за насъ пролитую, и дѣлаясь, такимъ образомъ, насколько только возможно это для насъ, едино съ Нимъ. Часто-ли же мы приступаемъ къ этимъ св. таинствамъ? Приступаемъ-ли къ нимъ хоть однажды въ годъ, тогда какъ грѣшить не перестаемъ каждый день? Не уклоняемся-ли отъ нихъ иногда подъ самыми ничтожными предлогами? А если и приступаемъ, то всегда-ли охотно, и съ должнымъ-ли приготовленіемъ себя къ нимъ, и съ полною-ли вѣрою и любовію? Въ первомъ изъ этихъ таинствъ мы всякій разъ даемъ обѣщаніе нашему Спасителю оставить свою прежнюю грѣховную жизнь и начать жизнь новую, святую; во второмъ—торжественно свидѣтельствуемъ предъ Нимъ, прося Его внити подъ кровь души нашей: „ни врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Тебѣ дамъ, яко Иуда“. Что-же, исполняемъ-ли эти торжественныя обѣщанія,—по крайней мѣрѣ помнимъ-ли ихъ, и долго-ли помнимъ? Ахъ, братіе! не проходитъ нѣсколькихъ дней, а иногда даже нѣсколькихъ часовъ послѣ принятія въ домъ души нашей этого божественнаго Гостя, какъ мы вводимъ въ нее шумное полчище Его заклятыхъ враговъ—мелкихъ и низкихъ страстей и похотей нашихъ, которыя тотчасъ-

же начинают буйствовать и безчинствовать въ насъ къ Его оскорбленію, а затѣмъ и прямо кричать: *распни, распни Его!* И мы слушаемся этихъ враговъ нашего Господа... Спаситель со скорбію оставляетъ нашу храмину, а они, эти враги Его, начинаютъ мучить уже насъ самихъ,—начинаютъ бичевать нашу богосозданную и Имъ возсозданную природу невоздержаніемъ, сладострастіемъ, пьянствомъ, распутствомъ и пр. И водворяется снова прежній адъ въ душѣ нашей—адъ, который, къ несчастію, есть обычное, нормальное состояніе многихъ изъ насъ и даже иногда правится намъ!

Идя на крестъ, Христось Спаситель далъ намъ новую заповѣдь: да любимъ другъ друга, какъ Онъ возлюбилъ насъ, и на исполненіе этой заповѣди указалъ, какъ на отличительную черту Своихъ послѣдователей (Іоан. 13, 34, 35). Исполняемъ-ли мы эту заповѣдь Его? Любимъ-ли ближнихъ нашихъ такъ, какъ Онъ возлюбилъ всѣхъ насъ? Не разжигаемъ-ли мы, напротивъ, другъ на друга завистію и злобою, не пылаемъ-ли мщеніемъ и ненавистію? Развѣ мы не измышляемъ ложныхъ обвиненій и клеветъ, не ищемъ и не представляемъ лжесвидѣтелей и лжесвидѣтельствъ противъ брата нашего, когда онъ не правится намъ по чему-либо, не льститъ намъ и не ухаживаетъ за нами, не потворствуетъ нашимъ страстямъ, не даетъ разойтись вволю нашимъ дикимъ инстинктамъ, особенно-же—когда онъ стоитъ поперекъ дороги намъ и пораженіе его удобно и выгодно для насъ? Развѣ не бываютъ у насъ *брани и свары* (Іак. 4, 1) и между врагами и между друзьями, между чужими и своими, даже между членами одной и той-же семьи? Развѣ мы не знаемъ, какъ нѣкоторые изъ насъ, *сквернаго ради прибытка* (Тит. 1, 12), забываютъ иногда всѣ законы правды и милости къ ближнему; порываютъ всѣ узы, духовныя и плотскія, и за какихъ нибудь тридцать сребренниковъ готовы бываютъ продать хоть отца роднаго? Развѣ мы не видимъ, какъ нѣкоторые изъ насъ торгуютъ судомъ и правдою; вмѣсто того, чтобы вступить за угнетенную невинность, за обманутую и обиженную простоту и честность, только издѣваются надъ нею, или-же и на смерть осуждаютъ ее, по своимъ видамъ и расчетамъ, а взамѣнъ ея освобождаютъ злодѣевъ, оправдываютъ воровъ и разбойниковъ? Естественнымъ выраженіемъ нашей любви къ ближнимъ должны-бы быть дѣла христіанскаго милосердія и благотворительности къ бѣднымъ, слабымъ, больнымъ и нищимъ. Знакомы-ли намъ эти дѣла—не по слухамъ, конечно, и рассказамъ другихъ, а по нашему соб-

ственному опыту? Много-ли мы сами насытили алчущихъ, одѣли нагихъ, призрѣли больныхъ, пріютили безпріютныхъ? Много-ли и въ другихъ встрѣчали мы искренняго сочувствія и истинной помощи, когда, по такимъ или инымъ побужденіямъ и обстоятельствамъ, вынуждены были обращаться къ ихъ христіанскому братолюбію? А между тѣмъ въ жизни, на каждомъ почти шагу, мы встрѣчаемъ поразительный контрастъ—вопіющей, неприкрытой нищеты и наготы, тщетно молящей о состраданіи, и вопіющей-же роскоши и расточительности, ничего не щадящей на свои прихоти и затѣи. А между тѣмъ, сколько мы знаемъ примѣровъ наглаго расхищенія, притомъ людьми вовсе не бѣдными, чужаго достоянія—общественнаго и частнаго! Сколько видимъ опытовъ такъ-называемой нынѣ эксплуатаціи темной, невѣжественной массы, т. е., говоря проще, обворовыванія и ограбленія бѣднаго простаго народа—этой меньшей братіи Христовой! Вообще-же, по поводу нашей благоподатливости и братолюбной общительности, мнѣ невольно припоминаются тѣ два евангельскихъ богача, изъ коихъ одинъ только *одѣвался въ порфиру и виссонъ и каждый день пириествовалъ блмстательно*, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нищаго Лазаря, лежавшаго *у воротъ его въ стругахъ* (Лук. 16, 19, 20); а другой, за нѣсколько часовъ до смерти своей, о которой вовсе и не думалъ, собирался сломать житницы свои и построить большія, дабы собрать туда *вся жита своя и вся благая своя*, и затѣмъ сказать душѣ своей: *почивай, яждь, пей, веселися* (Лук. 12, 18, 19). Не похожи-ли и мы болѣе или менѣе на этихъ приточныхъ эгоистовъ,—по крайней мѣрѣ, не стараемся-ли быть похожими на нихъ? И мы, подобно имъ, въ погонѣ за разными стяжаніями и при пользованіи этими стяжаніями, о томъ только и думаемъ и заботимся, какъ-бы намъ одѣваться пороскошнѣе и изысканнѣе, послаще ѣсть и пить, да веселиться поблмстательнѣе, не обращая ни малѣйшаго вниманія на бѣдствія и страданія другихъ, не помышляя даже о самой смерти своей, какъ будто намъ и умирать никогда не придется.

Достаточно, кажется, и представленныхъ доселѣ немногихъ чертъ изъ нашей жизни, чтобы видѣть, какъ далеко уклонились мы отъ обязанностей нашего званія христіанскаго. Мы не принадлежимъ всецѣло Христу Спасителю нашему: мы служимъ болѣе міру и своему чреву, нежели Ему; заботимся больше объ удовольствіяхъ и роскоши плоти, объ удобствахъ и выгодахъ матеріальной жизни, чѣмъ о нравственномъ развитіи и усовер-

шенствованіи своей богородственной, такою дорогою *цѣною купленной* (1 Кор. 7, 23) Имъ души. Мало того: многіе изъ насъ никогда почти и не думаютъ ни о Немъ, ни о спасеніи души своей, и именуются Его послѣдователями и учениками едва-ли не потому только, что ихъ когда-то крестили въ христіанской церкви и записали по бумагамъ въ число христіанъ. Что-же мы послѣ этого? *Кто не со Мною, тотъ противъ Меня* (Лук. 11, 24), говорилъ нѣкогда Спаситель, и въ другой разъ: *вы друзья Мои, когда исполняете то, что Я заповѣдую вамъ* (Іоан. 15, 14). Мы, очевидно, не съ Нимъ; мы не исполняемъ того, что Онъ заповѣдалъ намъ: значить, мы не друзья Его; значить, мы—противъ Него, мы враги Его! Да, мы враги этого величайшаго Благодѣтеля нашего, враги своего Избавителя и Искупителя, этого Агнца Божія, закланнаго за жизнь и спасеніе наше! Можетъ-ли быть что-нибудь ужаснѣе этого?! Одно только развѣ можно сказать къ нѣкому смягченію сего ужаса: быть можетъ, мы не изъ тѣхъ отъявленныхъ враговъ Его, которые, будучи крещены нѣкогда во имя Его и содѣлавшись участниками Духа Святаго, отпали затѣмъ отъ вѣры въ Него,—которые отрицаютъ Его божественное достоинство, не придаютъ никакого искупительнаго значенія Его земной жизни и крестной смерти, не вѣруютъ въ Его воскресеніе изъ мертвыхъ и будущее пришествіе,—которые вообще сознательно и упорно отвергаютъ и презираютъ открытыя въ Его евангеліи пути и дарованныя въ его церкви средства спасенія. Быть можетъ, говорю, мы не изъ такихъ и являемся Его врагами только по легкомыслію и невѣжеству, по огрубѣлости нашего духа и немощи плоти. Но если даже и такъ, все-таки мы—не друзья Спасителя нашего. Своимъ небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу спасенія души, своимъ рабствомъ плотскимъ страстямъ и похотямъ, своимъ животнымъ эгоизмомъ и безсердечною жестокостію къ ближнимъ, мы, можно сказать, постоянно отрекаемся и бѣжимъ отъ Него, предаемъ Его на поруганіе и осужденіе и даже *снова распинаемъ* Его (Евр. 6, 6), точно также, какъ и тѣ явные враги Его, что совсѣмъ отпали отъ вѣры въ Него.—Видитъ и знаетъ Господь нашъ все, что мы дѣлаемъ съ Нимъ, въ себѣ самихъ и въ лицѣ Его братій—ближнихъ нашихъ. И даже не только видитъ и знаетъ: между Нимъ и вѣрующими въ Него—такое-же внутренне, живое общеніе, какъ между виноградною лозою и ея вѣтвями (Іоан. 15, 4, 5), или-же—головою тѣла и остальными его членами и суставами (Еф. 1, 22, 23, 3—и

др.); поэтому можно сказать, что Онъ непосредственно ощущаетъ и какъ-бы самолично принимаетъ отъ насъ тѣ оплеванія, біенія и заушенія, какія мы наносимъ Ему своимъ нечестіемъ, своими неправдами и беззаконіями. Слышитъ Онъ и тѣ безумныя, хульные рѣчи, какія слагаютъ и изрыгаютъ на Него и противъ Его евангелія и церкви открытые враги Его, — и опять только страдаетъ и страдаетъ. Такимъ образомъ, Онъ все тотъ-же для людей, не исключая и самихъ враговъ и распинателей своихъ, какимъ былъ для нихъ и на Голгоѣ, — таже умилоостивительная жертва за грѣхи наши, тотъ-же ходатай за всѣхъ насъ предъ Отцомъ небеснымъ. И Отецъ небесный, какъ и всегда прежде, пріемлетъ жертву и ходатайство возлюбленнаго своего, и *доноситъ на насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ* (2 Петр. 3, 9).

Но не вѣчно, братіе мои, будетъ продолжаться для насъ такое время *благопріятное*; не безъ конца будетъ сіять надъ главами нашими этотъ тихій и ясный *день спасенія* (2 Кор. 6, 2). Наступитъ для каждаго изъ насъ и ночь смерти, послѣ которой тотчасъ потребуется отъ насъ строгій отчетъ въ томъ, какъ мы воспользовались данными намъ средствами спасенія. Наступитъ, затѣмъ, нѣкогда и для каждаго изъ насъ и для всего міра послѣдній, страшный день — *день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія*, когда Сынъ Божій перестанетъ уже быть ходатаемъ, и жертвою за насъ, а явится праведнымъ судіею нашимъ и *воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (Рим. 2, 5, 6). Горе, нескѣзанное горе будетъ тогда всѣмъ врагамъ Его, такъ или иначе отвергшимся Его. Они опытно узнаютъ тогда всю роковую важность для нихъ того, надъ чѣмъ теперь и задумываться не хотятъ они много и серьезно, надъ чѣмъ даже смѣются и издѣваются. Они во-очію увидятъ и убѣдятся, наконецъ, что кромѣ Иисуса Христа, Сына Божія, *нѣтъ ни въ комъ иного спасенія* (Дѣян. 4, 11); а такъ какъ они *попрали Сына Божія* (Евр. 10, 29), отреклись отъ Иисуса Христа, то отреклись въ Немъ и отъ своего спасенія, и имъ остается только конечное отверженіе и вѣчное мученіе...

Покаемся-же, братіе, пока еще возможно это, — доколѣ долго-терпитъ на насъ Господь. Покаемся не такъ, какъ, большею частію, мы каемся во дни нашего говѣнія — не словомъ только и языкомъ, даже не одними лишь воздыханіями и слезами, хоть и искренними и сердечными, но мимолетными, скоро исчезающими

и высыхающими, а потому и малоплодными; покаемся самымъ дѣломъ, всею жизнію нашею. Начнемъ отселѣ борьбу съ своими грѣховными наклонностями и привычками, съ своими плотскими мудрованіями, вообще, со зломъ и грѣхомъ, живущимъ и воюющимъ *во удѣлахъ нашихъ* (Рим. 7, 20, 23). Станемъ пріучать, а если потребуется, то и принуждать себя—мыслить, чувствовать и дѣйствовать во всемъ и всегда такъ, какъ заповѣдаютъ намъ евангеліе и церковь, дабы, такимъ образомъ, мало-по-малу, содѣлаться намъ истинными христіанами, вѣрными учениками и друзьями Христа Спасителя нашего.

(«Литов. Епарх. вѣд.» 1881 г. № 15—16).

16.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 3^Ю ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Иже хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себѣ и возметъ крестъ свой и по мнѣ ирдетъ.

(Марк. 8, 34).

Такъ говорилъ нѣкогда Господь нашъ І. Христосъ своимъ избраннымъ ученикамъ и всѣмъ прочимъ слушателямъ Его божественнаго ученія. Такъ говоритъ Онъ и всѣмъ намъ, братіе, нареченнымъ Его послѣдователямъ, въ Своемъ св. словѣ, не престающемъ доселѣ и до скончанія вѣка, имѣющемъ возвѣщаться во всеуслышаніе въ Его св. Церкви. Этими словами Онъ даетъ намъ заповѣдь о такъ-называемомъ самоотверженіи и крестоношеніи христіанскомъ. По точному смыслу этой заповѣди, вся жизнь послѣдователя Христова должна быть однимъ непрерывнымъ и неустаннымъ подвигомъ, каковымъ была и вся земная жизнь самого Подвигположника и Спасителя нашего Иисуса. Христіанинъ долженъ непрестанно бороться съ самимъ собою, отрекаясь и отвергаясь своего грѣховнаго, самолюбиваго я, при-

нося себя въ жертву живую, святую, благоугодную Богу (Рим. 12, 1). Онъ долженъ окончательно умертвить въ себѣ царствующій въ мірѣ грѣхъ; долженъ и самъ умереть для міра и грѣха. Только подъ этимъ условіемъ онъ и можетъ спасти душу свою, т. е. сдѣлать ее способною и готовою къ тѣснѣйшему общенію и единенію съ Богомъ въ жизни будущей, въ чемъ собственно и состоитъ послѣдняя цѣль, въ чемъ и заключается высшее призваніе и полнѣйшее удовлетвореніе, или вѣчное блаженство души. А кто изъ христіанъ пожалѣетъ душу свою для этихъ подвиговъ борьбы и самоотверженія и захочетъ спасти, т. е. сохранить ее для міра и грѣха, тотъ, по слову Господа, окончательно погубитъ ее для жизни будущей.

Подъ вліяніемъ заповѣди Христа Спасителя о самоотверженіи, разъясненной подробнѣе Его св. апостолами, христіане, съ самыхъ первыхъ временъ своего существованія, стали рѣзко отличаться въ образѣ жизни и поведенія отъ прочихъ людей, не принадлежащихъ къ ихъ обществу. Въ ихъ средѣ скоро явились особыя правила не только вѣры, но и жизни и дѣятельности, сообразной съ вѣрою, — возникли свои особые нравы и обычаи, установились свои законы, опредѣляющіе порядокъ даже частной, домашней жизни вѣрующихъ. Возникла такъ-называемая церковная дисциплина, и рядомъ съ нею стали появляться и разнообразныя виды христіанскаго подвижничества. Высшіе роды христіанскаго подвижничества, каковы, напр., безбрачіе, полная нестяжательность и т. п. Церковь предоставила доброй волѣ и свободному выбору христіанъ; но основныя начала и формы подвижнической жизни, напр., посты въ опредѣленные дни и времена года, общественныя и домашнія молитвословія, совершаемыя въ извѣстномъ чинѣ и порядкѣ, съ извѣстными внѣшними обнаруженіями христіанскаго смиренія и благоговѣнія, возможно частое приступленіе къ таинствамъ исповѣди и св. причащенія, Церковь сдѣлала общеобязательными для всѣхъ чадъ своихъ, для всѣхъ призывающихъ имя Христово. Все это сдѣлалось въ Церкви какъ-бы само собою, — такъ просто и естественно, что казалось-бы никому и въ голову не придетъ когда-либо возражать противъ этого. Если самоотверженіе вообще, по слову Христа Спасителя, столь необходимо для христіанина, что безъ него онъ не можетъ и быть христіаниномъ; то кто станетъ оспаривать потребность и законность того, въ чемъ естественно и неизбѣжно проявляется это самоотверженіе? А между тѣмъ,

братіе мои, нашлись христіане, — и ихъ теперь весьма много, цѣлое отдѣльное общество, или вѣроисповѣданіе христіанское, — которые не только возражаютъ, или оспариваютъ, но и самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаютъ все это, какъ ни къ чему будто-бы ненужное и негодное; отвергаютъ, говорю, и даже порицаютъ все, что носитъ на себѣ печать христіанскаго подвижничества, церковной дисциплины, или даже просто — церковной обрядности.

На какомъ-же основаніи отвергаютъ? Не мало приводятъ для сего разныхъ мнимыхъ основаній; но всѣ они вытекаютъ, по-видимому, изъ одного главнаго. Иисусъ Христосъ, говорятъ, совершилъ разъ навсегда и для всѣхъ дѣло спасенія нашего: къ чему-же здѣсь еще какіе-то наши подвиги? Достаточно увѣровать во Христа, какъ нашего Спасителя, и спасеніе наше — несомнѣнно. Много и долго пришлось-бы намъ, братіе, говорить здѣсь, если-бы вздумали мы подробно доказывать ложность приведеннаго сейчасъ взгляда и разсужденія. Постараемся сдѣлать это какъ можно короче.

Иисусъ Христосъ совершилъ дѣло спасенія нашего. Это, конечно, вполне справедливо. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что крестною жертвою Христа Спасителя все уже и кончено для насъ? Если такъ, то для чего-же, спрашивается, І. Христосъ основалъ на землѣ свою Церковь? для чего даровалъ ей Духа Святаго, въ десятый день по вознесеніи Своемъ на небо? для чего учредилъ въ ней такъ-называемыя таинства, т. е. особыя таинственныя священнодѣйствія, въ которыхъ преподается вѣрующимъ благодать возрожденія, оправданія и освященія? Все это, очевидно, было-бы не нужно, если-бы крестною жертвою Спасителя все и кончалось для нашего спасенія.

Иисусъ Христосъ совершилъ дѣло спасенія. Но значить-ли это, что для спасенія нашего съ нашей стороны ничего болѣе и не требуется, кромѣ вѣры въ Него, кромѣ простаго признанія того факта, что Онъ — нашъ Спаситель? Зачѣмъ-же, въ такомъ случаѣ, апостолъ Христовъ такъ усиленно и настойчиво требуетъ отъ христіанъ *со страхомъ и трепетомъ содѣвать свое спасеніе* (Филип. 2, 12); умерщвлять *земныя уды*, т. е. плотскія страсти (Кол. 3, 5); очищать себя *отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святиню въ страхъ Божіемъ?* (2 Кор. 7, 1). Зачѣмъ онъ убѣждаетъ ихъ *отложить прежній образъ жизни ветхаго чело-вѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, и облечься въ*

новаго чловѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины? (Ефес. 4, 22, 24). Зачѣмъ говорить о распятіи плоти со страстьми и похотьми, какъ объ отличительномъ признакѣ истиннаго христіанина (Гал. 5, 24),—о борьбѣ съ грѣхомъ даже до крови (Евр. 12, 4) и т. п.? Все это, опять, было-бы и не нужно и не понятно, если-бы для нашего спасенія въ самомъ дѣлѣ достаточно было одной простой вѣры во Христа Спасителя?

Нѣтъ, неправду говорятъ эти новые христіане. По ученію св. Писанія, Сынъ Божій совершилъ все, что потребно для спасенія рода чловѣческаго, и въ этомъ именно смыслѣ говорится иногда, что Онъ совершилъ наше спасеніе; содѣвается-же оно на самомъ дѣлѣ собственно въ Церкви Христовой, которая для сего и основана Духомъ Святымъ, живущимъ въ ней, или, какъ обыкновеннѣе выражается Писаніе, благодатію Св. Духа. Низшествіе Св. Духа на апостоловъ, а чрезъ нихъ и на всѣхъ вѣрующихъ, и пребываніе Его въ Церкви и раздаваніе вѣрующимъ, даже до сего дня и до скончанія вѣка, по неложному обѣщанію Христа Спасителя (Іоан. 14, 16), это прямое послѣдствіе искупительныхъ заслугъ Его и вѣнецъ всѣхъ благъ, дарованныхъ роду чловѣческому Его крестною жертвою. Дѣйствіе Св. Духа въ Церкви, сравнительно съ искупительнымъ дѣломъ І. Христа, не есть что-либо новое въ собственномъ смыслѣ: это — только продолженіе и дальнѣйшее развитіе того-же дѣла Христова. Тамъ, на Голгоѣ, на крестѣ, спасеніе совершено вообще для всѣхъ; здѣсь, въ Церкви, оно подается каждому ищущему его, усвоается ему, становится личнымъ достояніемъ спасающагося. На Голгоѣ крестомъ открытъ намъ путь на небо, къ престолу Божію; въ Церкви мы прямо становимся уже на этотъ путь и приводимся къ Богу. Тамъ намъ дано право быть чадами Божіими, потерянное нами еще въ раю, въ несчастномъ паденіи прародителей здѣсь мы уже дѣйствительно дѣлаемся чадами Божіими... Такимъ образомъ, повторяемъ, мы спасаемся въ Церкви, благодатію Св. Духа, даруемою намъ по вѣрѣ въ Иисуса Христа и по силѣ Его крестной смерти за насъ.

Но и благодать, содѣвающая наше спасеніе въ Церкви, не спасетъ насъ, братіе, безъ нашего личнаго участія, безъ нашихъ собственныхъ трудовъ и подвиговъ въ содѣваніи спасенія. Нужно-ли много распространяться въ доказательствахъ этой истины? Не понятна-ли она и сама собою для здраваго смысла? Почему въ самомъ дѣлѣ я или вы должны получить спасеніе, когда мы

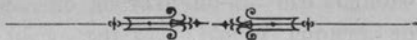
ни мало не заботимся, или даже и вовсе не думаемъ объ этомъ спасеніи? Да и возможно-ли спасти нашу душу, т. е. сдѣлать ее на вѣки счастливою и блаженною, безъ самой нашей души, помимо ея воли, ея желанія и участія въ своемъ спасеніи? Нѣтъ; скажемъ словами одного церковнаго учителя, Богъ могъ создать насъ безъ насъ, но спасти насъ безъ насъ не можетъ *). Благодать Божія только помогаетъ, только даетъ намъ силы совершать наше спасеніе; но мы сами должны работать и трудиться для своего спасенія, чтобы, такъ сказать заслужить его. И здѣсь-то, братья мои, открывается для христіанина широкое поприще борьбы, трудовъ, подвиговъ, о необходимости которыхъ такъ рѣшительно заявляетъ слово Божіе. Здѣсь-то онъ долженъ отвергнуться себя и взять крестъ свой, чтобы *достойно ходити своего званія*, чтобы не оскорблять своими грѣхами Духа Божія, которымъ напояется и запечатлѣвается въ таинствахъ церковныхъ; чтобы не противодѣйствовать, а всячески содѣйствовать благодати Божіей, его освящающей; чтобы возрастать и приумножать въ себѣ, а не умалять и ослаблять, тѣмъ паче не удалять отъ себя, своими скверными страстями этотъ безцѣнный даръ Божій. Ибо извѣстно, что, и по принятіи благодати, мы чувствуемъ въ себѣ влеченіе къ злу и грѣху; и по примиреніи съ Богомъ и совѣстію, мы можемъ падать нравственно, и падать иногда тяжело и глубоко, и тѣмъ лишаться нашей дорогой союзницы въ дѣлѣ спасенія. Сколько разъ, напр., мы каялись уже въ жизни нашей, и каялись, быть можетъ, искренно и чистосердечно, а потому и получали прощеніе; сколько разъ принимали въ себя тѣло и кровь Спасителя нашего, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную, во общеніе Духа Святаго, въ наслѣдіе царствія небеснаго! А между тѣмъ, скажите по совѣсти, не царствуетъ-ли въ насъ тотъ-же старый грѣхъ, не воюють-ли во удѣхъ нашихъ все тѣже зловредныя похоти и дурныя страсти наши? Значить, все еще нужно трудиться надъ собою, бороться съ собою, подвизаться противъ живущаго въ насъ грѣха, и—такъ всю жизнь, до послѣдняго нашего издыханія, если хотимъ, чтобы благодать Божія не тщетно была принимаема нами (2 Кор. 6, 1), чтобы она содѣлала наше спасеніе. Господь, по милосердію Своему, прощаетъ намъ въ таинствахъ наши грѣхи, если мы искренно въ нихъ каемся, и даруетъ намъ благодатныя силы побѣждать наши грѣховныя страсти; но самыхъ страстей не иско-

*) Выраженіе блж. Августина.

реняеть, самаго грѣховнаго влеченія не изгоняеть изъ сердца нашего. Это обязаны сдѣлать мы сами; это должно быть плодомъ нашихъ собственныхъ трудовъ и подвиговъ.

Лжеученіе о томъ, что для спасенія не нужны наши подвиги, а достаточно одной вѣры во Христа, съ нѣкотораго времени стало распространяться и въ нашемъ православномъ отечествѣ, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ классахъ общества, и стало даже отторгать отъ Церкви чадъ ея въ особыя секты, извѣстныя подъ странными наименованіями *пашиковцевъ*, *штундистовъ* и проч. Будемъ осторожны, братіе! Не станемъ внимать льстивымъ рѣчамъ лжеучителей, ведущимъ къ разнузданности и гибели. Будемъ твердо помнить, что внѣ богоучрежденной Церкви Христовой и предлагаемыхъ ею средствъ нѣтъ для насъ спасенія. Аминь.

(«Клишнев. Епарх. вѣд.» 1884 г. № 6).

II. ПОУЧЕНІЯ.

— * —

1.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ДЕНЬ СЯТІТЕЛЯ НИКОЛАЯ.

*Поминайте наставники ваша, ихже
взирающе на скончаніе жителства,
подражайте вѣрѣ ихъ.*

(Евр. 13, 7).

Сегодня мы поминаемъ наставника нашего, святителя Христова—Николая. Въ жизни своей онъ явилъ много высокихъ подвиговъ вѣры и благочестія для нашего подражанія. Но въ вѣнцѣ его добродѣтелей красуется одна великая добродѣтель, которая служитъ краеугольнымъ камнемъ, началомъ, средоточіемъ и концомъ всей дѣятельности, всѣхъ чудотвореній, какія только являлъ этотъ святитель въ жизни, являлъ и не престаеетъ являть и по своей блаженной кончинѣ. Если онъ избавляетъ отъ неповинной смерти трехъ воеводъ, спасаетъ корабль отъ потопленія, подаетъ тайно несчастному семейству три узельцы злата; если онъ вообще является „алчущихъ кормитель, плачущихъ веселіе, нагихъ одѣяніе, болящихъ врачъ, по морю плавающихъ управитель, плѣнниковъ свободитель, вдовъ и сиротъ питатель и заступникъ, нищихъ и убогихъ изобильное богатство“ (Молитв. Акаѳ. св. Николаю): то что все это, какъ не одна великая добродѣтель—милосердія, состраданія, благотворительности къ несчастнымъ? Св.

Церковь и выражаетъ это, когда говорить о святителѣ Николаѣ, что онъ „отнималъ всяку слезу отъ лица лютей страждущихъ“ (Акаѳ. св. Никол. конд. 3).

Подражаемъ-ли мы, братіе, этой высокой добродѣтели нашего наставника? Въ наше время, казалось-бы, и неумѣстно предлагать такой вопросъ. Теперь у насъ такъ усердно занимаются улучшеніемъ общественнаго быта, такъ нещадно открываютъ наши застарѣлыя язвы и такъ ревностно ищутъ средствъ къ ихъ излеченію; теперь у насъ такъ безкорыстно почти всѣ заняты судьбою низшаго класса, такъ безкорыстно трудятся надъ его просвѣщеніемъ и усовершенствованіемъ: къ чему-же говорить тутъ о милосердіи и состраданіи, когда объ этомъ говорить самое дѣло? Однакожь, намъ не кажется неумѣстнымъ спросить себя: все-ли сдѣлано нами въ этомъ отношеніи такъ, чтобы нельзя было ожидать большаго и лучшаго? Всѣ-ли общественныя раны заживлены, всѣ-ли насущныя потребности всѣхъ и каждаго удовлетворены, всѣ-ли скорби бѣдности утолены, всѣ-ли слезы нищеты и убожества осушены? Ахъ, сколько еще до сихъ поръ есть Лазарей— и открыто лежащихъ у вратъ богатыхъ, и такихъ, которые *копани не могутъ и просити стыдятся!* (Лук. 16, 3). Объ этихъ людяхъ если и говорятъ иногда серьезно въ наше время, то только о томъ, какъ-бы сдѣлать такъ, чтобы ихъ не было. Желаніе прекрасное... но достаточно-ль его одного для облегченія горькой судьбы несчастныхъ? Когда горитъ домъ, мало только разсуждать о томъ, какія-бы средства предпринять противъ пожаровъ вообще,—подобное разсужденіе въ настоящемъ случаѣ ничего не поможетъ, теперь надобно самымъ дѣломъ тушить огонь, а послѣ уже, если угодно, можно и поразсудить. Равнымъ образомъ, когда предъ нами нищета во всей ея ужасающей наготѣ, далеко недостаточно для ея облегченія, если мы станемъ только составлять планы, какъ-бы ее уничтожить: этимъ планамъ мѣсто въ будущемъ,—въ настоящую минуту она требуетъ отъ насъ дѣятельной, живой помощи. Голода и жажды, холода и стужи не уймешь никакимъ, самымъ глубокимъ, соображеніемъ, если не дать страждущему отъ нихъ пищи и питія, одежды и крова. Большею-же частію, противъ этихъ людей, — и въ наше время, преимущественно хвалящееся своимъ челоуѣколюбіемъ,—слышатся отовсюду старыя вопли и возгласы, въ силу которыхъ выходитъ, что нищія скорѣе достойны презрѣнія, чѣмъ состраданія и помощи.

Говорятъ: „нищіе — бродяги, не хотящіе ничего дѣлать и обольщающіеся легкимъ способомъ добывать себѣ пропитаніе“. Но, во-первыхъ, не всѣ таковы: стоитъ только открыть глаза, чтобы видѣть, сколько изъ этихъ несчастныхъ выставяетъ на видъ свои изуродованные члены, свидѣтельствующіе о ихъ неспособности къ тѣлеснымъ трудамъ. Во вторыхъ, если и есть такіе нищіе, то вдумывались-ли мы когда-нибудь, отчего они таковы? Дѣйствительно-ли они не хотятъ ничего дѣлать? Для того, чтобы собственными трудами снискивать себѣ пропитаніе, недостаточно только имѣть цѣлыя и правильные члены тѣла: для этого надобно имѣть еще здоровье и крѣпость духа и тѣла, надобно имѣть поприще для дѣятельности, осѣдность и под. Но всего-то этого и нѣтъ у тѣхъ нищихъ, которыхъ мы называемъ бродягами. Вотъ жестокосердіе господина заставляетъ раба искать спасенія въ бѣгствѣ, идти куда глаза глядятъ; вотъ у престарѣлой вдовы несправедливость людская, или-же просто какой-нибудь особенный случай отняли послѣдняго, единственнаго сына, опору ея старости, и она должна умереть съ голоду; вотъ цѣлый домъ сиротъ, оставшихся, почти въ младенчествѣ, совершенно одинокими: куда дѣваться, что дѣлать этимъ несчастнымъ, какъ только ходить по міру и испрашивать подаваніе? Заняться чѣмъ-нибудь другимъ они сами не имѣютъ, а другіе и не даютъ имъ, никакой возможности... Весьма нерѣдко случается видѣть такое явленіе: человѣкъ подаетъ мелкую монету просящему, видитъ, что у него цѣлы члены тѣла и съ негодованіемъ замѣчаетъ ему: „здоровый какой, за двоихъ работалъ-бы!“ Да, можетъ быть, работалъ-бы; но отчего-же ты, говорящій такъ, не оставишь его у себя, не обеспечишь его, отчего не укажешь ему поприща для дѣятельности, отчего не назначишь ему посильныхъ занятій? Прочитавъ ему наставленіе, ты отпускаешь его съ Богомъ; онъ идетъ къ другому, къ третьему, подобному тебѣ, и тамъ все слышитъ одно и то же. Онъ и безъ насъ знаетъ, что работалъ-бы; только не знаетъ, что, гдѣ, чѣмъ и какъ. Если-бы даже онъ рѣшился предложить свои услуги, то въ иныхъ домахъ надъ нимъ только посмѣялись-бы, въ другихъ—сочли-бы его за дерзкаго и прямо выгнали, и вездѣ нашли-бы его ненужнымъ, только лишнимъ бременемъ въ семействѣ, нахлѣбникомъ. И вотъ онъ, по горькой необходимости, „обольщается легкимъ способомъ пропитанія“, — тащится съ сумою отъ дома къ дому, отъ храма къ храму, выпрашивая со слезами и орошая ими каждый кусокъ

хлѣба, каждую ветхую ризу, которыми ущедряетъ его наше милосердіе. Нечего сказать, какъ не соблазниться такимъ легкимъ способомъ жизни!!!

„Нищенство — говорятъ — наслѣдственная болѣзнь, которая переходитъ отъ отца къ сыну, отъ сына къ его дѣтямъ и т. д.“ Такъ; но что изъ этого? Слѣдуетъ-ли за это упрекать несчастныхъ? Въ самомъ дѣлѣ, виновать-ли я за то, что родился отъ нищаго, который не могъ дать мнѣ не только какое-нибудь воспитаніе, но и просто — питаніе; не могъ научить меня какимъ-нибудь ремесламъ, которыми-бы я добывалъ себѣ средства жизни, а могъ научить меня и научилъ — только просить? Могутъ-ли рожденные въ нищетѣ и убожествѣ, вскормленные чужимъ хлѣбомъ, за сумою, воспитанные подъ чужими подоконасьями, на улицахъ и распутяхъ, — могутъ-ли, говоримъ, эти несчастные заняться серьезно чѣмъ-нибудь, чтобы, оставивъ горькое ремесло родителей, другимъ путемъ снискивать себѣ пропитаніе? Въмѣсто того, чтобы упрекать несчастныхъ, гораздо лучше было-бы, если-бы люди, имѣющіе достатокъ, брали къ себѣ дѣтей у бѣдныхъ, безпріютныхъ родителей на услуженіе, или, если можно, и на воспитаніе. Сугубое благо происходило-бы изъ этого: бѣдныя дѣти привыкали-бы къ трудамъ и занятіямъ, научались разнымъ ремесламъ, предотвращались отъ грубости, невѣжества, распутства, и вообще отъ всего дурнаго, что такъ тѣсно связано съ нищею, а горемычные родители ихъ получали-бы чрезъ это облегченіе, а иногда и вспомошествованіе своей бѣдности. Мы думаемъ, что такіе родители съ радостію и великою сердечною благодарностію отдавали-бы дѣтей своихъ такимъ благодѣтелямъ, а дѣти ихъ, получивъ средства жизни, а иногда и кой-какое воспитаніе, уже не имѣли-бы горькой необходимости, да и стыдились-бы свято слѣдовать образу жизни своихъ родителей, и наслѣдственная болѣзнь нищенства, такимъ образомъ, мало-по-малу сокращалась-бы въ своихъ размѣрахъ. Надобно только при этомъ не забывать одного, именно: это богоугодное дѣло дѣлать изъ чистой любви къ Богу и ближнему, со всѣмъ усердіемъ и ревностію, безъ всякихъ попрековъ, а не для вида только, не изъ тщеславія и не какънибудь. Въ противномъ случаѣ, и это благое дѣло мало принесетъ благихъ плодовъ.

„Нищета, говорятъ, часто бываетъ слѣдствіемъ бурной распутной жизни.“ Правда. Но что изъ этого? Ужели мы будемъ такъ жестокосерды, что на подобную нищету будемъ смотрѣть

злорадостно и мстить ей своимъ невниманіемъ, безучастіемъ, презрѣніемъ, упреками? Ахъ, если-бы мы внимательнѣе бдѣли надъ собою, мы никогда не дошли-бы до горделиваго сознанія нашего нравственнаго превосходства предъ нищимъ такого рода: мы открыли-бы въ сердцѣ нашемъ тѣже самыя страсти, нерѣдко на самой высокой степени развитія, какія погубили этого чело-вѣка,—мы сознали-бы, что только особенныя виѣшнія обстоятель-ства, особенныя условія нашей жизни, а чаще всего одна бла-годать Божія не попустила и нашимъ страстямъ прорасти горь-кій плодъ нищенства. Умри наши родители гораздо раньше, не получи мы никакого образованія, не случись намъ добрые на-ставники, не встрѣчъся мы въ жизни съ такимъ-то лицомъ, которое своею отеческою любовію сдержало неразумные порывы юной души нашей,—кто знаетъ?—можетъ быть и мы съ тобою расточили-бы имѣніе свое блудно съ любодѣйцами, можетъ быть и мы вынуждены были-бы пасти свинія и насыщаться ихъ рож-цами,—можетъ быть и намъ съ тобою пришлось-бы таскаться по міру съ нищенскою сумою. За что-же презирать, за что-же на-казывать этого несчастнаго, который возросъ среди другихъ обстоятельствъ, подъ другими условіями жизни, который не встрѣтилъ въ пору сердца любящаго и согрѣвающего, не встрѣ-тилъ ума руководящаго и наставляющаго, не нашелъ руки охра-няющей и сдерживающей, который слишкомъ рано созналъ себя разнузданнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, почувствовалъ себя на опасномъ просторѣ и, естественно, пустился на всѣ четыре сто-роны? Онъ и безъ насъ уже тяжело наказанъ. Эта сума, которую онъ носитъ на плечахъ, есть только слабый знакъ той тяжелой туги, которую онъ носитъ въ сердцѣ. Позднее, бесплодное сожа-лѣніе о прошедшемъ, мученія уцѣломудрившейся совѣсти, созна-ніе, что онъ самъ виновникъ своего горя, стыдъ прямо смотрѣть въ глаза добрымъ людямъ, безнадежность въ будущемъ,—вотъ что не даетъ душѣ его мира и покоя, вотъ что преслѣдуетъ и мучитъ его день и ночь. Зачѣмъ-же прилагать къ его ранамъ новыя? Состраданія, одного состраданія и притомъ дѣятельнаго онъ тре-буетъ отъ насъ....

Впрочемъ, если-бы мы были проникнуты истинною христіан-скою любовію и смотрѣли на все съ ея точки зрѣнія, подобные возгласы противъ нищихъ и убогихъ не слышались-бы изъ устъ нашихъ. Мы разсуждали-бы такъ: во-первыхъ, этотъ нищій—та-кой-же челоуѣкъ, какъ и я; во-вторыхъ, онъ—христіанинъ, мень-

шій братъ Христа Спасителя, сынъ и наслѣдникъ Божій, за него, также какъ и за меня, пролита на крестѣ безцѣнная кровь,—ему, также какъ и мнѣ, дарованы благодатныя средства духовной жизни, мы съ нимъ *во едино тѣло крестихомся, единымъ Духомъ напоихомся* (1 Кор. 12, 13), *отъ единого хлѣба причащаемся* (1 Кор. 10, 17),—ему, также какъ и мнѣ, обѣцано и уготовано вѣчное блаженство въ дому Отца нашего небеснаго, далѣе—въ его лицѣ предстоить и пріемлетъ милостыню Самъ Христосъ, и *милюй* его, я *даю взаимъ Богу* (Притч. 19, 17); наконецъ, все, что я имѣю—не мое, не отъ меня и не для меня, а Божіе, отъ Бога и для славы Божіей,—я только распорядитель, только временный приставникъ даровъ Божіихъ, изливаемыхъ для всѣхъ и каждаго,—слѣдовательно всякое присвоеніе ихъ исключительно себѣ—есть не что иное, какъ духовное святотатство, за которое я долженъ буду строго поплатиться, когда небесный Домовладыка потребуетъ отъ меня отчета въ употребленіи ввѣреннаго мнѣ. Разсуждая такимъ образомъ, мы не различали-бы между нищими достойныхъ и недостойныхъ нашего благотворенія; напротивъ, мы съ радостію спѣшили-бы, не пропустили-бы ни одного случая подать помощь, оказать милость тамъ, гдѣ ее требуютъ, гдѣ въ ней нуждаются, не входя въ разспросы и изслѣдованія: кто этотъ бѣднякъ, отчего онъ сдѣлался такимъ и под. Святое дѣло благотворенія сдѣлалось-бы насущною потребностію, чистѣйшимъ наслажденіемъ, жизненною стихіею нашего сердца, такъ, что мы считали-бы себя несчастными, если-бы или не имѣли возможности оказать въ извѣстномъ случаѣ благодѣяніе, или-же наше благодѣяніе почему-нибудь было непринято.

Такъ, говоримъ, мы разсуждали-бы, такъ поступали-бы... Но такъ-ли разсуждаемъ, такъ-ли поступаемъ теперь? Весьма часто приходится слышать: „я съ удовольствіемъ далъ-бы этому нищему, но знаю, что онъ сейчасъ-же пропъетъ мое подаваніе.“ Нечего и говорить о томъ, какъ безосновательно бываетъ нерѣдко подобное опасеніе: его часто повторяютъ о такихъ нищихъ, которыхъ видятъ первый разъ въ жизни. Но если-бы и въ самомъ дѣлѣ было такъ, оправдываетъ-ли это наше немилосердіе? Наше дѣло только дать просящему, а какъ онъ воспользуется нашимъ подаваніемъ,—это ужъ его дѣло: если мы дадимъ ему, мы окажемъ свое милосердіе,—если откажемъ ему, мы явимъ только свое немилосердіе.

Нѣкоторые разсуждаютъ такъ: „зачѣмъ подавать милостыню?

Нищихъ она не обогащаетъ, а для подающаго—довольно ощутительна. Нищіе все-таки остаются нищими и послѣ подаенія, и по-прежнему продолжаютъ просить; если дать имъ хоть немного, то для меня все-же выйдетъ много,—притомъ дай имъ сегодня, а завтра они опять придутъ просить: такъ лучше уже совсѣмъ не давать.“ Что сказать противъ этого возраженія? По нашему, оно не стоитъ и отвѣта. Оно имѣло-бы какой нибудь смыслъ тогда, если-бы наши благотворенія дѣйствительно были значительны. Мы указали-бы, въ такомъ случаѣ, сомнѣвающемуся благотворителю на слова Писанія и на священно-историческіе опыты, которые свидѣлствуютъ, что чѣмъ болѣе человекъ благотворитъ другимъ, тѣмъ болѣе Богъ благословляетъ и щедряетъ его Своими благами и никогда не оставляетъ его и даже сѣмени его просить хлѣба. Но если наши благодѣянія ограничиваются только опредѣленнымъ числомъ калѣкъ, состоятъ въ подаеніи имъ нѣсколькихъ мелкихъ монетъ и изношенныхъ одеждъ, и совершаются только въ нѣкоторые особенные дни, почему-либо важные и замѣчательные для насъ, то подобное возраженіе въ устахъ нашихъ изобличаетъ только жестокость сердца нашего по отношенію къ ближнимъ и слѣбую, преступную страсть его къ корысти.

„Мы люди семейные,—говорятъ весьма многіе,—у насъ свои дѣти, у насъ множество домашнихъ расходовъ. Мы и желали-бы благодѣлствовать бѣднымъ, но что дѣлать, когда нѣтъ у насъ на это средствъ и возможности?“ Предлогъ благовидный, но лишенный истины. Намъ кажется, что никакое общественное положеніе не освобождаетъ насъ отъ исполненія обязанностей христіанской любви и милосердія; кажется также, что нѣтъ такого состоянія, кромѣ нищенскаго, въ которомъ не было-бы никакой возможности, хоть чѣмъ нибудь и сколько нибудь, помогать другому. А если-бы мы отрѣшились отъ множества изысканныхъ нуждъ и неестественныхъ потребностей, которыя раждаетъ суетность, тщеславіе, роскошь, желаніе блеснуть и высказаться предъ другими, ложный стыдъ отстать отъ высшихъ и богатѣйшихъ насъ лицъ, если-бы мы научились строго различать, что существенно необходимо для жизни и что составляетъ ея роскошь, — о! мы увидѣли-бы тогда, что у насъ много, много средствъ благотворенія... Если-же въ самомъ дѣлѣ средства нашей жизни такъ ограничены, что мы имѣемъ только необходимое, то все-же у насъ есть домъ, въ которомъ всегда почти можно найти лишній кусокъ хлѣба, лишнюю, пожалуй и ветхую, одежду; значить, мы

все-таки имѣемъ возможность напитать алчущаго, одѣть нагаго, дать кровь безпріютному. Наконецъ, пусть мы не имѣемъ и этого,—все-таки мы можемъ хоть напоить единаго отъ братій сихъ чашею студеной воды, можемъ съ братскимъ сочувствіемъ поговорить съ нимъ, и этимъ хоть нѣсколько облегчить его горе, хоть слабое утѣшеніе пролить въ его душу.

Много еще случается слышать разныхъ отговорокъ отъ нищелюбія и благотворительности; но если перевести ихъ на истинный языкъ, то всё они будутъ значить вотъ что: „я не хочу благодѣлствовать: мнѣ жаль лишиться въ пользу другаго хотя-бы лишняго куска хлѣба, хотя-бы-то самой мелкой монеты, только никакъ не жаль этого лѣнивца, этого бродяги и пьяницы, т. е. этого нищаго — несчастнаго брата моего.“

Ахъ, братіе! Для насъ, согрѣшающихъ много на всякій часъ, боящихся строгихъ подвиговъ подвижничества христіанскаго и, большею частію, иждивающихъ все житіе въ разсѣянности, милостыня—самое легкое и удобное, чтобы не сказать единственное, средство спасенія. Мы даже думаемъ, что Премудрый и Всеблагій для того и благоволилъ однимъ изъ насъ быть нищими, чтобы другимъ дать случай, чрезъ оказываемыя имъ благодѣянія, очищать свои грѣхи и скорѣе и удобнѣе достигать спасенія. Поэтому, мы *всегда имѣемъ* и, кажется, не смотря на современныя старанія, всегда будемъ имѣть *нищія съ собою* (Матѳ. 26, 11): они еще болѣе нужны для насъ, чѣмъ мы для нихъ. Воспользуемся-же симъ даромъ милости Божіей: *дадимъ милостыню, и се намъ вся чиста будутъ* (Лук. 11, 41): *сотворимъ себѣ други стѣ мамоны неправды, и едва оскудѣемъ* отъ жизни сей, они *пріимутъ* насъ *въ вѣчныя крове;* *будемъ дѣлать дѣла* милосердія, *дондеже день есть, придетъ ночь,*—и для многихъ изъ насъ очень скоро,—*егда уже никтоже можетъ дѣлати* (Іоан. 3, 4), хотя-бы и желалъ. Аминь.

(«Воскресное Читаніе» 1861 г. № 3).

2.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ДЕНЬ КАЗАНСКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Недавно мы праздновали Покровъ Пресвятыя Богородицы, и вотъ снова св. церковь созвала насъ на другой подобный праздникъ. Будетъ въ году еще много и другихъ дней, посвященныхъ церковію торжественно-праздничному прославленію Пресвятой Дѣвы Богородицы. Вообще, въ цѣломъ кругѣ годовыхъ праздниковъ самая большая часть ихъ совершается въ честь и память преблагословенной Дѣвы.

Что значить это множество богородичныхъ праздниковъ? Что хотѣла выразить и выразила церковь, устанавливая и учреждая эти праздники?—Она выразила этимъ, братіе мои, свою вѣру и убѣжденіе, что Матерь Божія—самая вѣрная помощница и усердѣйшая заступница наша предъ Богомъ,—что Она неусынно ходатайствуетъ за насъ предъ престоломъ Сына Своего и Бога нашего,—присно „покрываетъ насъ отъ всякаго зла честнымъ Своимъ омофоромъ ¹⁾—присно спасаетъ насъ отъ всякихъ лютыхъ ²⁾“.

И нужно-ли указывать вашему благочестію на тѣ безчисленные опыты матерняго покрова и заступленія Пресвятой Дѣвы Богородицы, которые, предъ лицомъ всего свѣта, оправдываютъ эту всеобщую вѣру церкви? Читайте исторію нашей православной церкви,—и вы увидите, что страницы ея переполнены сказаніями о подобныхъ опытахъ чудеснаго спасенія Богоматери;—вы узнаете, что не было съ нашимъ отечествомъ ни одного тяжкаго бѣдствія, внутренняго и внѣшняго, въ которомъ-бы Она не явилась ему самою усердною помощницею и чудесною спасительницею; мы не утишили почти ни одного внутренняго смятенія и междоусобія, не прогнали отъ предѣловъ нашихъ ни одного страшнаго врага, не одержали ни одной славной побѣды

¹⁾ Акаѳ. Покрову.

²⁾ Тропарь молебн. кан. Богородицѣ.

безъ Ея матерняго покрова и заступленія.—Если, далѣе, обратимъ взоры свои на тѣ благодатныя мѣста, гдѣ являлся чудодѣйственный ликъ Ея,—мы замѣтимъ, что во всемъ отечествѣ нашемъ нѣтъ ни одной, болѣе или менѣе обширной, области, которая не хранила-бы у себя одну или нѣсколько Ея чудотворныхъ иконъ и не хвалилась ими, какъ первѣйшею своею святынею, какъ драгоценнѣйшимъ своимъ украшеніемъ. Сколько тысячъ страждущихъ получали и получаютъ отъ этихъ св. иконъ облегченіе и уврачеваніе въ тяжкихъ и часто неисцѣльныхъ болѣзняхъ—тѣлесныхъ и душевныхъ. Приходятъ къ св. образу съ разслабленнымъ тѣломъ, съ растерзаннымъ печалію сердцемъ, а возвращаются отъ него съ крѣпостію въ тѣлѣ, съ миромъ и отрадой въ душѣ!—Посмотримъ, наконецъ, каждый на свое прошедшее; припомнимъ несчастныя обстоятельства, тяжелыя событія, сомнительныя положенія нашей жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ и наши тогдашнія воздыханія, плачь и слезы, наши молитвы и обѣты,—и многіе, многіе изъ насъ не умолкнутъ, отъ избытка благодарнаго сердца воскликнуть съ церковію: „аще ты, Богородице, не бы предстояла молящи, ктобы насъ избавилъ отъ толикихъ бѣдъ¹⁾.“ Итакъ, благодареніе Богу, всѣ мы находимся подъ державнымъ покровомъ и заступленіемъ Божіей Матери.

Отраднa мысль эта, братіе! Человѣкъ, самъ по себѣ, такъ слабъ и немощенъ, искушенія и опасности жизни столь многочисленны и разнообразны, такъ-называемое счастье столь суетно и измѣнчиво, надежды на помощь людей сильныхъ, расчеты на друзей и пріятелей такъ невѣрны и обманчивы, что мы почти на каждомъ шагу, даже въ самыхъ обыкновенныхъ своихъ дѣлахъ нуждаемся въ помощи—вышей, чѣмъ земная,—надежнѣйшей и прочнѣйшей, нежели человѣческая. Какъ-же пріятно, какъ утѣшительно вѣрить и знать, что мы имѣемъ такую державную помощницу, такую усердную ходатаицу и заступницу предъ Богомъ, какова Богоматерь! Съ одной стороны, будучи одного естества съ нами, Она любитъ насъ полною родственною любовію, а опытно извѣдавши всѣ скорби и тягости жизни земной, знаетъ всѣ силы и всю немощь природы нашей: поэтому всегда готова помочь намъ, гдѣ это необходимо. Съ другой-же стороны, содѣлавшись истинною Матерью по плоти Царя всемогущаго, Она имѣетъ особенное дерзновеніе къ Нему, какъ Сыну Своему,—дерзновеніе,

¹⁾ Тропарь молеб. канона Богородицѣ.

котораго не имѣетъ ни одна изъ тварей, какъ земныхъ, такъ и небесныхъ, и въ силу котораго Ей одной—по выраженію св. церкви—„дадеся, да всяко прошеніе Ея исполнится“¹⁾. И потому Она не только всегда готова, но и всегда можетъ подать намъ просимое: если, по слову писанія, *много можетъ усердная молитва праведника*²⁾ вообще; то, безъ сомнѣнія, несравненно болѣе „можетъ моленіе Матернее ко благосердію Владыки“³⁾. Такимъ образомъ Пресвятая Дѣва Богородица—единственная Ходатаица и Заступница наша, на которую, въ извѣстныхъ случаяхъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можно всецѣло положиться. „Не имамы иныхъ помощи, не имамы иныхъ надежды, развѣ Тебе Владычице“⁴⁾; „все упованіе мое на Тя возлагаю—Мати Божія“⁵⁾ учить насъ взывать къ Ней св. церковь.

Но, братіе христіане, чѣмъ выше даръ, тѣмъ осторожнѣе надо пользоваться имъ; чѣмъ большее благодѣяніе, тѣмъ внимательнѣе надо быть по отношенію къ нему. Это-же всегда нужно помнить и наблюдать и по отношенію къ матернему покрову, ходатайству и заступленію нашей великой Помощницы и дивной Заступницы: съ великою осторожностію и особенною благоговѣйною внимательностію надлежитъ намъ пользоваться этимъ великимъ даромъ любви божественной.

Люди, какъ извѣстно, часто имѣютъ у себя земныхъ ходатаевъ и покровителей изъ лицъ, значительныхъ по своему вѣшнему положенію въ обществѣ,—пользуются, въ разныхъ правительственныхъ мѣстахъ и учрежденіяхъ, такъ-называемыми протекціями разныхъ вліятельныхъ особъ. И вотъ многіе изъ этихъ людей, всецѣло положась на своихъ покровителей, сами рѣшительно ничего не дѣлаютъ для своего умственного и нравственного развитія, для поправленія своихъ обстоятельствъ, для улучшенія своего положенія; ихъ дѣло—только угождать и раболѣпствовать своимъ покровителямъ, которые уже исключительно на себя берутъ устроеніе судьбы ими покровительствуемыхъ. Нѣчто подобное нерѣдко случается съ нами и по отношенію къ покрову и заступленію нашихъ небесныхъ покровителей и заступниковъ, и въ частности—по отношенію къ покрову и заступ-

¹⁾ Акаѳ. Покрову, конд. 3.

²⁾ Іак. 5, 16.

³⁾ Богородичень 6-го часа.

⁴⁾ Конд. молеб. канона Богородицѣ.

⁵⁾ Богородичень вел. новечерія.

плению Богоматери. Нѣкоторые изъ насъ, какъ нельзя исправить, праздноя дни въ честь Пресвятой Дѣвы, молясь ежедневно къ Ней съ искреннею вѣрою, съ полною преданностію, въ тоже время по отношенію къ своему спасенію, къ своему нравственному усовершенствованію остаются совершенно холодными и равнодушными, живутъ въ разсѣянности, праздности и безпечности, всю свою нравственную жизнь, все дѣло своего спасенія возложивъ на небесную Ходатаицу. Земнымъ покровителямъ большею частію пріятна такая всецѣлая и безусловная преданность имъ покровительствуемыхъ; но Покровительницѣ небесной—никогда. Хотя св. церковь и учитъ насъ все упованіе наше возлагать на Господа и Его пречистую Матерь; но это отнюдь не значитъ того, чтобы мы, съ своей стороны, не должны были уже заботиться о своемъ счастіи и спасеніи: человѣческое достоинство въ томъ, между прочимъ, и состоитъ, что человѣкъ самъ устрояетъ свою судьбу... Кромѣ того, излишняя преданность кому-бы-то и чему-бы-то ни было, хотя-бы даже небесному покрову и водительству—преданность, простирающаяся до уничтоженія нашей личной свободной дѣятельности, такъ-же вредна для нашего счастья и спасенія, какъ и горделивая самость, такъ-же преступна въ очахъ Божіихъ, какъ и безнадежная отчаянность въ высшей помощи. И если земные покровители часто самостоятельно устроятъ судьбу слѣпо преданныхъ имъ; то Матерь Божія никогда не устроитъ ее помимо нашего вѣдома и свободнаго, дѣятельнаго участія; вѣдь мы, въ самомъ дѣлѣ, не мертвыя какія орудія, не слѣпныя машины: у насъ есть разумъ и воля! Итакъ все упованіе наше возлагая на Матерь Божію, мы должны и съ своей стороны употреблять всѣ, зависящія отъ насъ, мѣры и средства къ нашему спасенію, и только просить у Ней и чрезъ Нее благословенія на наши благія начинанія, помощи и силы къ ихъ успѣшному выполненію.

Другіе изъ имѣющихъ у себя земныхъ покровителей, будучи ограждены ихъ покровомъ и заступленіемъ, въ полной надеждѣ на безнаказанность, безъ зазрѣнія совѣсти позволяютъ себѣ, въ своемъ кругѣ дѣятельности и отношеній, всякаго рода злоупотребленія, несправедливости, насилія по отношенію къ низшимъ и слабымъ, преслѣдованія, угнетенія и. т. п. Такъ-же точно нѣкоторые изъ насъ, постоянно предаваясь покрову и заступленію Богоматери, въ своей домашней жизни преспокойно работаютъ страстямъ, не страшась прилагать беззаконіе къ безза-

конію: не только, напр., не отказываются отъ своихъ порочныхъ наклонностей и привычекъ, а еще съ удовольствіемъ наживаются новыя подобныя,—не только не примиряются съ враждующими, но и заводятъ новыя драки,—не только не помогаютъ несчастному въ его горѣ, а и счастливаго нерѣдко дѣлаютъ несчастнымъ и т. д. Кажется, эти люди серьезно воображаютъ, что стоитъ только усердиѣ помолиться Заступницѣ рода нашего, отслужить, напр., Ей молебень съ акаѣистомъ, положить предъ Ея иконою нѣсколько земныхъ поклоновъ и монеть,—и дѣло кончено: они опять имѣютъ право на жизнь незаконную... Нужно-ли говорить, что такая молитва только оскорбляетъ Заступницу рода нашего? Она напоминаетъ собою тѣ, далеко не нравственныя, сдѣлки, которыя такъ нерѣдки между людьми, поставленными въ извѣстныя отношенія между собою: „я, дескать, уступаю и обѣщаю тебѣ то и то, только представь мнѣ полную свободу дѣйствовать, гдѣ я знаю, какъ и что мнѣ заблагоразсудится!“ Земные покровители очень часто потворствуютъ покровительствуемымъ ими дурнымъ людямъ и, въ случаѣ нужды, защищаютъ ихъ; но небесная Покровительница наша никогда не приметъ моленія отъ такого человѣка и ходатайства о немъ, пока онъ не положитъ твердаго и рѣшительнаго намѣренія—исправить свое злое сердце. Какъ будто Ей, въ самомъ дѣлѣ, нужны наши молитвы и поклоны! Какъ будто Она нуждается въ нашихъ деньгахъ! Вмѣстѣ съ Сыномъ Своимъ и Богомъ Ея и нашимъ, Она желаетъ отъ насъ чистоты сердца, справедливости, милосердія, любви,—*милости хочетъ, а не жертвы* ¹⁾. Итакъ, прибѣгая къ ходатайству и заступленію Богоматери, мы должны всегда при этомъ приносить предъ лице Ея твердое намѣреніе и рѣшительное желаніе—перемѣнить свою прежнюю дурную жизнь на новую, болѣе сообразную съ духомъ и назначеніемъ христіанина,—и объ этой-то благодатной перемѣнѣ, объ этомъ спасительномъ обновленіи и перерожденіи первѣе всего и молить Ее.

Наконецъ, между людьми, пользующимися протекціями, весьма много такихъ, которые, какъ-бы въ обязанность себѣ, поставляютъ обременять своихъ покровителей разными мелочными просьбами и требованіями,—хотятъ, чтобъ они удовлетворяли всѣмъ, самымъ простымъ и бессмысленнымъ, ихъ желаніямъ, служили

¹⁾ Матѣ. 9, 19.

ихъ прихотямъ и капризамъ. Тоже самое часто бываетъ съ нами и по отношенію къ небесному покрову и заступленію. Вотъ человекъ съ великимъ усердіемъ молится предъ иконою Богоматери: отрадно смотрѣть на его пламенную вѣру, на его горячую дѣтскую преданность волѣ высшей. Но если полюбопытствуете узнать предметъ его пламенной молитвы,—вы, къ удивленію своему, увидите, что онъ такъ пустъ и мелочень, нерѣдко даже такъ нескромнень и несвойственъ христіанину, что молиться о немъ—значить или дѣтски капризничать, или-же прямо гнѣвить Господа и Его св. Матерь;—вы узнаете, что этими молящимися устами движетъ суетное тщеславіе, мелкое самолюбіе и своекорыстіе, низкая мстительность, грубая чувственность и т. п. Этотъ мужчина, напр., молится о счастливомъ успѣхѣ затѣянной съ своимъ сосѣдомъ тяжбы—по такому дѣлу, въ которомъ онъ самъ кругомъ виноватъ; эта старуха—объ отмщеніи своимъ мнимымъ врагамъ; эта дѣвица проситъ объ исполненіи желаній своего сердца наперекоръ своей соперницѣ, къ которой она относится съ завистію и недоброжелательствомъ; этотъ... но довольно. Вообще несомнѣнно, что мы нерѣдко молимся о такихъ вещахъ, о которыхъ даже стыдимся прямо говорить съ другими. Кто вникаетъ въ самага себя, кто внимательно слѣдитъ за тайными движеніями своего сердца, тотъ не обвинитъ насъ въ преувеличеніи дѣла: онъ по собственному опыту знаетъ, до чего могутъ доходить наши внутреннія желанія, нерѣдко такъ наивно высказываемыя нами и въ молитвахъ. Одинъ св. мужъ (бл. Августинъ) сознался, что когда онъ былъ молодъ и въ немъ происходила сильная борьба между разумомъ и страстями, между высшими стремленіями духа и низшими влеченіями плоти,—онъ такъ молился: „Господи! дай мнѣ цѣломудріе, только не скоро“¹⁾.... Такая молитва, если можно такъ сказать, только беспокоитъ и наскучаетъ тому, къ кому она обращается. Если и земнымъ покровителямъ большею частію непріятно, когда къ нимъ прибѣгаютъ съ разными мелочными желаніями и просьбами; то что и говорить о небесной нашей Покровительницѣ? Всѣмъ таковымъ молитвенникамъ Она отвѣчаетъ,—если не въ словѣ, то, на самомъ дѣлѣ, тѣмъ, что не внемлетъ ихъ молитвамъ,—отвѣчаетъ, говоримъ, то самое, что отвѣчалъ нѣкогда Сынъ Ея на неразумную

¹⁾ См. „Исповѣдь“ бл. Августина.

просьбу двухъ учениковъ своихъ: *не вѣсте, чего просите* (Мар. 10, 38).

Итакъ, обращаясь къ покрову и ходатайству Богоматери, мы должны просить у Нее только „добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ“ *) и ближнихъ нашихъ,—и притомъ добрыхъ и полезныхъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи къ нашему духовному благу, къ нашей нравственной жизни, къ нашему вѣчному спасенію. Аминь.

(«Воскр. Читеніе» 1862 г. № 29).

3.

ПОУЧЕНІЕ ПРЕДЪ ПРИЧАЩЕНІЕМЪ СВЯТЫХЪ ТАИНЪ.

Въ настоящія священные минуты всѣ наши чувствованія и помышленія естественно устремлены къ тому великому таинству, къ которому сейчасъ мы намѣрены приступить. Когда-жъ естественноѣ и умѣстнѣе и говорить объ этомъ таинствѣ, какъ не теперь—въ эти минуты? Итакъ—надѣмся—вы не поскучаете, братіе мои, когда мы предложимъ вамъ нѣсколько словъ и мыслей объ этомъ таинствѣ, хотя, быть можетъ,—словъ и мыслей, давно уже знакомыхъ всѣмъ намъ.

Что это за таинство? Какая его сущность, какая цѣль, какое значеніе?—Начнемъ издалека. Человѣкъ возванъ къ бытію для жизни. Какъ тварь, вполне зависимая отъ Творца, получившая отъ Него начало жизни, человѣкъ не иначе можетъ и поддерживать эту жизнь, какъ въ тѣсномъ союзѣ и живомъ общеніи съ Богомъ. И священная исторія сохранила для насъ память о томъ блаженномъ времени, когда первосозданный человѣкъ, лицомъ къ лицу обращаясь съ Господомъ, почерпалъ свою жизнь и наслаждался ею изъ самаго ея первоисточника. Но таже самая исторія свидѣтельствуетъ, что такое блаженное состояніе человѣка продолжалось не долго. Человѣкъ не умѣлъ дорожить этимъ

*) Ектенія просительная.

постояннымъ общеніемъ съ жизнію Божіею: оболщенный духомъ злобы, онъ возмечталъ о самобытности и не задумался отдѣлить свою жизнь отъ общенія съ жизнію Божіею. Понятное дѣло, чего слѣдовало ожидать отъ такого горделиваго отдѣленія отъ источника жизни.. И вотъ человѣкъ умеръ—и по духу и по тѣлу. Сыны и дщери его наслѣдовали отъ него, вмѣстѣ съ мнимою жизнію, и это несчастное приобрѣтеніе—смерть: съ каждымъ новымъ поколѣніемъ слабые остатки жизни человѣчества принимали болѣе и болѣе противоестественное и разрушительное направленіе, а смерть все глубже и шире распространяла свое страшное владычество. Все человѣчество (за исключеніемъ небольшой части его, вступившей въ особый союзъ съ Богомъ) пять тысячъ слишкомъ лѣтъ бесплодно томилось жаждою и алчбою новой жизни. За нѣсколько вѣковъ до пришествія въ міръ Спасителя пророки совершенно вѣрно могли уподоблять человѣчество трупцу, въ которомъ *отъ главы до ногъ нѣтъ цѣлости*, который—весь *трупъ*, весь *язва* и *рана палящаяся*, и для уврачеванія котораго *нѣтъ пластыря приложити, ниже елса, ниже обвязанія* (Ис. 1, 6), а весь міръ—уподоблять огромному *пому, полному костей человеческихъ, сухихъ зѣло* (Иез. 37, 1, 2). Но вотъ, наконецъ, *въ послѣдокъ дней* (Евр. 1, 1), когда человѣчество долговременнымъ горькимъ опытомъ дознало всю тягость жизни въ отчужденіи отъ жизни Божіей и лучшая часть его сгарала сильнымъ желаніемъ, вѣрой и надеждою новой жизни, а худшая, не зная въ отчаяніи, на что рѣшиться, или думала помочь своему горю гордымъ презрѣніемъ жизни, или же спѣшила возможно-свѣтлымъ образомъ отпраздновать ее, поставивъ для нея главнымъ правиломъ: *ямы и ніемы, утро бо умремъ* (1 Кор. 15, 22),—въ это время, говоримъ, на землѣ, въ образѣ человѣка, является Сынъ Божій, Иисусъ Христосъ,—является съ тѣмъ, чтобы возсоединить человѣчество съ Божествомъ, чтобы привести человѣчество къ союзу съ жизнію Божіею, отъ котораго оно добровольно уклонилось и видъ котораго не могло далѣе продолжать своего существованія. Нечего говорить здѣсь о томъ, что сдѣлалъ, что претерпѣлъ нашъ Спаситель для нашей жизни. Но нельзя пройти здѣсь молчаніемъ вотъ чего: Иисусъ Христосъ не только возстановилъ нарушенный союзъ между Богомъ и человѣкомъ, но и оградилъ на вѣки прочность и утвердилъ безопасность этого союза; Онъ учредилъ на землѣ Свою святую церковь, въ которой постоянно совершается дѣло любви Божіей, совершен-

ное нѣкогда Имъ самимъ, въ которой всякій желающій, во всякое время, можетъ найти вѣрнѣйшія и дѣйствительнѣйшія средства для самаго живаго и искренняго общенія и союза съ божественною жизнію. Въ числѣ прочихъ средствъ, дарованныхъ церкви для этой цѣли, важнѣйшее и главнѣйшее то, къ которому мы приступаемъ нынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы человѣчество со временемъ могло забыть, или только смутно вспоминать о той великой голгооской жертвѣ, которая нѣкогда принесена за него Сыномъ Божиимъ; еслибы, поэтому, оно могло участвовать въ этой спасительной жертвѣ только холоднымъ участіемъ мысли, или же и теплымъ, но все жъ чуждымъ дѣйствительнаго общенія съ нею, участіемъ сердца: то въ этомъ таинствѣ непрестанно возносится Отцу небесному эта спасительная жертва, ежедневно Агнецъ Божій таинственно закаляется за грѣхи міра,—въ этомъ таинствѣ вѣрующій не мыслію только ума, не чувствомъ только сердца, а самымъ дѣломъ приобщается этой жертвѣ. Въ этомъ таинствѣ подается человѣчеству такая пища, которая и соединяетъ его съ Богомъ и вмѣстѣ сама по себѣ служитъ началомъ и сѣменемъ новой, вѣчной, божественной жизни. Вамъ, конечно, извѣстно, что это за чудная пища. Да, братіе мои, когда оказалась нужною намъ такая пища и когда въ цѣломъ мірѣ не нашлось ея, Христосъ-Спаситель Самого Себе даетъ въ снѣдь вѣрнымъ... *Я—хлѣбъ жизни, говоритъ Онъ; ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную...* Онъ пребываетъ во Мнѣ и я во Немъ: примите-жъ, идите тѣло Мое, пійте кровь Мою! (Іоан. 6, 48, 54; Мате. 26, 26—28). Вотъ историческое происхожденіе, вотъ цѣль и значеніе великаго таинства причащенія. Это—постоянная искупительная жертва Сына Божія за грѣхи міра, се Агнецъ Божій, выну закаляющійся за насъ на крестномъ жертвенникѣ; ближе по отношенію къ намъ—это чудная трапеза любви Божіей, это—самъ Христосъ, дающій Себе въ снѣдь вѣрнымъ и чрезъ это таинственно соединяющій ихъ съ Собою и приобщающій Своей божественной жизни.

И велика сила, неизмѣрно благотворно дѣйствіе этого св. таинства. Кто усердно принималъ и надлежащимъ образомъ усвоялъ святое брашно трапезы Господней, тотъ по собственному опыту знаетъ, что это за жизнь Христова, почерпаемая въ этомъ таинствѣ. Всѣ мы, братіе, конечно, по крайней мѣрѣ, въ день принятія этого святаго таинства, всегда чувствовали какое-то особенно-сладостное состояніе, какое-то невозмутимо-мирное,

тихое, ровное и спокойное направлѣніе всѣхъ силъ и способностей нашего духа. И умъ нашъ становится тогда свѣтлѣе и яснѣе, и сердце добрѣе, и совѣсть чище и спокойнѣе, и все естество наше бодрѣе, живѣе, усерднѣе и способнѣе къ дѣламъ вѣры и любви христіанской. Вотъ первые начатки, первыя обнаруженія жизни со Христомъ въ Бозѣ,—той св. жизни, силы которой мы почерпаемъ въ тайнѣ причащенія. Хотите-ли видѣть цѣлостный образъ этой св. жизни? Посмотрите на святыхъ Божіихъ человѣковъ. И *духъ* ихъ—*Христовъ* (Гал. 4, 6), и *умъ* ихъ—*Христовъ* (1 Корин. 2, 16), и *святость* ихъ—*Христова* (Евр. 10, 10). самое тѣло ихъ—*живой членъ тѣла Христова* (1 Корин. 6, 15). Иногда избыткомъ божественной жизни какъ-бы переполнялись ихъ *скудельные сосуды* (2 Корин. 4, 7), и святые Божіи обильными потоками переливали ее въ сосуды другихъ, въ меньшей мѣрѣ обладавшихъ, или же совершенно не обладавшихъ жизнью Христовою. Не будемъ уже говорить о томъ, какъ отеческія наставленія и искренніе совѣты какого-нибудь благочестиваго старца часто совершенно измѣняли прежній образъ мыслей, расположеній и дѣйствій какого-нибудь во многомъ несовершеннаго христіанина, часто давали совершенно-иное направлѣніе жизни нечестиваго,—изъ волка претворяли его въ кроткаго агнца, и вообще никого не отпускали отъ себя, не сдѣлавъ его нравственно-лучше и добрѣе. Мало того: часто избытокъ благодатной жизни святые переливали виѣшнимъ образомъ и на виѣшнюю природу другихъ: часто одно прикосновеніе ихъ о имени Иисусовѣ исцѣляло недужныхъ тѣломъ, отверзало очи слѣпыхъ, языкъ глухимъ, даже возвращало жизнь совершенно ее потерявшимъ. Такова жизнь Христова въ своемъ полномъ развитіи и обнаруженіи; но эта жизнь есть только предначатокъ той блаженной жизни, которая ожидаетъ святыхъ по ту сторону гроба, въ дому Отца небеснаго!

Оживворяя духъ нашъ, таинство тѣла и крови Христовой не оставляетъ безъ оживотворенія и самое тѣло наше. Святая церковь выражаетъ свою вѣру въ такое оживотвореніе, когда молитъ Господа, чтобы святое брашно это послужило принимающимъ его „въ крѣпость, исцѣленіе и здравіе души же и тѣла“ (10 молитва ко причащенію),—чтобъ оно „составы утвердило въ нихъ съ костями вкушѣ“ (3-я молит. по причащеніи) и под. И мы знаемъ много опытовъ, когда усердное вкушеніе отъ трапезы Господней возвращало здравіе болящему тѣлу вкусившаго, и

притомъ—въ такомъ состояніи, когда обыкновенными средствами человѣческаго врачеванія никакъ уже нельзя было помочь ему. Въ этомъ отношеніи таинство причащенія есть новое древо жизни новаго рая—Исусъ Христова. Впрочемъ, такъ какъ намъ, по мудрому устроенію Божіею, для нашего-же собственнаго блага, суждено умереть по тѣлу; то напрасно кто-нибудь сталь-бы искать въ этомъ таинствѣ врачества противъ смерти тѣлесной. Но за то тѣла наши, причащающіяся этому таинству, имѣютъ въ немъ несомнѣнный залогъ своего будущаго славнаго воскресенія.

При видѣ такой неизреченной премудрости и безпредѣльной любви Божіей, какая явлена намъ въ этомъ таинствѣ, намъ остается только, далече отвергнувъ всякое плотское мудрствованіе въ благоговѣйномъ изумленіи повергнуться предъ этой тайной, и изъ глубины души воскликнуть: *готово сердце* наше, *Боже, готово сердце* наше! сотвори съ нами по любви Твоей, Любы воплощенная, приди и вселися въ ны!

Но да позволено будетъ, братіе мои, приложить одно или два замѣчанія.—Чтобъ обыкновенное врачество, предписываемое больному, оказало на него свое благотворное дѣйствіе, для этого—говорятъ знающіе дѣло—больной долженъ быть увѣренъ въ его цѣлебной силѣ, и принять его не только устами, а въ извѣстной мѣрѣ—и сердцемъ. Мы не знаемъ, вѣрно-ли и насколько вѣрно и обязательно это правило тѣлеснаго врачеванія; но оно несомнѣнно вѣрно и вполне обязательно въ приложеніи къ нашему духовному врачеству, въ отношеніи къ принятію тѣла и крови Господней. Чтобъ это самое брашно оказало на насъ свое спасительное дѣйствіе, надобно принять его устами сокрушеннаго и смиреннаго сердца, силою вѣры внести его внутрь существа нашего, силою любви соединить его съ силами духа нашего, преложить въ нашу собственную плоть и кровь. Далѣе, чтобъ принятое врачество вполне оказало свое дѣйствіе, для этого принимающіе его обязуются, какъ воздерживаться отъ нѣкоторыхъ яствъ и напитковъ, вредящихъ дѣйствіямъ принятаго врачества, такъ и усиливать употребленіе тѣхъ изъ нихъ, которые помогаютъ врачеству оказывать свое цѣлебное дѣйствіе. Чтобы и даръ Божій, принимаемый въ таинствѣ святой Евхаристіи, не оставался безплоднымъ въ душѣ нашей, надо возгрѣвать его посильнымъ упражненіемъ во всемъ томъ, что содѣйствуетъ его возрастанію и укрѣпленію въ насъ, и возможнымъ удаленіемъ отъ всего того, что противно его спасительнымъ дѣйствіямъ. И

неудивительно послѣ этого, что тѣ, которые, послѣ принятія святыхъ таинъ, не наблюдаютъ должнаго вниманія къ себѣ,—не чувствуютъ въ себѣ никакой особенной перемѣны на лучшее отъ святаго брашна. И Иуда вкусилъ, вмѣстѣ съ прочими апостолами, отъ трапезы Господней,—однакожь святое брашно не удержало его, противъ злой его воли, отъ злодѣянія: съ тайной вечери онъ прямо пошелъ на несчастное предательство!... Объ этомъ напомнить намъ сейчасъ служитель таинства, когда предложитъ намъ произнести церковную молитву: „вѣрую Господи, и исповѣдую“... Вдумаемся въ каждое слово молиты, когда будемъ произносить ее. Она учить тому-же, о чемъ я сейчасъ напомнилъ вамъ. Аминь.

(«Воскресное Чтеніе.» 1864 года. № 50.)

4.

ПОУЧЕНІЕ

КЪ ПРОСТОМУ НАРОДУ

о седьмой заповѣди Божіей.

Не прелюбы сотвори.

Поговоримъ съ вами, братіе, о седьмой заповѣди закона Божія. Заповѣдь эта запрещаетъ плотскій грѣхъ, осуждаетъ постыдное наслажденіе нашей грѣховной плоти, нашей грубой чувственности: *не прелюбы сотвори*,—заповѣдуетъ она каждому, т. е. не прелюбодѣйствуй. Нѣтъ нужды много объяснять, что это за грѣхъ, запрещаемый заповѣдію: его понимаетъ каждый взрослый человѣкъ и отъ него отвращается всякій добрый христіанинъ. Противъ седьмой заповѣди грѣшитъ мужъ, когда находится въ явной или тайной, но все равно постыдной и грѣховной связи съ чужою женою; грѣшитъ жена, когда она, оставляя своего мужа, отдается другому. Этотъ родъ грѣха называется *прелюбодѣйствомъ*, а виновные въ немъ—*прелюбодѣями* и *прелюбодѣйцами*. Грѣшитъ противъ этой заповѣди вдовецъ, когда, не вѣнчаясь, живетъ съ какою-либо женщиною, какъ съ своею супругою; грѣшитъ и вдова, живущая съ кѣмъ-либо, какъ съ сво-

имъ законнымъ мужемъ. Грѣшитъ противъ этой заповѣди неженатый мужчина, когда заводитъ грубыя связи съ какою-либо дѣвицею; согрѣшаетъ также и дѣвица, когда незаконно связывается съ холостымъ мужчиною. Этотъ родъ грѣха называется *блудомъ*, *блудодѣніемъ*; а виновные въ немъ—*блудниками* и *блудницами*. Третій родъ этого грѣха называется *кровосмѣшеніемъ*: это—когда заводятъ грѣховныя связи лица, состоящія между собою въ какомъ-либо родствѣ—плотскомъ-ли то, или духовномъ. Это—ужаснѣйшій грѣхъ; но, къ сожалѣнію, и онъ, мѣстами, водится у насъ. Кромѣ этихъ грубыхъ и явныхъ нарушеній седьмой заповѣди, кромѣ открытыхъ грѣховъ противъ нея, есть нарушенія ея болѣе тонкія и тайныя, есть грѣхи противъ нея болѣе скрытныя. Это бываетъ, на примѣръ, когда мы позволяемъ себѣ рассказывать или слушать срамныя исторіи и похождения, пѣть или слушать такія-же срамныя пѣсни, и находимъ въ этомъ удовольствіе для себя; когда любимъ смотрѣть на красоту чужой жены и заниматься ею. Много еще есть путей, грубыхъ и тонкихъ, но всегда безобразныхъ и гнусныхъ, которыми идутъ люди къ нарушенію седьмой заповѣди; но на что намъ знать и разсуждать объ нихъ? Дай Богъ, чтобы никто изъ насъ и не зналъ того, до какой возмутительной низости, до какой нечеловѣческой животности доходитъ иногда растлѣнная природа наша!..

Остановимъ больше вниманіе наше на томъ, какъ важень и опасень, по своимъ послѣдствіямъ, грѣхъ, запрещаемый седьмою заповѣдью. Цѣлую бездну зла влечетъ за собою этотъ грѣхъ,—цѣлую бездну—и для жизни настоящей, и для жизни будущей. Сколько неустройствъ, неприятностей, сколько взаимной вражды, ненависти и злобы, однимъ словомъ—зла въ томъ семействѣ, гдѣ—или мужъ невѣренъ женѣ, или жена невѣрна мужу! А сколько срама для отца, сколько горя и слезъ для матери, у которыхъ—или сынъ развратный, или дочь распутна! А къ какимъ вопіющимъ преступленіямъ приводитъ иногда этотъ порокъ? Всѣ роды убійствъ, какихъ не всякій изъ насъ и слышалъ, идутъ вслѣдъ за преступленіемъ прелюбодѣянія. Разрушая счастье семейства и общества, страсть эта губить и того самаго человѣка, который ищетъ въ ней своего грубаго наслажденія. Апостолъ Павелъ пишетъ, что *блудя въ свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 6, 18): это значитъ, что блудники разстроиваютъ свое собственное тѣло, а съ нимъ вмѣстѣ—и свое здоровье. Въ этомъ отношеніи преступленіе противъ седьмой заповѣди можно уподобить чашѣ сладкаго

вина, смѣшаннаго съ ядомъ. Пріятно бываетъ пить изъ такой чаши: но когда выпьешь ее до дна, тогда приходится разсчитываться съ жизнію. Можетъ быть, вамъ нерѣдко приходилось видѣть людей, которымъ по всему слѣдовало-бы только еще жить, да трудиться, да наслаждаться жизнію, а они, вмѣсто того, только сохнуть, да чахнуть, да со дня-на-день ждутъ себя смерти, какъ особеннаго благодѣянія. Будьте увѣрены, что, по крайней мѣрѣ, половина этихъ несчастныхъ сдѣлалась такою именно вслѣдствіе своей безпутной жизни.

Но и смерть не прекратитъ мученія этихъ несчастныхъ, если они не исправятся и не принесутъ плодовъ покаянія еще въ сей жизни. Апостоль прямо говоритъ, что *ни блудники, ни прелюбоды, царствія Божія не наследятъ* (1 Кор. 6, 9, 10). Да и какъ имъ наследовать его? Развѣ они способны, развѣ они приготовлены къ радостямъ царствія Божія? Жизнь и радости царствія Божія въ высшей степени духовны; а эти люди—чистая плоть; *плоть же и кровь царствія Божія наследники не могутъ*. Эти люди не подорожили своимъ духовнымъ призваніемъ, своимъ высшимъ назначеніемъ; они разстлили и осквернили въ себѣ храмъ Божій. *Аще же кто храмъ Божій растлитъ, растлитъ сего Богъ*, говоритъ апостоль,—*храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. 3, 17).

Какъ-же намъ предохранить себя и дѣтей нашихъ отъ этого порока? Первѣе и главнѣе всего—не будемъ никогда забывать о нашей богоподобной природѣ, о нашемъ небесномъ происхожденіи и назначеніи, о нашей цѣнности въ очахъ Божіихъ. Мы—чада Божіи, мы—братья Христовы, мы—храмы Духа Святаго. Сынъ Божій пролилъ за насъ кровь Свою, чтобы насъ очистить, освятить и соединить съ Собою. Какая—высокая честь, какое—неоцѣненное достоинство! Можно-ли же не дорожить имъ, можно-ли промѣнять его на животныя наслажденія? Не жалко-ли, скажемъ словами апостола, *уды Христовы содѣлать удиами блудничими*? (1 Кор. 6, 15)! Питая въ себѣ такія мысли, будемъ внушать ихъ и дѣтямъ нашимъ: пусть они заранѣе научатся смотрѣть на себя, какъ на причастниковъ высшаго, небеснаго званія; пусть научатся уважать въ себѣ образъ Божій; пусть полюбятъ чистоту и непорочность сердца, которыя такъ пріятны и для людей и такъ драгоценны предъ Господомъ Богомъ.—Впрочемъ, однихъ этихъ размышленій для насъ и этихъ внушеній для дѣтей нашихъ еще недостаточно для того, чтобъ намъ сохранить себя отъ этаго зла. При-

рода человѣческая—слаба и падка на грѣхъ; при увеличеніи грѣховъ забываются самыя лучшія убѣжденія, самыя священныя и завѣтныя правила жизни. Итакъ, нашей слабой природѣ нужно поставить и внѣшнія преграды, которыя, при случаѣ, сдерживали-бы ее въ должныхъ границахъ закона и благоприличія. Это значитъ, нужно удерживать себя отъ всего того, что такъ или иначе располагаетъ къ сказанному пороку. Молодыхъ людей располагаетъ къ этому грѣху разгульная жизнь вдали отъ надзора старшихъ и родителей: итакъ—для молодыхъ людей нужна правильная жизнь подъ строгимъ надзоромъ старшихъ, или родителей. Къ этому пороку располагаетъ еще безбрачная жизнь. Значитъ, когда мы почувствуемъ себя не въ силахъ вести эту жизнь, то мы должны вступить въ законный бракъ. Такимъ-же образомъ, если и дѣти наши, достигнувъ совершеннолѣтія, пожелаютъ вступить въ супружескую жизнь, мы не должны препятствовать имъ въ этомъ, по какимъ-либо своимъ личнымъ расчетамъ и побужденіямъ. Во избѣжаніе блудодѣянія *каждо свою да имать жену и каждая жена своего да имать мужа*, говоритъ апостоль,—*лучше есть жениться, нежели разжизатися* (1 Кор. 7, 2. 9). Къ указанному пороку, и по свидѣтельству апостола и по свидѣтельству опыта, располагаетъ пьянство. Итакъ—не будемъ *упиваться виномъ, въ немже есть блудъ* (Ефес. 5, 18);—не упиваться—пожертвованіе съ нашей стороны не большое, но имъ можетъ обезпчиваться чистота сердца, безукоризненность и святость нашего поведенія.

Дай-же, Господи, всѣмъ намъ сохранить себя въ чистотѣ и цѣломудріи во вся дни живота нашего! Аминь.

(«Воскресное Чтеніе» 1864 г. № 27).

5.

ПОУЧЕНІЕ

ПРОСТОМУ НАРОДУ

въ день Срѣтенія Господня.

Сегодня у насъ праздникъ Срѣтенія Господня. Что значить этотъ праздникъ, отчего онъ такъ называется?

У иудейскаго народа былъ законъ, по которому женщина въ продолженіе нѣкотораго времени послѣ родовъ считалась нечистою; въ это время она не могла входить въ храмъ и не смѣла прикасаться ни къ какой вообще святынѣ. Если рожденное дитя было мужескаго пола, то родильница считалась нечистою до 40 дней; если женскаго, — до 70 дней. По прошествіи этого времени она должна была явиться въ храмъ съ жертвою, которую составляли ягненокъ и горлица, или же голубь; а если женщина была бѣдная, она могла принести только пару горлицъ, или пару голубятокъ. Священникъ бралъ у нея эту жертву, приносилъ ее Богу, какъ слѣдовало по закону, молился за женщину и отпускалъ ее съ миромъ; послѣ чего она переставала уже считаться нечистою (Лев. 12). Если женщина родила первое дитя и оно было мужескаго пола, то законъ повелѣвалъ посвящать Богу и самое дитя; для чего и оно приносилось теперь въ храмъ, какъ-бы для представленія его здѣсь Богу, и священникъ, возвращая при этомъ дитя матери, бралъ за него съ матери опредѣленный выкупъ деньгами, каковыя деньги шли на нужды храма Божія и его служителей (Исх. 13, 2 и дал. Чис. 3, 49 и проч.). Въ силу этихъ законовъ и Прес. Дѣва, Матерь Божія, чрезъ 40 дней по рожденіи Ея Сына Божія, явилась въ храмъ іерусалимскій съ законною жертвою и Своимъ божественнымъ Младенцемъ. Пречистая, конечно, не нуждалась ни въ какомъ очищеніи, потому что и зачатіе и рожденіе Ею Сына Божія было необыкновенное, не похожее на обыкновенныя человѣческія зачатія и рожденія; явилась-же въ храмъ съ законною жертвою и съ Своимъ Богомладенцемъ для того, чтобъ не нарушить закона, положеннаго для всѣхъ родильницъ, и такимъ образомъ не выдѣлиться изъ ряда другихъ матерей. Смиренная, пречистая и пресвятая, Она скрывала втайнѣ содѣян-

ную на ней великую тайну Божию... Евангеліе не рассказываетъ подробно, какъ священникъ встрѣтилъ и совершилъ надъ Богоматерію и божественнымъ Ея Младенцемъ всѣ положенные обряды, какіе совершались въ подобныхъ случаяхъ надъ всякою родильницею и всякимъ младенцемъ (Лук. 2, 39). Но евангеліе подробно рассказываетъ о другой встрѣчѣ, произшедшей при этомъ случаѣ во храмѣ іерусалимскомъ, каковой встрѣчи, по всей вѣроятности, и не ожидала Пречистая Матерь-Дѣва, когда шла въ Іерусалимъ съ Своимъ Богомладенцемъ и Своимъ праведнымъ обручникомъ. Отъ этой встрѣчи и самый нынѣшній праздникъ называется Срѣтеніемъ Господнимъ.

Жилъ въ Іерусалимѣ одинъ мужъ праведный и благочестивый, по имени Симеонъ. Часто и съ великою любовію читалъ онъ св. Писаніе, въ которомъ такъ ясно предсказано о пришествіи Христовомъ; съ глубокимъ вниманіемъ останавливался на указанныхъ тамъ признакахъ пришествія Христова и, сличая ихъ съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, видѣлъ, что время этого пришествія не такъ далеко; часто вдумывался и глубоко задумывался надъ тѣмъ, что-же будетъ тогда, когда явится на землю обѣщанный Избавитель міра, какъ пойдетъ тогда жизнь человѣчества... „Ахъ, какъ бы я былъ счастливъ,—часто думалъ про себя Симеонъ,—какъ былъ-бы я блаженъ, еслибъ мнѣ довелось жить до этого времени, и хоть разъ въ жизни взглянуть, увидѣть своими очами обѣтованнаго Спасителя—чаяніе всѣхъ народовъ!“! Должно быть Симеонъ неоднократно и молился объ этомъ къ Господу,—и вотъ Господь взялъ его молитвѣ: Симеону было обѣщано Духомъ Святымъ, что его благое желаніе исполнится,—что онъ не умретъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ своими глазами Христа Господня. Можете представить себѣ послѣ этого радость Симеона. Вотъ онъ уже старъ и дряхлѣ, а обѣтованный Спаситель не является. Еще больше и глубже состарѣлся праведникъ, ему уже тяжело жить на нашей землѣ, ничто уже здѣсь его не занимаетъ, ничто не привлекаетъ къ себѣ; но старецъ все еще живетъ и бодрится. Что-же поддерживаетъ его бодрость, чѣмъ живетъ онъ?—Надеждою Избавителя: вся душа его проникнута этою надеждою; съ часу-на-часъ онъ ожидаетъ Его пришествія; это единственная его утѣха; и изъ-за ней ни-почемъ ему всѣ немощи, всѣ тяжести его старческой жизни. Наконецъ наступилъ послѣдній предѣлъ ожиданія Симеона. Когда Пречистая Дѣва приблизилась къ Іерусалиму съ Своимъ Богомладенцемъ, Симеону

было открыто, что вотъ обѣщанный Избавитель уже во храмѣ. Съ быстротою юноши устремился теперь старецъ въ храмъ, и съ несказанною радостію принялъ въ свои объятія свою Утѣху. Въ свящ. восторгѣ и глубокомъ умиленіи старецъ воспѣлъ при этомъ пѣснь, которую доселѣ воспѣваетъ св. церковь: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ..* Въ этой пѣсни онъ исповѣдалъ, что держимый имъ Младенецъ есть спасеніе всѣхъ людей, свѣтъ язычниковъ и слава Израиля. Дивилась счастливая Матерь и Ея праведный обручникъ этой неожиданной встрѣчѣ и словамъ старца о Младенцѣ. Затѣмъ старецъ предрекъ, что этотъ Младенецъ для однихъ послужитъ паденіемъ, а для другихъ—возстаніемъ,—паденіемъ для тѣхъ, конечно, которые не захотятъ увѣровать въ Него, какъ своего Спасителя, возстаніемъ же для тѣхъ, которые съ вѣрою и любовію примутъ Его проповѣдь,—и что Онъ вообще будетъ предметомъ пререканій для многихъ, какъ это и случилось впослѣдствіи, и такъ или иначе повторяется даже до настоящаго времени. Наконецъ, и самой Матери Ею старецъ предсказалъ глубокую сердечную скорбь, какую и испытала Она особенно въ то время, когда увидѣла Сына Своего на древѣ крестномъ, среди двухъ разбойниковъ. — Къ праведному старцу присоединилась въ этомъ случаѣ и праведная старица. Это была осьмидесяти-четырехлѣтняя вдова Анна-пророчица, нѣсколько лѣтъ уже неотступно жившая при храмѣ и служившая Богу постомъ и молитвою день и ночь. Можетъ быть, увлеченная дивными рѣчами Симеона, а можетъ—и по особенному откровенію Божію, только и она признала въ принесенномъ Младенцѣ Христа Господня, славилла Господа и съ торжествомъ рассказывала о божественномъ Младенцѣ всѣмъ, подобно ей ожидавшимъ пришествія Христова. Такъ-вотъ какая дивная и славная встрѣча произошла неожиданно въ храмѣ іерусалимскомъ. Эту-то встрѣчу вспоминаемъ нынѣ и мы, братіе, почему и самый нынѣшній праздникъ нашъ именуется Срѣтеніемъ Господнимъ.

Чему-же учить насъ нынѣшній праздникъ? Что мы можемъ вывести изъ воспоминаемаго нынѣ событія въ урокъ и назиданіе себѣ? Многое можно вывести, братіе мои, многому можно научиться изъ воспоминаемаго событія. Въ примѣрѣ Матери Божіей, явившейся въ храмъ для очищенія, въ которомъ Она и не нуждалась, мы можемъ поучиться смиренію и безпрекословному повиновенію предъ закономъ Божіимъ. Въ лицѣ праведнаго Симеона можно видѣть примѣръ того, какъ слѣдуетъ и намъ провозжать

старческіе годы жизни и встрѣчать неизбежную для каждаго смерть. Изъ жизни Анны-пророчицы могутъ научиться и наши вдовицы, какъ и гдѣ лучше и безопаснѣе для нихъ проводить свое вдовье житіе... Но я хочу указать вамъ еще два обстоятельства изъ вашей жизни, о которыхъ напоминаетъ мнѣ нынѣшній праздникъ.

Въ нашей православной церкви есть обрядъ, похожій на древній іудейскій обрядъ очищенія матери-родильницы, и даже нѣсколько напоминающій собою самое дѣло срътенія Господня праведнымъ Симеономъ. Это наше такъ-называемое *воцерковленіе*, или по вашему—*вводины* *), когда родильница, чрезъ шесть недѣль послѣ родовъ, является съ своимъ младенцемъ къ дверямъ храма и мы, недостойные служители Божіи, послѣ положенныхъ молитвъ, вводимъ и ее и ея младенца въ храмъ Божій. Спасителемъ этотъ обрядъ для матери и ея дитяти. Матери испрашивается при этомъ прощеніе грѣховъ, очищеніе отъ скверны тѣлесной, милость и благословеніе Божіе, а дитяти—благополучное возрастаніе и преуспѣяніе въ вѣрѣ и добродѣтели. Кромѣ того, здѣсь христіанское дитя видимымъ образомъ представляется и посвящается своему Богу, которому оно обязано своимъ происхожденіемъ на свѣтъ и которому безраздѣльно должно принадлежать во всю жизнь свою, и сподобляется честныя крове Христовой, этого залога спасенія и жизни вѣчной. Какъ-же жаль послѣ этого, что многія изъ нашихъ матерей, почему-то, стали небрежно исполнять это спасительное учрежденіе, какъ-бы стыдиться въ законное время являться въ домъ Божій съ своими новорожденными и откладываютъ день-за-день. Да вразумить ихъ сама Матерь Божія, которая и не знала за Собой скверны тѣлесной, а все-же явилась въ храмъ за очищеніемъ въ законное время и принесла Своего Сына для посвященія Богу, хоть этотъ Сынъ и былъ Самъ воплотившійся Богъ! А я поспѣшу теперь къ другому обстоятельству, о которомъ напоминаетъ мнѣ нынѣшній праздникъ.

Въ нѣкоторыхъ краяхъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ, есть обычай освящать въ этотъ день воду на благословеніе православнымъ. Обычай этотъ не предписанъ въ церковномъ уставѣ, а принятъ и поддерживается кое-гдѣ, можетъ быть, просто потому

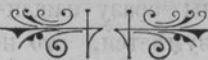
*) Простонародное слово южныхъ губерній.

что въ этотъ день воспоминается пришествіе Богоматери въ храмъ для очищенія, а вода, какъ извѣстно, есть знакъ и средство нашего очищенія. Освященіе воды само по себѣ дѣло доброе и похвальное: можно во всякое время очищать, освящать и врачевать себя питіемъ, кропленіемъ и помазаніемъ воды освященной. Одно только не хорошо здѣсь, именно то, что съ сегодняшнею святою водою нѣкоторые изъ васъ, особенно женщины, соединяютъ ложное повѣрье, будто вода эта имѣетъ особую силу спасать отъ какого-то *престриту*. Вотъ что скажу вамъ, други мои, на счетъ этого повѣрья. Во-первыхъ, освященная вода всегда имѣетъ одинаковую благодатную силу, въ какой бы день она ни была освящена (кромѣ воды богоявленской, о великомъ значеніи которой я уже говорилъ вамъ). Тутъ важенъ не день и часъ освященія, а самое освященіе, низводящее на воду благословеніе Божіе и дающее ей „силу цѣлебну и всякихъ недуговъ прогнательну“. Важно еще здѣсь то чувство и расположеніе души, съ какимъ люди принимаютъ эту воду: человѣкъ невѣрующій, или маловѣрующій, или разсѣянный, никогда не получитъ отъ нея той пользы духовной, какую всегда могутъ получить люди, пріемлющіе ее съ глубокою вѣрою, крѣпкою надеждою и усердною молитвою къ Подателю всѣхъ благъ—Богу милосердому. Такъ это на счетъ воды. На счетъ-же того, что у васъ называютъ *престритомъ*, отъ котораго будто болятъ и умираютъ наши дѣти, будьте увѣрены, что вы тутъ много грѣшите своимъ суевѣріемъ. Еслибъ только всѣ мы имѣли большіе достатки, да умѣли сберегать, какъ слѣдуетъ, свои силы и здоровье, да лучше ухаживали за нашими дѣтьми, да и вообще больше и лучше разумѣли какъ самихъ себя, такъ и все окружающее насъ,—я васъ увѣряю, мы не боялись-бы престриту, отъ котораго, по вашему убѣжденію, умираетъ теперь большинство дѣтей вашихъ. Тогда дѣти наши не такъ-бы часто болѣли, а еслибъ дитя и заболѣло когда, безъ чего конечно нельзя,—мы сразу нашли-бы и сѣумѣли, какъ и чѣмъ пособить ему. Разумѣется, это не то значить, что наши дѣти никогда не умирали-бы, но то, что они умирали-бы гораздо рѣже, чѣмъ теперь,—умирали-бы, когда уже всѣ наши человѣческія средства оказались-бы безсильными къ ихъ поправленію,—и мы всегда знали-бы, что дитя умерло или отъ золотухи, или отъ кори, или отъ скарлатины, или отъ простуды, или отъ какой еще другой болѣзни, только—не отъ выдуманнаго престриту, котораго никогда нѣтъ и не было. Выдумавшіе

престрить выдумали и то, что сегодняшняя св. вода спасаетъ отъ него. И не догадываетесь-ли вы, почему именно сегодняшней водѣ они усвоили эту силу? Очень просто. Сегодняшній праздникъ называется Срѣтеніе, или, по вашему выговору, *Стритенъе*, почему и вода нынѣ освящаемая называется *срѣтенскою*, или *стритенскою*; слова стритенъе, стритенскій напомнили имъ созвучное слово *престрить*; вотъ они отсюда и вывели, что стритенская вода спасаетъ отъ престриту, и пошло повѣрье... Мудрецы-же, видно, были эти выдумщики: они даже не знали, почему настоящій день называется Срѣтеніемъ; должно быть думали: потому-де, что въ этотъ день «зима съ лѣтомъ встрѣчается», какъ-то повторяютъ и доселѣ нѣкоторые невѣжды! Стоить-ли же имъ вѣрить послѣ этого? Если-же вы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ васъ, и послѣ этого еще станете вѣрить въ эту басню и повторять ее,—я, пожалуй, вынужденъ буду прекратить въ этотъ день и самое водосвятіе, принятое у насъ, чтобъ не давать повода къ злоупотребленію христіанскою святыней, и не поддерживать ея *бабыихъ басней*, отъ которыхъ апостоль Христовъ заповѣдуетъ *отрицаться* (1 Тим. 4, 7).

Но да не будетъ сего, братіе! Я надѣюсь, что помня хорошо, отчего нынѣшній день называется Срѣтеніемъ Господнимъ, откуда взялось повѣрье въ срѣтенскую воду, какъ спасающую отъ престриту и что самый этотъ престрить—не больше, какъ выдумка, вы отселѣ и сами не станете вѣрить этимъ баснямъ, и заградите уста всякому, кто-бы сталъ еще повторять ихъ предъ вами, а я по прежнему стану освящать въ этотъ день воду для вашего благословенія, окропленія и освященія. Аминь.

(«Воскресное Чтеніе» 1867 г. № 45).

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ САМАРЯНЫНИ.

Мое брашно есть, да сотворю волю пославшаго Мя, и совершу дѣло Его.

(Иоаннъ 4, 34).

Въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи мы слышали, между прочимъ, вотъ что. Когда Іисусъ Христосъ, утрудившись отъ пути, сидѣлъ въ полуденную пору при одномъ колодцѣ въ Самаріи и бесѣдовалъ съ женою-самарянкою, въ то время ученики Его ушли въ городъ купить пицци и для себя и для Христа. Принесли пиццу, ученики предложили своему Учителю—ѣсть. Іисусъ Христосъ отвѣчалъ имъ: у Меня есть пицца, которой вы не знаете. Ученики задумались: кто бы могъ принести Ему пиццу... Тогда Іисусъ Христосъ сказалъ: *Мое брашно, моя пицца въ томъ, да сотворю волю пославшаго Мя и совершу дѣло Его.*

Христіане-братіе! На каждомъ изъ насъ лежитъ свой долгъ, своя обязанность, у каждаго есть свое дѣло, на которое онъ посланъ въ міръ сей по волѣ и распоряженію божественнаго промысла. Всѣ-ли мы смотримъ на обязанности, лежащія на насъ, такъ, какъ смотрѣлъ на Свои обязанности Начальникъ нашего спасенія? Такъ-ли уважаемъ свой долгъ, такъ-ли преданы своему дѣлу, чтобъ готовы были изъ-за него не доѣсть, не допить, не доспать,—чтобъ могли самое исполненіе своего долга считать своею пицею? Ахъ, нѣтъ и далеко нѣтъ!

Мы первѣе всего—члены семейства. Извѣстно всѣмъ и каждому, какія обязанности лежатъ на супругахъ въ отношеніи другъ къ другу. Но каждый-ли относится къ своей женѣ, какъ къ богодарованной ему помощницѣ и сотрудицѣ на пути жизни? Каждый-ли уважаетъ ее настолько, насколько отъ нея требуетъ уваженія себѣ? Каждый-ли любитъ ее такъ, какъ самого себя? Развѣ нѣтъ у насъ такихъ супружествъ, гдѣ мужъ и жена являются почти совершенно чужими одно другому? Развѣ нѣтъ еще такихъ, гдѣ мужъ является самовластнымъ владыкою, свирѣпымъ тираномъ, а жена безгласною, безотвѣтною рабою? У мужа свои деньги, у жены свои; у мужа свои хлопоты, забо-

ты, намѣренія и планы, у жены свои; мужъ отлучается по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ, жена не знаетъ, гдѣ онъ, куда и зачѣмъ отлучился, скоро-ли воротится и т. д. Иные мужья требуютъ отъ своихъ женъ рабскихъ услугъ, налагаютъ на нихъ непомѣрныя тяжести, вмѣсто того, чтобъ снисходить ихъ природной немощи, позволяютъ себѣ тѣшиться надъ ними, ругаться, иногда и биться... Есть и жены, которыя также не по-людски относятся къ своимъ слабымъ мужьямъ,—постоянно злятся на нихъ, бранятъ ихъ, стѣсняютъ во всѣхъ дѣлахъ ихъ, стыдятся показаться съ ними въ люди и т. п. Горе жить женѣ съ такимъ мужемъ, горе жить и мужу съ такою женою!

На супругахъ лежитъ еще священнѣйшій долгъ вскормить и воспитать своихъ дѣтей такъ, чтобы изъ нихъ вышли впослѣдствіи и добрые люди и добрые христіане. Но всѣ-ли родители исполняютъ этотъ долгъ? У многихъ родителей надзоръ за дѣтьми продолжается только два-три года: когда дитя начнетъ уже свободно бѣгать, его оставляютъ на произволъ судьбы, какъ будто отцу и матери нѣтъ и дѣла справляться, что тамъ заражается, что тамъ накапливается въ молодой и воспріимчивой душѣ ихъ дитяти. Оно растетъ и развивается какъ былина въ полѣ! Но этого мало: мы слышали, что иные родители, къ стыду человѣческому и къ глубокой скорби церкви Христовой, отдаютъ своихъ дѣтей въ ученики нищимъ-попрошайкамъ, или въ наемники людямъ нечестнымъ по промыслу своему... И не бѣдность только заставляетъ ихъ такъ дѣлать,—нѣтъ, иногда и корыстолюбіе. Что выдетъ изъ такихъ дѣтей? Родители будутъ ожидать, что дѣти станутъ покоить и призрѣвать ихъ въ старости. Напрасное ожиданіе. Не бывать изъ такихъ дѣтей поителей и кормителей для своихъ родителей, которые въ свое время не хотѣли знать, что такое воспитаніе дѣтей въ добрѣ, да въ страхѣ Божіемъ.

Къ семейству можно отнести еще нашу прислугу. По христіански надлежало-бъ быть такъ, чтобы ни прислуга не обижала хозяина, ни хозяинъ—прислугу. Но у насъ нерѣдко выходитъ такъ, что хозяинъ постоянно ссорится и бранится съ прислугой, налагаетъ на нее много работъ, а содержитъ скупо, подозрѣваетъ ее и т. п.; прислуга, съ своей стороны, тѣмъ-же отплачиваетъ хозяину,—обманываетъ его, работаетъ недобросовѣстно, а какънибудь, лишь-бы день до вечера, клеветаетъ на хозяина, чернитъ его предъ людьми и проч. Хозяинъ въ концѣ срока не отдаетъ прислугѣ всей договорной платы, высчитываетъ уроны и убытки,

потерпѣнные имъ по недобросовѣстности прислуги, присчитываютъ большею частію къ нимъ и тѣ, въ которыхъ прислуга и не виновата, а виновата его собственная оплошность; прислуга жалуется, заводится ссора, тяжба... Такъ-то многіе изъ насъ исполняютъ, или—правильнѣе—искажаютъ свои семейныя обязанности!

Будучи членами семейства, всѣ мы въ тоже время—члены общества, государства; и на каждомъ, какъ на гражданинѣ, какъ на членѣ общества, лежитъ тоже свой долгъ, своя обязанность. Не думайте, что общественныя обязанности лежатъ только на лицахъ должностныхъ, на разныхъ начальникахъ и властяхъ: нѣтъ, онѣ лежатъ на каждомъ изъ насъ. То правда, что чѣмъ выше стоитъ человекъ въ обществѣ, чѣмъ большую и высшую несетъ должность, тѣмъ больше ему открыто простора, дано возможности и средствъ дѣйствовать для общества. Но не надо забывать и того, что всякая высшая власть когда дѣйствуетъ, то опирается на слѣдующей за нею низшей, эта опять—на слѣдующей низшей и т. д., пока дѣло дойдетъ не только до самой низшей власти, но и до простаго ремесленника, до простаго земледѣльца, не имѣющаго никакой общественной власти. Если эти послѣднія лица будутъ честно исполнять свое дѣло, то и власти, стоящей надъ ними, будетъ легче отправлять правильно свою должность, а если этой будетъ легче, то также будетъ легче и стоящей надъ нею высшей власти и т. д. Въ обществѣ человѣческомъ,—какъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Когда тѣло бываетъ здорово? Тогда, когда всѣ члены его надлежащимъ образомъ исполняютъ свое назначеніе. Не такъ-ли въ обществѣ? Напримѣръ: не уменьшилось-ли бы въ обществѣ пьянства, бродяжничества, тунеядства и разныхъ общественныхъ пороковъ, если-бы всѣ родители и воспитатели со всѣмъ усердіемъ и ревностію исполняли лежащія на нихъ обязанности по отношенію къ своимъ дѣтямъ и питомцамъ, т. е. учили ихъ и словомъ и собственнымъ примѣромъ страху Божію, трудолюбію, честности, ремесламъ, наукамъ, искусствамъ? А сколько уменьшилось-бы насилій, притѣсненій, открытыхъ и тайныхъ грабительствъ и разбоевъ, если-бы каждый усердно занимался дѣлами своего званія, а приставленные наблюдать правосудіе нелицепріятно, не мздоимно, не подкупно исполняли возложенныя на нихъ обязанности—творить судъ и правду!... А какое будетъ добро въ обществѣ, если иные намѣренно злоупотребляютъ своимъ общественнымъ званіемъ? Вся бѣда въ томъ, что у насъ большею частію ложно принято смотрѣть на общественныя должности, какъ только на

средства „наживаться“. Понятно, что человекъ, такъ смотрящій на свою должность, не принесетъ на ней никакой пользы обществу; онъ только и будетъ думать о томъ, какъ-бы скорѣе и лучше поправить свои дѣла на счетъ общественныхъ. Оттого и выходитъ, что почти каждый должностной человекъ не бываетъ доволенъ тѣмъ мѣстомъ, которое занимаетъ въ обществѣ, а стремится подняться все выше и выше, часто вовсе не размышляя о томъ, способенъ-ли онъ къ исполненію тѣхъ обязанностей, которыя требуются тѣмъ общественнымъ мѣстомъ, котораго достигнуть онъ такъ усиливается. До обязанностей ему какъ-будто и дѣла нѣтъ; его занимаетъ одно: „тамъ больше прибыли и доходовъ“! Такъ-то у насъ иногда извращаются наши общественныя обязанности.

Наконецъ, всѣ мы—члены общества духовнаго, небеснаго; всѣ мы—христіане. Какъ на христіанахъ, на насъ лежатъ также свои высокія обязанности. Мы въ этой жизни только готовимся, подъ руководствомъ церкви, къ иной жизни—къ жизни со *Христомъ въ бозѣ*. Каждый день, каждый часъ мы должны помышлять о нашемъ высшемъ призваніи и назначеніи, и потому постоянно должны стараться о томъ, какъ-бы намъ сдѣлаться все лучше, добрѣе, святѣе,—какъ-бы намъ очистить свой умъ отъ помысловъ суетныхъ, свое сердце—отъ похотей лукавыхъ, свою жизнь отъ дурныхъ склонностей, отъ преступныхъ привычекъ, отъ дѣлъ лукавыхъ и нечистыхъ, чтобъ явиться въ ту жизнь достойными *наследниками Богу и сонаследниками Христу*. Итакъ: хорошо было-бы на свѣтѣ, еслибъ мы постоянно, по крайней мѣрѣ, думали объ этихъ высшихъ нашихъ обязанностяхъ! Какъ легко было-бы намъ исполнять и наши семейныя и общественныя обязанности, сколько не стало-бы дурныхъ сторонъ въ нашей жизни, на которыя мы указывали вамъ, еслибъ мы непрестанно усиливались любить, какъ слѣдуетъ, Господа Бога и своихъ ближнихъ! Тогда мы меньше имѣли-бы нужды въ судахъ и въ расправахъ, потому что меньше было-бы обидъ и неправдъ между нами.

Господи Иисусе! Научи насъ смотрѣть на наши обязанности и дай силу совершать ихъ такъ, какъ смотрѣлъ на свое великое дѣло и совершилъ его Ты, Человеколюбче! Научи насъ творить волю Твою, какъ Ты сотворилъ волю пославшаго Тебя Отца! Аминь.

(«Воскресное Читаніе» 1867 г. № 5).

7.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ 22^ю ПО ПЯТЬДЕСЯТНИЦѢ.

Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ, и облачаешся въ порфиру и високъ, веселяся на вся дни свѣтло. Нищъ же бѣ нѣкто, именовъ Лазарь, иже лежаше предъ вратами его мнѣнь.

(Лука 16, 19. 20).

Вотъ какъ различна бываетъ судьба человѣка на землѣ! Богатство, избытокъ и изобиліе во всемъ выпадаютъ на долю одного; ужасающая бѣдность и крайняя нищета выпадаютъ на долю другого. Богачъ пресыщается удовольствіями и роскошью, несчастный Лазарь не имѣетъ и самого необходимаго. Исхудалое, покрытое гнойными язвами тѣло его валяется у воротъ, а за этими воротами—каждый день увеселенія и пиршествъ... Такія явленія—не рѣдкость, ими переполнена жизнь здѣшняя; почти на каждомъ шагѣ и теперь можно встрѣчать и нищихъ Лазарей, и пышныхъ богачей, *веселящихся на вся дни свѣтло*. Подобныя явленія наводятъ насъ иногда на глубокія размышленія, нерѣдко возбуждаютъ мрачныя и тяжелыя думы. Зачѣмъ это—такое неравномѣрное распредѣленіе между людьми даровъ Божіихъ? Зачѣмъ это всеправящая рука Божія допускаетъ такія, повидимому, несправедливыя и какъ-бы возмутительныя явленія? Зачѣмъ однимъ такія явныя, часто незаслуженныя, преимущества предъ другими? Такіе и подобные вопросы сами собою возникаютъ въ нашей душѣ, при видѣ богатства однихъ и бѣдности другихъ, и мы часто не знаемъ, что и отвѣчать на эти вопросы, какъ помириться съ этими, повидимому непримиримыми, явленіями... Одна только вѣра христіанская, братіе мои, можетъ удовлетворительно и успокоительно отвѣтить намъ на всѣ эти вопросы, одно только слово Божіе въ состояніи объяснить намъ смыслъ и значеніе этихъ непонятныхъ для насъ явленій.

Что такое мы на землѣ? Что такое жизнь наша здѣшняя, по ученію слова Божія? Мы—странники и пришельцы, *не имущіе*

здѣ пребывающаго града, но грядущаго азыскающіе (Евр. 13, 14). Не земля отечество наше; не гробъ—конецъ и цѣль нашего бытія. *Наше житіе на небесахъ есть* (Филип. 3, 20); за гробомъ насъ ожидаетъ другая жизнь, настоящая уже наша жизнь,— жизнь, для которой мы созданы въ твореніи, отъ которой уклонились въ паденіи, для которой опять возсозданы въ искупленіи, которая наступитъ по всеобщемъ нашемъ воскресеніи. Одно уже это,—что не здѣсь конецъ нашей судьбы, что за гробомъ наступитъ для насъ новая, совершеннѣйшая жизнь,—одно это, говоримъ, можетъ успокоивать мысль нашу, при видѣ неравномѣрнаго распредѣленія между людьми даровъ такъ-называемаго ими счастья. Семьдесятъ, много восемьдесятъ лѣтъ,—и бѣднякъ броситъ эту гнетущую его тяжесть бѣдности и нищеты, и явится въ другой міръ, гдѣ нѣтъ уже ни скорбей, ни печалей, ни вздыханій. Семьдесятъ, много восемьдесятъ лѣтъ,— и богачъ тоже покинетъ свои сокровища, и также явится въ другой міръ, гдѣ наступитъ уже совсѣмъ другой порядокъ вещей. Что-же значать эти десятки лѣтъ такъ-называемаго счастья и несчастья предъ жизнью будущаго вѣка—неизмѣримою; безконечною, вѣчною?— Меньше, чѣмъ капля воды предъ моремъ! А если такъ, то стоитъ-ли послѣ этого завидовать этому мимолетному счастью богача, а равно и роптать при видѣ этого мимолетнаго-же несчастья бѣдняка.

Дальше. Земная жизнь наша, какъ ни незначительна по своей кратковременности въ сравненіи съ будущею вѣчною жизнью, но она имѣетъ съ нею самую тѣсную и неразрывную связь. Она есть мѣсто и время приготовления, воспитанія для жизни вѣчной. Она есть школа, гдѣ мы учимся, какъ намъ жить на томъ свѣтѣ,—есть, по выраженію одного св. отца, базаръ, гдѣ суетимся, продаемъ, покупаемъ, вообще дѣлаемъ запасы и приготовления для жизни вѣчной. Судя по тому, что мы здѣсь успѣемъ, и сколько успѣемъ пріобрѣсть для жизни будущей,—такова будетъ и судьба наша въ ней. Эта жизнь есть время сѣянія, а та будетъ временемъ жатвы: что посѣемъ здѣсь, то и пожнемъ тамъ. Отсюда—все въ нашей жизни имѣетъ свой смыслъ и значеніе только потому, что такъ или иначе относится къ жизни будущей. Съ этой точки зрѣнія легко примиряются и всѣ разности въ судьбахъ нашей здѣшней жизни, объясняются всѣ эти кажущіяся несправедливости въ распредѣленіи между нами даровъ счастья. Богатство однихъ и бѣдность другихъ въ

рухахъ Божіихъ суть только воспитательныя мѣры и средства для нашего счастья и спасенія въ жизни будущей. Богатый долженъ приготовиться къ жизни будущей дѣлами благотворительности, милосердія и вспоможенія бѣднымъ; бѣдный долженъ приготовиться къ той же жизни великодушнымъ перенесеніемъ своей бѣдности, безропотнымъ терпѣніемъ и смиреніемъ. Главное здѣсь не въ томъ, что тотъ богатъ, а тотъ бѣденъ, а въ томъ, какъ одинъ пользуется своимъ богатствомъ, а другой—бѣдностію,—какъ они пріобрѣтаютъ посредствомъ того и другой свое спасеніе, свою жизнь вѣчную. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла и счастливецъ-богачъ можетъ быть несчастнымъ, и несчастный бѣднякъ счастливымъ: это будетъ зависѣть отъ нихъ самихъ... Богачъ, о которомъ мы слышали въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи, осужденъ не за то, что былъ богатъ, а за то, что былъ жестокосердъ, не обращалъ никакого вниманія на Лазаря, лежавшаго у воротъ его дома; равно и Лазарь получилъ блаженство не за то, что былъ бѣденъ, а за то, что терпѣливо и безропотно переносилъ свою бѣдность, даже не наскучалъ богатому своими просьбами и требованіями и хотѣлъ довольствоваться одними крохами съ его стола. Богачъ не захотѣлъ сдѣлать изъ своего богатства законнаго употребленія; онъ видѣлъ въ немъ не средство для пріобрѣтенія жизни вѣчной, а цѣль настоящей земной жизни, почему при богатствѣ и сдѣлался несчастнымъ, осужденъ Богомъ. Лазарь, напротивъ, правильно смотрѣлъ на свою бѣдность и нищету; онъ видѣлъ въ ней отеческую мѣру Божию, готовившую его къ жизни вѣчной, и не скорбѣлъ, можетъ быть даже радовался о ней, почему и при бѣдности сдѣлался счастливымъ, оправданъ Богомъ, получилъ вѣчное блаженство въ *лонѣ Авраамъ.*

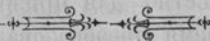
Но, быть можетъ, спросите, братіе: отчего-же Господь Богъ даетъ людямъ такія неравныя средства и мѣры ко спасенію? Почему одному назначаетъ богатство и изобиліе, другому—бѣдность и нищету? Не лучше-ли было-бы, если-бы онъ всѣмъ давалъ богатство? Вѣдь богатому, кажется, удобнѣе пріобрѣсть и жизнь вѣчную, нежели бѣдняку?—Прежде всякаго отвѣта на эти вопросы мы замѣтимъ, что это составляетъ тайну премудрости Божіей, почему мы и не можемъ вполне выразумѣть ее, а можемъ лишь гадать о ней, при свѣтѣ слова Божія и по указаніямъ житейскаго опыта. И во-первыхъ, слово Божіе не подтверждаетъ той мысли, будто богатому удобнѣе, чѣмъ бѣдному, пріобрѣсть спа-

сеніе въ жизни будущей. Христось Спаситель, напротивъ даже, засвидѣтельствовалъ, что *не удобь и мущии богатство внидуть въ царствіе Божіе*; а опыты жизни объясняютъ, почему это такъ. Богатство, какъ извѣстно, можетъ возбудить въ человѣкѣ гордость, можетъ питать и поддерживать всѣ его страсти, можетъ даже довести его какъ-бы до совершеннаго забвенія о Богѣ, о ближнихъ, о душѣ и ея вѣчномъ спасеніи,—состояніе, за которымъ слѣдуетъ лишеніе человѣка царствія Божія. Бѣдность, напротивъ, скорѣе способна возбудить въ человѣкѣ смиреніе, терпѣніе и кротость, совершенную покорность, дѣтскую преданность волѣ Божіей,—качества, привлекающія милость и любовь Божію и отверзающія человѣку врата въ царствіе небесное. Но, съ другой стороны, тоже слово Божіе представляетъ намъ примѣры спасенія людей богатыхъ, какъ-то Авраама, Іова и др.; а опытъ объясняетъ, почему это такъ. Богатство, какъ извѣстно, даетъ человѣку легкую возможность совершать богоугодныя дѣла, каковы: вспоможеніе нуждающимся, призрѣніе бѣдныхъ и безпріютныхъ, воспитаніе сиротъ, благоуукрашеніе храмовъ Божіихъ и т. п. Бѣдность, напротивъ, можетъ раждать въ человѣкѣ зависть къ благополучію ближнихъ, ненависть къ человѣчеству, ропоть на Промыслъ Божій, можетъ даже возбуждать человѣка къ воровству, грабительству и другимъ порокамъ. Такъ обр. и бѣдность и богатство могутъ вести человѣка и къ спасенію, и къ гибели. Но одного лучше ведетъ къ добру и спасенію богатство, другого—бѣдность; иному легче и удобнѣе спастись при бѣдности, другому—при богатствѣ. И вотъ Человѣколюбець-Господь, *хотящій всѣмъ человекомъ спастися* и напередъ и лучше насъ знающій всѣ наши способности и наклонности, всѣ наши силы и немощи, —сообразно съ этимъ и распредѣляетъ между нами дары земнаго нашего счастья. Кому удобнѣе достигнуть спасенія посредствомъ довольства и богатства, тому Онъ и даетъ его; а кто лучше можетъ пользоваться для своего спасенія бѣдностію, тому Онъ и присуждаетъ жить въ бѣдности. И если послѣ этого человѣкъ, богатый-ли то или бѣдный не спасается, а погибаетъ, какъ тотъ богачъ, упоминаемый въ евангеліи; то виною тутъ не богатство одного и бѣдность другого, а самъ человѣкъ, не умѣвшій или не хотѣвшій воспользоваться, какъ слѣдуетъ, своимъ положеніемъ для своего спасенія.

Такіе-то отвѣты и вразумленія даетъ намъ христіанская вѣра въ объясненіе неравномѣрнаго распредѣленія между людьми

даровъ счастья! Вотъ какъ и чѣмъ слово Божіе успокоиваетъ мысль нашу, смущающуюся часто при видѣ неравенства въ земной участи нашей! Понятны послѣ этого сами собою тѣ уроки и правила, какія должны мы вывести изъ всего этого для жизни нашей. Богатые не должны гордиться своимъ богатствомъ и уповать на него. Они должны помнить, что ихъ богатство — даръ Божій, данный имъ не для этой жизни, а главнымъ образомъ— для пріобрѣтенія будущей. Сообразно съ этимъ и употреблять его они должны не на прихоти и роскошь, но для истинной пользы своей души, для блага и счастья ближнихъ, для славы Божіей. Они—только приставники и распорядители даровъ Божіихъ, и Господь потребуетъ отъ нихъ нѣкогда строгаго отчета въ томъ, какъ они воспользовались Его дарами, на что употребили ихъ, сколько добра сдѣлали при посредствѣ ихъ.—Бѣдные не должны стыдиться своей бѣдности, не должны завидовать богатымъ, не должны роптать на свою участь. Они должны помнить, что ихъ бѣдность также даръ Божій, съ помощію коего они могутъ и должны пріобрѣсть себѣ богатство неизживаемое, сокровище нетлѣнное, вѣчное на небеси. Но бѣдные не должны, съ другой стороны, и слишкомъ надѣяться на свою бѣдность,—видѣть въ ней несомнѣнный залогъ будущаго своего спасенія, дѣлающей излишними и ненужными для нихъ всѣ другія средства спасенія. Бѣдность сама по себѣ не спасетъ ихъ, равно какъ богатство само по себѣ не погубитъ богатыхъ; Господь и отъ бѣдныхъ, равно какъ и отъ богатыхъ, потребуетъ нѣкогда отчета въ томъ, какъ они воспользовались своею бѣдностію для своего спасенія, какъ смотрѣли на нее, какъ переносили ее. — Всѣ-же вообще, при встрѣчѣ въ жизни, то съ блестящимъ богатствомъ, то съ ужасающею бѣдностію, будемъ помнить, что Господь Богъ что ни дѣлаетъ, все дѣлаетъ къ лучшему,—къ нашему благу и счастью на землѣ и вѣчному спасенію на небѣ. Аминь.

(«Воскресное Читаніе» 1867 г. № 30.)

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ О СЛѢПОМЪ.

Сейчасъ мы выслушали, братіе, евангельское сказаніе объ исцѣленіи Иисусомъ Христомъ слѣпорожденнаго.

Велико несчастіе человѣка, лишеннаго органа зрѣнія,—такъ велико, что мы, зрячіе, не всегда можемъ и представить себѣ всю тягость этого несчастія. Тягость несчастія увеличивается еще отъ того, что слѣпые, въ большинствѣ случаевъ, принуждены бываютъ жить на чужой счетъ, или, что еще хуже, принуждены бываютъ нищенствовать, выпрашивая себѣ подаваніе, или милостыню „Христа ради“. Понятно, какую сильную тоску, скорбь и муку должны бываютъ испытывать многіе изъ нихъ— и отъ сознанія своей непригодности ни къ какому серіозному труду и полезному занятію, и отъ нерѣдкихъ укоровъ и попрековъ со стороны другихъ въ дармоѣдствѣ, и отъ самаго, наконецъ, нищенскаго образа жизни, безъ сомнѣнія, весьма тяжелаго и крайне непріятнаго.

Братіе-христіане! сколько подобныхъ несчастныхъ страдальцевъ скитаются въ разныхъ углахъ и закоулкахъ нашего обширнаго отечества! Одни изъ нихъ слѣпы отъ рожденія; другіе сдѣлались такими отъ болѣзней и другихъ несчастныхъ случаевъ съ ними, а иные потеряли зрѣніе на полѣ брани, сражаясь за вѣру, царя и отечество съ иновѣрными и иноплеменными, враждебными намъ племенами и народами. Сострадательные люди изъ высшаго общества русскаго обратили, наконецъ, свое вниманіе на этихъ несчастныхъ братьевъ своихъ. По мысли и желанію въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы, Маріи Александровны, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ нашемъ отечествѣ образовалось Попечительство для призрѣнія слѣпыхъ воиновъ, которое въ недавнее время преобразовано въ Попечительство о слѣпыхъ вообще, наименовано „Маріинскимъ“ и принято нынѣшнею Государынею Императрицею подъ Ея матернее покровительство. Попечительство это не только даетъ пріютъ, пищу и одежду цѣлымъ тысячамъ несчастныхъ слѣпцовъ, но и старается

обучить ихъ доступнымъ для нихъ ремесламъ и полезнымъ занятіямъ, съ помощью которыхъ они и отъ праздности избавлялись-бы, и получали-бы возможность сами, своимъ трудомъ добывать себѣ насущный кусокъ хлѣба. Понятно само собою, что Попечительство, задавшись такими широкими и, безспорно, прекрасными цѣлями, для успѣшнаго осуществленія ихъ нуждается въ денежныхъ средствахъ и, притомъ, не малыхъ. И вотъ оно ежегодно, въ такъ-называемую на церковномъ языкѣ недѣлю о слѣпомъ, обращается за этими средствами къ общественной помощи, къ общей благотворительности всѣхъ русскихъ-православныхъ; взываетъ о томъ-же, между прочимъ, и къ намъ съ вами, возлюбленные!

Что-же, останемся-ли мы глухими къ этому воззванію? Откажемся-ли дать посильную помощь этому благовому, святому и въ высшей степени общеплезному дѣлу?

Дѣлать добро ближнему вообще свойственно человѣку, по самой его природѣ. Посмотрите на маленькихъ неиспорченныхъ дѣтей, какъ они чувствительны, какъ отзывчивы ко всякому горю окружающихъ ихъ! Таковы по природѣ и всѣ люди. И это потому, что всѣ они созданы по образу и по подобію Того, Кто Самъ есть высочайшее Добро и совершеннѣйшая Любовь. Если же мы нерѣдко видимъ въ жизни людей жестокосердыхъ, тупыхъ и холодныхъ къ страданіямъ ближняго, то эти люди уже не нормальные, нравственно-больные, исказившіе свою богообразную натуру своими грѣховными страстями и похотями. Кто всецѣло отдается этимъ страстямъ и похотямъ (замѣтимъ мимоходомъ), того они легко могутъ довести до полного искаженія въ себѣ человѣческаго образа, до совершеннаго *озвѣренія*, что мы видимъ на многихъ поразительныхъ примѣрахъ нашего времени...

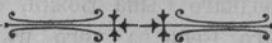
Но если человѣку вообще свойственно творить дѣла милосердія и благотворительности къ своимъ ближнимъ, то особенно свойственно и по преимуществу приличествуетъ это человѣку-христіанину. Онъ сподобился несказанной чести быть сыномъ Божиимъ (Іоан. 1, 12), такъ-сказать—младшимъ братомъ истиннаго и единственнаго Сына Божія по естеству, Господа нашего Іисуса Христа (Евр. 2, 11), наслѣдникомъ Божиимъ и сонаслѣдникомъ Христовымъ (Гал. 4, 7). Онъ вкушаетъ плоть и кровь самаго Агнца Божія, пролитую за его спасеніе, т. е. плоть и кровь того-же Единороднаго Сына Божія, ставшаго для него человѣкомъ и принесшаго Себя за него въ искупительную жерт-

ву. Онъ приѣмлетъ благодать и даръ Святаго Духа, очищающаго его отъ всякой скверны и возводящаго до возможной для него степени богоподобія. Ему обѣщаются въ будущемъ такіа блага, которыхъ око не видѣло и ухо не слышало, которыя и на сердце ему не всходили въ этой жизни (1 Кор. 2, 9). И все это—по одной безпредѣльной любви и милости Божіей къ человѣку... Кому-же послѣ этого, какъ не христіанину, болѣе другихъ понимать, сильнѣе, живѣе и глубже другихъ чувствовать, что всѣ люди суть дѣти одного Отца небеснаго и братья между собою и со Христомъ? Кому, какъ не ему, быть по преимуществу братолюбнымъ, благоподатливымъ, общительнымъ, любвеобильнымъ? И если мы видимъ иногда и христіанъ безжалостными и безсердечными къ людямъ, то—опять скажемъ—это не истинные христіане: они только носятъ имя христіанъ, часто вовсе даже не понимая высокаго значенія этого имени.

Къ совершенію дѣлъ милосердія и благотворительности ближнимъ побуждаетъ, наконецъ, всѣхъ насъ и слово Божіе,—и побуждаетъ такими побужденіями, которыя не могутъ быть убѣдительными развѣ для однихъ только невѣрующихъ и положительно не думающихъ о душѣ своей. Оно учитъ, что милостыня болѣе всѣхъ другихъ добродѣтелей нашихъ угодна Богу (Ос. 6, 6; Сир. 4, 10, 11); что она *отъ смерти избавляетъ*, т. е. отъ смерти вѣчной, или осужденія на вѣчное мученіе, *и очищаетъ всякій грѣхъ* (Тов. 12, 9); что *благотворящій бѣдному даетъ взаймы Господу*, который, безъ сомнѣнія, не останется въ долгу у человѣка и *воздастъ ему за благодѣяніе его* (Притч. 19, 17); что дѣла нашего милосердія къ бѣднымъ и вообще къ ближнимъ, къ людямъ, Христосъ Спаситель на страшномъ судѣ Своемъ оцѣнитъ такъ, какъ-бы они оказаны были нами лично Ему Самому (Матѣ. 25, 34—40).

Не затворимъ-же, братіе-христіане, *утробы щедротъ* нашихъ къ бѣднымъ слѣпцамъ, о которыхъ напоминаетъ намъ нынѣшнее евангельское чтеніе и къ благотворенію, которымъ призываетъ насъ нынѣ само высшее правительство наше. Удѣлимъ въ ихъ пользу отъ избытковъ нашихъ, кто что можетъ,—*каждый по расположенію сердца, не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ*, но съ любовью и охотно: *доброхотна бо дателя любитъ Богъ* (2 Кор. 9, 7).

(«Кишиневскія Епарх. Вѣдом.» 1893 г. № 11).

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ СВ. МУРОНОСИЦЪ.

Второй послѣ Пасхи воскресный день и слѣдующіе за нимъ шесть дней называются въ нашей церкви недѣлю муроносицъ. Это потому, что церковь посвящаетъ сію седмицу нарочитому чествованію и прославленію памяти святыхъ женъ-муроносицъ, бывшихъ первыми свидѣтельницами и провозвѣстницами всерадостнѣйшаго событія—воскресенія Христова.

Святія жены-муроносицы принадлежали къ обществу непосредственныхъ учениковъ и самовидцевъ Господа нашего Иисуса Христа. По замѣчанію евангелистовъ всѣ онѣ были родомъ изъ Галилеи, которую Иисусъ Христосъ избралъ мѣстомъ Своего преимущественнаго пребыванія; ихъ было много, хотя въ евангеліяхъ названы по именамъ только пять, или шесть изъ нихъ; нѣкоторыя между ними были изъ числа тѣхъ женщинъ, которыхъ Спаситель исцѣлилъ отъ злыхъ духовъ и болѣзней, какова напр. Марія Магдалина; другія были—матери учениковъ или апостоловъ Христовыхъ, какъ напр. Марія—мать Іакова Младшаго и Саломія—мать сыновъ Зеведеовыхъ; иныя-же были родственницами по плоти самого Господа Иисуса, какъ, напр., упоминаемая въ числѣ муроносицъ, сестра матери Его, Марія Клеопова (Іоан. 19, 25). Всѣ эти святія жены *служили* Христу,—однѣ своимъ *имѣніемъ*, другія трудами рукъ своихъ (Лук. 8, 2. 3; Мат. 27, 55). Такимъ образомъ онѣ доставляли Ему все необходимое для внѣшняго спокойствія и довольства: ибо Самъ Онъ, какъ извѣстно, не имѣлъ никакихъ матеріальныхъ средствъ жизни, никакой собственности, не имѣлъ даже *идъ главы поклонити*, по Его собственнымъ словамъ (Мат. 8. 20). Когда Онъ предпринималъ путешествія, въ Іерусалимъ-ли на праздникъ Пасхи, по обычаю іудеевъ, или по городамъ и весямъ Іудеи и Галилеи, для проповѣди евангелія, за Нимъ слѣдовали неотступно и эти преданныя Ему ученицы, стараясь повсюду и во всякое время, по мѣрѣ возможности, облегчать Ему трудности Его служенія. Нечего и говорить о томъ, что онѣ были всегда самыми усердными и внимательными слушательницами Его божественнаго слова, любили сидѣть при ногу Его и слагать въ

сердцѣ своемъ все, чему училъ Онъ, какъ ихъ самихъ, такъ и учениковъ Своихъ и народъ, Его окружавшій. Въ тяжкіе дни послѣднихъ страданій и смерти Спасителя беззапятная преданность Ему этихъ святыхъ женъ сдѣлала ихъ мужественнѣе самихъ апостоловъ. Когда вели Его на крестную казнь и всѣ ученики Его разбѣжались и скрылись, боясь преслѣдованій со стороны враговъ Иисуса; когда даже самый твердый и смѣлый изъ учениковъ Его трижды отрекся отъ Него,—онѣ, забывъ всѣ опасенія, побѣдивъ всякій страхъ любовію, идутъ за Нимъ до самой Голговы; потомъ нѣкоторыя изъ нихъ, вмѣстѣ съ Матерью и возлюбленнѣйшимъ ученикомъ Его, не боятся стать даже у самаго креста Его. Что влекло ихъ сюда, несмотря на весь ужасъ и позоръ зрѣлища, что чувствовали и переживали онѣ въ эти часы—понятно всякому, у кого есть сердце. И Господь видѣлъ со креста эти, до конца преданныя Ему, души, ихъ горячее сочувствіе къ Нему вливало капли сладкаго утѣшенія въ ту чашу горести, какую испивалъ Онъ. Не оставляютъ святыя жены своего любимаго Учителя и послѣ того, какъ Онъ предалъ духъ Свой въ руки Отца Своего. Онѣ присутствуютъ при снятіи со креста и погребеніи пречистаго тѣла Его, сидя прямо гроба и наблюдая, гдѣ и какъ полагаютъ Его. Ихъ беспокоитъ теперь особенно то обстоятельство, что онѣ не имѣли возможности отдать послѣдній долгъ любви и признательности своему умершему Другу и Благодѣтелю, какъ того требовали отъ нихъ и обычай, а еще болѣе—влеченіе сердечное. Прискорбное событіе, поразившее ихъ, произошло такъ быстро и неожиданно, что не дало имъ и опомниться. Притомъ же наступалъ великій праздничный день, въ виду котораго Иосифъ съ Никодимомъ поспѣшили такъ скоро скрыть во гробѣ ихъ Учителя. Но... онѣ-ли не отдадутъ Ему послѣдней дани любви и уваженія? Онѣ-ли не сдѣлаютъ того, что только и оставалось сдѣлать имъ теперь для Него, бывшаго для нихъ выше и дороже всѣхъ на свѣтѣ? И вотъ, возвратившись отъ погребальной пещеры, онѣ покупаютъ муро и другіе ароматы, и выждавъ покой субботняго дня, въ первый-же день недѣли, раннимъ утромъ, спѣшатъ къ той-же пещерѣ съ приготовленными благовоніями, чтобы помазать ими лежащее тамъ дорогое тѣло. Ихъ не останавливаетъ то, что къ двери пещеры приваленъ большой камень, который онѣ сами не въ силахъ отвалить; не останавливаетъ и то, что у пещеры поставлена стража, которая должна была никого не допускать ко гробу и могла даже подвергнуть ихъ лишенію сво-

боды и другимъ оскорбленіямъ; не останавливаетъ и слишкомъ ранній часъ утра, *когда было еще темно* (Іоан. 20, 1) и когда вообще не безопасно ходить по городу и за городъ, особенно слабому полу. Любовь не разсуждаетъ; для выполненія ея святыхъ желаній не существуетъ непреодолимыхъ препятствій: онѣ идутъ... Вотъ этотъ-то подвигъ любви и мужества св. женъ, это шестіе ихъ съ приготовленнымъ муромъ, или несеніе мѣра ко гробу Христа Спасителя и дало имъ наименованіе *муроносицъ*, подъ которымъ онѣ извѣстны на церковномъ языкѣ. Этотъ именно подвигъ ихъ, въ связи съ тѣмъ, что увидѣли и услышали онѣ по пришествіи ко гробу Христову, и составляетъ главный предметъ и основную мысль всѣхъ тѣхъ пѣснопѣній церковныхъ, которыя воспѣваются въ честь ихъ преимущественно въ наступившую седмицу.—О послѣдующей дѣятельности св. женъ-муроносицъ, послѣ вознесенія Іисуса Христа на небо, не имѣется никакихъ свѣдѣній. Только объ одной изъ нихъ, повидимому самой ревностной между ними, Маріи Магдалинѣ, сохранилось церковное преданіе, что, по вознесеніи Господнемъ, она пошла проповѣдывать о Христѣ Іисусѣ внѣ предѣловъ своего отечества, въ языческія страны тогдашняго міра, за что и усвоено ей церковію имя *равноапостольной*. Любовь къ Спасителю, по свидѣтельству преданія, открыла ей доступъ даже къ самому императору римскому Тиверію. Представъ предъ этимъ всемірнымъ владыкою, она рассказала ему съ большою силой, убѣжденіемъ и вдохновеніемъ о чудесахъ, крестной смерти и воскресеніи Господа; съ особенною-же силою и одушевленіемъ она сообщила ему о несправедливомъ осужденіи и невинной казни своего божественнаго Учителя, и просила у императора правосудія. Преданіе говоритъ, что желчный и жестокій Тиверій выслушалъ просьбѣ этой святой женщины и повелѣлъ предать суду первосвященника Каіаѳу со всѣмъ іудейскимъ синадріономъ, а малодушнаго, челоуѣкоугодливаго Пилата отрѣшилъ отъ должности и сослалъ въ ссылку, за несправедливости и злодѣянія ихъ въ отношеніи къ Іисусу Христу.

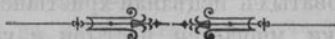
Братіе-христіане! И мы съ вами обязаны, подобно св. женамъ-муроносицамъ, любить Христа, служить Ему, слѣдовать за Нимъ, проповѣдывать о Немъ. Любить Іисуса Христа не значитъ только умомъ и сердцемъ возноситься къ Нему, отдавать Ему преимущество предъ всѣми людьми за Его божественныя совершенства, воздыхать при мысли о Его невинныхъ страданіяхъ и т. п., но—главнымъ образомъ—соблюдать Его слово,

исполнять Его заповѣди: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ; имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. 14, 21, 22),—говорилъ Онъ Самъ. Служить Іисусу Христу не значить только молиться Ему, кланяться предъ Его иконою и т. п., но—такъ поставить свою жизнь, такъ направить всю свою дѣятельность, чтобы началомъ, средоточіемъ и концомъ ея былъ только Онъ,—Его ученіе, Его заповѣдь, Его примѣръ. Кромѣ того, любить Его значить любить ближнихъ нашихъ, любить даже враговъ нашихъ,—любить такъ, какъ Онъ возлюбилъ всѣхъ насъ, до готовности даже положить за нихъ душу свою (Іоан. 13, 34; 16, 14); а служить Ему значить—служить искупленному Имъ человѣчеству, строгимъ и точнымъ исполненіемъ нашихъ обязанностей,—служить особенно бѣдствующему и страждущему человѣчеству—бѣднымъ, нищимъ, слабымъ, больнымъ, гонимымъ за истину Божию; за правду, за добро, служить дѣлами состраданія, милосердія, благотворительности, братской помощи, и служить, опять, до самоотверженія. Всѣ подобныя дѣла милосердія и человѣколюбія Онъ обѣщалъ принять на судъ Своемъ, какъ оказанныя лично Ему Самому (Матѳ. 25, 40). Когда мы такъ любимъ Его и такъ служимъ Ему, то это и значить, что мы проповѣдуемъ о Немъ, такъ какъ проповѣдывать о Немъ можно и должно не съ церковной только кафедры, но и въ семействѣ, въ школѣ, въ обществѣ, всегда и вездѣ, и притомъ—не словомъ только, но болѣе всего самымъ дѣломъ, самую жизнь строго-христіанскою.

Долгъ любить Іисуса Христа, служить Ему, слѣдовать за Нимъ, проповѣдывать о Немъ лежитъ одинаково на всѣхъ христіанахъ, т. е. не только на мужчинахъ, но и на женщинахъ христіанскихъ; а нынѣшнее празднество въ честь святыхъ женъ-мученицъ по преимуществу женщинамъ должно напомнить объ этомъ высококомъ ихъ долгѣ. Въ наше время многія женщины христіанскія часто не знаютъ что дѣлать съ собою, куда дѣвать и чѣмъ наполнить свободное время: поэтому всецѣло отдаются заботамъ о нарядахъ, употребляютъ большую часть времени на праздноштаніе по домамъ своихъ знакомыхъ, по мѣстамъ публичныхъ гуляній, ищутъ развлеченія въ разныхъ балахъ, зрѣлищахъ, въ чтеніи книгъ легкаго содержанія и т. п. Ахъ, еслибъ эти женщины всегда твердо помнили о своемъ долгѣ—любить Іисуса Христа, служить Ему, слѣдовать за Нимъ, проповѣдывать о Немъ! Онѣ не скучали-бы тогда отъ праздности, не искали-

бы пустыхъ удовольствій, суетныхъ забавъ и развлеченій... Какое, напр., обширное поле дѣятельности открыто для христіанки-матери, которая должна не только вскормить своихъ дѣтей, но и положить въ нихъ прочныя основы нравственно-религіознаго склада и характера по духу Христову,—которая обязана сдѣлать изъ нихъ не только добрыхъ людей и честныхъ гражданъ, но первѣе всего истинныхъ христіанъ! Но не въ качествѣ только матери семейства христіанскимъ женщинамъ представляется такое широкое поприще для истинно-благотворной, можно сказать, апостольской дѣятельности: оно открыто имъ также и въ качествѣ доброй и вѣрной супруги, мудрой хозяйки и распорядительницы въ домѣ, нѣжной дочери, любящей сестры и т. д. Во всѣхъ этихъ положеніяхъ имъ могутъ представиться цѣлыя сотни поводовъ и случаевъ—просвѣщать свѣтомъ вѣры, укрѣплять обѣтованіями надежды, согрѣвать теплотою любви христіанской всѣхъ тѣхъ, кто только соприкасается съ ними у домашняго очага, или вообще въ кругу родномъ. Да и не въ одномъ только семейномъ кругу могутъ христіанскія женщины служить Христу и проповѣдывать о Немъ: онѣ могутъ дѣлать это и въ школахъ, пріютахъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ, гдѣ имъ ввѣряется первоначально наставленіе, руководство и направленіе молодого поколѣнія по духу евангелія Христова; могутъ дѣлать это, если угодно, и въ уединенныхъ обителяхъ, гдѣ все располагаетъ и все способствуетъ воспитанію себя и другихъ въ духѣ благочестія христіанскаго. Наконецъ и въ шумномъ свѣтѣ сколько представляется женщинамъ - христіанкамъ случаевъ служить Христу, проповѣдывать о Немъ, являть свою любовь къ Нему! Развѣ мало вокругъ насъ, въ городахъ и всѣхъ нашихъ, невѣжества, нищеты, болѣзней, всякаго рода скорбей и страданій? Спѣшите-же къ ближнимъ вашимъ съ помощію, и духовною и матеріальною, во имя Христова. Васъ Самъ Господь надѣлилъ душою болѣе чувствительною, чуткою и впечатлительною,—одарилъ большею сердечною теплотою и нѣжностію, чѣмъ мужчинъ: воспользуйтесь-же этимъ богодарованнымъ преимуществомъ вашимъ какъ должно, къ облегченію горя и страданій меньшей братіи Христовой, а вмѣстѣ и къ вашему собственному спасенію. Аминь.

(«Кишиневскія епарх. вѣдом.» 1884 г., № 8).

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ ЧЕТВЕРТУЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи повѣствуется объ исцѣленіи І. Христомъ одного бѣсноватаго отрока, по просьбѣ его отца (Марк. 9, 17—29). Изъ сопоставленія сего евангельскаго разсказа съ разсказомъ о томъ-же событіи у другихъ евангелистовъ видно, что отрокъ этотъ былъ единственный сынъ у своего отца, подвергался припадкамъ своей страшной болѣзни *на новы мѣсяцы*, т. е. въ новолунія, и исцѣленіе его І. Христомъ совершилось скорѣй послѣ преображенія Его на горѣ Фаворской (Матѣ. 17, 4—21; Лук. 9, 37—45) и не задолго до Его страданій и смерти.

Кто читаетъ или внимательно слушаетъ Евангеліе, тотъ знаетъ, что исцѣленіе бѣсноватаго отрока—относительно не единственный случай исцѣленія І. Христомъ больныхъ этого рода. Христосъ исцѣлилъ также бѣсноватую дочь жены хананейской (Матѣ. 15, 21—28; Марк. 7, 24—30); исцѣлилъ двухъ бѣсноватыхъ въ странѣ Гадаринской, или Гергесинской (Матѣ. 8, 28—34; Марк. 5, 1—20; Лук. 8, 26—39); въ Капернаумской синагогѣ въ одну субботу изгналъ нечистаго духа изъ одержимаго имъ человѣка (Марк. 1, 23—26; Лук. 4, 31—36); въ Виосайдѣ, въ домѣ Симона-Петра, послѣ исцѣленія его тещи, исцѣлилъ множество другихъ больныхъ, въ томъ числѣ—много бѣсноватыхъ (Матѣ. 8, 16; Марк. 1, 34) и проч.

Бѣсноватыхъ исцѣляли и апостолы Христовы, извѣстные подъ именемъ дванадцати; исцѣляли ихъ и ученики Христовы, извѣстные подъ именемъ семидесяти. Дѣлали они это не сами по себѣ, не своими силами, а силою и именемъ пославшаго ихъ І. Христа, который далъ имъ *власть надъ нечистыми духами, чтобы изгнать ихъ* (Матѣ. 10, 1—8; Лук. 10, 10). Тѣмъ-же именемъ Христовымъ совершались исцѣленія бѣсноватыхъ и въ древней церкви Христовой: въ ней была для этого учреждена даже особая должность—такъ-называемыхъ *заклинателей*. Но и помимо заклинателей, бѣсноватыхъ исцѣляли христіанскіе мученики, исповѣдники, подвижники, многіе св. пастыри и учителя церкви.

Въ наше время, братіе, между нѣкоторыми христіанами вошло въ моду подвергать сомнѣнію и даже прямо отрицать бытіе злыхъ духовъ. Не будемъ теперь подробно доказывать несостоятельность, показывать весь вредъ и опасность для нашего спасенія, этого сомнѣнія или отрицанія. Замѣтимъ только, что въ ученіи слова Божія о злыхъ духахъ нѣтъ ничего противнаго здравому разуму, ничего страннаго или нелѣпаго, подобнаго тому, что иногда соединяетъ съ представленіемъ о нихъ народное воззрѣніе, поэтической вымыселъ, темная фантазія. Это не лѣшіе и домовые, не вѣдьмы и русалки и подобныя имъ фантастическія существа: это высшіе и совершеннѣйшіе насъ духи, созданные отъ Бога разумно-свободными и способными къ добру и святости, но возгордившіеся своими совершенствами, отпавшіе отъ союза съ Богомъ, вступившіе затѣмъ съ Нимъ въ безумную борьбу духовно-нравственную, и внесшіе зло въ прекрасный міръ Божій... Замѣтимъ еще, что христіанское ученіе о злыхъ духахъ такъ тѣсно связано съ ученіемъ Библии о всемъ домостроительствѣ Божіемъ о нашемъ спасеніи, что съ отрицаніемъ его неизбежно падаетъ и все дѣло нашего спасенія. *Для сего-то и явился Сынъ Божій, чтобы разрушить дѣла діавола,*—говоритъ апостоль Христовъ Іоаннъ (1 Іоан. 3. 8). Еслибы не было въ мірѣ Божіемъ діавола, не было-бы въ немъ зла и грѣха; а еслибы не было зла и грѣха, не было-бы нужды и въ Спасителѣ, — незачѣмъ было-бы Сыну Божію принимать на Себя и совершать для насъ то величайшее дѣло милости и правды Божіей, которое извѣстно подъ именемъ воплощенія и искупленія... Замѣтимъ, наконецъ, еще одно знаменательное явленіе. Большею частію тѣ самые мудрецы, которые съ такимъ высокоумнымъ пренебреженіемъ и даже съ насмѣшками относятся къ христіанскому ученію о злыхъ духахъ и вообще о тайнахъ міра духовнаго, ангельскаго,—эти самые, говоримъ, люди съ напряженнымъ вниманіемъ и какою-то болѣзненно-раздраженною любознательностію присматриваются и прислушиваются къ различнымъ мистическимъ опытамъ нашего времени, думающимъ вызывать духовъ по простому произволу, или капризу, для пустыхъ разговоровъ съ ними, и становятся даже проповѣдниками какого-то новаго, страннаго ученія о духахъ. Страшно подумать, а приходится иногда думать: во веѣхъ этихъ столоверченіяхъ, столописаніяхъ и прочихъ принадлежностяхъ такъ-называемаго спиритизма не дѣйствуетъ-ли, захватывая людей въ свою сѣть и уловляя въ свою волю (2 Тим.

2, 26), тотъ самый діаволь, бытіе котораго они отрицають?! Есть факты и явленія въ области спиритскихъ откровеній, которые повидимому не оставляють ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости этого нашего предположенія.

Другіе изъ современныхъ намъ христіанъ признають бытіе злыхъ духовъ, но не хотятъ признать болѣзни, извѣстной подъ именемъ бѣснованія. По ихъ мнѣнію, болѣзнь эта есть крайнее разстройство нервовъ, эпилепсія, истерика, или же просто сумасшествіе и т. п. Но во первыхъ, такое пониманіе этой болѣзни противорѣчитъ прямому, весьма ясному и опредѣленному смыслу евангельскихъ разказовъ объ исцѣленіи І. Христомъ бѣсноватыхъ. Изъ этихъ разказовъ видно, что бѣснованіе было не иное что, какъ именно вселеніе злыхъ духовъ въ человѣка, и исцѣленіе отъ этой болѣзни состояло въ изгнаніи духовъ изъ одержимаго ими. Понимать эти разказы, какъ иносказанія, или еще какъ-нибудь иначе, мы не имѣемъ никакого права и основанія. Во вторыхъ, о случаяхъ бѣснованія, или вселенія злыхъ духовъ въ человѣка, говорятъ намъ не одни только евангелія, хотя для насъ, какъ христіанъ, достаточно было-бы и одного этого, чтобы не сомнѣваться въ дѣйствительности этихъ случаевъ: о нихъ говорятъ и многія другія, несомнѣнно-достоверныя историческія сказанія. Припоминается намъ по этому поводу одно замѣчательное свидѣтельство изъ 3-го вѣка христіанскаго, указывающее, какъ на существованіе бѣсноватыхъ въ то время, такъ и на ту великую власть надъ злыми духами, какую имѣли и являли тогдашніе христіане. Тертуліанъ, священникъ и учитель карфагенской церкви, въ сочиненіяхъ своихъ, адресованныхъ языческому правительству, писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „мы не только презираемъ демоновъ, но и побѣждаемъ, ежедневно посрамляемъ и изгоняемъ изъ людей, какъ это очень многимъ извѣстно“... „Пусть явится, здѣсь, предъ вашими судилищами кто-либо несомнѣнно одержимый демономъ: по повелѣнію какого угодно христіанина, духъ этотъ заговоритъ и признается, что онъ—демонъ“... Если-же демоны, которые не смѣютъ лгать христіанину, не признають себя демонами, то на томъ-же мѣстѣ убейте того христіанина“ (Ad Scapul. n. 2; Apolog n. 23). Наконецъ, нельзя сказать рѣшительно, чтобы и въ настоящее время не было случаевъ и примѣровъ той страшной болѣзни, о которой мы ведемъ рѣчь. Есть и нынѣ болѣзни, обнаруживающіяся необыкновенною физическою силою, необыкновенными познаніями, т. е. такими,

какихъ болъной отнюдь не имѣлъ до своей болѣзни и какіе вы-
сказываетъ только въ припадкахъ болѣзни,—страшнымъ бого-
хульствомъ, не естественною переменною характера болънаго, не-
зависящими отъ его воли движеніями и дѣйствіями, вообще—
признаками, показывающими присутствіе въ человѣкѣ чего-то
или кого-то высшаго и сильнѣйшаго, чѣмъ онъ самъ, дѣйстви-
ющаго притомъ въ зломъ направленіи. Наука не знаетъ насто-
ящаго названія этимъ болѣзнямъ, не находитъ противъ нихъ
никакихъ дѣйствительныхъ средствъ,—и испѣляются онѣ только
пламенными молитвами при мощахъ святыхъ, при чудотворныхъ
иконахъ и т. п., вообще—средствами исключительно религіозными,
церковными.—Какимъ образомъ свершается надъ человѣкомъ
это несчастіе, какъ понять, какъ представить себѣ, что дьяволъ
вселяется въ человѣка и дѣйствуетъ въ немъ какъ-бы вмѣсто
души,—уяснять это мы не беремъ. Довольно знать только, что
это и возможно и бываетъ не иначе, какъ по допущенію Божію,
а Господь Богъ допускаетъ это, какъ и всякое вообще зло, съ
благою цѣлію вразумленія и спасенія человѣка.

Будемъ, братіе, безъ всякаго сомнѣнія вѣровать во все то,
что открыто намъ въ словѣ Божіемъ, и не станемъ дерзновенно
доискиваться и допытываться того, что не дано намъ знать въ
настоящей жизни. Аминь.

(Собственноручная рукопись автора).

11.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. БЛАГОВѢРНАГО И РАВНОАПО-
СТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА,
сказанное 15 іюля, въ Херсонесскомъ монастырѣ.

Прежде, чѣмъ начнемъ молебное пѣніе виновнику настоя-
щаго нашего свѣтлаго торжества, св. благовѣрному князю Вла-
диміру, да будетъ позволено мнѣ, братіе мои, сказать вамъ нѣ-
сколько словъ по поводу этого торжества.

Радуюсь и благодарю Господа Бога нашего, что Онъ сподо-
билъ мое недостойнство быть не зрителемъ только, но и дѣятель-

нымъ участникомъ сего торжества; совершить праздничное священнодѣйствіе и принести безкровную жертву на этомъ мѣстѣ, священномъ и дорогомъ для всей земли русской; помолиться и поклониться св. равноапостольному князю, почивающему здѣсь частію мощей своихъ, и облобызать самыя эти цѣльбоносныя мощи.

Нынѣшнее наше торжество переноситъ мою мысль къ другому торжеству, сродному и однородному съ нашимъ, — торжеству, совершающемуся въ этотъ самый день и часъ въ „матери градовъ російскихъ“, богоспасаемомъ Кіевѣ. Здѣсь, т. е. у насъ, въ этомъ древнемъ греческомъ Херсонесѣ, Владиміръ-язычникъ принялъ св. крещеніе; а тамъ, въ Кіевѣ, древней княжеской столицѣ, тотъ-же Владиміръ, но уже по вѣрѣ христіанинъ и по имени Василій, просвѣтилъ св. крещеніемъ своихъ дѣтей, бояръ и всѣхъ кіевлянъ. Такимъ образомъ, тамъ, въ Кіевѣ, съ нынѣшнимъ торжествомъ соединяется воспоминаніе преимущественно крещенія кіевлянъ, послужившаго началомъ крещенія и всей земли русской; а здѣсь, у насъ—воспоминаніе крещенія самого крестителя и просвѣтителя кіевлянъ и всей земли русской, св. благовѣрнаго и равноапостольнаго князя Владиміра.

Братіе-христіане! Мы вѣримъ, и не только вѣримъ, но и твердо убѣждены, что совершившееся на этомъ мѣстѣ надъ княземъ кіевскимъ Владиміромъ и совершенное, затѣмъ, Владиміромъ въ Кіевѣ — не было простымъ слѣдствіемъ какихъ-либо тогдашнихъ случайныхъ обстоятельствъ или политическихъ видовъ и личныхъ расчетовъ князя,—какъ это можетъ показаться иногда при чтеніи лѣтописныхъ сказаній, а особенно научныхъ изслѣдованій объ этомъ событіи. Нѣтъ, это было устроеніемъ Промысла Божія, дѣйствіемъ всемогущей и всеблаготворительной десницы Вышняго, избравшей Владиміра во орудіе просвѣщенія и спасенія нашихъ языческихъ предковъ, а чрезъ нихъ и въ лицѣ ихъ—и насъ съ вами, какъ ихъ потомковъ. Да будетъ-же слава, хвала и благодареніе Господу, тако изволившему и устроившему о насъ! Не случись того, что случилось, т. е. если-бы князь Владиміръ не принялъ крещенія и не велѣлъ потомъ крестить своихъ дѣтей и всѣхъ подданныхъ,—кто знаетъ? — быть-можетъ, народъ русскій долго и долго еще сидѣлъ-бы *во тмѣ и снѣи смертнѣи*, въ невѣдѣніи истиннаго Бога и отчужденіи отъ Него, предаваясь всѣмъ изувѣрствамъ и непотребствамъ язычества, и любезное отечество наше въ такомъ случаѣ, конечно, далеко еще не до-

стигло-бы той степени умственного, нравственного, гражданского и государственного развитія, на какой оно стоитъ теперь, благодаря именно многовѣковому воздѣйствию и вліянію на него православной христіанской вѣры и церкви.

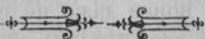
Какой-же урокъ преподаетъ намъ настоящее празднество и соединяемое съ нимъ историческое воспоминаніе? Думаемъ, что это понятно само собою. „Храните, какъ зѣницу ока, православную вѣру Христову, въ которой вы родились, крестились и воспитались, которою и Россія стала тѣмъ, что она есть, прославилась и возвеличилась; любите эту святую вѣру свою и дорожите ею болѣе всего на свѣтѣ“: вотъ что внушаетъ намъ, вотъ чему поучаетъ насъ нынѣшнее наше торжество.

И подлинно, братіе мои, православная вѣра христіанская есть сокровище высшее и дрожайшее всѣхъ сокровищъ въ мірѣ: въ ней одной рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и задачъ жизни; въ ней-же и тайна общественнаго благосостоянія и политическаго даже могущества народовъ и государствъ. Она не есть только система или совокупность извѣстныхъ истинъ, данныхъ въ божественномъ Откровеніи, которыя христіанинъ обязательно долженъ принимать и признавать, какъ несомнѣнныя: она есть вмѣстѣ и зидительная сила, преобразующая и благоустроющая жизнь, перерождающая людей, *побуждающая міръ*. Съ нею неразрывны добрыя дѣла христіанскаго благоповеденія и благочестія, такъ что безъ нихъ, по апостолу, она мертва, какъ тѣло безъ души. Въ общество вѣрующихъ во Христа нельзя и вступить иначе, какъ только давши предварительно, въ таинствѣ крещенія, священный обѣтъ предъ Богомъ и людьми—жить жизнію новою, духовною, святою, по заповѣдямъ Евангелія, какъ подобаетъ истиннымъ ученикамъ и друзьямъ Христовымъ.—Правда, нужно сознаться, къ прискорбію нашему, что далеко не всѣ христіане и не всегда остаются вѣрными своимъ обѣтамъ, даваемымъ при крещеніи,—не всѣ и не всегда живутъ достойно своего христіанскаго званія и призванія. Но много значить уже и то одно, что христіане всегда имѣютъ въ своемъ евангельскомъ ученіи высочайшій образецъ, или идеаль, нравственнаго совершенства и признаютъ этотъ идеаль обязательнымъ для себя. Далѣе,—не нужно забывать того, что въ истинной Церкви Христовой вѣрнымъ чадамъ ея не только указывается идеаль высшаго нравственнаго совершенства, но подаются и дѣйствительнѣйшія средства къ возможному осуществленію сего идеала въ жизни. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ особен-

ныхъ таинственныхъ священнодѣйствійхъ, сообщается вѣрующимъ особенная таинственная сила, или благодать Святаго Духа, укрѣпляющая въ добрѣ, пособляющая въ борьбѣ со зломъ и грѣхомъ, примиряющая съ Богомъ и совѣстію послѣ самыхъ тяжкихъ грѣхопаденій и вообще помогающая христіанину быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть сообразно своему высшему назначенію. При помощи и содѣйствіи этой спасительной благодати, самый отчаянный грѣшникъ, если захочетъ, можетъ сдѣлаться совершеннымъ праведникомъ... Какъ-бы то, впрочемъ, ни было, во всякомъ случаѣ нельзя не признать того, что христіанская вѣра имѣетъ самое благотворное, ни съ чѣмъ не сравнимое и ничѣмъ не замѣнимое влияніе на нравственность, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ племенъ и народовъ. Она мало-по-малу просвѣщаетъ умы, смягчаетъ сердца, обуздываетъ страсти, облагораживаетъ нравы, и тѣмъ благоустраиваетъ и улучшаетъ человѣческую жизнь, во всѣхъ ея формахъ, во всѣхъ отношеніяхъ и проявленіяхъ. Поэтому-то и видимъ, что гдѣ свято сохраняется и благоговѣнно уважается христіанская вѣра, тамъ люди живутъ, большею частію, добродѣтельно, мирно, любовно, благоденственно; а гдѣ вѣра ослабѣваетъ, или пренебрегается, тамъ и нравственность сильно колеблется и разшатывается, страсти разнуздываются и свирѣпствуютъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ умножаются нестроенія и бѣдствія разнаго рода. Тамъ-же, гдѣ вѣра Христова совсѣмъ отвергается, о... тамъ легко можетъ произойти нѣчто ужасное. Отъ отверженія вѣры во Христа не далеко и до отверженія вѣры въ Бога вообще; а съ отверженіемъ этой послѣдней вѣры падаетъ сама собою и вѣра въ духовность и безсмертіе души человѣческой. На мѣсто Бога ставится тогда самъ человѣкъ, который въ тоже самое время признается не болѣе, какъ только животнымъ высшей формы или породы; вмѣсто любви къ Богу и ближнимъ проповѣдуется тупой, безсердечный, всепожирающій эгоизмъ; на мѣсто законности и порядка возникаетъ такъ-называемая „борьба за существованіе“, въ которой всегда одерживаетъ побѣду не тотъ, кто правъ, а тотъ, кто нахальнѣе и сильнѣе другихъ. Ничего священнаго, ничего завѣтнаго и запретнаго нѣтъ тогда для человѣка: долгъ, совѣсть, честь—все это объявляется глупостію, подлостію, трусостію; семейный союзъ осмѣивается и разрушается, а вмѣсто него проповѣдывается какой-то „половой подборъ“; частная собственность обзывается воровствомъ и т. д.

Да сохранить Господь милосердый возлюбленное наше отечество, нашу Русь православную, отъ подобнаго ужаснаго состоянія! Въ наше время, болѣе чѣмъ прежде, замѣчается на Руси оскудѣніе вѣры, легкомысленное или даже презрительное и враждебное отношеніе къ ней: оттого многіе изъ православныхъ, особенно изъ молодаго поколѣнія, имѣли несчастье увлекаться, а быть-можетъ и теперь еще увлекаются тѣмъ тлетворнымъ, безбожнымъ ученіемъ, которое сейчасъ намѣчено нами въ общихъ его чертахъ. Явленіе—въ высшей степени печальное! Изучайте, возлюбленные, изучайте основательнѣе, глубже и шире нашу вѣру православную; узнавайте ее ближе и короче; вдумывайтесь въ нее внимательнѣе и серьезнѣе: и если только вы не предубѣждены противъ нея заранѣе разными превратными умствованіями, либо не испорчены окончательно въ нравственномъ отношеніи, вы невольно полюбите ее и привяжетесь къ ней всей душою. Тогда васъ не поколеблѣютъ никакія, самыя тонкія и ухищренныя, мудрованія, противныя духу вѣры и евангелія Христова, не говоря уже о лжеученіяхъ явно-грубыхъ, безбожныхъ и безнравственныхъ. Но при этомъ—еще одно необходимое предостереженіе: изучайте вѣру непременно подъ руководствомъ св. православной Церкви. Только въ Церкви — правильное разумнѣе ученія Христова, какъ и вообще только въ ней одной всѣ пути и средства нашего спасенія. Безъ ея руководства самыя ревностныя искатели истины впадаютъ только въ самыя странныя и нелѣпыя заблужденія; самыя усердныя ревнители вѣры и благочестія христіанскаго колеблѣются *всякимъ въпрямъ ученія* и доходятъ часто до того, что разрываютъ, наконецъ, и самый свой союзъ съ Церковію, а чрезъ это — и союзъ свой со Христомъ: отъ чего да избавить Господь всѣхъ насъ. Аминь.

(«Таврич. епарх. вѣд.» 1885 г. № 15).

12.

ПОУЧЕНИЕ

ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*Въ рождество дѣтство сохранила
еси, во успеніи міра не оставила еси
Богородице.*

(Тропарь праздника).

Когда настало предопредѣленное Богомъ время, въ которое Сыну Божию надлежало сдѣлаться сыномъ человѣческимъ, чтобы принять на Себя вину всего человѣчества и Своею искупительною жертвою даровать ему оставленіе грѣховъ, спасеніе и жизнь вѣчную,—Сынъ Божій вселяется во утробу непорочной Дѣвы Маріи, зачинается по человѣчеству отъ Ея чистыхъ кровей и рождается отъ Нея младенцемъ. Дѣва Марія сдѣлалась, такимъ образомъ, Матерью Сына Божія. Поелику-же этотъ Сынъ Божій, ставшій теперь Младенцемъ Иисусомъ, всегда былъ, есть и будетъ, по существу Своему, Богъ, единосущный съ Богомъ Отцемъ и Св. Духомъ, то Дѣва Марія, какъ родившая Бога во плоти, сдѣлалась чрезъ это самое Богородительницею или Богородицею. Но, сдѣлавшись матерью, ставши родительницею, Марія въ тоже время осталась и дѣвою, какою была до зачатія и рожденія отъ Нея Сына Божія, какою пребыла и въ самомъ Его зачатіи и рожденіи. Чтобы ни на минуту не усумниться въ этомъ, вспомнимъ только, что въ утробѣ Маріи зачался и отъ Нея родился не обыкновенный Младенецъ, а потому естественно и самое Его зачатіе и рожденіе не могло быть обыкновеннымъ. Зачатіе это совершилось „кромѣ зачатія“, какъ выражается св. Церковь, т. е. безъ участія мужа, котораго и не было у Маріи, — не отъ похоти плотскія, которой Марія вовсе даже не знала, но по наитію, силѣ и дѣйствию всезидительнаго Духа Божія, осѣнившаго Марію: а рожденіе совершилось безъ нарушенія печатей дѣвства и безъ обычныхъ матернихъ болѣзней, сопровождающихъ дѣтороженіе. Какъ видите, это было зачатіе и рожденіе сверхъ-естественное, чудесное, единственное и исключительное во всемъ мірѣ, на всѣ вѣка и времена, а потому и непостижимое и несказанное. По-

этому-то Пресвятая Богородица Марія и называется въ церковныхъ пѣсняхъ, то матерью, то дѣвою; называется матерью *неискусомужною*, дѣвою *неискусобрачною*, т. е. не знавшею мужа, не испытавшею брака, — невѣстою *неневѣстною*, т. е. не имѣвшею жениха; называется также *приснодѣвою*, т. е. такою единственною въ женахъ, которая не только до рожденія отъ Нея младенца, но и въ рожденіи Его, и послѣ рожденія пребыла дѣвою. Теперь, думаемъ, понятно для васъ, братіе, что означаютъ слова нынѣшней церковной пѣсни: *въ рождество дѣвство сохранила еси.*

Какъ ни высоко было величіе Пресв. Дѣвы Маріи, сподобившейся быть Матерью Самого Бога,—Церковь исповѣдуетъ это величіе, когда именуетъ Ее „высшею небесъ“, „высшею и большею всѣхъ тварей“, „владычицею міра“, „царицею небесе и земли“, „честнѣйшею херувимовъ и славнѣйшею серафимовъ“ и т. п.,—какъ ни высоко было, говоримъ, величіе Ея, однакожь и Она, какъ отъ земнородныхъ рожденная, какъ дочь Адама—тлѣннаго и смертнаго, не была изъята отъ общаго всѣмъ людямъ закона смерти. Насталъ и для Нея день и часъ разлученія души съ тѣломъ и отшествія изъ этого міра въ другой, горній, куда отходятъ всѣ живущіе, куда и мы всѣ отойдемъ непременно, каждый въ свое время. Она скончалась въ преклонномъ возрастѣ, или „довольной старости“ (сколькихъ именно лѣтъ — объ этомъ не сохранилось точныхъ свѣдѣній), и была погребена въ Геосиманіи, недалеко отъ Іерусалима, у подножія горы Елеонской,—была погребена апостолами, чудесно собранными изъ разныхъ странъ міра къ Ея смертному одру. Это-то событіе и называется на церковномъ языкѣ „успеніемъ Пресвятыя Богородицы“ и составляетъ собою предметъ особаго праздника, ежегодно совершаемаго нашою Церковію въ 15-й день августа и слѣдующіе за нимъ восемь дней.

Что-же значить „успеніе“ и почему такъ называется нынѣшній праздникъ?—Слово „успеніе“ буквально означаетъ *уснутіе*, т. е. тотъ моментъ, всѣмъ намъ хорошо извѣстный, хотя и не понятный, когда человѣкъ изъ состоянія бодрствованія переходитъ въ состояніе сна,—когда о человѣкѣ можно бываетъ сказать: „сейчасъ уснулъ“. Въ переносномъ смыслѣ успеніемъ называется въ нашихъ мѣсяцесловахъ и „святцахъ“ кончина или смерть людей святыхъ и праведныхъ. (См. напр. подъ 3-мъ числомъ мая и подъ 25-мъ іюля). Но можно называть успеніемъ и смерть каждаго православнаго христіанина, какъ и называетъ ее

православная Церковь, когда умершим чадамъ своимъ испрашиваетъ отъ Господа „во блаженномъ усненіи вѣчный покой“, именуя при этомъ и самихъ умершихъ *уснувшими, уснившими*, т. е. уснувшими. Можно, наконецъ, называть усненіемъ и смерть всякаго вообще человѣка, кто-бы онъ ни былъ и каковъ-бы ни былъ. Наименованіе смерти усненіемъ и умершихъ людей уснувшими объясняется поразительнымъ сходствомъ между *умираніемъ* и *засыпаніемъ*, между смертію и сномъ, — сходствомъ, котораго вообще нельзя не примѣтить и въ силу котораго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, трудно бываетъ даже отличить человѣка уснуващаго отъ умершаго. Въ тоже время въ этомъ наименованіи смерти усненіемъ сказывается твердая христіанская увѣренность относительно будущаго воскресенія мертвыхъ. Богъ христіанскій *нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ: ибо у Него всѣ живы* (Лук. XX, 38). Поэтому и предъ богопросвѣтленнымъ взоромъ вѣрующаго христіанина тоже нѣтъ мертвыхъ; тѣ-же, кого обыкновенно называютъ мертвыми или умершими, тѣ только уснули и спятъ, но *врядетъ часъ*, когда всѣ они пробудятся отъ сна своего и возстанутъ,—*услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ, и изыдутъ сотвориши благая въ воскресеніе живота, а сотвориши злая въ воскресеніе суда* (Іоан. V, 25. 28). Таковъ внутренній, прикровенный смыслъ слова *усненіе*, когда этимъ словомъ обозначается кончина людей.—Если мы теперь приложимъ выясненное сейчасъ понятіе объ усненіи къ кончинѣ Божіей Матери, то увидимъ, что этой именно кончинѣ наиболѣе приличествуетъ наименование усненія. Кончина Богоматери, болѣе, чѣмъ чья-бы-то ни-было кончина, похожа была именно на *усненіе* въ буквальномъ смыслѣ слова. Это была кончина совершенно безболѣзненная и безмятежная, не только чуждая какихъ-бы-то ни-было предсмертныхъ мученій и томленій, а напротивъ, даже преисполненная духовной радости и веселія для умиравшей. Самъ Господь Иисусъ Христосъ, по преданію церковному, явился Своей Пречистой Матери въ часъ Ея кончины, заранѣе предвозвѣщенной Ей,—и Она съ особенною радостію и любовію предала въ руки Его Свою пресвятую душу, „*аки сномъ сладкимъ уснувши*“ *). Но это—еще не все. Самый этотъ сонъ Ея, сонъ смертный, продолжался

*) «Сказаніе о безсмертномъ усненіи Пресв. Богородицы»—въ Четви Минеѣ подъ 15 августа.

очень не долго: Пречистая скоро была пробуждена отъ него. Поэтому и святое тѣло Ея не только не *видѣло истлѣнія* во гробѣ, но и не осталось въ немъ даже въ видѣ нетлѣнныхъ останковъ или мощей, какъ оставались и остаются многія тѣла усопшихъ святыхъ. На третій день, послѣ Ея погребенія, апостоламъ представился поводъ и явилась нѣкоторая надобность открыть Ея гробъ. Къ великому удивленію своему, они нашли въ немъ только погребательныя пелены, которыми было повито Ея тѣло при погребеніи, самаго-же тѣла не было во гробѣ. Въ недоумѣніи о случившемся апостолы молились Господу, „да открытѣся имъ о пречистомъ тѣлеси томъ“: и вотъ, къ вечеру того дня, слышать они надъ храминою, въ которой были собраны, гласъ ангельскаго пѣнія, и возведши очи горѣ, видятъ на воздухѣ Саму Пресвятую Дѣву Богородицу, окруженную ангелами и осіяваемую неизреченною славою. „Радуйтѣся“, сказала Она имъ, „яко съ вами есмь во вся дни“. Отселѣ увѣрились апостолы и всю Церковь увѣрили, что Пречистая Матерь Божія, въ третій день по смерти Своей, была воскрешена отъ мертвыхъ Сыномъ и Богомъ Своимъ и съ плотію (конечно, измѣненной или преображенной во гробѣ, сообразно съ условіями потусторонней жизни) преселена въ горнія жилища, т. е. была взята не небо *).

„Съ вами есмь во вся дни“, — сказала Матерь Божія апостоламъ, явившись имъ въ третій день послѣ Своей смерти и погребенія. Сказанное Богоматерью можетъ быть отнесено и ко всѣмъ вѣрующимъ въ ея Сына и искупленнымъ Его честною кровію; можетъ быть отнесено, въ извѣстной мѣрѣ, и ко всему вообще роду человѣческому. Ибо, и по переселеніи Своемъ отъ здѣшняго міра, Она не оставила его совершенно, какъ воспѣваетъ о Ней св. Церковь: *въ рождествѣ дѣвство сохранили еси, во успеніи міра не оставила еси.*—Нужно-ли, братіе, разъяснить, нужно-ли доказывать вамъ эту послѣднюю мысль, содержащуюся въ приведенной церковной пѣсни? Скажите: кто изъ христіанъ не призываетъ въ своихъ молитвахъ преславнаго имени Богородицы Маріи? кто не прибѣгаетъ къ Ней за помощію въ нуждахъ и напастяхъ, за утѣшеніемъ въ скорбяхъ, за исцѣленіемъ въ болѣзняхъ? Ея достолюбезное Имя извѣстно по всей земли и нерѣдко съ благоговѣніемъ произносилось и произносится даже людьми

*) Чет. Минея—подъ 15 августа.

чуждыми и враждебными христіанству. Скажите: кто не слышалъ о многочисленныхъ и разнообразныхъ знаменіяхъ чудесной помощи, покрова и заступленія Пречистыя Дѣвы Богородицы, явленныхъ и являемыхъ и надъ отдѣльными лицами, и надъ цѣлыми городами и областями, и надъ цѣлыми даже народами, какъ напр. надъ нашимъ русскимъ, православно-христіанскимъ народомъ? Быть можетъ даже нѣкоторые изъ насъ, здѣсь теперь собравшихся, и надъ самими собою испытали силу Ея помощи и заступленія. Вспомните еще, сколько прославлено въ одномъ отечествѣ нашемъ Ея чудотворныхъ иконъ, отъ которыхъ преизобильно изливались и не престають изливаться потоки Ея милостей и благодѣній всѣмъ, притекающимъ къ Ней съ вѣрою и любовію. Что-же означаетъ, что доказываетъ все это, какъ не то, что Пресвятая Богородица, и по блаженномъ успеніи Своемъ, не оставила нашего бѣднаго и грѣшнаго міра, но всегда пребывала и пребываетъ Она съ вѣрующими, конечно, духомъ Своимъ: но были случаи, и не рѣдкіе, въ исторіи церкви, когда Она являлась и во плоти нѣкоторымъ угодникамъ Божиимъ, подавая имъ благопотребную помощь, совѣтъ, наставленіе; были случаи, когда нѣкоторые духовные мужи видѣли Ее, не духовнымъ только взоромъ, но и тѣлесными очами, за христіанъ и за весь міръ Богу молящюся, и т. п.

Пресвятая Владычице, Дѣво-Богородице! Не остави и насъ грѣшныхъ Твоимъ матернимъ покровомъ и заступленіемъ. Аминь.

(«Таврич. Епарх. вѣдом.» 1885 г. № 17).

13.

ПОУЧЕНИЕ

ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ ТЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЫ
БОЖІЕЙ МАТЕРИ—14 МАРТА.

Нынѣшнее празднество Теодоровской иконы Божіей Матери совершается въ нашемъ городѣ въ память восшествія на царскій престоль родоначальника нынѣшняго нашего Императорскаго Дома, боярина Михаила Теодоровича Романова. Предъ сею святою иконою, 14-го марта 1613 года, боярыня инокиня Марѳа, послѣ долгихъ отказовъ и колебаній, изъявила, наконецъ, свое согласіе на вступленіе на престоль юнаго тогда сына своего, Михаила Теодоровича, и этою самою иконою благословила его на царствованіе. Другое ежегодное празднество Теодоровской иконы совершается у насъ въ 16-й день августа,—въ память явленія или обрѣтенія ея въ этотъ день (во второй половинѣ XIII в.) вблизи нашего города. Но этими двумя празднествами далеко не ограничивается наше чествованіе этой св. иконы. Предъ нею почти ежедневно совершаются молебныя пѣнія, по желанію и прошенію притекающихъ къ ней; она приносится руками іерейскими во всѣ почти городскія церкви во дни храмовыхъ праздниковъ ихъ; она шествуетъ во всѣхъ торжественныхъ крестныхъ ходахъ, совершаемыхъ въ нашемъ городѣ и вокругъ его до 10-ти разъ въ году; приносится нерѣдко и въ частныя жилища по нуждамъ и просьбамъ вѣрующихъ; износится въ нѣкоторые дни и въ другіе грады и веси нашей Костромской области.

Нравится намъ, братіе, такое усердное чествованіе вами этой нашей дорогой святыни; достохвальны и достолюбезны намъ эти частыя хожденія ваши къ этой иконѣ и съ этою иконою, эти прилежныя притеканія и припаданія къ ней, эти умиленные пѣнія предъ нею, эти многочисленныя собранія празднующихъ ея праздники. Не менѣе похвальны и любезны намъ и другіе благочестивые обычаи ваши; въ нѣкоторые нарочитые дни вы, напр., торжественно чествуете св. икону Христа Спаса, имѣющуюся въ нашемъ городѣ (на Запруднѣ) и почитаемую за чудотворную; съ любовію также принимаете въ свой городъ и чествуете св. чудо-

творныя иконы изъ сосѣднихъ обителей — Смоленской Божіей Матери изъ Игрицкой обители и святителя Христова Николая изъ Бабаевской; усердно посѣщаете храмы Божіи, съ любовію принимаете благословеніе отъ рукъ нашего недостойства и проч. Новый человекъ, не привыкшій къ подобнымъ зрѣлищамъ въ другихъ городахъ, познакомившись ближе съ обычаями нашего города, непременно скажетъ, по крайней мѣрѣ—подумаетъ: „какой благочестивый народъ эти Костромичи“!

Что же, братіе,—дѣйствительно-ли мы такой благочестивый народъ? Спрашиваемъ объ этомъ потому, что тѣ благочестивые, бросающіеся на глаза обычаи, о которыхъ сейчасъ было говорено, свидѣлствуютъ только о внѣшнемъ или наружномъ благочестіи, но не доказываютъ еще несомнѣнно нашего внутренняго благочестія. Можно вѣдь часто служить молебны предъ иконами, и въ то же время быть гордецомъ, честолюбцемъ, сластолюбцемъ, чревоугодникомъ, развратникомъ и т. д. Можно не опускать ни одного торжественнаго богослуженія, ни одного крестнаго хода, и въ то же время усердно служить своимъ страстямъ, погрязать въ самыхъ грубыхъ порокахъ. Можно ходить въ храмы и участвовать въ церковныхъ торжествахъ—просто отъ нечего дѣлать, для развлечения, по старой привычкѣ, изъ подражанія другимъ, по любви къ зрѣлищамъ и т. п. Итакъ—опять спрашиваемъ—по истинѣ-ли мы благочестивый народъ? По истинѣ-ли мы—добрые христіане, не наружно только, но и въ самомъ сердцѣ своемъ, въ самой душѣ и въ жизни своей? Всѣ-ли мы ходимъ во всѣхъ заповѣдяхъ и уставахъ Господнихъ безпорочно? (Лук. 1, 6). Всѣ-ли добросовѣстно и честно исполняемъ лежащія на насъ многочисленныя и разнообразныя обязанности? Нѣтъ-ли между нами такихъ, которые зло называютъ добромъ и добро зломъ, тьму почитаютъ свѣтомъ и свѣтъ тьмою, горькое почитаютъ сладкимъ и сладкое горькимъ? (Исаи 5, 20). Нѣтъ-ли между нами нарушителей и нарушительницъ супружеской вѣрности? Нѣтъ-ли небрегающихъ о религіозно-нравственномъ или даже о какомъ-бы то ни было воспитаніи своихъ дѣтей? Нѣтъ-ли живущихъ въ незаконныхъ, не благословенныхъ Церковію супружескихъ связяхъ? Нѣтъ-ли въ семействахъ нашихъ разнаго рода самодуровъ, тирановъ, деспотовъ? Нѣтъ-ли въ городѣ нашемъ такихъ, которые за подарки оправдываютъ виновнаго и правыхъ лишаютъ законнаго? (Исаи 5, 23). Нѣтъ-ли воровъ, хищниковъ и грабителей разнаго рода? Нѣтъ-ли лжецовъ, льстецовъ и обманщиковъ? Нѣтъ-

ли клеветниковъ, ябедниковъ и лживыхъ доносчиковъ? Нѣтъ-ли пьяницъ, мошенниковъ, праздношатающихся, лѣнтыевъ и тунеядцевъ? Если всѣ такіе и имъ подобные презрители божескихъ и человѣческихъ законовъ есть въ нашемъ городѣ, и встрѣчаются они здѣсь не въ видѣ рѣдкихъ исключеній; то мы должны будемъ признать съ прискорбіемъ, что городъ нашъ имѣетъ только видъ благочестія, силы же его отрекся (2 Тим. 3, 5),—что большинство нашихъ согражданъ благочестивые только повидимому, но не на самомъ дѣлѣ.

Нисколько не унижая внѣшняго благочестія, я долженъ однакожь сказать вамъ, братіе мои, что его одного далеко недостаточно для нашего спасенія. Мало того: если человѣкъ думаетъ угодить Господу однимъ наружнымъ благочестіемъ, ни-мало не заботясь при этомъ о сохраненіи заповѣдей Господнихъ, о чистотѣ и непрочности своей жизни, о правдѣ, милости и любви къ ближнимъ; то такое благочестіе его только оскорбляетъ Господа.

Послушайте, что говорилъ нѣкогда Господь Богъ, устами своего пророка, о наружномъ благочестіи избраннаго Своего народа. „Къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ? говоритъ Господь. Я пересытился всесожженіями овновъ и туковъ откормленнаго скота“ (такія жертвы, по закону, приносились Богу въ ветхомъ завѣтѣ); „и крови тельцовъ, и агнцевъ, и козловъ не хочу. Зачѣмъ вы топчете двory мои? Не носите мнѣ больше даровъ пустыхъ; куреніе еиміама отвратительно для меня; новомѣсячій, и субботъ, и праздничныхъ собраній вашихъ не могу терпѣть: беззаконіе—и празднованіе!! Новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавидитъ душа моя; они—бремя для меня; мнѣ тяжело нести ихъ. И когда вы простираете руки ваши, я закрываю отъ васъ очи свои; и когда вы умножаете моленія ваши, я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь, удалите злыя дѣянія ваши отъ очей моихъ; перестаньте дѣлать зло, научитесь дѣлать добро; ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда приходите, и будемъ судиться, говоритъ Господь. Если будутъ грѣхи ваши какъ багряница, то сдѣлаются бѣлыми какъ снѣгъ; если будутъ красны какъ пурпуръ, сдѣлаются—какъ бѣлая волна“ (Исаи 1, 11—16), т. е. тогда Господь и загладитъ, или проститъ грѣхи народа Своего. А вотъ что говорилъ тотъ же Господь о постахъ народа Своего: „вы поститесь, и въ день поста своего дѣлаете угодное себѣ и всѣхъ рабочихъ своихъ изнуряете; въ ссорѣ и враждѣ вы

поститесь, и бьетесь кулаками съ жестокостію. Это-ли постъ угодный мнѣ? Вотъ тотъ постъ, который Я избралъ: сними оковы неправды, развяжи цѣпи рабства и отпусти измученныхъ на свободу... Вотъ постъ: преломи голодному хлѣбъ твой, и несчастныхъ скитальцевъ введи въ домъ твой; когда увидишь нагаго— одѣнь его и отъ единоплеменника твоего не отворачивайся. Тогда воззовешь и—Иегова услышитъ; подашь голосъ и—Онъ отвѣтитъ тебѣ“ (Исаи 58, 3. 4. 6. 9). Въ новомъ завѣтѣ Господь нашъ Иисусъ Христосъ также не разъ и не два сильно укорялъ и порицалъ современныхъ Ему фарисеевъ за то, что они все дѣло благоугожденія Богу сводили къ исполненію однихъ лишь религиозныхъ обрядовъ и церемоній, и всѣмъ вообще послѣдователямъ своимъ говорили: *не всякъ глаголюй Ми: Господи, Господи* (т. е. не всякій вѣрующій въ Меня и призывающій Меня), *внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесехъ* (Матѣ. 7, 21).

Боюсь, братіе мои, какъ-бы и намъ не подвергнуться осужденію предъ Богомъ за наше наружное благочестіе; боюсь, какъ-бы и намъ не сказалъ всеправедный Судія на страшномъ судѣ Своемъ: *отгидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе, николиже знахъ васъ* (Матѣ. 7, 23). Вы никогда не были Моими въ собственномъ смыслѣ слова, никогда не принадлежали мнѣ всецѣло. Хотя и нарицались вы Моимъ именемъ, и призывали Меня въ своихъ молитвахъ, и посѣщали Мои храмы, и возвѣщали своими устами хвалу мнѣ, и носили своими руками и цѣловали своими устами Мои изображенія, а также изображенія Моей Пречистой Матери и святыхъ угодниковъ Моихъ; но сердце ваше далече отстояло отъ Меня и жизнь ваша вовсе не походила на жизнь истинныхъ Моихъ учениковъ и послѣдователей: *отгидите отъ Мене, не вѣмъ васъ*. О, страшно, страшно, братіе, выслушать подобный приговоръ изъ устъ Судьи-Бога! А чтобы намъ не пришлось выслушать его, будемъ съ внѣшнимъ благочестіемъ соединять и внутреннее, т. е. не довольствуясь одними религиозными обрядами и церемоніями, будемъ вести и жизнь, во всемъ согласную съ духомъ и требованіями ученія Христова. Аминь.

(«Костром. Епарх. Вѣдом.» 1889 г. № 7).

14.

ПОУЧЕНИЕ

ВЪ ДЕНЬ 17-ГО ОКТЯБРЯ.

Мы празднуемъ нынѣ годовщину чудеснаго спасенія Благочестивѣйшаго Государя нашего и всего Его августѣйшаго Семейства отъ смертной опасности, при извѣстномъ желѣзнодорожномъ крушеніи Императорскаго поѣзда. Чудо милости Божіей, явленной тогда Государю Императору, а въ лицѣ Его и всей Державѣ Россійской, было столь поразительно, что произведенное имъ потрясеніе не улеглось доселѣ въ сердцахъ вѣрныхъ сыновъ Царя и отечества. Мы и теперь еще, едва не каждый день, читаемъ заявленія отъ многочисленныхъ городскихъ и сельскихъ обществъ о чувствахъ безпредѣльной радости и вѣрноподданнической преданности, возбужденныхъ этимъ событіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—извѣстія о разнообразныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ, которыми слѣшать во всѣхъ концахъ Россіи ознаменованъ и увѣковѣчить это великое и славное событіе. Святѣйшій Правительствующій Синодъ нашей церкви, раздѣляя съ своей стороны эти священныя чувства и благословляя ихъ, призналъ за благо—установить, въ 17-й день октября, ежегодное церковное празднованіе, въ молитвенное воспомяніе о семъ чудѣ, и въ благодареніе Господу за Его великую милость, явленную Россіи въ этотъ день, составилъ особое молебное пѣніе, которое мы услышимъ сегодня въ первый разъ.

Что же сказать вамъ, братіе мои, въ назиданіе по поводу настоящаго нашего празднества? Событіе, воспоминаемое нами, такъ многосодержательно и многознаменательно, что имѣющіе очи, чтобы видѣть, и смыслъ, чтобы разумѣть, могутъ сами извлечь изъ него для себя не мало назидательныхъ уроковъ: нашему-же слабому слову, въ настоящія минуты и на этомъ священномъ мѣстѣ—не высказать и десятой доли того, что напрашивается на мысль и тѣснится въ сердцахъ по поводу нынѣшняго празднества. Обратимъ развѣ вниманіе ваше на тѣ предпріятія и учрежденія, которыми народъ нашъ доселѣ старался и теперь еще старается ознаменованъ день и увѣковѣчить память спасенія

своего Царя, и сдѣлаемъ два-три замѣчанія по поводу этихъ предпріятій и учрежденій.

Какія это предпріятія и учрежденія?—Въ одномъ мѣстѣ—читаемъ мы—общество постановило написать икону, напоминающую о чудѣ, поставить ее въ церкви на видномъ мѣстѣ, либо въ залѣ городской думы, или въ волостномъ правленіи, и ежегодно служить предъ нею 17-го октября благодарный молебенъ. Въ другомъ мѣстѣ учредили крестный ходъ на городскую или сельскую площадь, для совершенія такого-же молебствія. Тамъ положили соорудить новую часовню въ память чуда; здѣсь рѣшили устроить новый придѣлъ въ мѣстной церкви, либо обновить старый иконостасъ; тамъ открыли церковно-приходскую школу, и т. п.

Отрадно, конечно, все это—и само по себѣ, какъ живое выраженіе любви народа къ своему Государю; отрадно и потому еще, что всѣ эти предпріятія и учрежденія, какъ видите, имѣютъ характеръ религіозно-церковный. Но нужно, братіе, и въ этомъ добромъ дѣлѣ соблюдать нѣкоторую осторожность и благоразсудительность. Нужно, во первыхъ, чтобы всѣ начинанія народа въ этомъ дѣлѣ вытекали именно изъ глубины сердець и зависѣли единственно отъ его доброй воли, а отнюдь не были возбуждаемы совнѣ. Нужно потомъ, чтобы порывы эти проходили чрезъ горнило трезвеннаго обсужденія и надлежащаго размышленія, а отнюдь не были дѣломъ минутнаго увлеченія, страстнаго соревнованія, слѣпотаго подражанія другимъ. Нужно, наконецъ, чтобы задуманное предпріятіе было строго соображаемо съ мѣстными духовными нуждами и имущественными средствами населенія. Полагаемъ, что всякому болѣе или менѣе понятно, для чего все это нужно. Вотъ, напр., крестьяне небогатаго сельскаго общества положили пріобрѣсть для своей церкви большой колоколъ, въ память чуда, а между тѣмъ и сами ничего основательно не знаютъ о своей вѣрѣ, и дѣтей своихъ не обучаютъ въ училищѣ. Скажите: не лучше-ли имъ, вмѣсто колокола, завести у себя церковно-приходскую школу? Колоколъ ничего существенно-полезнаго не принесетъ имъ, да для ихъ села особенно-большой колоколъ и не нуженъ, а школа все-же могла бы научить дѣтей ихъ и кое-чему истинно-доброму и полезному. Говорятъ: намъ школа не нужна, потому что вблизи отъ селенія есть другая, земская или министерская. Допустимъ, что не нужна: но въ такомъ случаѣ не лучше-ли на собранныя для колокола деньги построить

богадѣльню для престарѣлыхъ односельчанъ, пріютъ для безпріютныхъ, больницу и т. п.? Вотъ другой примѣръ. Представимъ, что извѣстное городское или сельское общество, подъ вліяніемъ убѣжденій со стороны одного или двухъ передовыхъ дѣятелей своихъ и въ чаду увлеченія чужими примѣрами, рѣшили выстроить часовню въ память событія 17-го октября, но не приняло при этомъ въ соображеніе скудости мѣстныхъ средствъ. Сколько произойдетъ въ этомъ обществѣ крайне неприятныхъ споровъ, взаимныхъ попрековъ и укоровъ, пока возведена будетъ затѣянная при такихъ условіяхъ постройка! И не будутъ ли унижаться всѣмъ этимъ самое дѣло, въ существѣ своемъ весьма доброе и похвальное? Не будутъ ли охлаждаться и то святое чувство, которымъ первоначально вызвано—по крайней мѣрѣ должно было быть вызвано—это дѣло? Но вотъ часовня, хотя и съ большимъ трудомъ окончена; спрашивается: кто-же станетъ потомъ поддерживать ее? кто возобновитъ ее, когда въ свое время она того потребуетъ?

Впрочемъ, не въ этомъ главное, что мы хотѣли сказать вамъ нынѣ по поводу различныхъ предпріятій и учрежденій, вызванныхъ воспоминаемымъ событіемъ. Мы хотѣли сказать, и по лежащему на насъ пастырскому долгу обязаны сказать, что всѣ вышеупомянутыя и всякія другія религіозно-патріотическія предпріятія и учрежденія наши тогда только будутъ достойны своего имени и вполне достигнутъ своей цѣли, когда и мы сами измѣнимся къ лучшему, — когда и сами станемъ, или по меньшей мѣрѣ будемъ стараться стать, истинно-религіозными, истинно-нравственными христіанами; безъ этого-же всѣ учрежденія и всякія предпріятія наши будутъ одними лишь безплодными словами, да бездушными вещами. Объяснимъ нашу мысль примѣрами.

Мы устроили, напр., новый придѣлъ въ храмѣ, или поставили въ немъ новый, богатый и красивый иконостасъ: но многіе изъ насъ по прежнему посѣщаютъ храмъ всего пять-шесть разъ въ годъ, да и то больше изъ приличія, отъ скуки и т. п., почему и держатъ себя въ храмѣ небрежно и разсѣянно, не внимая и не желая внимать совершаемымъ здѣсь священнодѣйствіямъ и возвѣщаемому ученію, занимаясь разговорами о вещахъ постороннихъ, пересмѣливаясь другъ съ другомъ и т. д. Другіе изъ насъ, подъ разными ничтожными предлогами, почти и совсѣмъ не ходятъ въ церковь; лѣтъ по 10-ти не бываютъ у исповѣди и св. Причастія; изъ жалкаго тщеславія и грубаго самолюбія ве-

дутъ неустанную борьбу съ своими духовными пастырями, подыскиваются подъ нихъ, клеветаютъ на нихъ, издѣваются надъ ними, судятся и тянутся съ ними. Что-же, какая нравственная польза намъ отъ того, что мы расширили и украсили свой приходской храмъ, если все въ насъ и вокругъ насъ будетъ идти по прежнему? Большой колоколъ будетъ звать насъ ко всенощной, а мы будемъ собираться къ пріятелю на званный вечеръ, или же въ циркъ, въ клубъ, а кто—и въ кабакъ! Колоколъ будетъ звать насъ къ литургіи, а мы будемъ спать крѣпкимъ сномъ, или же опохмѣляться послѣ безсонной и невоздержно-проведенной ночи! Въ обновленномъ нами храмѣ духовенство съ нѣсколькими стариками и старухами будетъ молиться, каяться, приносить умиловительную жертву Богу о грѣхахъ своихъ и нашихъ, а мы въ тоже самое время будемъ сидѣть у себя въ лавкѣ и высчитывать барыши, или у пріятеля въ гостяхъ возсѣдать за карточнымъ столомъ, либо въ питейномъ заведеніи распѣвать срамныя пѣсни, сквернословить, браниться и т. п.

Вы соорудили дорогую икону, повѣсили предъ нею богатую лампаду и положили ежегодно, 17-го октября, совершать предъ нею молебенъ. Хорошо. Икона стоитъ, лампада горитъ, молебенъ ежегодно совершается; а вы, между тѣмъ, по прежнему не исполняете или крайне небрежно исполняете лежація на васъ обязанности, позволяете себѣ и другимъ злоупотребленія по службѣ, не стоите за истину, не любите правды, преслѣдуете исключительно свои личные интересы. Какая же, скажите, будетъ польза обществу отъ того, что вы соорудили икону и поставили предъ нею лампаду, если при этомъ вы не дадите еще себѣ слова и предъ Богомъ обѣта неуклонно, добросовѣстно и честно исполнять впредь всѣ свои обязанности? А какъ кстати было-бы намъ, братіе, дать себѣ въ нынѣшній день такое слово и изречь предъ Богомъ такой обѣтъ, если только мы не догадались сдѣлать сего прежде! Всѣмъ, конечно, извѣстно, въ чемъ состояло воспоминаемое нынѣ чудо: но отъ чего главнымъ образомъ произошло это страшное крушеніе поѣзда, какъ не отъ того самаго недуга нашего, о которомъ мы сейчасъ упомянули,—какъ не отъ того, что нѣкоторые приставленные къ желѣзнодорожной службѣ небрежно исполняли принятыя на себя обязанности, позволяли себѣ и другимъ различныя злоупотребленія, преслѣдовали одни только свои личные партійные интересы?

Еще примѣръ. Извѣстное крестьянское общество приговоромъ своимъ постановило—въ 17-й день октября не производить въ селеніи никакихъ работъ, а собираться въ храмъ Божій на молитву и служить благодарственный молебень. Прекрасно. Но что, если это общество, послѣ молитвы въ храмѣ, вздумаетъ праздновать этотъ день точно такъ же, какъ празднуютъ большую частію русскіе крестьяне и всѣ свои праздники? Какая кому будетъ польза отъ такого празднованія? Сколько, напротивъ, произойдетъ отъ него и нравственнаго, и матеріальнаго, и всякаго другаго вреда? Государь Императоръ, по поводу одного такого крестьянскаго приговора, изволилъ написать: „надѣюсь, что пьянства и разгула не будетъ“ *). Но кто поручится, что дѣйствительно не будетъ, когда нашъ крестьянинъ такъ жаденъ и падокъ на эту, всѣмъ извѣстную, одуряющую жидкость,—когда эта жидкость такъ соблазнительно выставляется ему всюду на показъ, когда въ неумѣренномъ ея употребленіи подають ему заразительный примѣръ и многіе, гораздо выше его стоящіе и болѣе его развитые люди, не исключая даже иногда (со скорбію говоримъ это) и его духовныхъ пастырей и учителей?

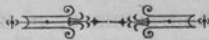
Вы открыли новую школу, или въ существовавшей уже школѣ учредили нѣсколько новыхъ стипендій, въ память событія 17-го октября. Казалось-бы, нечего и желать лучшаго. Но представимъ себѣ,—отъ чего да сохранить насъ Господь, но что все-таки не невозможно,—представимъ, говорю, что въ эту школу, въ образѣ учителей и разныхъ попечителей, забрались *волки тотые, не щадящіе стада* (Дѣян. 20, 29), которыхъ не мало еще бродитъ по лицу русской земли, часто и въ одеждѣ овчей. Что тогда будетъ съ этою несчастною школою? Допустимъ даже, что сами эти мнимые ревнители народнаго блага и не проберутся въ школу; но если проникнетъ сюда и понравится здѣсь кое-кому ихъ пагубное ученіе, глаголющее лжу на Бога, на Христа, на Церковь, на Царя,—на все, что есть у насъ завѣтнаго и святаго,—сколько и въ такомъ случаѣ принесетъ вреда эта школа!

Видите, братіе, что всѣ наши учрежденія въ память воспоминаемаго нынѣ событія весьма мало принесутъ существенной пользы обществу, а нѣкоторыя изъ нихъ могутъ нанести ему даже большой вредъ, если мы сами не будемъ впредь мыслить, чувствовать, жить и дѣйствовать, какъ заповѣдано и какъ по-

*) Церк. Вѣдом. 1889 г. № 5, стран. 44.

добаесть истиннымъ христіанамъ. Примемъ-же, возлюбленные, твердую рѣшимость, дадимъ нынѣ предъ лицомъ Всевѣдущаго и Всевиждащаго неложное обѣщаніе—быть отселѣ во всемъ истинными христіанами. Этимъ мы наилучше ознаменуемъ празднуемое нынѣ чудо милости Божіей. Аминь.

(«Костром. Епарх. Видом.» 1889 г. № 21).

15.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА

Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича.

Есть обычай—во дни тезоименитства извѣстныхъ лицъ подносить имъ разные подарки въ знакъ любви и уваженія къ нимъ. Сегодня—день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего. Какіе же дары принесемъ мы нынѣ, братіе, Державному нашему Имениннику, общему нашему Отцу и Благодѣтелю?

Принесемъ Ему первѣе всего нашу молитву за Него предъ Богомъ,—молитву искреннюю, горячую, которая, исходя отъ полноты любящаго сердца, яко еиміамъ возносилась-бы къ престолу Царя царствующихъ. О чемъ, въ частности, должна быть эта наша молитва за Него?—О Его здравіи и долгоденствіи, или о сохраненіи Его драгоценной жизни на многая лѣта; затѣмъ—о благополучности Ему во всѣхъ Его дѣйствіяхъ и начинаніяхъ, клонящихся ко благу и счастію управляемыхъ Имъ народовъ; наконецъ, вообще—о дарованіи Ему свыше всѣхъ силъ и средствъ къ полезному и непреткновенному прохожденію Его великаго служенія. Да, братіе, и царское званіе—*служеніе* (Рим. 13, 4), служеніе Богу и людямъ,—и какъ притомъ высоки обязанности этого служенія, какъ велики трудности и опасности его, какъ

страшна отвѣтственность за него—и предъ судомъ человѣческимъ, и еще болѣе предъ судомъ Божиимъ! Если кому, то именно Царю, и особенно Царю такого великаго и славнаго царства, какъ наше, нужно имѣть всѣ силы и способности человѣскія на высшей степени развитія. Мало того: для вполне успѣшнаго прохожденія многотруднаго царскаго служенія, православному Царю нашему потребны еще многія силы и дарованія особенныя, благодатныя... Откуда же взять Ему, хоть и избранному и вознесенному отъ людей, столько силъ, способностей, дарованій, не просто только человѣческихъ, но и вышечеловѣческихъ? Ихъ можно получить только отъ Бога, Источника и Подателя всего, а испрашиваются онѣ отъ Бога молитвою,—молитвою не только Самаго Царя, но и управляемаго Имъ народа. Вотъ почему, между прочимъ, молитва за Царя есть одна изъ самыхъ первыхъ обязанностей Его вѣрноподанныхъ... Усугубимъ же нынѣ, братіе, наши обычныя моленія за возлюбленнѣйшаго тезоименитаго нынѣ Монарха нашего.

Другимъ приношеніемъ нынѣ отъ насъ августѣйшему нашему Отцу пусть будетъ наша твердая рѣшимость—честно и добросовѣстно исполнять всѣ наши обязанности, какія возлагаетъ на каждаго изъ насъ его званіе, состояніе и положеніе въ обществѣ. Такимъ только исполненіемъ нашихъ обязанностей мы и можемъ помочь Ему въ Его многотрудномъ дѣлѣ, составляющемъ первую заботу Его сердца,—въ дѣлѣ созиданія и упроченія блага и счастья любезнаго отечества нашего. Нужно-ли доказывать эту истину? Трудно-ли и безъ доказательствъ понять, что всѣ самыя благія намѣренія сердца Царева о людехъ своихъ только тогда и могутъ достигать своей цѣли и приносить плоды по роду своему, когда мы, поданные, съ своей стороны, будемъ точно и неуклонно выполнять всѣ лежація на насъ обязанности? Но, быть можетъ, кто-либо подумаетъ, что сказанное нами сейчасъ объ исполненіи обязанностей относится лишь къ лицамъ высокопоставленнымъ и облеченнымъ властію,—къ людямъ же, стоящимъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, простымъ и невластнымъ, не имѣетъ никакого приложенія. Нѣтъ, братіе,—ко всѣмъ, рѣшительно ко всѣмъ намъ имѣетъ приложеніе—то, что мы сказали. Апостоль Павелъ уподобляетъ христіанское общество стройному организму тѣлесному, въ которомъ много членовъ, но всѣ они вмѣстѣ составляютъ одно тѣло,—въ которомъ если страдаетъ одинъ членъ, то съ нимъ страда-

ютъ и всѣ,—въ которомъ, поэтому, не можетъ глазъ сказать рукъ: ты мнѣ не надобна, или голова ногамъ: вы мнѣ не нужны (1 Кор. 12, 12—26). По мысли апостола, между разными званіями, сословіями, классами и отдѣльными лицами въ обществѣ—такая связь, что всѣ они, какъ-бы какое ни казалось незначительнымъ, всѣ равно важны и необходимы для блага цѣлаго общества. Продолжимъ теперь далѣе сравненіе апостольское. Когда тѣло бываетъ вполнѣ здорово? Только тогда, когда всѣ члены, всѣ органы его надлежащимъ образомъ исполняютъ свое назначеніе. Не такъ-ли и въ обществѣ гражданскомъ? И не отъ того-ли главнымъ образомъ здѣсь несправедливости, насилія, угнетенія, хищенія и многія другія общественныя раны и язвы,—не отъ того-ли, говоримъ, все это въ обществѣ, что въ немъ далеко не всѣ и не всегда серьезно думаютъ и заботятся о добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей?... То правда, конечно, что чѣмъ выше положеніе въ обществѣ, тѣмъ болѣе лицамъ, находящимся въ этомъ положеніи, открыто простора, дано возможности и средствъ дѣйствовать, такъ или иначе, ко благу, или вреду общества. Но не надо забывать и того, что всякая высшая власть, всякое высшее учрежденіе въ своей дѣятельности опираются на непосредственно за ними слѣдующей низшей власти, низшемъ учрежденіи; это учрежденіе—въ свою очередь—на слѣдующемъ за нимъ низшемъ и т. д., пока дѣло дойдетъ не только до самой низшей власти, до самаго низшаго правительственнаго учрежденія, но и до простаго, никакою властію не облеченнаго, земледѣльца, работника, поденщика.

Есть обычай—дни, по чему-либо для насъ замѣчательные, ознаменовывать какимъ-нибудь особеннымъ добрымъ дѣломъ, по преимуществу дѣломъ христіанскаго милосердія и благотворительности. Какимъ же добрымъ дѣломъ ознаменуемъ мы нынѣшній день, дорогой и замѣчательный не только для насъ, но и для всей Россіи православной? Вокругъ насъ столько горя и нищеты, столько слезъ и просьбъ, столько вопіющихъ нуждъ и неудовлетворенныхъ потребностей—и частныхъ и общественныхъ, и матеріальныхъ и нравственныхъ, что добрая христіанская душа и безъ нашихъ указаній во всякое время легко найдетъ себѣ предметъ и откроетъ путь для самой широкой благотворительной дѣятельности. А если нужны кому наши указанія, я могу напомнить любви вашей въ настоящую пору о страшномъ бѣдствіи, недавно еще постигшемъ два города и нѣсколько селеній бого-

спасаемой паствы нашей. Сколько людей осталось теперь тамъ безъ крова, безъ хлѣба, безъ одежды! Сколько между ними такихъ, которые въ пламени пожара потеряли все свое достояніе и теперь не имѣютъ никакихъ силъ и средствъ возстановить потерянное, возвратить погибшее! Ознаменуемъ же нынѣшній, радостный для насъ день щедрою помощію этимъ несчастнымъ страдалцамъ,—и это пусть будетъ отъ насъ сегодня третьимъ приношеніемъ Державному Имениннику нашему. Его сердцу близки и дороги всѣ его вѣрноподаанные, какъ близки и дороги сердцу отца,—и когда Онъ узнаетъ о нашихъ дарахъ и жертвахъ въ пользу погорѣльцевъ, Онъ, безъ сомнѣнія, воззрѣтъ на нихъ, какъ на поднесенные лично Ему Самому.—Впрочемъ, хотя-бы о пожертвованіяхъ нашихъ, къ которымъ приглашаемъ васъ, и не дошло до слуха Царева, все равно ихъ увидитъ и никогда о нихъ не забудетъ всевидящій и всезнающій Царь небесный, Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, по увѣренію котораго не лишится мзды своей даже тотъ, кто во имя Его напоитъ вѣрующаго въ Него одною чашею холодной воды (Марк. 9, 41). Аминь.

(«Костромскія Епарх. Вѣдом.» 1890 г. № 18).

16.

ПОУЧЕНІЕ

ВОСПИТАНИЦАМЪ КОСТРОМСКОЙ ЖЕН. ГИМН. ПРИ
СЛУЖЕНІИ ВЪ ЦЕРКВИ СЕЙ ГИМН., 23-го НОЯБРЯ:

Приглашенный въ нынѣшній день помолиться вмѣстѣ съ вами и принести въ вашемъ храмѣ безкровную жертву о нашемъ общемъ спасеніи, что скажу я въ назиданіе вамъ, юныя питомицы сего учебнаго заведенія? А сказать—нужно: во-первыхъ, это мой долгъ, какъ вашего архипастыря, а потомъ... мы такъ рѣдко видимся, что мнѣ было-бы жаль не воспользоваться настоящимъ удобнымъ случаемъ для бесѣды съ вами.

Итакъ, что же сказать вамъ?—Скажу не свое слово, а пришедшее мнѣ на мысль слово св. апостола Павла, которое написалъ онъ нѣкогда въ одномъ изъ писемъ, или посланій своихъ, къ ученику своему Тимофею. Вотъ это слово: *упражняй себя въ благочестіи*,—писалъ апостоль: *ибо тѣлесное упражненіе мало полезно, а благочестіе на все полезно, какъ имѣющее обитованіе жизни настоящей и будущей* (1 Тим. 4, 7, 8). Упражняйте себя въ благочестіи и вы, любезныя отроковицы и дѣвы; оно полезно, оно пригодится, скажу болѣе—оно необходимо вамъ и для сей жизни и для будущей, загробной; тѣлесное же упражненіе, вродѣ танцевъ, напимѣръ, мало полезно, если только не вредно.

Что же значить упражнять себя въ благочестіи?—По отношенію къ вамъ это значить, первѣе всего, тщательно изучать такъ называемый у васъ Законъ Божій, чтобы познать, насколько возможно, Господа Бога нашего и Его св. волю о насъ. Говоря частнѣе и полнѣе:—чтобы познать, кто и каковъ нашъ Творецъ, Промыслитель и Искушитель,—для чего Онъ создалъ насъ и ввелъ въ жизнь сію, а потомъ, когда мы отпали отъ Него, опять обратилъ къ Себѣ, воссоздавъ и возродивъ насъ во Христѣ Иисусѣ;—чтобы, познавъ, какая послѣдняя цѣль нашего созданія и воссозданія, познать и то, какъ намъ нужно жить и дѣйствовать для достиженія этой цѣли, во что и какъ нужно вѣровать, къ чему стремиться, чего отвращаться;—чтобы познать, какъ намъ относиться къ своему Творцу и Избавителю, къ самимъ себѣ и окружающимъ насъ людямъ;—чтобы познать, наконецъ, чего ожидать намъ, на что надѣяться намъ за предѣлами настоящей жизни, по смерти. Ничего этого люди не знали и никогда не могли-бы узнать сами по себѣ, если-бы Самъ Господь Богъ не благоволилъ открыть имъ все это въ Своемъ божественномъ словѣ, или откровеніи,—если-бы не изволилъ, наконецъ, въ заранѣе определенное время, возглаголатъ къ нимъ обо всемъ этомъ въ Своемъ Единородномъ Сынѣ (Евр. 1, 2). На основаніи этого откровенія мы и проповѣдуемъ вамъ, и въ храмахъ и въ школахъ, о Богѣ и Его отношеніи къ человѣку, и о человѣкѣ и его отношеніи къ Богу; на основаніи этого откровенія и учатъ васъ здѣсь Закону Божію, стараясь, повозможности, сказать вамъ *вою волю Божію* (Дѣян. 20, 27).

Упражнять себя въ благочестіи значить, далѣе, ежедневно, въ опредѣленные часы, молиться Богу, а въ нѣкоторые нарочитые дни приходить для сего въ храмы Божіи,—преимущественно

же въ этотъ храмъ, для васъ собственно и устроенный, въ которомъ вы можете принимать живое участіе въ богослуженіи своимъ пѣніемъ и чтеніемъ. Упражнять себя въ благочестіи значитъ еще—соблюдать посты, установленные св. Церковію,—ежегодно, по крайней мѣрѣ одинъ разъ, очищать свою совѣсть покаяніемъ и исповѣдью предъ отцемъ духовнымъ, а затѣмъ сподобляться и пріискренняго общенія и единенія со Христомъ Спасителемъ въ таинствѣ причащенія. Упражнять себя въ благочестіи значитъ, наконецъ, воспитывать и развивать въ себѣ чувство уваженія, благорасположенія и любви ко всѣмъ людямъ, а въ своемъ собственномъ сердцѣ подавлять и умерщвлять всѣ дурныя наклонности, всѣ грубо-себялюбивыя стремленія и влеченія, какъ-то: тщеславіе, упрямство, своеволіе, живость, лѣтность, любовь къ щегольству и роскоши, желаніе всѣмъ нравиться, всюду выставлять себя на показъ и т. п.

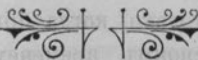
Знаю, возлюбленные, что вы упражняетесь здѣсь въ благочестіи,—по крайней мѣрѣ васъ упражняютъ въ немъ ваши начальники и воспитатели. Вы, конечно, изучаете Законъ Божій, молитесь ежедневно, ходите въ церковь,—вотъ мы видѣли и слышали васъ сегодня даже поющими на клиросѣ. Прекрасно и утѣшительно все это! Дѣлайте это и впредь, только мы желаемъ при этомъ и просимъ отъ васъ еще вотъ чего: вопервыхъ, дѣлайте не одно это, но и всѣ другія указанная нами выше дѣла, дѣла благочестія христіанскаго, ибо одного этого мало. Во вторыхъ, всемѣрно старайтесь не давать воли своимъ грѣховнымъ стремленіямъ и влеченіямъ, противнымъ духу благочестія. А они есть, непремѣнно есть, въ каждомъ изъ насъ и даютъ знать о себѣ съ самаго ранняго возраста. Исторгайте же ихъ отъ сердца вашихъ, пока они не пустили еще въ нихъ слишкомъ глубоко своихъ корней. Въ третьихъ, дѣлайте все это—всѣ доступныя вамъ дѣла благочестія—не по приказу только и для виду, но и по своей доброй волѣ, по внутреннему сердечному расположенію къ симъ дѣламъ, а первѣе всего—по любви къ Богу, ради Котораго и во имя Котораго они и должны совершаться. Законъ Божій, напр., изучайте не для балла только и экзамена, но изъ любви къ истинѣ Божіей, изъ желанія просвѣтиться ею. Въ церковь ходите не тогда только, когда прикажутъ, но и когда вы свободно располагаете своимъ временемъ, и опять — не тогда только, когда хочется пойти, но и тогда, когда не хочется. Посты соблюдайте, хотя-бы другіе вокругъ васъ и не соблюдали ихъ и

даже смѣялись надъ вами за это. Въ страстную седмицу, когда вы надолго освобождаетесь отъ обычныхъ своихъ занятій, не только ходите въ церковь ко всѣмъ богослуженіямъ, но и говѣйте непременно, приступайте къ таинству покаянія и приобщайтесь св. тѣла и крови Христовой во оставленіе грѣховъ своихъ и въ жизнь вѣчную. Въмѣсто того, чтобъ идти подь праздникъ въ гости, или на гулянье, на катанье и т. п., пойдите лучше въ церковь къ вечерни, или ко всенощной. Въмѣсто того, чтобы украдкой читать романъ, разстраивающій воображеніе и возбуждающій чувственность, достаньте и прочитайте книгу религиозно-нравственнаго содержанія. Въмѣсто того, чтобы тратить лишній рубль на лакомства, или на модную ленту, отдайте его, ради Христа, бѣдному—на хлѣбъ насущный. Такими и другими подобными дѣйствіями вы поистинѣ будете упражнять себя въ благочестіи.

Для полноты слова мнѣ слѣдовало-бы теперь объяснить вамъ, почему же именно нужно упражнять себя въ благочестіи, и когда, и какъ, и чѣмъ оно бываетъ полезно въ жизни; потому что не даромъ же говоритъ апостоль, что оно имѣетъ *опытованіе жизни настоящей и будущей*. Но вы еще такъ юны возрастомъ и такъ мало знакомы съ жизнію, что я затрудняюсь говорить съ вами объ этомъ,—тѣмъ паче, что и говорить-то пришлось-бы слишкомъ много и долго. Скажу, поэтому, кратко (и прошу запомнить это твердо, навсегда), что только благочестивая христіанка, съ юныхъ лѣтъ упражнявшаяся въ благочестіи, сдѣлавшая его потребностію своей души и сердца и, такъ сказать, обратившая его въ свою плоть и кровь,—только такая христіанка и можетъ быть истинно-честною и полезною гражданкою, доброю и вѣрною супругою, истинно-нѣжною матерью и несомнѣнною наследницею царства небснаго.

Сердечно желаю всѣмъ вамъ быть такими христіанками и молю Господа, да поможетъ вамъ сдѣлаться такими!

(«Костромскія Епарх. Вѣдом.» 1890 г. № 24).

III. БЕСЪДЫ.

1.

БЕСЪДА

священника съ прихожаниномъ - простолудиномъ,
у котораго пропали деньги.

— Что такъ грустенъ, такъ печалень, другъ мой?

— Ахъ, батюшка! Думаю, вы уже слышали про несчастье мое горькое... Да, обидѣлъ меня лукавый человѣкъ... наказалъ меня Господь милосердый. Что я буду дѣлать,—самъ не знаю: вотъ ужъ третій день никакъ не могу и за работу приняться.

— Перестань горевать, успокойся, другъ мой! Такія-ли еще несчастія бывають въ жизни! Посмотри вокругъ себя: иной бьется, бьется, какъ рыба объ ледъ, всю жизнь бьется, да и на похороны себѣ не оставитъ. Другой нажилъ было немного, а тутъ скотина вдругъ вся пала, въ добавокъ къ горю—пожаръ... да и остался опять только въ рубашкѣ. Старшій сынъ подросъ, взялся за работу: „слава Богу! думаетъ старикъ, помощи дождался, есть кому пріютить и успокоить мою сѣдую голову, мои старыя кости“; а тутъ гляди—сынъ умираетъ, и остался дряхлый старикъ опять одинокимъ бѣднякомъ. Иной... да что и говорить? Мало-ли есть такихъ случаевъ? Мало-ли на свѣтѣ несчастій и несчастныхъ? А у тебя еще—слава Богу. Пропали деньги: ну чтожь? Самъ ты еще молодъ и здоровъ: хозяйка твоя—тоже женщина работающая; дѣтокъ у васъ не много; рабочаго

скота довольно; хлѣба и въ полѣ и въ домѣ, можно сказать, въ избыткѣ: чего же еще? Черезъ годъ, а много—черезъ два, ты съ избыткомъ воротить то, что теперь потерялъ, а о настоящемъ горѣ и думать забудешь.

— Охъ, нѣтъ, батюшка! Воротить-то пропавшія деньжонки, я, Господь дастъ, быть можетъ, и ворочу, но горя настоящаго пока умру не забуду. Ну, наживу я, примѣрно, опять деньги; пусть ихъ будетъ столько, сколько теперь пропало, пусть даже— вдвое или втрое больше: все же это будетъ уже не тѣ деньги,— все-таки будешь по временамъ думать, да вздыхать: „что-моль, еслибъ къ этимъ да еще тѣ, что тогда пропали? вотъ сколько было-бъ ихъ теперь“!

— Грѣшно такъ разсуждать, мой любезный! Вотъ въ этомъ-то и горе наше, въ томъ-то и вся бѣда наша, что мы такъ разсуждаемъ; за подобныя мысли и разсужденія Господь и наказываетъ насъ.

— За что, батюшка, за что? Расскажите ради Бога: вотъ я все думаю себѣ: за что это Господь милосердый такъ наказалъ меня? Думаю, думаю, да никакъ я въ толкъ не приберу себѣ.

— Много есть невѣдомыхъ и вѣдомыхъ намъ причинъ тому, почему Господь посѣщаетъ человѣка несчастіями. А почему Онъ онъ отнимаетъ у насъ иногда богатство,—причиною этому всегда почти бываетъ то, что мы пользуемся своимъ богатствомъ совсѣмъ не по-христіански, не такъ, какъ велитъ Богъ, какъ требуетъ Его св. законъ.

— Какъ же это такъ, батюшка? Я что-то не разумѣю рѣчей вашихъ.

— А вотъ какъ,—слушай, я расскажу тебѣ. Думаю, ты знаешь, что всѣ мы на землѣ не вѣчны,—что всѣ мы здѣсь странники и пришельцы. Семьдесятъ, много—восемьдесятъ и, отецъ-очень рѣдко, нѣсколько больше лѣтъ,—и каждый изъ насъ оставляетъ эту землю и—извѣстное дѣло, гдѣ дѣвается, куда отходить. Мы ежедневно исповѣдуемъ это, когда читаемъ на молитвѣ въ символѣ вѣры: „чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка“. Эта-то жизнь будущаго вѣка и есть собственно наша жизнь, къ которой мы призваны Богомъ. Настоящая наша жизнь есть только время и мѣсто приготовления къ этой будущей,—есть школа, гдѣ мы учимся, какъ намъ жить въ той жизни, —базаръ (по выраженію одного отца церкви), гдѣ мы продаемъ, покупаемъ,—вообще дѣлаемъ запасы, съ которыми намъ можно

было-бы безопасно явиться въ ту жизнь.—Теперь, если намъ дается богатство, то для того, чтобъ мы чрезъ него легче и удобнѣе приготовились къ жизни будущей, чтобъ мы изъ него сдѣлали запасы на тотъ свѣтъ. А запасаемся, приготовляемся мы на тотъ свѣтъ, когда употребляемъ свой достатокъ не только на себя и для себя, а и для другихъ: на содержаніе и украшеніе храмовъ Божіихъ, на призрѣніе, на помощь и утѣшеніе слабымъ, больнымъ, бѣднымъ и на другія богоугодныя дѣла. Тутъ-то мы, повидимому, дѣлая только другимъ добро, дѣлаемъ его, главнымъ образомъ, себѣ самимъ, своей душѣ. Все, рѣшительно все мы здѣсь покинемъ и все наше погибнетъ; мы не покинемъ только своей души и не погибнуть ея дѣла: онѣ пойдутъ вслѣдъ за душою на тотъ свѣтъ, и тамъ—или оправдаютъ или осудятъ ее навѣки, предъ престоломъ праведнаго Судіи.

Я сказалъ, что нужно употреблять богатство на храмы Божіи. Говорить-ли почему?—Очень просто: все, что мы имѣемъ— есть даръ Божій; мы такъ всегда и выражаемся: Господь далъ, Богъ послалъ и проч. Еслиже такъ, то посуди самъ: справедливо-ли взять у Господа Его добро, а Ему въ благодарность не дать ничего? Самъ Господь, конечно, не нуждается въ нашемъ добрѣ, да мы-то и дать Ему ничего не можемъ: все наше есть Его добро; но можетъ нуждаться въ поддержаніи и украшеніи Его св. домъ—церковь, и жертву, данную нами въ церковь, Господь принимаетъ какъ благодарную жертву, данную Ему Самому. Еще я сказалъ, что нужно употреблять нашъ достатокъ на призрѣніе разнаго рода несчастныхъ. Это опять объясняется очень просто. Господь даетъ Свои блага всѣмъ, кому только даетъ бытіе и жизнь: Онъ для того и сотворилъ міръ, чтобъ надѣлать созданія Своими благами. Человѣкъ на землѣ способнѣе всѣхъ другихъ существъ наслаждаться благами Божіими; онъ и любезнѣе и достойнѣе всѣхъ въ очахъ Божіихъ: когда потребовала того нужда, Господь не пощадилъ для спасенія человѣка даже крови Своего возлюбленнаго Сына... Такъ, говорю, Господь даетъ Свои блага всѣмъ людямъ (*сіяетъ солнце на благія и злыя, и дождитъ на праведныя и неправедныя*), только не въ одинаковой мѣрѣ (*овому пять талантъ, овому десять, овому одинъ*), такъ что поэтому на свѣтѣ неизбѣжно являются и богатые и бѣдные, и достаточные и недостаточные, наконецъ являются почти ничего неимущіе, нищіе. Почему такъ неравномѣрно Господь распредѣляетъ Свои блага между людьми, это—тайна Его божественной премудрости: мы

должны только вѣрить, что это дѣлаетъ Онъ для блага и счастья самихъ же людей. Почему знать? Можетъ быть иной ограбилъ бы полсвѣта, надѣлалъ бы множество зла другимъ и навѣки погубилъ свою душу, еслибъ ему дано было богатство, — и вотъ Господь, зная это напередъ, опредѣлилъ ему жить въ бѣдности. Другой, можетъ быть, пустился бы на разбой, воровство, грабительство и тоже навѣки погубилъ свою душу, еслибъ не имѣлъ во всемъ довольства, и потому Господь даетъ ему достатокъ. Какъ бы то ни было, только Господь хочетъ, чтобы болѣе достаточные помогали менѣе достаточнымъ, менѣе достаточные—ничего не имущимъ, богатые—всѣмъ вообще и бѣднымъ въ особенности. Черезъ это (по выраженію одного отца церкви) Господь хочетъ богатыхъ научить сострадательности, человѣколюбію, милосердію, а бѣдныхъ—смиренію, покорности, терпѣнію,—такимъ добродѣтелямъ, безъ которыхъ нельзя человѣку спасти свою душу. Итакъ Онъ собственно только одного и хочетъ отъ насъ — чтобъ всѣ спаслись, одни такимъ родомъ, другіе—инымъ и еще инымъ. Богатые, такимъ образомъ, суть только старшіе братья, только приставники и распорядители въ великой экономіи Божіей, они должны смотрѣть и озаботиться, чтобъ въ семьѣ Божіей, которую составляютъ всѣ люди, по-возможности всѣмъ дѣтямъ Божіимъ было хорошо;—и Господь на страшномъ судѣ потребуетъ отъ нихъ отчета, какъ они управляли Его имуществомъ, какъ распоряжались Его благами. Такъ вотъ для чего дается намъ богатство, вотъ на что нужно употреблять его, вотъ какъ нужно пользоваться имъ!

Теперь подумай, любезный братъ, да скажи, много-ли людей на свѣтѣ, которые бы пользовались своимъ богатствомъ какъ слѣдуетъ, которые бы смотрѣли на него и пользовались имъ такъ, какъ я вотъ сейчасъ рассказала тебѣ. И вотъ, когда Господь видитъ, что человѣкъ не дѣлетъ изъ своего достатка никакого запаса для жизни будущей, словно онъ здѣсь вѣченъ и ему никогда не придется умереть,—что онъ пользуется даромъ Божіимъ, какъ своею собственностью, не думая ни о Богѣ, ни о ближнихъ своихъ, словомъ—ни о комъ и ни о чемъ, кромѣ своихъ денегъ и своей тѣлесной жизни,—когда, говорю, Господь видитъ это, то и попускаетъ вора или несчастіе какое, и отнимаетъ у неблагодарнаго свой даръ. Сокровище въ рукахъ такого человѣка—и ему самому приносить вредъ, и другимъ не даетъ никакой пользы: на чтожъ оно ему? развѣ на погибель его душѣ?! Отнимая у такого человѣка богатство, Господь Богъ отрываетъ черезъ это его сердце

отъ сокровища, къ которому оно всецѣло привязалось и которое однакожь далеко не стоитъ того, — разбиваетъ идола, которому человѣкъ служить вмѣсто Бога на погибель себѣ, — отрѣшаетъ его умъ и мысль отъ земли и времени и возводитъ къ небу и вѣчности, — напоминаетъ ему о Самомъ Себѣ, о его душѣ, о ея призваніи и назначеніи. Какъ видишь, Господь, въ этомъ случаѣ, попуская на человѣка по-видимому зло, только дѣлаетъ ему добро, такъ что, говоря строго, здѣсь нѣтъ и наказанія Божія, нѣтъ и несчастія, какъ мы привыкли выражаться обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ; здѣсь только отеческая мѣра любви Божіей, желающей намъ счастья и спасенія. Скажу приблизительно. Положимъ ты отдалъ своему сыну извѣстную часть своего хозяйства, чтобъ испытать, что изъ него выйдетъ, чтобъ поучить его уму-разуму, какъ надо въ свѣтѣ жить. Отдавая имѣніе, ты далъ ему наставленіе, на что онъ долженъ употреблять его, что съ нимъ дѣлать и чего не дѣлать. Смотришь потомъ, а сынъ твой, вмѣсто того, чтобъ послушаться тебя, только пьянствуетъ, мотаешь, да распутствуетъ; ты ему замѣчаешь нѣсколько разъ, что плохо такъ дѣлать, что нужно такъ и такъ, а онъ и знать тебя не хочетъ, — говоритъ: «не твое дѣло, батюшка, мѣшаться; я самъ знаю, что дѣлаю; это мое, а не твое» и под. Скажи, пожалуй, не постарался бы ты возвратить отъ него данную ему часть, чтобы удержать его отъ мотовства? И кто благоразумный такой твой поступокъ съ избалованнымъ сыномъ назвалъ бы съ твоей стороны наказаніемъ сына, а для самого сына — несчастіемъ? Не напротивъ ли, не это ли было бы съ твоей стороны наказаніемъ сына, а для него несчастіемъ, еслибъ ты не ограничилъ его въ употребленіи данной ему части, а оставилъ его свободно жить по прежнему? Вотъ такъ же разсуждай и о нашихъ, такъ называемыхъ, наказаніяхъ Божіихъ и несчастіяхъ, подобныхъ твоему настоящему. Мы только не замѣчаемъ, или, лучше, не хотимъ замѣчать, куда мы несемъ часто съ своимъ богатствомъ, что мы замышляемъ иногда въ сердцѣ, какъ мы бываемъ горды и самонадѣянны, какъ невнимательны и непослушны къ отеческимъ предостереженіямъ и наставленіямъ нашего Господа, которыя каждодневно слышимъ, то въ своей совѣсти, то въ евангеліи, то въ судьбѣ нашихъ ближнихъ, — и Богъ знаетъ, что вышло бы иногда изъ насъ, если бы десница Божія не отняла у насъ и не разбила въ прахъ нашего идола!...

Если сказанное мною приложишь къ себѣ самому, т. е. размотришь внимательно, какъ ты пользовался своимъ достаткомъ; то можетъ быть и ты найдешь за собою что нибудь, за что Господь попустилъ тебѣ потерпѣть настоящее лишеніе, или, какъ ты выражаешься, за что Господь милосердый наказалъ тебя. По крайней мѣрѣ, изъ твоихъ послѣднихъ словъ я вижу, что твое сердце не свободно отъ пристрастія къ деньгамъ: помнишь, ты сказалъ, что хоть-бы нажилъ вдвое и втрое больше противъ того, сколько украдено теперь,—все-таки будешь жалѣть да вздыхать о пропавшемъ, а это—какъ хочешь—а не по-христіански.

— Такъ, батюшка, дѣйствительно такъ. Нечего грѣха таить: не по настоящему, не по-христіански я пользовался своимъ достаткомъ; скупъ я былъ, окаянный, больно скупъ, а научила меня скупости покойница-матушка, прости ей Господи! Призвала, видите-ли, она меня предъ смертью, да и говорить: «возьми, говоритъ, сынокъ, то, что я накопила за жизнь свою. Ты теперь, слава Богу, имѣешь и свое порядочное состояніе; возьми-жъ еще эти деньжонки, да береги ихъ про черный день. Не объявляй о нихъ никому, даже женѣ своей; спрячь ихъ какъ можно секретнѣе, какъ можно дальше и крѣпче, да смотри, ни за что не начинай ихъ. Какія бы тамъ ни были нужды и расходы по хозяйству, старайся покрывать ихъ своими, а этихъ не трогай; «кто скупъ, тотъ не глупъ», говоритъ пословица,—и много говорила она мнѣ, все въ этомъ же родѣ, говорила пока и умерла.... Взять я у нея узелъ изъ-подъ подушки, пересчиталъ тайно деньги, да, не говоря никому ни слова, и скрылъ ихъ. Жена догадывалась, даже неразъ просила открыть ей тайну, но я рѣшительно запирался: нѣтъ, да и только, ничего, говорю, не дала покойница. И сталъ я жить, какъ завѣщала мнѣ старуха-мать. Люди идутъ въ церковь и берутъ копѣйку на свѣчу, другую—на молитвы за покойниковъ, третью—въ кошелекъ, а иногда берутъ и на молебень и проч.; я и въ церковь рѣдко, и иногда ни на что ни гроша. Придетъ, бывало, нищій за милостынею,—я всегда провожу его безъ ничего: Богъ дастъ—говорю—да и только. Много разъ просили у меня взаймы нѣкоторые изъ нашихъ же таки поселянъ; должно быть провѣдали какъ нибудь, что я получилъ отъ матери: тому нужны были рубля два на подушное, тому на поправку хозяйства, другому на свадьбу, тому на крестины, иному на похороны; въ ноги кланялись мнѣ; тотъ говорить: „вѣчно буду Бога молить за васъ“; другой: „черезъ не-

дѣлку отдамъ съ благодарностью“; иной: „седмицу цѣлую буду работать у васъ, что прикажете“ и проч.,—и я всѣмъ отказывалъ: нѣтъ у меня—твердилъ я всѣмъ и каждому, и страшно сердился на просителей. Такимъ манеромъ пришлось мнѣ воть третьяго дня понавѣдаться къ моимъ деньгамъ,—смотрю, а ихъ и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Я сюда-туда, обѣискалъ весь чердакъ (онѣ тамъ были скрыты),—нѣтъ, да и нѣтъ. Я къ женѣ: „ты взяла деньги“? а она и знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ; „у тебя-жъ, говоритъ, не было никакихъ денегъ, кромѣ тѣхъ, что въ хатѣ въ сундукѣ“. Я пригрозилъ ей, знаете, по своему,—она въ плачь, да божится, да заклиняется, что и не видѣла и не слышала. Я къ тещѣ,—та тоже самое, клянется, значить, что невиновата ни душою, ни тѣломъ. Вотъ тебѣ и разъ, думаю; берегъ про черный день; теперь-то тотъ и черный день, когда денегъ нѣтъ *).

— Да теперь самъ видишь, какъ премудро Господь наказалъ, или лучше вразумилъ тебя! Поговорка „беречь копейку про черный день“ значить только то, что не нужно употреблять денегъ на роскошь и разсыпать безъ толку, но совсѣмъ не то, чтобъ не давать ихъ никому, даже займы. Что касается до другой пословицы, которой научила тебя покойная мать, то, по-христіански разсуждая, ее слѣдовало бы перевернуть такъ: „кто скупъ, тотъ глупъ“. Въ самомъ дѣлѣ—не лучше-ли, не умнѣе-ли ты сдѣлалъ бы, еслибъ сталъ давать нуждающимся займы, какъ они просили тебя? И люди бы тебя любили и благословляли, да и твое не пропало бы. Не слѣдуетъ много думать о томъ, что иной не отдастъ. Вѣдь не напрасно же слово Божіе увѣряетъ, что кто даетъ, у того и будетъ и преизбудетъ, а кто скупится, тотъ и другимъ не принесетъ никакой пользы, и самъ никогда не насытится, не успокоится. Неблаго разумно и вообще прятаться съ деньгами. Господь даруетъ ихъ намъ, чтобы мы ихъ употребляли на пользу нашу и ближнихъ нашихъ, а мы прячемся съ ними, какъ съ чѣмъ-то уворованнымъ. Одинъ святой отецъ сказалъ, что еслибъ Богу было угодно, чтобъ золото было скрывается нами, то онъ не явилъ бы его и міру, такъ что оно вѣчно лежало бы въ землѣ и люди совсѣмъ бы не знали его употребленія. Въ высшей степени неблаго разумно такъ же скрываться

*) Последнее объясненіе прихожанина взято изъ дѣйствительнаго событія извѣстнаго пишущему эти строки.

съ деньгами мужу отъ жены. Вѣдь мужъ и жена должны жить одною жизнію, должны составлять какъ-бы одного человѣка; и я увѣренъ, что твои деньги не пропали-бы, еслибъ ты не крылся съ ними отъ жены. Съ нею легче и пріобрѣтать, и сохранять, и пользоваться пріобрѣтленнымъ: на то она—и помощница мужу. А то, вотъ видишь теперь, твоя скрытность заставила тебя обидѣть жену, обидѣть тещу, а это можетъ произвести у васъ семейный раздоръ, который и неприятнѣе и въ очахъ Божіихъ преступнѣе всякаго другаго раздора.

— Правда, батюшка, правда: глупо я дѣлалъ, а одно глупое дѣло, какъ я замѣтилъ, почти всегда приводитъ къ другому такому же.

— Не почти, а непременно всегда...

— Не буду уже такъ дѣлать.

— Да укрѣпите тебя Господь Богъ! Только не надѣйся много на самого себя. Врагъ еще долго не перестанетъ искушать тебя скупостію. Ты вотъ что сдѣлай: первѣе всего помирись съ женою и тещей, потомъ прости въ душѣ уворовавшаго у тебя деньги, да перестань и думать про нихъ. Когда врагъ станетъ искушать тебя,—молись Богу, да на-перекоръ врагу и давай просящимъ—однимъ займы, другимъ—нищимъ даромъ, ³Христа ради. Когда послѣ подачи тебя станетъ какъ будто жалко розданнаго, ты размышляй о томъ, что я вотъ недавно говорилъ тебѣ: что все это—не наше, а Божіе, что раньше или позже придется умереть и дать отвѣтъ праведному Судіи; что мы съ собою во гробъ ничего не возьмемъ, кромѣ дѣлъ своихъ и проч.

— Слушаю, батюшка! Спаси васъ Христосъ за доброе наставленіе!

— Ну, прощай! Да благословить тебя Господь Богъ!

(«Воскр. Читеніе» 1864 г. № 4).

2.

БЕСѢДА

къ простому народу о святыхъ исповѣдникахъ
и мученикахъ.

Много есть у насъ, братіе, праздниковъ въ честь св. мучениковъ и исповѣдниковъ. Въ эти праздники мы вспоминаемъ ихъ жизнь, прославляемъ и величаемъ ихъ подвиги и страданія и молимся имъ, чтобы они молили за насъ милостиваго Бога, чтобы они ходатайствовали о насъ предъ святымъ и страшнымъ Его престоломъ... Кто же были св. исповѣдники и мученики?

Исповѣдники—это св. мужи христіанскіе, безбоязненно и смѣло исповѣдавшіе свою вѣру во Христа, не смотря ни на какія насмѣшки, угрозы и запрещенія со стороны невѣрующихъ, и терпѣвшіе отъ нихъ много горя за свое исповѣданіе; а мученики—это тѣ св. мужи, которые не только исповѣдывали свою вѣру и терпѣли за это, но и самую жизнь свою положили за свое исповѣданіе, были убиты за Христа, замучены за Его вѣру.

Когда же и кто запрещалъ христіанамъ исповѣдывать свою вѣру? Когда, кто и какъ мучилъ ихъ за это исповѣданіе? Въ то время, какъ Иисусъ Христосъ принесъ съ неба Свое божественное ученіе и повелѣлъ Своимъ апостоламъ распространять вѣру въ Него и въ Его ученіе во всемъ мірѣ,—въ это время всѣ люди, по всему свѣту, или совсѣмъ не вѣрили ни въ какого бога, или же держались, такъ-называемой, вѣры *поганской, языческой*, т. е. считали за боговъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, воду, деревья и др. бездушныя вещи, и служили этимъ вещамъ, какъ истинному Богу. Одни только евреи держались еще вѣры въ единого, истиннаго Бога, Творца неба и земли, но они не увѣровали въ Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа, посланнаго къ намъ Отцемъ небеснымъ для нашего спасенія, Котораго они и распяли на крестѣ. Такъ вотъ, когда апостолы стали повсюду проповѣдывать вѣру христіанскую, вѣру во Христа распятаго и Его ученіе,—на нихъ возстали, противъ нихъ поднялись всѣ—и язычники и евреи, гнали ихъ, обижали, тѣснили ихъ на каждомъ шагу; били ихъ розгами, бросали въ нихъ камнями, сажали ихъ въ тюрьмы

и проч.; но апостолы Христовы какъ бы и не замѣчали ничего этого: чѣмъ больше ихъ гнали, тѣмъ сильнѣе и охотнѣе они проповѣдывали и исповѣдывали вѣру Христову—на улицахъ и площадяхъ городскихъ, въ тюрьмахъ, въ судахъ и расправахъ, днемъ и ночью, словомъ—всегда и вездѣ, гдѣ только было кому ихъ слушать. Только смерть могла заставить ихъ умолкнуть, и—ихъ насильно предавали смерти: тому отсѣкали голову мечемъ, того распинали на крестѣ, иного бросали съ высокаго строенія и разбивали о камень, и только одинъ изъ апостоловъ, св. Іоаннъ, умеръ своею смертію, а всѣ остальные были насильно умерщвлены, замучены. Такимъ образомъ, уже сами апостолы были первыми исповѣдниками и мучениками.

Но этимъ дѣло не кончилось. Преслѣдовавшіе св. апостоловъ думали, что со смертію ихъ умереть и та вѣра, которую они возвѣщали. Но не такова была эта вѣра: какъ принесенная съ неба Самимъ Богомъ и долженствовавшая спасти весь міръ, вѣра эта не могла умереть; она долженствовала жить, все больше и больше расти, все шире и далѣе распространяться, все крѣпче и тверже утверждаться. Потому-то не успѣли еще невѣры домучить апостоловъ, какъ возвѣщенная ими Христова вѣра и насажденная ими Христова церковь охватили уже собою почти весь тогдашній свѣтъ: въ каждомъ народѣ и въ каждомъ городѣ уже можно было найти хоть небольшое общество вѣрующихъ; а по смерти апостоловъ вѣрующіе умножались еще болѣе и болѣе. И вотъ, невѣрующій міръ снова поднимаетъ войну—противъ вѣры Христовой. На сторонѣ невѣровъ были цари и князи, мудрецы и ученые, знатные и богатые, и всѣ они рѣшились, во что-бы то ни стало, погубить вѣру Христову. Теперь-то и явились въ церкви Христовой многочисленные, какъ звѣзды небесныя, сонмы исповѣдниковъ и мучениковъ; что прежде терпѣли одни апостолы, то теперь выпало на долю почти каждого истиннаго христіанина. Соберутся, бывало, христіане гдѣ-нибудь подъ землею въ пещерѣ, чтобъ помолиться вмѣстѣ, утѣшить другъ друга въ горѣ и укрѣпить въ себѣ терпѣніе и надежду на милосердіе Божіе: долго и пламенно молятся и плачутъ они вмѣстѣ, вдругъ врывается въ подземелье отрядъ свирѣпаго войска, перевязываетъ всѣхъ христіанъ до одного, не разбирая ни мужчинъ, ни женщинъ, ни юношей, ни дѣвъ, ни дѣтей, ни старцевъ, и ведутъ всѣхъ ихъ, какъ овецъ незлобивыхъ, къ языческому начальству. Тутъ подвергаютъ ихъ допросамъ, ругаются, насмѣхаются надъ ними, бьютъ

тѣмъ и куда попало, а они только и знаютъ, только и говорятъ, что о своей вѣрѣ. Ихъ лишаютъ должностей, отнимаютъ у нихъ имущество, посылаютъ въ рудопони и каменоломни, бросаютъ въ душныя и мрачныя темницы, а они тѣмъ только и оправдываются, тѣмъ только и хвалятся, и утѣшаются, что они—христиане, что ихъ вѣра—истинная, а вѣра языческая—ложная, вредная, богомерзкая. Часто мучители, какъ-бы жалѣя мучить невинныхъ христианъ, общали имъ честь, славу, богатство, предлагали имъ первыя мѣста въ государствѣ, выгодные браки, особую милость царскую и т. п.; но святыя только посмѣивались надъ этими обѣщаніями и отвѣчали, что у нихъ одна честь, одно богатство, одна слава—Христось и Его св. вѣра. Когда, такимъ образомъ, ничѣмъ не успѣвали отвлечь ихъ отъ Христа къ своей вѣрѣ, тогда предавали казнямъ и мученіямъ, и, Боже мой, какія страшныя это были казни, какія ужасныя мученія! Св. мучениковъ рѣзали по кусочкамъ, вѣшали ногами вверхъ, морили на морозѣ, жарили на сковородахъ, отдавали на растерзаніе и снѣденіе лютымъ и голоднымъ звѣрямъ,—по и перечислить нельзя всего, что имъ дѣлали; а они, всецѣло проникнутые живою вѣрою въ Господа Иисуса Христа и пламенною любовію къ Нему, не только не страшились ничего этого, а еще съ радостію отдавались своимъ мучителямъ, шли на казни, какъ на торжество, преклоняли свои головы подъ мечи, какъ подъ вѣнки, или цвѣты какіе.

Если-бы время позволяло, я могъ-бы представить вамъ многочисленныя примѣры мучениковъ изъ всѣхъ званій, половъ, возрастовъ. Ибо въ числѣ мучениковъ были поселяне и ремесленники и купцы и, очень часто, воины и судіи,—были правители, начальники, лица царскаго роду, были церковно-служители, діаконы, священники, епископы; лицъ церковнаго званія было даже особенно много въ мученикахъ, потому что почти всѣ гоненія на вѣру, прежде всего и сильнѣе всего, обрушивались на нихъ, какъ на учителей вѣры, и притомъ они, во время гоненій, считали долгомъ первые отозваться на защиту вѣры, обличить мучителей, укрѣпить христианъ и утѣшить въ страданіяхъ. Были въ мученичествѣ мужья и жены, юноши и дѣвицы, даже малыя дѣти, были цѣлыя семейства. Чтобъ увеличить тяжесть мученій и поколебать твердость христианъ, мучители часто мучили мужей предъ глазами женъ, женъ предъ мужьями, родителей предъ глазами дѣтей и дѣтей предъ родителями. Но тутъ-то обнаруживалась

вся любовь мучениковъ ко Христу. Жены ободряли на страданіе мужей, родители радовались мученію дѣтей, зная, что чрезъ это дѣти ихъ достигнуть вѣнцевъ славы на небѣ; даже дѣти нерѣдко ободряли родителей на мученіе, боясь, чтобъ изъ жалости къ нимъ, остающимся сиротами, родители не захотѣли избѣгнуть преждевременной смерти измѣною вѣрѣ своей. Случалось и такъ, что въ семействѣ мужъ, отецъ, кто-либо изъ братьевъ были язычники, а жена, сынъ или дочь, прочіе братья и сестры были христіане. Тутъ-то, по предсказанію Спасителя, происходило то, что мужья возставали на женъ и мучили ихъ, родители терзали своихъ дѣтей, братья—братьевъ и сестеръ. Но и грозы и муки отъ своихъ кровныхъ не колебали христіанъ въ вѣрѣ, также какъ и мольбы, слезы самыхъ дотолѣ любимыхъ и дорогихъ сердцу ихъ лицъ, какъ-то: мужей, женъ, родителей и проч. Христа они любили больше отца, матери, дѣтей, братьевъ. Припомните тутъ, а не знающіе узнайте хоть житіе св. великомученицы Варвары, замученной своимъ отцемъ-язычникомъ. Были однакожъ примѣры, что нѣкоторые христіане не выдерживали мученій и соглашались на требованіе язычниковъ—почтить ихъ языческую вѣру, ихъ ложныхъ боговъ. Но такихъ христіанъ чуждались всѣ прочіе христіане, какъ отверженныхъ, погибшихъ. Невыносимо было это состояніе для несчастныхъ отступниковъ: они глубоко каялись, просили прощенія у христіанъ, у церкви и, большею частію, заглаждали свое отступничество мученичествомъ, на которое сами вызывались.

Что-же? достигли-ли гонители и мучители христіанъ того, чего хотѣли? истребили-ль они вѣру Христову? Не только не истребили, а еще укрѣпили и болѣе утвердили ее. Отъ Христа и апостоловъ, до св. царя Константина, въ теченіи почти 300 лѣтъ непрерывно давили и гнали вѣру Христову, и—будь она дѣломъ человѣческимъ, а не Божиимъ, она, конечно, не устояла бы противъ сильной еще тогда вѣры языческой. Но она—дѣло Божіе, за нее и ея послѣдователей—самъ Богъ, потому она не только не уступила старой вѣрѣ языческой, но и посрамила и совсѣмъ побѣдила ее. Какъ же это вышло такъ? Конечно, не безъ особенной помощи Божіей... Одна уже эта, ничѣмъ несокрушимая и непобѣдимая сила и твердость, какую давалъ Господь Своимъ исповѣдникамъ и мученикамъ, съ которою они не только не боялись никакихъ на свѣтѣ мукъ, а еще сами желали и искали ихъ,—одна эта уже, говорю, сила заставила людей призадумываться надъ

новою вѣрою и склоняться на ея сторону. Часто случалось, что лютейшіе гонители и мучители христіанъ, поражаясь ихъ мужествомъ и терпѣніемъ, вдругъ, какъ-бы противъ своей воли, сами дѣлались христіанами и становились мучениками за ту самую вѣру, за какую прежде мучили другихъ. Но Господь являлъ и другія, болѣе видимыя и поразительныя, знаменія и чудеса въ Своихъ мученикахъ и исповѣдникахъ. Изобъютъ бывало, напр., изувѣчать, оставлять чуть живымъ св. мученика и бросять до слѣдующаго утра въ подземную тюрьму. На другой день приводятъ его снова на судъ; но св. мученика и узнать нельзя; онъ здоровъ, бодръ, веселъ и смѣлъ, какъ прежде, какъ будто съ нимъ ничего и не бывало. Или: ведутъ св. мученика на костеръ и зажгутъ костеръ, вдругъ польетъ съ неба сильный дождь,—огонь потушенъ и мученикъ спасенъ. Еще: бросятъ мученика на снѣденіе лютымъ звѣрямъ, а звѣри, вмѣсто того, чтобъ растерзать его на куски или съѣсть живымъ, только оближутъ его раны, и онъ остается цѣлымъ и невредимымъ. Или еще: отрѣжутъ св. исповѣднику языкъ, чтобъ онъ пересталъ возвѣщать вѣру Христову; но Господь даетъ ему снова языкъ, и исповѣдникъ еще громче, еще охотнѣе и дерзновеннѣе исповѣдуетъ свою вѣру и возвѣщаетъ всѣмъ Христа, совершившаго надъ нимъ явное чудо. Много такихъ и подобныхъ чудесъ являлъ Господь въ Своихъ св. мученикахъ; но Онъ же видимо прославлялъ ихъ, чудодѣйствовалъ чрезъ нихъ и послѣ ихъ смерти. Сохранять, напр., христіане одежды св. мученика, какія онъ носилъ при жизни, или соберутъ кости, оставшіяся отъ него послѣ его смерти, и—этими священными останками исцѣляютъ больныхъ разными болѣзнями, часто исцѣляютъ даже того самаго мучителя, который замучилъ св. мученика. Понятно, какъ дѣйствовали всѣ эти чудеса на тѣхъ, кто видѣлъ ихъ, и—гонители христіанъ, если они не совсѣмъ еще были безчувственными и бессмысленными, сами принимали христіанскую вѣру. Такъ дивно Господь поддержалъ свою вѣру чрезъ то самое, чрезъ что невѣрующіе думали поколебать ее. Такъ, премудро распространилъ Онъ ее въ тѣхъ самыхъ душахъ, которыя рѣшились было уничтожить ее! Исполнялось, такимъ образомъ, древнее отеческое слово: „кровь мучениковъ есть сѣмя новыхъ христіанъ“. То, что апостолы посѣяли и насадили, т. е. Христову вѣру и Христову церковь, св. исповѣдники и мученики удобрили своимъ потомъ и кровію, и—вѣра и церковь послѣ этого начали возрастать еще скорѣе и быстрѣе и теперь

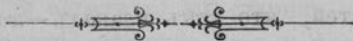
распространились почти по всему міру. По вѣрѣ въ такую силу мученической крови, древніе христіане любили строить храмы на гробахъ мученическихъ, вообще на мѣстахъ мученій ихъ. По этой же вѣрѣ и теперь на престолѣ всегда есть антиминсъ съ частицами мощей мучениковъ и вообще святыхъ.

Было-ли гоненіе на св. вѣру у насъ, на Руси, и были-ли у насъ св. мученики? Было, братіе мои, были и св. мученики. Первыми св. мучениками у насъ были два христіанина, отецъ и сынъ: по имени Θεодоръ и Іоаннъ. Это было тогда, когда князь Владиміръ былъ еще въ языческой вѣрѣ и ревновалъ по ней. Хотѣлъ онъ принести жертву своимъ богамъ или идоламъ, жертву человѣческую, т. е. заколотъ и сжечь какого-либо человѣка предъ идолами: ибо таковъ былъ безумный и мерзкій обычай языческой службы нашихъ предковъ. По наущенію язычниковъ—жребій палъ на молодого христіанина—Іоанна. Отецъ не выдавалъ его. „Пусть ваши боги сами придутъ и возьмутъ его,—сказалъ онъ. А это не боги, продолжалъ онъ, а истуканы, сдѣланные изъ камня, дерева, руками человѣческими. Одинъ есть Богъ, Богъ христіанскій, Который создалъ небо, землю и все, что въ нихъ,—Богъ, Которому служатъ греки.“ Такъ онъ сказалъ, братіе; потому что самъ принялъ вѣру Христову въ Греціи, которая была тогда ближайшею и наиболѣе извѣстною Руси страню христіанскою. Озлобленные смѣлымъ отвѣтомъ Θεодора, язычники подрубили сѣни его дома и подъ развалинами убиты отецъ Θεодоръ и сынъ Іоаннъ. Это было въ Кіевѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь церковь Десятинная, построенная св. Владиміромъ. Онъ помнилъ св. мучениковъ Θεодора и Іоанна; слова Θεодора, видно, дошли до его ушей и были однимъ изъ первыхъ лучей свѣта, разогнавшаго въ немъ тьму языческую. Такъ, и у насъ кровь мучениковъ была сѣменемъ новыхъ христіанъ. Скоро, послѣ св. Владиміра, явились у насъ и другіе мученики, напр. сыновья его, св. Борисъ и Глѣбъ, скончавшіеся за 850 лѣтъ до нашего времени. Потомъ, чрезъ два слишкомъ вѣка, когда землю русскою овладѣли невѣрные татары, то русскимъ христіанамъ нерѣдко приходилось твердо исповѣдать предъ ними свою вѣру и страдать за нее. Такъ, напр., св. Михаилъ, князь черниговскій, и бояринъ его Θεодоръ. Когда потомъ западная Русь подпала власти языческой Литвы, укрупившейся въ Вильнѣ, то явились и тутъ изъ самыхъ даже литовцевъ, принявшихъ русское христіанство, смѣлые исповѣдники его и мученики. Таковы, напр.,

виленскіе св. мученики Іоаннъ, Антоній и Евстафій. Какъ назидательно было-бы вамъ, братіе, прочитатъ и узнать отъ читавшихъ житія и страданія, какъ названныхъ здѣсь, такъ и другихъ мучениковъ родной нашей церкви! Дастъ Богъ, я и самъ когда-либо расскажу ихъ вамъ. Теперь же, попрошу васъ, братіе, по крайней мѣрѣ, помнить, что и русская земля, въ разныхъ концахъ своихъ, освящена кровію мученическою, хотя и не въ такомъ обиліи, какъ, напр., земля греческая, гдѣ сотни лѣтъ лилась кровь христіанская; были и у насъ, хотя не многочисленные, но, по истинѣ, доблестные мученики, доказавшіе, что и русскіе христіане умѣли стоять и умирать за вѣру, когда то было нужно.

Теперь, братіе, не преслѣдуютъ насъ за вѣру Христову: вѣра сія, защищенная, какъ-бы отвоеванная мучениками, господствуетъ въ мірѣ. Но не тѣмъ-ли болѣе должны мы любить ее, дорожить ею, исповѣдывать ее не только предъ нехристіями, если-бы то приходилось намъ, но и предъ христіанами—невѣрующими или маловѣрными? Болѣе-же всего постараемся свидѣтельствовать ее своею доброю и святою жизнію; тогда и намъ достанется то небесное блаженство, какое стяжали мученики тягчайшими страданіями, кровію, смертію. Будемъ подражать любви ихъ къ Господу и къ святой вѣрѣ нашей: и они помолятся о насъ Господу, Которому они любезны, какъ други Его, положившіе жизнь за Него, отъ Котораго получили они вѣнки славы на небѣ. „Святіи мученицы! добръ страдавшіи“ за Христа на землѣ „и вѣнчавшіися“ отъ Него вѣнцами славы на небеси, „молитесь ко Господу спастися душамъ нашимъ“! Аминь.

(«Воскр. Чтеніе» 1865 г. № 9).

БЕСѢДА

священника съ прихожанами-простолюдинами послѣ погребенія младенца.

На дняхъ мнѣ случилось погребать дитя на хуторѣ *). Въ нашемъ сельскомъ народѣ вообще много невѣдѣнія, часто грубаго, относительно религіозныхъ предметовъ; но селяне, сравнительно съ хуторянами, могутъ назваться еще народомъ развитымъ. Обособленность и тѣсная замкнутость хуторянъ въ своемъ маленькомъ кружкѣ, а также сравнительная отдаленность ихъ отъ церкви, къ которой они приписаны и которую посѣщаютъ большею частію только когда говѣютъ, да въ великіе праздники—на Пасху и Рождество Христово, дѣлаютъ хуторянъ народомъ полудикимъ. Къ тому же хуторяне, о которыхъ у насъ рѣчь, недавно были крѣпостными и теперь еще состоятъ временно-обязанными крестьянами мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. А извѣстное дѣло, какъ доселѣ жили такіе люди: весну, лѣто и почти всю осень они рылись въ панской землѣ, а зимою не разгибали спины на панскомъ же гумнѣ; до ихъ духовной жизни, до ихъ религіозныхъ понятій и убѣжденій, казалось, никому не было никакого дѣла... И вотъ въ такой-то хуторѣ я былъ позванъ погребсти дитя. У насъ въ Малороссіи при погребеніи существуетъ доселѣ обычай, нѣсколько напоминающій собою восточный обычай плакальщиць: всѣ ближайшія родственницы, иногда и близкія знакомыя покойника, обязаны итти за его гробомъ, и громко завывать надъ нимъ съ разными причитаньями. Обычай этотъ на столько уважается, что долго послѣ погребенія служить предметомъ бабихъ толковъ и пересудъ: онѣ разберуть до мельчайшихъ подробностей, кто какъ плакалъ—*хорошо* или *дурно*, и если близкая родственница умершаго *дурно* по немъ плакала, ей поставятъ это въ вину и безчестіе. На этотъ разъ, когда вынесено было тѣло младенца, за гробомъ его пошла одна мать изъ

*) Хуторомъ называется деревня, состоящая изъ 15—20 дворовъ и расположенная гдѣ нибудь въ степи, вдали отъ села и церкви, къ которой приписаны живущіе здѣсь люди.

плакательщицъ. Причитанья ея были такъ дики и уродливы, что, казалось, это плачетъ женщина, не только *не имущая* христіанскаго *упованія*, а и прямо—не имѣющая ни о чемъ здраваго понятія. Я даже въ душѣ своей нѣсколько разъ порывался остано-вить потокъ ея беспорядочныхъ причитаній словомъ вразумленія; но удержался отъ этого, почитая за лучшее дать ей высказаться вполне и потомъ уже, по концѣ обряда, обратиться къ ней съ христіанскимъ словомъ вразумленія и утѣшенія. Кстати пред-ставился и удобный къ тому случай: по окончаніи отпѣванія я былъ приглашенъ опять въ домъ, откуда вынесъ покойнаго, для служенія панихиды.

Послѣ панихиды я съ причетниками приглашенъ былъ сѣсть за столъ—отвѣдать хлѣба-соли; къ столу присоединилось семей-ство этого дома и еще нѣсколько человѣкъ стороннихъ, участво-вавшихъ въ погребальныхъ проводахъ. Семейство состояло изъ старика, его женатаго сына, у котораго и умерло теперь его дитя, и нѣсколькихъ человѣкъ ребятишекъ, частію сидѣвшихъ, частію стоявшихъ въ почтительномъ отдаленіи отъ стола. Усѣвшись за столомъ на первомъ мѣстѣ, въ углу (подъ иконами), я, по неопытности своей въ подобныхъ случаяхъ, взялся за первый кусо-къ поданной пищи и началъ ѣсть. Тутъ сидѣвшіе за столомъ выразительно переглянулись, и старикъ остановилъ меня. Ука-зывая на чашку, которая стояла на столѣ, онъ просилъ меня прежде отвѣдать изъ нея *кануну*. Я попробовалъ *кануну*: это была булка, раскрошенная на мелкіе кусочки, плававшіе въ водѣ, насыщенной медомъ. Когда всѣ попробовали *кануну*, приговари-вая: „царство небесное“, чашка была принята, и отецъ умершаго началъ подчивать всѣхъ водкой; всѣ пили, приговаривая тоже что и при вкушеніи кануну, т. е. „царство небесное“; нѣкото-рые добавляли еще: „пошли, Боже, душѣ *преставшей* (?)“! Затѣмъ начался и продолжался обѣдъ обычнымъ образомъ...

Будучи радъ случаю—по поводу кануна—начать давно задуманный разговоръ, я обратился къ старику съ такими словами:

— Что это значитъ, дѣдушка, что у васъ обѣдъ по покой-никѣ непременно нужно начинать съ кануну? Развѣ не все равно, съ чего ни начать?

Старикъ построилъ не совсѣмъ ловкую гримасу. По ней было видно, что онъ думалъ, будто я шучу съ нимъ, прикиды-ваясь незнающимъ такого пустяка, и спрашиваю его только такъ-себѣ, отъ нечего дѣлать. Помолчавъ немного, онъ отвѣчалъ:

— А значить не все равно, коли всё такъ дѣлають.... Да и что тутъ говорить-то о томъ, что всёмъ извѣстно? Неужели вы не слышали, батюшка, что канунъ особенно пріятенъ и полезенъ душѣ умершей? Вотъ потому-то мы прежде всего и ѣдимъ его, за покой, значить, души....

Я сказалъ противъ этого, что душѣ умершаго пріятнѣе и полезнѣе всего, когда за нее молятся Богу, служатъ службы (литургіи), подаютъ милостыни, а канунъ для чего здѣсь нуженъ, какъ ты думаешь?

— Пріятно душѣ (отвѣчалъ старикъ) и то, что вы говорили, батюшка, извѣстное дѣло, молиться Богу за покой.. но пріятенъ ей и канунъ, я вамъ скажу. Ужъ коли бы не былъ онъ ей пріятенъ,—она бы не прилетала отвѣдывать его; а то мухой прикинется, такой маленькой да смирной, и все таки прилетитъ, несчастная, хоть немножко покушаетъ, да опять и полетитъ себѣ. А если не случится кануну, такъ она хоть одного меду прикушаетъ...

— Грѣшно, братіе, сказалъ я, обращаясь ко всёмъ, а тебѣ, старикъ, и стыдно говорить такія рѣчи. Да развѣ вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите, что душа прилетаетъ мухой ѣсть вашего меду? И кто ее когда видѣлъ?

— Какъ не вѣрить,—сказали всё почти въ одинъ голосъ,—когда люди говорятъ! Люди и видѣли, какъ она прилетаетъ мухой.

— Люди говорятъ! Мало-ли чего они не говорятъ? Извѣстное дѣло, мухи любятъ медъ и постоянно бросаются на него, когда онъ стоитъ открытымъ. При видѣ этого какой-нибудь неразумной и суевѣрной бабѣ вообразилось, что здѣсь между мухами находится и душа покойника; сказала она про это другой, другая—третьей,—вотъ и пошло въ ходъ, что душа покойника прилетаетъ мухой на медъ, вотъ люди и говорятъ это. А видѣли они душу прилетающую такъ же точно, какъ и вы. Небось, никто изъ васъ не видѣлъ ее собственными глазами, а всё вы трубите въ одинъ голосъ, что она прилетаетъ; дѣти ваши слушаютъ все это, да замѣчаютъ, а потомъ и сами стануть толковать: „душа прилетаетъ, люди говорятъ, люди видѣли!“ А кто именно видѣлъ—никто не знаетъ и не скажетъ, т. е. выходитъ—никто не видѣлъ. Не вѣрьте этому, братіе, это—басни, сказки, пустяки. Да и какъ душѣ прилетать, когда она не можетъ безъ воли Божіей отлучаться отъ мѣста, указаннаго ей Господомъ? И зачѣмъ, наконецъ, прилетать ей на какой-нибудь медъ, когда ей не нужно ни ѣсть, ни пить!

— Какъ же это, батюшка, вы говорите, что душѣ не нужно, ни ѣсть, ни пить? Чѣмъ же ей и жить-то бѣдненькой?

— Это, другъ мой, мы такъ только привыкли говорить, на самомъ же дѣлѣ это не такъ бываетъ: ѣсть и пить собственно не душа наша, а тѣло,—вотъ это видимое наше тѣло.

— Да развѣ не все одно, что тѣло, что душа? Все, значить, одинъ человѣкъ!—возразилъ старикъ.

— Человѣкъ-то одинъ, это правда; но далеко не одно и тоже тѣло и душа. Послушай со вниманіемъ, я расскажу тебѣ, въ чемъ дѣло. Только позови сюда напередъ свою невѣстку.

Чрезъ минуту явилась невѣстка. Поклонившись мнѣ до ногъ, она стала предо мною въ недоумѣніи. Я замѣтилъ ей, что такъ нужно кланяться только Господу Богу, а людямъ достаточно и обыкновеннаго легкаго поклона; потомъ продолжалъ:

— Присядка съ нами, да послушай нашихъ рѣчей. Ты меня сегодня крѣпко разсердила, чуть не вывела изъ терпѣнія, а знаешь чѣмъ?.. своими неразумными завываньями, да причитаньями надъ гробомъ,—и я еще на пути къ могилѣ рѣшился непременно поговорить съ тобою объ этомъ.

— Чтожъ, батюшка,—заговорили почти всѣ разомъ,—извѣстно, матернее дѣло, материнское сердце, какъ не жаль матери своего дѣтища? и проч. Невѣстка стояла предо мною, и на глазахъ ея опять навернулись слезы.

— Знаю, знаю все это, други мои,—насилу перебилъ я,—и за плачь никто ей ничего не говоритъ, хотя и плакала-то она не совсѣмъ прилично: кричала во все горло, такъ что и пѣнія и чтенія церковнаго почти не слышать было за нею, тогда какъ это можно было дѣлать тише и скромнѣе. Но не въ этомъ дѣло: конечно, какъ не заплакать матери надъ своимъ дитятей! а дѣло въ томъ, что она приговаривала за своимъ плачемъ. Вѣдь ты, любезная, причитывала сегодня такія рѣчи, что у меня просто уши вянули.

— Чтожъ, батюшечка, я плакала, какъ и всѣ матери плачутъ за дѣтьми, и приговаривала тоже самое, что и всѣ приговариваютъ.

— Это плохо и очень плохо, когда *всѣ* приговариваютъ. Ну-ка потрудишься припомнить все, что ты приговаривала, да и повтори опять при всѣхъ. Тогда я и расскажу тебѣ, что тамъ есть плохаго.

Съ большимъ неудовольствіемъ и только послѣ неоднократныхъ понукиваній съ моей стороны, она начала говорить:

— Нуте, вотъ я говорила: „а кто-жъ тебя будетъ кашкой годовати (кормить), да кто-жъ тебѣ будетъ водицы подавати? А кто-жъ тебѣ будетъ постельку перестилати, да кто-жъ тебя будетъ тамъ забавляти“?

— Припомни еще.

— Нуте, а потомъ, когда принесли *ею* уже до могилы, я приговаривала: „а какой-же ты себѣ хаты захотѣлъ темной да невидной, скучной да невеселой, что туда ни солнце не пригрѣтъ, что туда ни вѣтеръ не провѣтъ“?

— Припомни еще.

— А когда уже собирались опустить *ею* въ могилу, я приговаривала: „поклонись-же моему отцу и матери, моимъ братьямъ и сестрицамъ, да передай имъ, чтобъ и за мною скорѣе присылали“. Вотъ почти и все, что я приговаривала; такъ у насъ всѣ плачутъ!

— Ну довольно! Садись же да слушай. Слушайте и вы, братіе!

— Рады слушать, батюшка, только говорите, дай Богъ вамъ здоровье!

— Вотъ ты прежде всего безпокоилась о томъ, кто будетъ кормить, поить и вообще нянчить твое дитя. Знай-же, что душа наша—все равно и душа твоего дитяти—не хочетъ и не можетъ ни ѣсть, ни пить, что у людей ѣсть и пить собственно не душа, а тѣло. Я уже говорилъ это здѣсь предъ людьми, но твой свекоръ сказалъ противъ этого, что все одно—что тѣло, что душа. Такъ—теперь я хочу показать ему и вамъ всѣмъ, что душа и тѣло—далеко не все одно, что это двѣ вещи, совершенно разныя. Тѣло перваго человѣка Богъ сотворилъ изъ земли, а душу вдохнулъ въ него Самъ отъ Себя: примѣромъ сказать—какъ бы ты сдѣлалъ изъ глины горшокъ или другой сосудъ какой, а потомъ дохнулъ въ него и этимъ далъ ему движеніе, разумъ, жизнь... Понятное дѣло, то, что ты вдохнулъ въ горшокъ, не есть одно и то же съ тою глиною, изъ которой горшокъ сдѣланъ: такъ точно душа человѣческая не есть одно и то же съ тѣломъ. И вотъ тѣло, какъ взятое и образованное отъ земли, и нуждается въ пищѣ, питѣ, одеждѣ и прочихъ пособіяхъ, заимствуемыхъ нами тоже отъ земли,—а душа, какъ дыханіе Божіе, ни въ чемъ этомъ не нуждается. Тѣло наше ѣсть, пить, утомляется, спитъ, болитъ, выздоравливаетъ,—а душа ни ѣсть, ни спитъ,—она разсуждаетъ, желаетъ, чувствуетъ, мо-

лится, вѣрить, любить, надѣется, радуется, печалится и проч. Коротко сказать: все рѣшительно, чѣмъ мы отличаемся отъ скота и другихъ земныхъ тварей, все это—принадлежность души, а въ чемъ мы похожи на бессмысленныхъ животныхъ, все это принадлежитъ тѣлу. Поняли теперь различіе между душою и тѣломъ?

— Какъ не понять, батюшка, поняли. Только вотъ что,—прибавилъ одинъ изъ слушателей,—какъ же это души такой, какъ вы говорите, не увидишь нигдѣ,—гдѣ ея мѣсто, значить?

— Правду ты сказалъ, что души не увидишь: она не имѣетъ никакой формы, никакого вида и образа; потому ее нельзя видѣть, нельзя къ ней прикоснуться, ощупать ее руками и проч.—ее можно только чувствовать, или лучше—то, что въ насъ чувствуетъ, и есть сама душа. Мѣсто же ея во всемъ нашемъ тѣлѣ, въ союзѣ съ которымъ она составляетъ одного человѣка. Пока держится этотъ союзъ, эта связь души съ тѣломъ, до тѣхъ поръ мы говоримъ о человѣкѣ, что онъ живъ, а коль скоро эта связь разрывается, мы говоримъ, что человѣкъ умеръ. Но, если говорить правдѣ,—не человѣкъ умеръ, а тѣло человѣка, душа же его не умерла, а живетъ и будетъ жить вѣчно, только въ другомъ мѣрѣ и другою, чѣмъ здѣсь, жизнью. Смерть такимъ образомъ, есть разрывъ связи, прекращеніе союза души съ тѣломъ; послѣ этого разрыва душа уносится въ другой мѣръ, а тѣло, оставшееся безъ души, становится слѣпымъ, нѣмымъ, глухимъ, вообще безчувственнымъ, каково оно и есть по своей природѣ, начинаетъ тлѣть и разрушаться, а потому предается землѣ, отъ которой оно и взято первоначально, и тамъ, скоро послѣ погребенія, отъ него остается только нѣсколько костей.... Смерть, значить, можно уподобить тому извѣстному всѣмъ случаю, когда птенецъ, разбивъ яйцо, въ которомъ онъ выросъ, выходитъ жить на свѣтъ Божій. Птенецъ—это наша душа, ушедшая въ другой мѣръ для новой жизни, а разбитая и выброшенная вонъ скорлупа—это наше разрушающееся и зарываемое въ землю тѣло. Итакъ напрасно ты беспокоилась,—заклучилъ я, обращаясь къ матери покойнаго,—о томъ, кто будетъ кормить и поить и вообще нянчить твое дитя: его душа и въ томъ мѣрѣ, какъ и здѣсь, даже больше еще чѣмъ здѣсь, не нуждается ни въ ѣдѣ, ни питьѣ, ни во снѣ; напрасно также беспокоилась, что его могилы ни солнце не прогрѣетъ, ни вѣтеръ не провѣетъ: все это не нужно и бесполезно для трупа, безчувственнаго какъ камень. Наконецъ, неразумно ты говорила, когда кланялась своимъ умершимъ роди-

телямъ и просила ихъ присылать скорѣе за тобою: неужели ты думаешь, что твои родители въ самомъ дѣлѣ могутъ сдѣлать это? Замѣть же себѣ навсегда, что смерть наша приходитъ къ намъ по суду Божию; она въ мірѣ—какъ наказаніе Божіе человѣку за грѣхъ, и часть ея зависитъ не отъ какихъ-нибудь родителей, а единственно отъ воли Божіей: когда т. е. Богъ видитъ, что пора уже человѣку перейти въ другую жизнь, вотъ Онъ и посылаетъ ему смерть, и воли Божіей въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, ничто въ свѣтѣ перемѣнить уже не можетъ.

Слушатели мои, видимо заинтересованные моимъ объясненіемъ и часто въ продолженіе его восклицавшіе: „вотъ какъ! вотъ оно что!“ теперь замолчали на нѣсколько минутъ. Можно было замѣтить, что они обдумывали теперь все слышанное отъ меня и для нихъ новое. Наконецъ старикъ заговорилъ:

— Вотъ вы, батюшка, все говорили о другомъ мірѣ и другой жизни, куда отходятъ души умершихъ. Нельзя-ли еще рассказать намъ,—мы бы еще послушали,—какой это міръ такой и что тамъ за жизнь, что дѣлаютъ, значить, послѣ души, и долго-ли онѣ тамъ будутъ и чѣмъ все это кончится?

— Ты спрашиваешь меня, другъ мой, о такихъ вещахъ, которыя составляютъ для насъ тайну и которыя настоящимъ образомъ знаетъ одинъ только Богъ. Впрочемъ, насколько открыто намъ въ словѣ Божіемъ, я могу рассказать вамъ и объ этомъ. Тотъ міръ и та жизнь, гдѣ обитаютъ души умершихъ, совсѣмъ не похожи на нашъ міръ и нашу жизнь: тамъ не знаютъ ни орать, ни пахать, ни сѣять, ни жать,—тамъ не пьютъ, ни ѣдятъ,—тамъ не спятъ, не болятъ не умираютъ,—тамъ не *женятся, ни посягаютъ*; живутъ—словно *ангелы Божіи* (Мате. 22, 30). Нѣтъ между ними ссоръ и дракъ, нѣтъ судовъ и расправъ, нѣтъ богатыхъ и убогихъ, сильныхъ и слабыхъ, нѣтъ господъ и крестьянъ: всѣ, значить, тамъ равны предъ Богомъ. Одно только тамъ различіе между душами: кто жилъ здѣсь честно, праведно и свято, кто былъ истиннымъ христіаниномъ, того душа чувствуетъ тамъ довольство и веселье, миръ и радость, счастіе и блаженство, а кто жилъ здѣсь дурно, обижалъ другихъ, не вѣрилъ, или мало вѣрилъ въ Бога и Христа Спасителя, того душа чувствуетъ тамъ безпокойство и угрызеніе совѣсти, страхъ суда и мученія,—досадуетъ, тревожится, мучится, что она жила и дѣйствовала не такъ, какъ-бы ей слѣдовало, что она только оскорбляла Господа Бога. Въ такомъ состояніи души будутъ

находиться до того *послѣдняго* великаго дня, когда Господу угодно будетъ воскресить всѣхъ, отъ вѣка умершихъ: души умершихъ опять соединятся съ своими тѣлами, въ которыхъ они жили въ этой жизни и которыя онѣ оставили въ могилѣ. Затѣмъ настанетъ всеобщій страшный судъ, на которомъ Господь окончательно отдѣлитъ добрыхъ отъ злыхъ и воздастъ каждому *по дѣломъ его*: злые и лукавые люди пойдутъ вѣчно мучиться съ диаволомъ, а люди добрые, праведные и святые пойдутъ вѣчно радоваться и блаженствовать съ Богомъ, вѣчно воспѣвать и прославлять Его вмѣстѣ съ ангелами.

Слушатели мои опять замолкли на нѣсколько минутъ. Наконецъ мать умершаго, доселѣ хранившая глубокое молчаніе, вдругъ наивно спросила:

— Такъ скажите-жъ мнѣ, батюшка, гдѣ теперь душа моего покойнаго Васи?

— Да она въ другомъ мѣрѣ, радуется и веселится тамъ вмѣстѣ съ душами праведными и святыми и вмѣстѣ съ ангелами Божиими. Господь сказалъ о дѣтяхъ, что *таковыяхъ есть царство небесное* (Матѣ. 19, 14),—и мы должны вѣрить, что и твоего дитяти тамъ же, т. е. въ царствіи Божіемъ, въ царствѣ небесномъ.

— Такъ—значить—ему голубчику тамъ лучше еще, чѣмъ было-бы здѣсь?

— О, несравненно лучше! Оно не испытало здѣсь горя и несчастья, не запятнало души своей никакими лукавыми дѣлами, никакими пороками и грѣхами, а между тѣмъ оно примирено съ Господомъ Богомъ и усыповленно Ему въ таинствѣ крещенія, получило спасительную благодать Божію въ таинствѣ миропомазанія, сподоблялось плоти и крови Христовой въ таинствѣ причащенія; его душа была свята и непорочна, значить, любезна и угодна Господу Богу, а потому и воспарила прямо къ ангеламъ и святымъ Божиимъ, чтобы жить и блаженствовать съ ними вѣчно.

— Позвольте, батюшка, перебить вамъ, сказалъ одинъ изъ моихъ слушателей. Вы говорите, что душа умершаго теперь сейчасъ пошла къ ангеламъ да святымъ, чтобы жить, значить, съ ними. Какъ же она можетъ жить съ ними, когда покойникъ былъ еще такъ малъ, что еще ничего не понималъ, да и говорить-то еще не умѣлъ?

— Это ничего не значить, другъ мой! Покойникъ, дѣйствительно, былъ слишкомъ еще малъ и слабъ, но только для жизни

здѣшней, земной, а отнюдь не для жизни тамошней, небесной. Въ этой жизни душѣ нашей суждено развиваться и, такъ сказать, возрастать вмѣстѣ съ развитіемъ и возрастаніемъ тѣла; тѣло умершаго было еще слишкомъ слабо и несовершенно, потому и душа его казалась намъ такою же слабою и несовершенною: но нужно знать, что, отрѣшившись отъ тѣла, душа въ одинъ день можетъ развиваться и укрѣпиться, т. е. узнать, почувствовать и какъ бы пережить больше, чѣмъ иной изъ насъ переживетъ и узнаетъ за всю свою жизнь. И такъ, хотя покойникъ и умеръ дитятей, но это не мѣшаетъ ему жить съ ангелами и святыми: онъ предсталъ на тотъ свѣтъ съ душою совершенною, какою дай Богъ предстать туда и нашимъ душамъ. Впрочемъ, это не главное; главное то, что душа-то умершаго, какъ я и сказалъ уже, была угодна Богу, праведна и свята, а на томъ свѣтѣ этого только и нужно.

— Какъ же это такъ, батюшка? перебилъ другой. Я помню, вы недавно сказали, что смерть дается человѣку за грѣхи, а теперь вотъ вы говорите, что покойникъ былъ чистъ и святъ,— не имѣлъ, значить, никакихъ грѣховъ: за что же онъ и умеръ-то? Ужъ коли-бы онъ былъ чистъ да святъ, то по вашему, значить, и не умеръ-бы...

— Ты не такъ меня понялъ. Смерть точно опредѣлена Богомъ за грѣхъ, но еще за грѣхъ перваго человѣка Адама, отъ котораго пошли всѣ люди. Онъ первый, значить, ввелъ въ міръ грѣхъ, а съ грѣхомъ вмѣстѣ и смерть; а отъ него они перешли и на всѣхъ людей, точно какъ отъ дурнаго источника всегда течетъ и дурная вода, или отъ червиваго дерева всегда рождаются и червивые плоды. Вслѣдствіе этого всѣ мы уже въ *беззаконныхъ* зачинаемся и во *грѣсахъ* рождаемся (Псал. 50, 6): и самое маленькое дитя, только что явившееся на свѣтъ Божій, является уже грѣшнымъ. Отъ этого-то зла Господь и даровалъ намъ средство въ крещеніи: въ немъ омывается скверна прирожденнаго намъ грѣха, и человѣкъ изъ воды крещенія выходитъ уже святымъ, т. е. чистымъ и непорочнымъ предъ Богомъ. Если онъ послѣ этого самъ не запятнаетъ души своей разными грѣхами, какъ покойный младенецъ, то онъ и остается чистъ и святъ предъ Богомъ. Но, очищая насъ отъ прирожденнаго грѣха въ водѣ крещенія, Господь, по премудрымъ Своимъ планамъ, не благоволилъ избавлять насъ отъ осужденія на смерть, такъ что и люди праведные и святые одинаково умираютъ, какъ и

люди грѣшныя. Вотъ потому умеръ и покойный младенецъ, хотя онъ былъ чистъ и непороченъ предъ Богомъ; но за то душа его прямо пошла въ царство небесное, къ ангеламъ и святымъ.

— Такъ ему, голубчику, тамъ лучше... воскликнула опять мать покойника,—онъ тамъ съ ангелами да святыми! А я, глупая, такъ много убивалась и рыдала за нимъ....

— То-то и дурно, любезная, что вы убиваетесь и плачете за покойниками, какъ будто дикари какіе, неимущіе христіанскаго упованія жизни вѣчной, думающіе, т. е., что со смертію все кончается для человѣка и самъ онъ безслѣдно пропадаетъ. Иногда, какъ напр., при видѣ умершаго дитяти, намъ слѣдовало-бы только благодарить Господа милосердаго, что Онъ отозвалъ человѣка къ Себѣ въ самую лучшую пору—чистымъ, святымъ и непорочнымъ, и радоваться духомъ, что вотъ мы имѣемъ въ этомъ человѣкѣ ходатая и молитвенника за насъ предъ престоломъ Божиимъ; а мы, вмѣсто этого, только кричимъ надъ его гробомъ, да дѣлаемъ разныя глупыя причитанья. Начтожь это похоже? Христіанское-ли это дѣло? Какъ будто въ самомъ дѣлѣ мы не вѣримъ ни въ жизнь загробную, ни въ воскресеніе мертвыхъ!... Грѣшно, братіе, грѣшно такъ дѣлать!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ общаго молчанія одинъ изъ слушателей выступилъ опять съ возраженіемъ:

— Вотъ вы, батюшка, два раза говорили уже о воскресеніи. Если я понялъ вашу рѣчь, то это значитъ, будто души умершихъ когда-то опять соединятся съ тѣми тѣлами, которыя они покинули здѣсь, на землѣ. Какъ же это можетъ статься, батюшка, когда и вы говорили намъ, да мы и сами знаемъ, что отъ умершаго въ могилѣ скоро остается только нѣсколько костей развѣ, а потомъ, современемъ, и тѣ Богъ вѣсть куда дѣваются? Какъ же душѣ-то найти свое тѣло?

— На этотъ вопросъ я отвѣчу тебѣ вопросомъ же. Можетъ быть, ты знаешь, что этотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, не вѣченъ; его когда-то не было: скажи же мнѣ, откуда и какъ онъ могъ вдругъ взятъ, такой великій и прекрасный, съ полями и лѣсами, рѣками и морями, садами и лугами, горами и долинами и проч.?... Скажи мнѣ еще, пожалуй, какъ могъ явиться на свѣтъ Божій самъ ты, когда тебя еще не было и всегда могло не быть, и явиться именно такимъ, каковъ ты теперь, т. е. человѣкомъ съ разумомъ, съ волею, съ чувствомъ?

— Не знаю, что отвѣчать вамъ на это, батюшка; скажу развѣ: такъ было угодно Богу, да и только!

— Прекрасно. Вотъ точно также на твой вопросъ я могу отвѣчать только: „такъ угодно Господу Богу“. А ужъ если что угодно Господу Богу,—намъ нечего спрашивать о томъ, какъ оно можетъ статься: воля Божія всемогуща: что захочетъ она, то и можетъ сдѣлать; это—не то, что мы съ тобою. Захочетъ Господь,—и души найдутъ свои тѣла, опять соединятся съ ними и явятся предъ престолъ Его страшный, на судъ Его праведный—получить воздаяніе за дѣла свои, выслушать рѣшеніе своей участи на всю вѣчность. Конечно, мы не можемъ понять, какъ все это будетъ, но не можемъ и сомнѣваться, что оно дѣйствительно будетъ, когда увѣряетъ насъ въ томъ Самъ Господь. *Я есмь воскресеніе и жизнь*, говоритъ Онъ; *върующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. Я воскрешу его въ послѣдній день. Наступаетъ время, когда всь, находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло—въ воскресеніе осужденія* (Іоан. II, 25; 6, 40; 5, 28, 29). Можемъ-ли мы не вѣрить въ воскресеніе? Можемъ-ли спрашивать, когда и какъ оно будетъ, послѣ такихъ ясныхъ свидѣтельствъ о немъ самаго Начальника нашей жизни и нашего воскресенія!

Столь давно уже кончился, пришла къ концу наша бесѣда. Помолившись Богу, мы съ причетникомъ стали собираться домой. Нужно было собрать кой-какія свѣдѣнія объ умершемъ для записи его въ метрическую книгу по формѣ. На вопросъ причетника: отъ чего умеръ? родители покойнаго въ одинъ голосъ отвѣчали:

— А Богъ его знаетъ.... Изъ людей, говорятъ.

— Что это значить *изъ людей*? спросилъ я.

— А это вотъ-что значить, батюшка, отвѣчалъ за всѣхъ старикъ. Есть на свѣтѣ такіе злые люди, особенно бабы: когда, значить, она посмотритъ на ребенка, особенно—если ребенокъ умный да потѣшный, да ужъ лукавый ее знаетъ—пошепчетъ что-ли она надъ нимъ, или же просто позавидуетъ ему, *уречетъ*, значить, его,—только вдругъ ребенокъ ни съ того ни съ другаго начинаетъ хворать. Хвораешь, хвораешь бѣдное дитя, иссохнетъ все, какъ сухарь какой, да и дохворается несчастное до *заступа и лопаты* *). Такъ вотъ это самое и случилось, гово-

*) Простонародная поговорка о смерти.

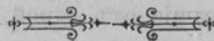
рять, съ нашимъ-то покойничкомъ; онъ былъ такой умный да потѣшный; накинула на него свой лукавый глазъ одна старуха, изъ нашего-таки хутора; съ тѣхъ поръ онъ голубчикъ и...

— И вы вѣрите этимъ пустякамъ? Но я уже достаточно, кажется, говорилъ вамъ, что жизнь и смерть наша въ рукахъ Божіихъ. *Господь мертвитъ и живитъ* (1 Мар. 2, 6). Правда, что человѣкъ можетъ умертвить человѣка: это когда онъ просто убьетъ его, или дастъ ему яду, или другой отравы; но чтобъ человѣкъ могъ умертвить другого какимъ-то лукавымъ нашептываніемъ,—это вздоръ, пустяки; это точно такая же правда, какъ и то, что душа прилетаетъ мухой поѣсть меду. А между тѣмъ, сколько изъ-за этого повѣрья выходитъ непріятностей, сколько ссоръ и дракъ между сосѣдями! Да и грѣха тутъ много, и досада лишняя и пустая: заподозрѣвать какую-нибудь невинную старуху въ смертоубійствѣ своего дитяти, досадовать, сердиться и, при возможности, мстить ей за то, въ чемъ она рѣшительно не виновата,—это грѣхъ большой. Не вѣрьте же, братіе мои, этимъ бреднямъ и сказкамъ! Прощайте!

— Прощайте, батюшка! Спасибо вамъ, дай Богъ здоровье, что, вы научили и просвѣтили насъ маленько...

Жатва многа, думалъ я на пути изъ хутора, дѣлателей же мало. Будемъ же молиться пламеннѣе Господину жатвы, яко да изведетъ возможно скорѣе и болѣе дѣлателей на жатву свою!... (Матѳ. 9, 37. 38).

(«Воскр. Чтеніе», 1865 г. № 33).

4.

БЕСѢДА

сельскаго священника къ прихожанамъ о вѣрахъ
нехристіанскихъ, 1-я: язычество.

Есть, братіе мои, только одна истинная вѣра — *вѣра христіанская*. Только въ ней можно спастись: ибо нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ бы надлежало намъ спастись, кромѣ имени Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа, Начальника нашей вѣры. Для всего свѣта, для всѣхъ людей дана сія св. вѣра, ибо милосердый Богъ хочетъ всѣмъ спасенія. Но увы! далеко не всѣ приняли сію вѣру. Было, братіе мои, много и теперь еще есть много людей — *нехристіанъ*, которые хотя и имѣютъ свои вѣры, но вѣры *ложивыя*, и потому суть все-таки *невѣры*, не вѣдущіе истиннаго Бога и Христа, негодные и самому Богу, и потому погибающіе въ слѣпотѣ своей. Когда помотришь, какъ жили и живутъ эти люди, да еще представишь что ожидаетъ ихъ за гробомъ, въ другой жизни; то невольно воскликнешь изъ глубины души: „слава Тебѣ, Господи, что я—христіанинъ!“

Кто же эти нехристіане, невѣры? Первѣе всего—это такъ-называемые *язычники*, потомъ *іудеи* или *жиды*, и еще *магометане*, или *мусульмане*. Мы побесѣдуемъ съ вами о всѣхъ этихъ невѣрахъ; но въ настоящій разъ скажемъ только о первыхъ изъ нихъ—*язычникахъ*.

Кто это язычники и откуда взялись они? Первоначально всѣ люди, какъ происшедшіе отъ одной, созданной Богомъ четы, Адама и Евы, знали и почитали единаго истиннаго Бога, Который самъ открылъ о Себѣ праотцамъ нашимъ. Въ людяхъ, составлявшихъ какъ бы одну семью, память о Богѣ сохранялась и передавалась изъ рода въ родъ. Совѣсть и разумъ также напоминали людямъ о Богѣ—Творцѣ и Промыслителѣ и ихъ и всего чуднаго, великаго и прекраснаго міра Божія. Но, къ несчастію, зло грѣха грѣховной порчи рано заразило людей, омрачая ихъ умъ и сердце и приводя въ забвеніе о Богѣ. Съ умноженіемъ людей въ теченіе вѣковъ зло росло и дошло до того, что почти всѣ люди за-

были Бога и жили какъ безбожники въ крайнемъ развращеніи. Правосудный Богъ наслалъ на нихъ потопъ. Всѣ погибли въ водахъ, кромѣ семьи праведнаго Ноя, которую Самъ Господь чудесно спасъ отъ общей гибели. Послѣ потопа, отъ семьи праведнаго Ноя опять пошли размножаться люди и, размножившись, опять начали портиться, развращаться и забывать о почитаніи Бога въ гордой надеждѣ на свою силу; ибо всѣ они жили вмѣстѣ и говорили однимъ языкомъ. Богъ смѣсилъ языкъ ихъ, такъ что они стали говорить *разными языками*, и дотолѣ *единный родъ человѣческой* раздѣлился на *разные народы* съ своими языками, т. е. своею рѣчью у каждаго. Теперь-то люди должны были разойтись по свѣту, чтобы всюду видѣть дивныя и различнѣйшія творенія Божіи и изъ нихъ познавать Творца, чтобы поиспытать, поупражнять свой смыслъ, свои силы и доискиваться добра, счастья, котораго безъ помощи Божіей нельзя доискаться. Такимъ образомъ, предоставивъ самонадѣянныхъ людей своему разуму, своей волѣ, Богъ избралъ изъ среды ихъ одинъ *народъ* изъ племени праведнаго Авраама—*народъ еврейскій* и объ немъ-то, до самаго пришествія Христа, имѣлъ особенное попеченіе, храня въ немъ и открывая ему истинную вѣру, тогда какъ прочіе народы *остались безъ этой вѣры, въ невѣріи*. Потому-то избранный народъ еврейскій назывался народомъ Божіимъ, а остальные люди—просто *народами*, или, что тоже, *язычниками*.

Итакъ мы знаемъ, что *язычниками* въ весьма далекія времена назывались *всѣ народы*, кромѣ евреевъ—*народа Божіи* и тѣмъ означалось, что эти народы остались безъ истинной вѣры, открываемой Богомъ народу еврейскому. Но это еще не все. Спрашивается: какаѣ же была вѣра у этихъ народовъ или язычниковъ, если не было вѣры истинной, богооткровенной? Была вѣра своя, изобрѣтенная ими самими, ибо, какъ мы сказали уже, Богъ предоставилъ ихъ своему разуму, своей волѣ—за ихъ забвеніе о Немъ. Какаѣ же была эта вѣра? О! тутъ-то видна бѣдность людей, надѣющихся лишь на себя, на свой умъ, сердце! Хотя и забыли язычники о Богѣ истинномъ, но чувствовали, что нельзя быть безъ Бога. Они могли бы, впрочемъ, и теперь домысливаться до мысли о Богѣ истинномъ, смотря съ размышленіемъ на чудныя творенія Божіи. Но не того достигли они. Удивляясь симъ твореніямъ, предметамъ видимаго міра, они *стали обожать эти самыя творенія, тварь стали почитать вмѣсто Творца*. Они обоготовили солнце, луну, звѣзды, огонь, вѣтеръ, воду, даже звѣрей, гадовъ,

скотину, также людей, особенно своихъ предковъ или какихъ-либо силачей, искусниковъ и т. под. Понятно, тутъ уже не было понятія о Богѣ, существѣ совершеннѣйшемъ, святѣйшемъ. Мнимые или ложные Боги языческіе представлялись часто хуже людей. За этими богами, по рассказамъ самихъ язычниковъ, водились разныя дѣла безчестныя, безпутныя, ссоры, драки, увертки и разныя страстишки: дошло до того, что вообще всѣ страсти и пороки людскіе, напр. пьянство, распутство, всякія злодѣянія и беззаконія имѣли своихъ патроновъ и предводителей въ особыхъ богахъ, и язычники, въ лицѣ этихъ измышленныхъ боговъ, обожали только свои собственныя страсти и пороки. Такъ-то язычники, — скажемъ словами Апостола Христова, — *называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному челоуьку, и птицамъ, и пресмыкающимся*; такъ-то они *замѣнили истину Божію ложью, и поклонялись и служили твари вмѣсто Творца!* (Рим. 1, 22. 23. 25). Но кромѣ всего этого, язычники, въ слѣпотѣ своей, дошли до того, что обоготворили деревья, камни, а потомъ и сами стали дѣлать изъ нихъ *болвановъ или идоловъ*, на подобіе людей и звѣрей, и этимъ идоламъ иначе *кумірамъ* кланялись, какъ богамъ; вотъ почему язычники назывались еще *идолопоклонниками и кумірослужителями*. Такъ люди, носящіе въ себѣ образъ Божій, немногимъ умаленные отъ ангеловъ, уподобились скотамъ неммысленнымъ! Въ омраченіи своемъ они сказали дереву: ты мой творецъ, и камню: ты меня создалъ!

Но войдемъ мысленно въ языческую божницу, и тамъ лучше разсмотримъ, какъ тамъ служатъ твари вмѣсто Творца. Вотъ, при самомъ входѣ въ божницу, вы видите цѣлыя стада скота разнаго: воловъ, коровъ, овецъ, козловъ и проч.: скоро вы узнаете, зачѣмъ пригнали ихъ сюда. Въ самомъ храмѣ, вдоль по стѣнамъ его, возвышается множество статуй: деревянныхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ, часто посеребренныхъ или вызолоченныхъ. Онѣ представляютъ людей обоихъ половъ и разныхъ возрастовъ во всѣхъ возможныхъ, скромныхъ и нескромныхъ, видахъ: тотъ съ мечемъ въ рукѣ, тотъ съ какою-то стрѣлою, та фигура съ раскрытыми руками, та — съ завязанными глазами, тутъ стоитъ прямо и ровно, здѣсь не то сидитъ, не то лежитъ и проч. и пр. Что это такое? Это — боги, или лучше — это изображенія боговъ, идолы, въ которыхъ, по вѣрѣ народа, сидятъ сами боги. Собранный тутъ народъ частію поетъ, частію играетъ, частію пляшетъ, частію такъ себѣ кувыркается; а вотъ нѣсколько челоуькъ

полунагими пригнулись предъ идоломъ, и стегаютъ себя хлыстами и плетками; подъ сводами божницы носится дымъ и въ самомъ храмѣ распространенъ какой-то вонючій запахъ. Все это, значить, идетъ богослуженіе. Но вотъ нѣсколько человѣкъ, мужчинъ или женщинъ, только иначе одѣтыхъ и убранныхъ, чѣмъ всѣ прочіе, выдѣляются изъ общей толпы и направляются какъ-будто къ дверямъ божницы: это жрецы и жрицы идутъ приносить жертвы. Вводятъ въ храмъ быка, или барана, или козлу: вниманіе всѣхъ устремлено на бѣдное животное, а оно тупо и дико смотритъ на все окружающее его, не понимая, конечно, зачѣмъ ввели его сюда. Жрецы и жрицы ходятъ вокругъ животного, что-то нашептываютъ надъ нимъ, перевязываютъ рога его краснымъ снуркомъ или лентою какою, даютъ ему напиться чего-то, подводятъ его еще ближе къ идолу, и опять шепчутъ и причитываютъ надъ нимъ. Затѣмъ подаютъ жрецу ножъ или долбню: трясется несчастное животное, чувствуя, что съ нимъ хотятъ сдѣлать что-то недоброе; вдругъ оно реветъ или мычитъ изо всей мочи, и стремглавъ падаетъ предъ идоломъ отъ острія или удара жреца; кровь льется... Теперь жрецы разбираютъ внутренности убитаго животного: тщательно присматриваются они къ нимъ, и одну часть отдаютъ хозяевамъ животного, что-то говоря имъ при этомъ, другую откладываютъ себѣ, на особое мѣсто, третью кладутъ на жертвенникъ, стоящій предъ идоломъ и зажигаютъ ее. Дымъ и вонючій запахъ пуще прежняго распространяются въ божницѣ. Въ тоже самое время, какъ совершается эта бойня и рѣзня въ одномъ углу божницы, предъ однимъ идоломъ, таже бойня и рѣзня идетъ и въ другихъ частяхъ божницы, предъ другими идолами. Убивши и сожегши по одному животному, жрецы идутъ за другими, третьими, словомъ за всѣми пригнанными, и такимъ же порядкомъ приносятъ всѣхъ ихъ въ жертву. Среди этой бойни и рѣзни жрецы часто кладутъ на жертвенникъ разныя пахучія травы и воскуряютъ ихъ, часто также возливаютъ на жертвенникъ и на самаго идола вино: это тоже значило приносить жертву, хотя дѣлалось, быть можетъ, просто для очищенія непріятнаго воздуха. По внутренностямъ убитаго животного жрецы предвѣщаютъ такую или другую судьбу принесшимъ жертвы, обѣщаютъ имъ исполненіе или неудачу задуманнаго ими предпріятія и т. д.; при этомъ они, конечно, лгали безсовѣстно, потому что будущаго никто изъ людей знать не можетъ. Жалко намъ теперь и скота, безвинно и безъ нужды по-

гибавшаго предъ этими бездушными идолами; но тутъ еще, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ничего ужаснаго: скоту такъ уже и суждено служить на потребу и на пищу человѣка, и скотину, раньше или позже, такъ или иначе, все-таки убили бы и съѣли. Но вотъ что, братья мои, ужасно: этимъ бездушнымъ идоламъ часто закалали и приносили въ жертву — кого бы вы думали? людей, — да, живыхъ людей, и еще какихъ? невинныхъ дѣтей, непорочныхъ юношей, чистыхъ дѣвицъ. Я не говорю уже о рабахъ, которыхъ богатые владѣльцы цѣлыми десятками закалали и жгли на идольскихъ жертвенникахъ, чтобъ вымолить у боговъ какую милость, или поблагодарить ихъ за что нибудь. Волосы становятся дыбомъ отъ этихъ ужасовъ! Это уже верхъ безумія человѣка, удалившагося отъ Бога!...

Тутъ я долженъ сказать вамъ, братіе, что жертвы были и у еврейскаго народа въ ветхомъ заветѣ, т. е. до Христа Спасителя. Но во первыхъ тамъ не было жертвъ человѣческихъ; во вторыхъ, приношеніе жертвъ и вообще богослуженіе не соединялось тамъ съ такими непотребствами, пьянствомъ, безпутствомъ и проч., какіе были у язычниковъ, а съ молитвами къ Богу истинному; въ третьихъ — и это главное — жертвы имѣли тамъ значеніе, были угодны Богу не сами по себѣ, а потому, что преобразовали, т. е. преуказывали ту святѣйшую жертву, которую имѣлъ принести на крестѣ Своею смертію Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ, называемый *Агнцемъ, закланнымъ за грѣхи всего міра*. Язычники же не имѣли такой вѣры; они думали, что мясо, кровь животныхъ, вино и всякія яства нужны прямо ненасытнымъ и жестокимъ богамъ ихъ, которые пожираютъ ихъ; потому языческія жертвы и всѣ идольскія службы ихъ были поистинѣ богомерзки, утѣшался ими одинъ лукавый съ своими бѣсами, глумясь надъ бѣдностію и слѣпотою людей, отчужденныхъ отъ Бога.

Посмотримъ еще, какъ жили язычники у себя дома, въ обществѣ и семьѣ. Дѣло простое и извѣстное, что если человѣкъ не знаетъ истиннаго Бога, то онъ не знаетъ, какъ должно, и самаго себя; не зная же самаго себя, онъ не умѣетъ и жить по-людски. Судя по этому, намъ нечего искать чего-нибудь истинно-добраго въ жизни язычниковъ, забывшихъ истиннаго Бога, забывшихъ вмѣстѣ съ этимъ и самихъ себя, — забывшихъ, кто они и откуда, зачѣмъ живутъ здѣсь, и что будетъ съ ними по смерти. И въ самомъ дѣлѣ, были у язычниковъ цари и князи,

но это были почти всегда только страшные мучители и губители народа; были у нихъ суды и расправы, но напрасно стали-бъ вы искать въ нихъ правды и милости. Богатые и сильные безбоязненно и безнаказанно тѣснили бѣдныхъ и слабыхъ, выжимая изъ нихъ послѣдніе соки; бѣдные и слабые, выводимые изъ терпѣнія, собирались разбойничьими шайками и въ свою очередь губили и убивали своихъ грабителей и обидчиковъ. Всякій готовъ былъ на неправду и беззаконіе для своей корысти, своей славы, своего удовольствія, не боясь Бога, про Котораго забыли. Нынѣ мы живы, рассуждали язычники, можетъ быть завтра помремъ, а тамъ уже кто знаетъ, что съ нами будетъ.... Жалкое ослѣпление! Понятно, что при такомъ всеобщемъ корыстолюбіи и жадности не могло быть и рѣчи о какихъ-нибудь общественныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, въ родѣ нашихъ общественныхъ больницъ, богадѣлень, богоугодныхъ заведеній и проч.: больныхъ, если только они не имѣли средствъ лечиться сами, оставляли большею частію на произволъ судьбы, или даже вывозили изъ домовъ на улицы и за городъ, и бросали тамъ, какъ соръ какой. Въ семьѣ языческой тоже не было ничего похожаго на истинную любовь и человѣчность. Женъ имѣлъ у себя язычникъ, сколько хотѣлъ и могъ, и также легко мѣнялъ ихъ, какъ мы мѣняемъ одну одежду на другую: не понравилась ему жена, или просто наскучила, — онъ дарилъ ее кому нибудь, или продавалъ, или просто прогонялъ отъ себя, и бралъ другую. Не понравилась или и наскучила и эта, — онъ бралъ другую, третью, пятую, десятую. Богатые же язычники имѣли женъ по нѣскольку разомъ. Уже поэтому самому и дѣтей язычники какъ будто и не считали своими, и всякій отецъ имѣлъ право продать ихъ, заложить гдѣ нибудь, или прямо побить.... За то и дѣти, съ своей стороны знать не хотѣли своихъ родителей, когда выходили изъ-подъ ихъ власти: заболѣетъ, напр., старикъ отецъ или мать, — и дѣти, вмѣсто того, чтобъ ухаживать за ними и облегчать ихъ страданія, скорѣе спѣшатъ додушить ихъ и заграбить себѣ ихъ пожитки. Былъ еще у язычниковъ особый классъ людей, которыхъ не считали даже людьми, а вещами, машинами хозяйственными: это — рабы. Боже мой! чего только не дѣлали язычники съ этими несчастными рабами? Мы уже говорили, что ихъ цѣлыми десятками приносили въ жертву идоламъ; но это еще далеко не все: богатые и придурковатые владѣльцы нещадно били и терзали ихъ безъ всякой вины и причины; морили ихъ голодомъ и холодомъ;

нарочито уродовали ихъ и калѣчили, чтобъ сдѣлать ихъ смѣшными и безобразными; бросали въ пруды и озера, чтобъ покормить ими свою рыбу; для одной потѣхи напускали на нихъ дикихъ и страшныхъ звѣрей, голодныхъ и кровожадныхъ, чтобъ они поборолись съ ними, и съ особеннымъ наслажденіемъ смотрѣли, какъ рабъ испускалъ послѣдній свой вздохъ въ когтяхъ разъяреннаго льва или тигра; если же несчастному какъ-нибудь удавалось увернуться отъ смерти и убить звѣря, то онъ все-таки долженъ былъ заплатить за него своею жизнію. И на всѣ и подобныя имъ звѣрства рабы не могли и не смѣли никому жаловаться: они не имѣли никакихъ правъ человѣческихъ, и еслибъ вздумали жаловаться, то ихъ бы только подвергли за это новымъ мученіямъ и истязаніямъ! У язычниковъ.... но я не могу, не достаесть у меня духу изображать далѣе нечестивую жизнь языческую; приведу лучше изображеніе этой жизни, какое даетъ намъ апостолъ Павелъ. *Женщины ихъ, говоритъ онъ, замѣнили естественное употребленіе противуестественнымъ; подобно и мужчины, оставивъ естественное употребленіе женскаго пола, разжигались похотію другъ на друга, мужчины на мужчинъ дѣлая срамъ....* Всѣ же вообще были исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы,—исполнены зависти, убійства, распри, обмана, злокравія,—злорѣчивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобрѣтательны на зло, непослушны родителямъ, безразсудны, вѣроломны, немилосивы, непримиримы, немилостивы (Рим. 1, 26, 27, 29—31). Такъ вотъ что вышло изъ отчужденія людей отъ Бога! Люди уподобились скотамъ!..

Да, братіе, въ язычествѣ люди во многихъ мѣстахъ точно ниспали до скотскаго состоянія. Цѣлыя племена, народы одичали было, жили, какъ звѣри, стадами и по звѣрски во всемъ. Но не всѣ такіе были: были языческіе народы, устроившіе у себя царства, города, имѣвшіе царей, правителей, законы письменные, разные промыслы, художества, науки, ученые книги, — словомъ язычники образованные, какими были въ древности особенно два великіе народы—греки и римляне. Богъ предоставилъ имъ на всемъ испробовать свой умъ, свою мудрость. И вотъ многого достигли они своею мудростію, но не достигли одного—истиннаго познанія Бога! *Миръ премудростію*, говоритъ о нихъ слово Божіе, *не уразумѣлъ Бога*. Въ дѣлѣ вѣры, познанія Бога—и самые мудрецы языческіе оказывались безумцами, вдаваясь въ тѣ же нелѣпости, безпутства, какъ и прочіе. Къ чему же пригодилась

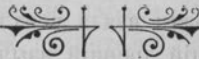
туть имъ мудрость ихъ, наука, словомъ ихъ человѣческой разумъ, который поупражнялъ, поусовершенствовалъ имъ Господь Богъ, не до конца карающій нечестивцевъ? Сдѣлала имъ свою услугу и мудрость, наука. Она привела ихъ къ познанію своего безсилія, достигнуть истиннаго свѣта, безъ особенной высшей помощи. Вотъ почему лучшіе язычники, особенно предъ пришествіемъ Христа, вздыхали о такой помощи, томилась чаюніемъ нѣкоего небеснаго, божественнаго учителя. Это чаюніе оживлялось въ нихъ еще тѣмъ, что со временемъ ближе и ближе дѣлался извѣстнымъ язычникамъ народъ еврейскій съ его вѣрою въ Бога истиннаго и будущаго Искупителя и Царя міра. Самыя книги еврейскія стали извѣстны язычникамъ слишкомъ за два съ половиною вѣка до Р. Хр. въ переводѣ на греческій языкъ, которымъ говорили тогда образованные ученые язычники. Такъ-то, по устроению Промысла, язычники научились было искать свѣта Божія, чаяли Божественнаго Просвѣтителя. Такъ-то Спаситель міра сталъ древле *чаюніемъ языковъ*, т. е. народовъ.

Умилостивился Господь надъ погибавшими людьми и послалъ имъ давно обѣщаннаго единороднаго Сына Своего, Спасителя міра, Господа нашего Иисуса Христа. Лучшіе изъ язычниковъ съ радостію обратились теперь къ Христу, приняли вѣру въ Него и Его божественное ученіе, и стали жить по Его новому закону и Его новымъ заповѣдямъ, — словомъ — стали христіанами. Жизнь пошла не въ примѣръ лучше прежняго, — жизнь разумная, братская, любовная, святая и праведная, жизнь съ надеждою еще на лучшую будущую, блаженную и вѣчную жизнь за гробомъ. Но другіе язычники много и долго упорствовали еще въ своей слѣпотѣ и неразуміи, и не только не думали принимать христіанства, а еще всячески старались подавить и уничтожить его — огнемъ и мечемъ, казнями и пытками, какимъ они подвергали христіанъ. Но сила Божія взяла верхъ надъ безсиліемъ человѣческимъ, — и весь лучший древній языческій міръ сдѣлался христіанскимъ. Однако нѣкоторые жалкіе народы какъ бы окаменѣли въ язычествѣ, *возлюбивше паче тму, нежели свѣтъ*, и пребываютъ въ этой тѣмѣ доселѣ.

И наши предки долго оставались въ язычествѣ, когда многіе народы были уже христіанами: и они почитали тварь вмѣсто Бога Творца; приносили жертвы идоламъ, иногда и человѣческія; вели жизнь грубую, нечистую, безпутную, не зная истины и правды Божіей. Но около тысячи лѣтъ тому назадъ коснулся

свѣтъ вѣры Христовой и нашихъ предковъ: они приняли ее при св. князѣ русскомъ Владимірѣ, и какъ драгоценное наслѣдіе завѣщали и передали ее намъ, ихъ потомкамъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, есть еще и нынѣ, къ сожалѣнію нашему, не мало язычниковъ въ нашемъ же любезномъ православно-христіанскомъ отечествѣ. И теперь въ православномъ государствѣ русскомъ есть гдѣ нибудь у Ледовитаго моря или Сибири грубые язычники, поклоняющіеся камнямъ, березамъ, тополямъ, болванамъ или идоламъ, думая, что въ нихъ сидятъ боги, что это и самые боги. Живутъ они почти по-скотски, безъ всякаго знанія, безъ всякой человѣчности. И, несчастные, гибнутъ они временно и вѣчно въ отчужденіи отъ Бога. Тьма имъ здѣсь, тьма кромѣшняя и тамъ за могилой!.. Чье сердце не должно сжалиться надъ этими несчастными! Не отвѣтимъ-ли Богу и мы, христіане, за эту гибель нашихъ соотечественниковъ! Ахъ, братіе! если бы кто изъ насъ одушевился святою ревностію обращать къ вѣрѣ несчастныхъ: то онъ сдѣлалъ бы великую услугу христіанству, человѣчеству, отечеству! По-истинѣ то былъ бы блаженный человѣкъ, любезнѣйшій Богу и Христу Спасителю, пролившему кровь Свою за спасеніе людей! Но и всѣ мы можемъ помогать святому дѣлу просвѣщенія язычниковъ: напр. нашими приношеніями на это св. дѣло, для чего стоятъ въ храмахъ и кружки. А болѣе всего стараемся жить такъ истинно, по-христіански, чтобы и язычники, видя или слыша о нашей жизни, полюбили и насъ и нашу св. вѣру. Аминь.

(«Воскр. Читеніе» 1866 г. № 10).

БЕСѢДА

сельскаго священника къ прихожанамъ о вѣрахъ
нехристіанскихъ, 2-я: новоіудейство.

Прошлый разъ я говорилъ вамъ, братіе, о тѣхъ жалкихъ и темныхъ невѣрахъ, невѣдущихъ Бога истиннаго, которые называются *язычниками*, и есть даже въ нашемъ государствѣ русскомъ, напр., въ далекихъ краяхъ Сибири. Но есть и другіе невѣрные—подлѣ насъ, или близко къ намъ: это іудеи или евреи. Они хотя и вѣруютъ въ Бога единаго, но не вѣруютъ въ Бога тріединаго: Отца и Сына и Св. Духа,—не вѣруютъ въ Сына Божія, какъ Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа. Потому и ихъ вѣра—тоже вѣра ложная, ибо кто не знаетъ Сына Божія, не вѣруетъ въ Него, тотъ не знаетъ и Бога Отца, тотъ не можетъ спастись и есть подлинно невѣрующій, осужденный, отверженный Богомъ! Таковы-то и суть нынѣшніе евреи. Но что же за вѣра ихъ? Откуда она?

Было время, братіе, когда народъ еврейскій былъ народъ избранный, народъ Божій. Это было до пришествія Христа Спасителя. Я уже говорилъ вамъ, что спустя много времени послѣ потопа, когда единый родъ человѣческій раздѣлился на разные народы и стала теряться у нихъ истинная вѣра, Богъ избралъ праведнаго Авраама, отца вѣрующихъ, для того, чтобы въ его потомствѣ сохранить вѣру истинную до пришествія Христа, Который и самъ имѣлъ родиться въ потомствѣ Авраама. Отъ сего-то отца вѣрующихъ произошли евреи, которыхъ Богъ возрастилъ въ великій, избранный для Себя народъ. И дивенъ былъ промыслъ Божій объ этомъ народѣ, чудны и многочисленны были знаменія любви Божіей къ нему въ теченіи его многовѣковой жизни. Пересказывать этого я не буду здѣсь, надѣясь, что вы довольно знаете уже объ этомъ. Поспѣшу къ вопросу: какъ принималъ этотъ народъ любовь Божію къ нему? Увы, кажется, ничего не могло быть непостояннѣе, легкомысленнѣе и прихотливѣе, какъ этотъ народъ. Постоянно онъ могъ чувствовать или прямо видѣть надъ собою дивную, благую и щедрую руку Божію, но вмѣсто

того, чтобъ только лобызать ея и слѣдовать ея указаніямъ, онъ большею частію недоволенъ милостями Божиими, измѣняетъ Богу, кланяется лживымъ Богамъ языческимъ, преступаетъ законъ Божій, какъ бы хотеть убѣжать изъ-подъ руки Божіей вслѣдъ своихъ прихотей, страстей, даже ропщетъ на Бога, на Его св. посланниковъ, пророковъ, даже нерѣдко гонитъ и убиваетъ ихъ.

Но что же это за особая милость такая къ народу іудейскому? Зачѣмъ Господь избралъ его Себѣ и, не смотря на все вѣроломство и невѣрность его, все-таки не оставлялъ его? Въ этомъ, братіе, была особая цѣль. Я уже сказалъ, что Богъ избралъ этотъ народъ для того, чтобы сохранить истинную вѣру до пришествія Христа, воспитать избранное племя, изъ котораго имѣлъ родиться самъ Христосъ и приготовить людей къ принятію Его. И сбылось дѣло Божіе! Не смотря на крайнее непостоянство и нечестіе наибольшей части древняго еврейскаго народа, въ немъ всегда были люди благочестивые, праведные, которые хранили и передавали вѣру изъ вѣка въ вѣкъ и изъ рода въ родъ, которымъ самъ Богъ открывалъ тайны вѣры, особенно тайну обѣщаннаго Спасителя и спасенія. Это были особенно св. праотцы и пророки, о которыхъ вы уже должны знать. Не смотря на всѣ превратности въ судьбѣ народа еврейскаго, въ немъ сохранилось, воспиталось то избранное племя, которое, предпочищенное и освященное самимъ Богомъ, явилось въ чистѣйшей и преблагословенной Дѣвѣ Маріи, Матери Господа нашего, бывшей отъ рода Авраама, Давида и цѣлаго ряда праотцевъ изъ народа еврейскаго. Такъ, братіе, въ народѣ еврейскомъ хранилось сѣмя спасенія для всего міра, въ немъ готовилось это спасеніе, чрезъ него и міръ готовился къ принятію спасенія. Ботъ почему и для чего Богъ такъ заботился, хранилъ опеку надъ этимъ народомъ, лелѣялъ его, какъ отецъ дитя. И сбылось, еще разъ скажу, дѣло смотрѣнія Божія объ этомъ народѣ. Въ лучшихъ и избранныхъ изъ среды его истинная вѣра сохранилась до Христа, раскрылись имъ и чрезъ нихъ будущія тайны, и когда наступило время пришествія Христа, то лучшіе люди въ еврейскомъ народѣ ждали Его, ждалъ и весь народъ, только, какъ сейчасъ скажемъ, не умѣлъ познать Его. Наконецъ, когда пришелъ Христосъ, то избранные изъ евреевъ, каковы напр. святые апостолы, жены-мученицы и другіе увѣровали въ Него. Въ Іерусалимѣ, въ народѣ еврейскомъ началась христіанская церковь, которая распространилась потомъ на весь

свѣтъ. Таково-то было по-истинѣ великое, дивное и безпримѣрное призваніе народа еврейскаго! Но увы! Только на немногихъ, избранныхъ изъ среды его, до конца исполнилось это призваніе. Весь же остальной народъ еврейскій отпалъ отъ своего призванія, отпалъ отъ спасенія, отпалъ отъ Христа, ради Котораго только и жилъ вѣка и тысячелѣтія, Котораго самъ чаялъ! Какъ произошло это печальнѣйшее событіе? Въ этомъ виновна была вообще та застарѣлая порча этого народа, которая, какъ мы видѣли, такъ часто сказывалась въ неправдахъ предъ Богомъ, и отъ которой не могли окончательно исправить Его ни чудеса, ни милости, ни кары Божіи. Предъ пришествіемъ Христа оказались у евреевъ особенно два великія искаженія въ вѣрѣ. Они стали думать, что въ вѣрѣ главное—обряды внѣшніе, а не чистота и святость души,—что для праведности предъ Богомъ довольно исполнять эти обряды строго по закону, а какова душа, сердце—объ этомъ уже не считали нужнымъ особенно заботиться. Этому научили евреевъ особенно ихъ книжники, фарисеи, первосвященники—ради своей корысти и тщеславія, чтобы держать народъ въ слѣпотѣ, жить на счетъ его, величаться у него. Но было еще большее ослѣпленіе у евреевъ. Давно уже жили они въ несчастіи подъ царями языческими, чужими; знали, между тѣмъ, пророчества о Христѣ, гдѣ Онъ называется Царемъ, Искупителемъ. Не хотѣли уразумѣть они, что это царство и искупленіе Христово будетъ духовное, а поняли такъ, что Онъ будетъ Царь земной, покорить всѣ народы и возвыситъ надъ ними, надъ всѣмъ свѣтомъ ихъ, евреевъ.

Но вотъ явился, наконецъ, на землю и самъ Мессія, или Христосъ. Онъ точно былъ великій Царь и всемірный Завоеватель, только не въ томъ смыслѣ, какъ представляли себѣ это ученые іудейскіе. Онъ былъ и есть Царь духовнаго царства, а не мірскаго; Онъ завоевывалъ, какъ и доселѣ завоевываетъ Себѣ народы, не войсками, не огнемъ и мечемъ, а Своимъ божественнымъ словомъ, Своимъ необыкновеннымъ ученіемъ и такою же необыкновенною жизнію. Ему поклоняются теперь народы и цари, какъ Царю царей, Господу и Богу! Не уразумѣли сего іудеи, не познали въ смиренномъ Иисусѣ Господа славы, хотя и могли бы познать, ибо сами видѣли, что Онъ творитъ такія чудеса, какихъ никто не творилъ, и что міръ готовъ за Нимъ итти. Особенно возстали на Господа книжники, фарисеи, первосвященники и старѣйшины народа, ибо Онъ обличалъ ихъ лицемѣріе,

пороки, ихъ видимую обрядовую праведность при неправдѣ внутренней, душевной. И вотъ они замыслили даже погубить Его и, дѣйствительно, осудили Его, какъ богохульника и бунтовщика, и распяли Его на древѣ крестномъ. Христось, какъ вочеловѣчившійся Богъ, могъ, конечно, и избѣжать той участи, какую уготовали Ему іудеи, могъ даже самыхъ гонителей и мучителей Своихъ поразить громами и молніями, или еще чѣмъ подобнымъ; но Онъ для того же и пришелъ, чтобъ пострадать и умереть за людей и чрезъ то спасти ихъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, іудеи безмѣрно тяжко согрѣшили этимъ распятіемъ Христа; это было послѣднимъ и уже самымъ высшимъ оскорбленіемъ ихъ Богу; доселѣ они были пророкоубійцами, отселѣ стали богоубійцами; доселѣ они были народомъ строптивымъ и развратнымъ, теперь они стали народомъ отверженнымъ! Съ глубокою скорбію предрекъ это отверженіе Господь, говоря о Іерусалимѣ и въ имени его о всемъ народѣ іудейскомъ: *Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ, и каменіемъ побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько кратъ Я хотѣлъ собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не восхотѣли! Се остается вамъ домъ вашъ пустъ.*

Упорные и изувѣрные іудеи не вразумились и воскресеніемъ Христовымъ: они оклеветали и оболгали это славнѣйшее чудо, оболгали не разъ и св. апостоловъ, подняли гоненіе на нихъ и вѣру Христову. Отъ нихъ-то пострадалъ и первомученикъ Стефанъ, такъ говорившій имъ: *люди жестоковѣрные и съ необузданнымъ (т. е. безчувственнымъ) сердцемъ и ушами! вы всегда упорствуете противъ Св. Духа, какъ отцы ваши, такъ и вы* (Дѣян. 7, 51). Но милосердый Богъ еще не хотѣлъ какъ-бы отступаться отъ Своего народа. Апостолы, проповѣдую вѣру, первѣе всего вездѣ обращались къ іудеямъ. И они точно обращались къ христіанской вѣрѣ, но то были немногіе лучшіе изъ нихъ. Вообще же они отвергали слово вѣры, тогда какъ язычники стали обращаться несравненно скорѣе и въ большемъ числѣ. Тогда-то св. апостолы говорили іудеямъ: *вамъ во первыхъ надлежало быть проповѣдану слову Божію; но какъ вы отвергаете оное и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни: то мы теперь обращаемся къ язычникамъ. Скорбѣли объ этомъ апостолы, говоря съ пророкомъ: огрубѣло сердце этихъ людей; съ трудомъ слышатъ они ушами, сомкнули очи свои, такъ что они видя не видятъ, слыша не слышатъ и не разумѣютъ сердцемъ.*

Но что же думали іудеи, отвергнуши истиннаго Мессію— Христа Спасителя? Тоже почти, что думаютъ и нынѣшніе іудеи. Думали и ждали, что будетъ еще другой Мессія, такой именно, какого имъ хотѣлось! Не хотѣли они понять того, что всѣ древніе пророчества о Мессіи точь въ точь, во всѣхъ подробностяхъ, исполнились на Христѣ Господѣ нашемъ, что прошло то время, когда Онъ, по пророчествамъ, долженъ былъ прійти. И вотъ Господь Богъ еще восхотѣлъ показать имъ и всему міру, что пора іудейства прошла безвозвратно. Іудеи взбунтовались было противъ язычниковъ-римлянъ, тогдашнихъ повелителей свѣта, въ чаяніи отвоевать свою свободу и основать у себя то великое царство, въ близость котораго отъ души вѣрили. Но тутъ-то исполнились надъ ними бѣдствія, предсказанныя и оплаканныя Іисусомъ Христомъ! Вновь завоевавъ всю Іудею, римляне, въ 70 г. по Р. Х., осадили Іерусалимъ. Отъ долгой осады произошелъ страшный голодъ; іудеи ѣли другъ друга, одна мать убила и съѣла свое дитя. Сбылись тогда слова Господа о іудеяхъ: „наступаютъ дни, въ которые скажутъ: блаженны неплодныя и утробы не родившія и сосцы не питавшія!“ Отъ голода іудеи тысячами гибнутъ въ одинъ день. Умершихъ погребать некому и, оставаясь непогребенными, они заражаютъ воздухъ,—является моровая язва, и іудеи опять гибнутъ отъ язвы. Но среди этихъ ужасовъ вторгаются въ городъ римляне, и еще хуже голода и язвы свирѣпствуютъ въ немъ: несчастный народъ опять гибнетъ, но уже не отъ голода и язвы, а на висѣлицахъ, крестахъ и кострахъ, устроенныхъ римлянами. Отъ священнаго храма іудейскаго, составлявшаго и вмѣщавшаго въ себѣ всю святыню, которой хвалились іудеи, не остается теперь и *камня на камень*, какъ и это предсказывалъ Христось. На мѣстѣ храма, *мѣстъ святъ*, римляне-язычники оставили по себѣ *мерзость запустѣнія*, какъ предсказали прокоокъ Даніилъ и самъ Христось. Наконецъ несчастныхъ евреевъ римляне толпами выводятъ изъ ихъ городовъ и расселяютъ по разнымъ странамъ свѣта. Не стало отечества у іудеевъ, не стало храма! Гдѣ же было теперь ждать еврееямъ Мессіи — Христа, Который, по пророчествамъ, долженъ былъ явиться *именно въ этомъ храмѣ* (какъ являлся тамъ Спаситель нашъ). Но непостижимо ослѣпленіе іудеевъ. Не узнали они руки Божіей и теперь. Спусти около 60 лѣтъ они возстали съ новымъ ожесточеніемъ противъ римскаго кесаря.

Явился среди ихъ обманщикъ, который выдалъ себя за Мессію, называлъ себя *сыномъ звѣзды* (*Баръ Козба*). Отовсюду іудеи стекались подъ знамена его въ бывшее отечество свое Палестину, опять въ чаяніи создать у себя великое царство. Война была кровопролитнѣйшая: іудеи понесли страшное пораженіе; несчетное число ихъ погибло отъ меча, огня, голода, болѣзней. Прочіе опять разсѣяны по разнымъ странамъ свѣта. Имъ запрещено было даже приближаться и видѣть Іерусалимъ, на мѣстѣ котораго язычники создали свой городъ, вновь учинивъ *мерзость запустыня на мѣстѣ святымъ*. Тогда-то іудеи убѣдились, что мнимый Мессія ихъ и сынъ звѣзды есть *сынъ лжи* (*Баръ Козба*); но увы! и теперь не убѣдились, что и всѣ они суть сыны лжи, ослѣпленные суевѣріемъ и ложными, несбыточными надеждами!

Со временемъ, когда сами кесари римскіе, начиная съ св. Константина, приняли христіанскую вѣру, Іерусалимъ возвратилъ свое древнее священное имя и украшенія,—но уже христіанскія, ибо онъ былъ уже христіанскій городъ. Но вотъ нашелся между кесарями богоотступникъ Іуліанъ, который задумалъ возобновить древній храмъ іудейскій въ укоръ христіанской вѣрѣ и евангелію, гдѣ сказано, что на мѣстѣ этого храма не останется камня на камнѣ. Обрадовались іудеи и сбѣгались съ разныхъ сторонъ строить свой храмъ. Но землетрясеніе, огонь съ неба, огонь съ земли, выбрасываемые изъ земли камни,—все это не дозволило положить даже основаніе храму, а скоро погибъ и богоотступный кесарь Іуліанъ. Много еще разъ обманывались іудеи съ своею ложною вѣрою въ новаго Мессію, въ свое будущее царство. Теперь они, кажется, довольно извѣрились въ своей мечтѣ, но, къ удивленію, коснѣютъ въ невѣріи и суевѣріяхъ.

Но какой же вѣры стали держаться и теперь еще держатся евреи, со времени пришествія Христова?—Мы уже говорили, что еще предъ пришествіемъ Христовымъ они начали искажать свою древнюю, преданную Богомъ, вѣру; послѣ же воскресенія и вознесенія Христова они еще больше стали портить и искажать ее. Прежде они только ложно понимали и по-своему объясняли пророчества о Христѣ, теперь же они намѣренно исковеркали и попеременяли нѣкоторыя изъ нихъ въ своихъ священныхъ книгахъ, думая доказать этимъ, что обѣщанный Мессія еще не пришелъ и, такимъ образомъ, обмануть и себя и другихъ... Итакъ, у нихъ нѣтъ теперь древней іудейской вѣры, а новая какая-то. Въ чемъ же состоитъ эта новая вѣра іудейская?—Въ ме-

лочахъ, братіе мои, въ пустыхъ обрядахъ, потерявшихъ всякій смыслъ и значеніе. Содержится же и записана эта новая вѣра въ особой книгѣ, которую іудейскіе ученые полюбили лучше древнихъ пророческихъ книгъ. Книга эта называется *талмудомъ*, и наполнена самыми пустыми и безтолковыми баснями и самыми мелочными правилами касательно образа жизни и поведенія евреевъ. Въ ней содержатся подробнѣйшія правила о томъ, что и когда можно и должно, и чего нельзя ѣсть, пить; рѣшаются вопросы, въ родѣ того, можно-ли есть яйцо, снесенное курицею въ день субботній; даются огромнѣйшія наставленія о томъ, какъ нужно мыть руки, гдѣ класть утиральникъ послѣ утиранья рукъ, какъ и когда нужно обрѣзывать ногти и проч. Но между тѣмъ эта пустая книга проникнута и ненавистью къ христіанамъ, и прямо позволяютъ еврею обижать и обманывать христіанъ, даже вмѣняетъ это еврею въ заслугу. Такъ-то искажены въ талмудѣ древняя вѣра и древній законъ іудейскій, повелѣвавшій іудею любить всѣхъ людей какъ братьевъ! И какъ смѣшно, а подь часъ и жалко бываетъ видѣть, когда евреи стараются въ точности выполнить предписанія своего безтолковаго талмуда! Вотъ, напр., еврею понадобилось зарѣзать птицу къ праздничному столу,—онъ самъ не можетъ этого сдѣлать, не можетъ и слуга его; нѣтъ, ее долженъ зарѣзать рабинъ, а рабинъ живетъ иногда верстъ за 40, 50, и бѣдный еврей тащится къ нему съ курицею предъ каждою субботою и предъ каждымъ праздникомъ. Или: еврею не позволено въ извѣстные дни зажигать огонь въ домѣ, и онъ ни за что не зажжетъ вамъ самъ, а прикажетъ зажечь его слугѣ, если тотъ не еврей, и считаетъ себя исполнившимъ законъ: не я-де зажегъ, а слуга! Или: иногда еврею не позволено брать деньги въ руки, и онъ точно не беретъ ихъ голою рукою, а беретъ полою своей одежды, и думаетъ, что это уже онъ беретъ не рукою! Еще: въ извѣстные праздники еврею можно, по закону, ходить не дальше, какъ только подь одною кровлею дома: нельзя, конечно, бываетъ исполнить этотъ законъ; нужно же выйти изъ комнаты, а подь часъ и зайти къ приятелю,—и вотъ евреи перетягиваютъ веревки отъ дома до сарая, отъ сарая до другого дому, до третьяго и т. д., и преспокойно расхаживаютъ всюду, воображая, что они ходятъ подь одною кровлей! Еще: въ субботу, до захода солнца, еврей не станетъ и говорить съ вами, напр., о цѣнѣ чего нибудь,—онъ боится грѣха; а по заходѣ солнца онъ готовъ надуть васъ самымъ безсовѣст-

нымъ образомъ, и уже нѣтъ ему за это грѣха! Но мы долго не кончили-бы, еслибы стали указывать здѣсь всѣ негѣности еврейской талмудической вѣры: она вся такова—отъ начала до конца, какъ негѣшъ и самый талмудъ!

Посмотримъ еще, какъ молятся евреи Богу. Приступая къ молитвѣ, еврей надѣваетъ на руку и на лобъ какіе-то особые значки и снаряды. Что это такое и зачѣмъ? А вотъ послушайте. Еще въ ветхомъ завѣтѣ, давая законъ Своему народу, Господь говорилъ: *положите сіи слова Мои въ сердце ваше и въ душу вашу, и навяжите ихъ въ знакъ на руку свою, и да будутъ они вмѣсто подвязки надъ глазами вашими* (Втор. 10, 6). Конечно, все это значило только: „никогда не забывайте, всегда помните и соблюдайте Мой законъ и Мои заповѣди“. Такъ часто и мы говоримъ, когда передаемъ другому что нибудь особенно важное: „смотри же, запиши это себѣ на лбу“. И что-бы вы подумали и сказали, еслибъ человѣкъ, которому вы сдѣлали такое порученіе, дѣйствительно взялъ да и записалъ ваши слова на лбу своемъ, но въ то же время и не исполнилъ ихъ? Безумецъ, сказали-бы вы. Но такъ точно поступили евреи съ этимъ повелѣніемъ Божиимъ. Въ сердце и душу они не приняли закона Божія, постоянно нарушая его заповѣди; за то они выставили законъ на рукахъ и заповѣди на лбахъ своихъ,—стали носить и до сихъ поръ носить упомянутые значки и снаряды, думая, что это надѣваютъ они на себя законы и заповѣди, и, такимъ образомъ, исполняютъ волю Божию. Можно-ли представить себѣ что-нибудь безсмысленнѣе этого? Одѣвшись въ законы и навязавши на лобъ заповѣди, еврей начинаетъ молиться. Но что это за молитва такая? Еврей лепечетъ и затягиваетъ себѣ что-то подъ носъ, но въ то же самое время расхаживаетъ взадъ и впередъ, распоряжается по хозяйству, бранить своего слугу, рассчитывается съ вами, при чемъ не прочь стянуть съ васъ лишнюю копѣйку и т. д. Подлинно, онъ только устами, а не сердцемъ хочетъ приблизиться къ Богу!

Евреи часто говорятъ, что они вѣруютъ и молятся тому же Богу, что и мы, христіане,—Богу живому и истинному, Творцу неба и земли. Но, если даже и согласиться съ этимъ, то все же отъ ихъ вѣры и молитвы итъ имъ настоящей пользы. Съ того времени, какъ Богъ Отецъ благоволилъ послать намъ Своего едиnorodнаго Сына и Св. Утѣшителя-Духа, и, такимъ образомъ, открылась міру божественная Троица, — съ этого времени вѣра въ одного Отца стала неполною и неудобною Господу Богу. Кто

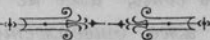
вѣруетъ теперь въ Отца, тотъ долженъ вѣровать и въ Сына и Св. Духа, и кто не вѣруетъ въ Сына и Св. Духа, тотъ все равно, что не вѣруетъ и въ Отца. Самъ Сынъ Божій засвидѣтельствовалъ объ этомъ, говоря: *Азъ и Отецъ едино есма; Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ есть; иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца, пославшаго Его; иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергнется его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ* (Іоан. 10, 30; 14, 10; 5, 23; Матѳ. 10, 33). Итакъ, можетъ-ли быть пріятна Богу Отцу вѣра въ Него и значить что-нибудь молитва къ Нему,—вѣра и молитва тѣхъ, которые не только не чтутъ Сына Его и отверглись отъ Него, а еще и распяли Его!

Можетъ быть, когонибудь изъ васъ, братіе, соблазняетъ то обстоятельство, что евреи живутъ у насъ теперь, большею частію, богачами, а христіане часто вынуждены бываютъ становиться у нихъ слугами, зарабатывать себѣ у нихъ кусокъ хлѣба... Да, прискорбно бываетъ иногда видѣть это; только не думайте, братья мои, чтобъ все это—богатство однихъ и бѣдность другихъ—зависѣло отъ вѣры, и чтобъ поэтому можно было судить, чья вѣра лучше и правѣе. Нѣтъ, вѣра имѣетъ цѣлью устроить, главнымъ образомъ, нашу будущую жизнь, а не здѣшнюю, настоящую,—и богатство и бѣдность зависятъ не отъ того, права или не права вѣра чловѣка, а отъ другихъ, совершенно постороннихъ и часто случайныхъ причинъ. Притомъ не всѣ же евреи—богачи, равно какъ и не всѣ христіане—бѣдняки: и тамъ, и здѣсь есть равно и бѣдные и богатые. Если евреи, большею частію, богаче нашихъ поселянъ, то это потому, что они народъ промышленный и торговый, хитрый и изворотливый, и часто нечестный и лукавый,—что они и о самой вѣрѣ своей не столько думаютъ и заботятся, сколько о деньгахъ и богатствѣ. А это значитъ, что они до сихъ поръ поклоняются и служатъ не Богу истинному, а золотому тельцу. Но горе имъ будетъ, если они не покаются и не обратятся ко Христу.

Но что мы такъ осуждаемъ ихъ? Да! братіе-христіане! должно намъ знать и говорить о нихъ правду. Но будемъ говорить безъ злобы, а изъ состраданія, изъ любви: ибо Христосъ заповѣдалъ любить и враговъ. Не забудемъ притомъ, что, то былъ нѣкогда народъ избранный, Божій, въ которомъ совершилось величайшее дѣло Божіе для всего міра. Не забудемъ, что, по откровенію слова Божія, есть впереди спасеніе и для нихъ: они уразумеютъ свое ослѣпленіе и дѣло спасенія міра (Римл. 11, 25).

Дай Богъ, чтобъ они скорѣе уразумѣли сіе дѣло. Дай Богъ, чтобъ устрашились вѣчной гибели своей, познали и прославили съ нами Христа Спасителя нашего. Аминь.

(«Воскр. Чтеніе» 1866 г. № 11).

6.

БЕСѢДА

сельскаго священника къ прихожанамъ о вѣраxъ
нехристіанскихъ, 3-я: о магометанствѣ.

Еще о невѣріи и невѣрахъ! Рядомъ съ язычниками и іудеями—къ невѣрамъ принадлежатъ еще, какъ я сказалъ уже, магометане, или мусульмане. Что это за люди такіе, и какая это вѣра мусульманская?

Вѣра эта началась спустя 600 слишкомъ лѣтъ послѣ Рождества Христова. Началась она въ азіатской землѣ Аравіи, у аравитянъ или арабовъ. Арабы были тогда народъ полудикій, бродячій, кочевой; жили они разными племенами, которыя почти постоянно дрались между собою. Вѣра у нихъ была тогда нехристіанская, а языческая. Они поклонялись звѣздамъ, а иные—даже идоламъ. Былъ однако у нихъ одинъ главный и какъ-бы священный городъ Мекка съ мольбищемъ, куда на поклоненіе приходили арабы со всей страны. Была у нихъ, хотя и темная, мысль о Богѣ единомъ, державшаяся у нихъ отчасти отъ сосѣдства съ іудеями и христіанами. И вотъ среди этихъ-то арабовъ жилъ Магометъ, основавшій магометанскую вѣру.

Рано оставшись сиротою, онъ рано пріучился думать самъ про себя, самъ пробиваться въ люди. Долго боролся онъ съ нуждою и горемъ, бросался на промыслы, былъ и сидѣльщикомъ въ лавкахъ и извозчикомъ купеческихъ товаровъ. Но какъ онъ былъ ловокъ и красивъ, то ему удалось, наконецъ, жениться на богатой вдовѣ, зажить богато, даже блеснуть щедростію. Но не на этомъ думалъ остановиться отважный честолюбецъ съ головою горячею, съ думою изобрѣтательною. Зная хорошо своихъ соотечественниковъ-арабовъ, онъ понялъ, что ихъ можно взять въ

руки, прослыть великимъ человѣкомъ, только-бы заискать ихъ вѣру въ себя. И вотъ онъ (въ 611 г.) выдалъ себя новымъ пророкомъ, посланнымъ на землю отъ Бога для наученія и просвѣщенія людей, и началъ составлять новую вѣру и новые законы для своихъ соотечественниковъ. Магометъ говорилъ красно и хитро, манилъ къ себѣ и щедростію. И вотъ многіе изъ арабовъ, какъ легковѣрные дѣти, повѣрили ему. Были и неповѣрившіе. Они хотѣли убить Магомета, какъ обманщика, и, дѣйствительно, убили-бы, если-бы Магометъ не скрылся сначала въ пещерѣ, а потомъ и совсѣмъ убѣжалъ изъ своего отечественнаго города. Магометъ не думалъ оставить принятаго намѣренія и дѣла. Для увѣренія въ своемъ посланничествѣ отъ Бога, онъ прибѣгъ къ ложнымъ знаменіямъ и чудесамъ: все, что только входило въ его смѣлую и горячую голову,—все это онъ объявлялъ за откровеніе и внушеніе ему самого Бога, Который будто бы посылалъ къ нему Своего архангела Гавріила. Кромѣ того, онъ сталъ обѣщать своимъ младенствующимъ, грубымъ и чувственнымъ землякамъ, если они послушаютъ его, привольную жизнь на землѣ и, вдобавокъ еще, прекрасный рай со всякими плотскими, грубыми утѣхами, на которыя такъ падокъ грѣшный человѣкъ. Соотечественники Магомета мало-по-малу стали поражаться его мнимыми откровеніями и чудесами, стали восхищаться его прелестнымъ раемъ, и начали приставать къ нему, принимать его вѣру и законы, и даже нѣкоторые изъ нихъ выбрали его себѣ въ повелителя и какъ-бы въ царя. Магомету только этого и нужно было: теперь онъ бросилъ уже свои неудачныя чудеса, и иначе думалъ распространить свою вѣру. Полудикіе соотечественники его, какъ мы уже упоминали, были страстными охотниками до войнъ и кровопролитій разнаго рода. Магометъ воспользовался этимъ для своей вѣры, связавъ дѣло ея съ дѣломъ войны, и этимъ еще сильнѣе воспламенилъ въ нихъ страсть къ войнѣ. Одна капля крови, пролитая за вѣру (сталъ учить теперь Магометъ), одна ночь, проведенная подъ оружіемъ, заслуживаютъ больше награды, чѣмъ двѣ недѣли поста и молитвы. Кто падетъ на войнѣ, тому сразу отпускаются всѣ грѣхи, и онъ прямо идетъ въ рай, полный всевозможныхъ удовольствій и наслажденій; его раны на страшномъ судѣ будутъ великолѣпно блистать и издавать самый благовонный запахъ, какой только вообразить себѣ можно; у кого отрубятъ на войнѣ руку или ногу, тотъ, взявъ ее, получить на томъ свѣтѣ крылья ангеловъ и архангеловъ. Но,

какъ-бы хорошо ни было на томъ свѣтѣ, а все же страшно бываетъ идти на явную смерть. Чтобъ уничтожить и этотъ естественный страхъ и внушить презрѣніе къ смерти, — Магометъ сталъ учить, что судьба каждаго человѣка разъ навсегда предопредѣлена свыше и избѣжать ее невозможно,—что, стало быть, пойдешь-ли ты на войну или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, не избѣжишь того, что тебѣ суждено. Если тебѣ суждено умереть завтра, то ты все-таки умрешь, хоть-бы и не ходилъ на войну; а если суждено тебѣ еще жить, то ты будешь живъ и здоровъ, хоть-бы тысячи огней сыпались на тебя. Такими-то баснями кормилъ Магометъ своихъ послѣдователей, чтобъ еще болѣе воспламенить ихъ къ войнѣ за свою вѣру,—и они слушались его, какъ пророка Божія, и несли свои безтолковыя и буйныя головы на сраженіе, на смерть, на явную погибель. Предводительствуя и направляя буйными толпами своихъ изувѣрныхъ и легковѣрныхъ послѣдователей, Магометъ быстро завоевалъ себѣ вѣру и покорность и всѣхъ прочихъ своихъ соотечественниковъ, не хотѣвшихъ еще покориться ему. Онъ назвалъ своихъ послѣдователей *мусульманами*, что, на ихнемъ языкѣ, значило *правовѣрные*, и умирая, оставилъ имъ книгу, въ которой записаны были вся вѣра и весь законъ его, полученные яко-бы имъ съ неба, отъ Бога, чрезъ архангела Гавріила. Книгу эту мусульмане называли *кораномъ* или *алжораномъ*, что, по ихнему, значитъ *превосходнѣйшая книга*, хотя на дѣлѣ это самая лживая книга.

Что-же это за вѣра такая, за которую пролито было столько крови Магометомъ? Это, братіе мои, безобразная смѣсь язычества и іудейства, съ прибавкою еще нѣкоторыхъ полу-христіанскихъ понятій и представлений. Ибо, какъ аравитяне, соотечественники Магомета, жили въ сосѣдствѣ съ іудеями и христіанами и немного даже знакомы были особенно съ іудействомъ, то Магометъ и поукралъ кое-что изъ іудейства, даже христіанства, обезобразивъ это своими выдумками. Магометане вѣруютъ въ одного Бога, но не знаютъ ни Его Сына, ни Святаго Утѣшителя-Духа, точно какъ евреи. Христа Спасителя нашего они признаютъ обыкновеннымъ пророкомъ, какихъ было много; Магомета-же своего ставятъ выше всѣхъ этихъ пророковъ, почитая его первымъ послѣ Бога. Но можетъ-ли быть какое сравненіе между Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Магометомъ? Можетъ-ли выдуманная имъ вѣра стать на ряду съ тою, какую даровалъ намъ Спаситель нашъ? Иисусъ Христосъ сошелъ съ неба, чудесно

воплотился отъ Дѣвы, жилъ безгрѣшно, добровольно пострадалъ за наше спасеніе, воскресъ и вознесся на небо къ Отцу Своему, отъ Котораго Онъ и снизшелъ на землю. Магометъ рожденъ на землѣ отъ обыкновенныхъ родителей, обыкновеннымъ порядкомъ, жилъ очень нечестно, всю жизнь свою лгалъ и обманывалъ, надувалъ и воевалъ челоѣчество, нѣсколько разъ женился и разводился съ своими женами, наконецъ погибъ отъ яду, и такимъ же порядкомъ, какъ и всѣ люди, предсталъ на тотъ свѣтъ, предъ праведный судъ Божій. Иисусъ Христосъ низшелъ на землю побѣдить страсти челоѣческія; Магометъ только разжигалъ эти страсти. Тогда какъ Иисусъ Христосъ основалъ церковь Свою проповѣдью евангелія, Своею чудною жизнію и такою же чудною смертію, — Магометъ основалъ свое общество силою возбужденныхъ имъ военныхъ страстей, кровопролитіями, огнемъ и мечемъ. Тогда какъ Иисусъ Христосъ заповѣдывалъ Своимъ послѣдователямъ самую строгую чистоту жизни не только въ дѣлахъ, но и въ словахъ и даже въ сокровенныхъ помысленіяхъ сердца, — Магометъ почти обоготворилъ развратъ и распущенность челоѣческую. Онъ позволилъ своимъ мусульманамъ всевозможныя скотскія удовольствія и наслажденія, позволилъ многоженство, произвольные разводы и расторженія браковъ и, въ добавокъ еще, обѣщалъ имъ такой рай, о которомъ срамно есть и глаголати подробно, въ которомъ будто-бы люди будутъ утопать въ развратѣ, имѣя по 10, 20, 70 женъ и т. п. Итакъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ просвѣтилъ и спасъ людей, а Магометъ только туманилъ и морочилъ ихъ. Вѣра Христова есть свѣтъ и жизнь, а вѣра Магометова — тьма и гибель, точно такъ же, какъ и вѣра языческая и вѣра жидовская.

Но, братіе, если и безсмысленное язычество держится у многихъ народовъ, особенно въ Азіи, то не удивительно, что держится и хитрое магометанство. Держится оно у народовъ азіатскихъ, или вышедшихъ изъ Азіи, гдѣ большая часть народовъ издавна закоснѣла въ грубости, невѣжествѣ, въ нечестіи, отстала отъ народовъ христіанскихъ. Таковы, напр., персы, турки, татары, бухарцы, дикіе черкесы, бывшіе на Кавказѣ, и проч. Такъ-то, братіе, тьма нехристіанская еще широка на свѣтѣ, еще гибель людей гибнетъ на вѣки въ этой тьмѣ.

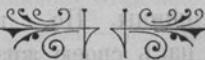
Теперь мы узнали, братіе, всѣхъ нехристовъ и невѣровъ, — видѣли, что всѣ они гибнутъ во тьмѣ и сѣни смертной, не зная надлежащимъ образомъ ни самихъ себя, ни своего Господа и Про-

мыслителя, ни, наконецъ, того славнаго и достопокланяемаго имени, о которомъ только и можно спастися всѣмъ людямъ, имени Иисуса Христа... Что же мы выведемъ изъ всего этого въ наше учение и назиданіе?

Первѣе всего мы должны дорожить своею святою вѣрою паче всего на свѣтѣ, какъ самымъ высшимъ и лучшимъ нашимъ сокровищемъ, отъ котораго зависить и наше счастье на землѣ и наше блаженство на небѣ, и непрестанно благодарить милосердаго Господа, даровавшаго намъ это сокровище. Слава Тебѣ, Отче, Сыне и Душе, Пресвятая Троице, Боже нашъ, слава Тебѣ, показавшему намъ свой свѣтъ! Еслибъ даже случилось намъ какъ-нибудь страдать за вѣру, терять изъ-за нея какія-либо выгоды мірскія или расположенность извѣстныхъ людей и т. д.,—мы и тогда ни на шагъ не должны отступать отъ нея,—должны быть готовыми скорѣе лишиться всего изъ-за нея, чѣмъ измѣнить ей въ чемъ-нибудь. Такъ страдали за эту вѣру древніе святыя исповѣдники и мученики, такъ страдать за нее завѣщали они и намъ, въ случаѣ нужды! Далѣе,—такъ какъ невѣры—язычники, жиды и мусульмане—живутъ въ нашемъ отечествѣ и очень часто сталкиваются съ нами по разнымъ житейскимъ дѣламъ, то мы должны знать еще, какъ нужно обращаться съ ними. Какъ же нужно обращаться? Съ кротостію, братіе мои, съ милосердіемъ и любовію, которыя во всемъ и всегда должны отличать истиннаго христіанина. Неразумно и не по-христіански дѣлаютъ тѣ, которые позволяютъ себѣ насмѣхаться, дразнить, бранить, вообще обижать, напр., еврея или еврейку, или же—что чаще бываетъ—малолѣтнихъ дѣтей еврейскихъ. Не думайте, будто не грѣшно такъ дѣлать: христіанину грѣшно обижать всякаго человѣка, кто-бы онъ ни былъ. Не обижать и преслѣдовать должны мы невѣрующихъ, а жалѣть о нихъ, какъ о заблуждающихся и погибающихъ братьяхъ нашихъ, и всячески стараться о ихъ вразумленіи и просвѣщеніи, о ихъ обращеніи ко Христу. Я уже говорилъ вамъ, какъ можно это дѣлать. Теперь же прибавлю еще, что самымъ лучшимъ средствомъ вразумленія невѣрующихъ была-бы наша добрая, честная, безукоризненная и святая жизнь, еслибъ только мы вели такую жизнь. Невѣрующіе, видя нашу жизнь святую, полюбили-бы и насъ, и нашу вѣру и, если только они не потеряли еще совѣсти, обращались-бы къ нашей вѣрѣ. Такимъ образомъ, надъ нами исполнилась-бы заповѣдь Христова: *такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая*

дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ. По крайней мѣрѣ, намъ непремѣнно нужно устранить изъ нашей жизни все то, въ чемъ мы сходимся съ невѣрами, а такого, къ сожалѣнію, много и много въ нашей жизни! Если ты, напр., всю вѣру составляешь въ томъ, чтобъ не съѣсть скоромнаго въ постъ, чтобъ не работать въ праздникъ, да еще при этомъ различаешь, что можно работать и чего нѣтъ, а, между тѣмъ, послѣ обѣдни не боишься напиться до безумія, или безсовѣстно обмануть и надуть человѣка, или даже стащить что нибудь чужое, то ты поступаешь чисто по-жидовски, а не по-христіански. Если ты безвинно бьешь и обижаешь свою жену, не радишь о своихъ дѣтяхъ, жестоко обходишься съ прислугою и рабочими, гонишь отъ себя свою мать-старуху, то ты—язычникъ, а не христіанинъ. Если ты оставляешь свою законную жену и живешь въ преступной связи съ чужою, то ты похожъ на мусульманина или бусурмана, а не на христіанина. Если ты въ несчастіи обращаешься къ ворожеямъ, вѣришь въ ихъ чары и заговоры, въ ихъ вѣдомство и колдовство, то ты опять поступаешь по-язычески. Но я когда нибудь поговорю объ этомъ съ вами подробнѣе. Аминь.

(«Воскр. Чтеніе» 1866 г. № 12).

IV. РѢЧИ.

1.

РѢЧЬ,

сказанная при погребеніи жены священника
Виленской Благовѣщенской церкви, З. Дави-
довича, 29 января 1878 года.

Надгробныя рѣчи мы привыкли слышать почти исключительно при погребеніяхъ лицъ вельможныхъ, знатныхъ и славныхъ. Поэтому, быть можетъ, кому нибудь покажется страннымъ, что я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ надъ гробомъ этой простой и малоизвѣстной женщины. Но... не одни только знатные и славные могутъ поучать насъ своею жизнію и смертію: такъ же точно могутъ назидать насъ и люди простые и честные, выполнившіе какъ слѣдуетъ задачу своей скромной жизни. Притомъ же, лесть окружаетъ знатныхъ при жизни, лесть большею частію слышится и надъ ихъ гробами; простые люди не слышатъ лести при жизни, тѣмъ менѣе она возможна послѣ ихъ смерти, — и если надъ скромнымъ гробомъ ихъ раздастся иногда слово похвалы, то оно всего менѣе можетъ быть льстивымъ.

Почившая о Господѣ сестра наша, гробъ которой мы теперь окружаемъ, была примѣрною супругою и матерью семейства. Всѣми помыслами своего ума, всѣми движеніями сердца и воли, послѣ Бога, она предана была мужу и дѣтямъ. Имъ она посвя-

тила всю себя, на служеніе имъ отдала всю свою жизнь, и самую смерть вкусила преждевременно, какъ жертва супружескаго долга *). Нужно ли говорить, какая это великая заслуга предъ Богомъ и людьми—быть такою супругою и матерью? Для людей мыслящихъ это понятно и безъ нашихъ объясненій... Скажу только развѣ, что въ наше время, когда на супружескій союзъ смотрятъ большею частію какъ только на созиданіе карьеры, на устройство и упроченіе такого или иного положенія въ обществѣ, или еще и хуже того—какъ на естественный „половой подборъ“,—когда, вслѣдствіе этого и многихъ другихъ еще причинъ, семейное счастье становится такимъ рѣдкимъ явленіемъ,—жены и матери, подобныя усопшей, суть величайшее сокровище, дрожайшее всѣхъ сокровищъ міра сего, и потеря ихъ весьма чувствительна не для одной только семьи, изъ которой онѣ исхищаются, но и для всего общества.

Всецѣлая самоотверженная преданность своей семьѣ не исключала однакожъ въ усопшей дружественныхъ расположеній и симпатій къ чужимъ. Она и къ нимъ относилась съ искреннимъ и теплымъ участіемъ, умѣла радоваться ихъ радостями и скорбѣть ихъ скорбями, готова была въ случаѣ нужды и помочь имъ, какъ и чѣмъ только могла. За ея не роскошною, но и не скудною, трапезою мы привыкли встрѣчать и своихъ и чужихъ, и ближнихъ и дальнихъ, и знакомыхъ и незнакомыхъ ей. Со всѣми она была одинаково радушна, ласкова, внимательна, услужлива. Такимъ образомъ, она была не только образцовою супругою и матерью, но и прекрасною сосѣдкою, доброю знакомою для всѣхъ, знавшихъ ее. И—что особенно отличало ее отъ многихъ сосѣдокъ и добрыхъ знакомыхъ ея пола—она никогда не позволяла себѣ пересудъ и насмѣшекъ надъ своими знакомыми, даже и заслуживающими, по-видимому, осужденія и осмѣянія, и вовсе не оскверняла сердца и языка своего такъ-называемыми сплетнями: черта весьма симпатичная и важная въ общежитіи, но въ то же время весьма рѣдкая въ людяхъ, даже не ея только пола, образованія и положенія.

Какова была покойница, какъ христіанка?—Одни уже эти, сейчасъ намѣченные нами, прекрасныя качества ея нравственнаго облика даютъ намъ право утверждать, что это было истинно-христіанская душа. Одна естественная доброта и мягкость

*) Покойница умерла на 42-мъ году, черезъ недѣлю послѣ родовъ.

характера, даже самое тщательное воспитаніе и образованіе въ гуманномъ духѣ не могутъ сдѣлать женщину такою, какъ была усопшая, которая къ тому же еще, и не была въ свое время особенно воспитана (некому и не за что было воспитывать бѣдную сиротку *). Такимъ образомъ, всѣмъ добрымъ и прекраснымъ, отличавшимъ ее во всю жизнь, она обязана была единственно Христовой вѣрѣ, которую издѣтства восприняла въ простотѣ ума и незлобїи сердца и до смерти сохранила цѣлою и неповрежденною. Эта была первѣе всего истинная христіанка, а отсюда уже— и прекрасная супруга, и нѣжная мать, и добрая гражданка. Отсюда же и та беззавѣтная преданность ея волѣ Отца небеснаго, какую являла она во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ своей жизни и которая еще яснѣе обнаруживала предъ всѣми ея строгохристіанское направленіе. Въ годину трудныхъ и тяжелыхъ испытаній, какихъ не мало было въ ея жизни, мы никогда не слыхали отъ нея слова отчаянія и ропота; не слыхали также отъ нея и слова горделивой самонадѣянности въ свѣтлые и радостные дни ея жизни, во время житейскихъ удачъ и успѣховъ. Она никогда не забывалась и не забывалась; напротивъ, всегда и во всемъ— и самое себя, и любимаго мужа, и всю семью свою и весь животъ свой отдавала въ руки Промысла Божія.

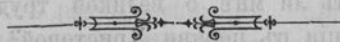
Прости мнѣ, возлюбленная о Господѣ сестра, что я позволилъ себѣ теперь нарушить нѣсколько обычную твою скромность, заговоривъ передъ этимъ собраніемъ о прекрасныхъ качествахъ твоей души. Не для того я сдѣлалъ это, чтобы восхвалить тебя,— ты мало нуждалась въ этомъ и когда была съ нами, а теперь и вовсе не нуждаешься, готовясь предстать предъ лицо Судїи всевѣдущаго и всеправеднаго; нѣтъ, я сдѣлалъ это для общаго нашего назиданія и вмѣстѣ нѣкоего утѣшенія наиболѣе любящихъ тебя и оплакивающихъ тебя... Прости же и иди смѣло и бодренно въ путь, какой сказалъ и указалъ тебѣ нынѣ Господь. Мы всѣ убѣждены, что *путь сей, въ онъже идеши днесь, по-истинѣ блаженъ для тебя, яко уготовася тебѣ, въ концѣ этого пути, мѣсто успокоенія.* Твоя чистая и кроткая душа, много настрадавшаяся въ этой жизни и затѣмъ, какъ золото въ горнилѣ, переплавленная и очищенная огнемъ тяжелыхъ предсмертныхъ му-

*) Усопшая была дочь причетника и рано лишилась отца и матери.

чений *), найдетъ себѣ тамъ не только покой и отдыхъ, какого не знала здѣсь, но и вѣчную неизреченную радость, вѣчное, ничѣмъ и никогда уже не возмущаемое и не нарушаемое, счастье и блаженство, какое намъ здѣсь и на сердце никогда не всходило.

А ты, пораженный ударомъ Божиимъ, супругъ и отецъ, не скорби паче мѣры! Возверзи на Господа всю печаль твою и уповай на Него. Съ дѣтскою покорностію и любовію *смирись подѣ крѣпкую руку Божию* и скажи, какъ нѣкогда праведный Іовъ: *Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися тако бысть, буде имя Господне благословенно!* Уповай на Бога самъ, Ему же, Его отеческому попеченію вручи и малыхъ дѣтей своихъ **)... Хотѣлось бы мнѣ и имъ сказать теперь что-нибудь въ утѣшеніе и наставленіе; но они еще такъ малы и юны, что съ ними почти нельзя говорить серьезно съ сего священнаго мѣста. Обращаюсь, наконецъ, къ тебѣ, первородная дочь усопшей, которой она наиболѣе удѣлила отъ духа своего и на которой почивало особое ея благоволеніе. Береги отца и помогай ему въ воспитаніи малыхъ сихъ братьевъ и сестеръ твоихъ. За это ты стяжешь себѣ не только похвалу отъ людей, но и любовь и благословеніе самаго Отца небеснаго!

(«Литов. епарх. енд.» 1878 г. № 6).

*) Умерла отъ воспаленія, перешедшаго въ антоновъ огонь.

**) Кромѣ новорожденнаго сына, отъ покойной остались двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ. Сверхъ того, еще остались двѣ замужнія дочери, изъ коихъ старшая живетъ въ Вильнѣ.

ПЕРЕДАНО Н. П. Б,
изъ книгъ протоіерея
Никифора Ивановича
ЛЯБОРИНСКАГО
* 11 іюля 1903 года,

2.

РѢЧЬ

Святѣйшему Синоду при нареченіи во епископа
михайловскаго, викарія рязанской епархіи,
1881 года.

Ваше святѣйшество!

Велѣніемъ Державнаго Монарха, по вашему, милостивѣйшіе архипастыри и отцы, избранію и благословенію, мнѣ указано быть епископомъ. Съ благоговѣніемъ выслушалъ я вѣсть сію и отвѣтствовалъ уже на нее словами благодарнаго согласія, какъ того требуетъ чинъ священнодѣйствія, совершаемаго теперь надо мною. Что же сказать мнѣ вамъ еще отъ себя, по влеченію и внушенію моего собственнаго сердца? Въ такія минуты, какія я теперь переживаю, обыкновенно или совсѣмъ не хочется говорить, а хочется лишь молиться, вздыхать и плакать, или же и хочется говорить, и говорить о многомъ и много, но языкъ какъ-то плохо повинуется мысли, а мысль, въ свою очередь, то разсѣвается и ускользаетъ, то какъ бы застываетъ и оцѣпениваетъ отъ страха и смущенія.

Итакъ, говорить ли мнѣ о великой трудности и тяжести епископскаго служенія въ церкви Христовой? Но кто я, чтобы мнѣ говорить объ этомъ вамъ, святители Божіи, и кто лучше васъ знаетъ всѣ скорби и труды, всѣ болѣзни и тяготы сего служенія? Меня еще только нарекаете вы въ званіе епископское, сами же на своихъ собственныхъ раменахъ носите уже бремя сего званія и соединеннаго съ нимъ служенія и носите не со вчерашняго только дня: а единъ отъ васъ, старѣйшій между вами испытывалъ *тяготу и варъ* (Матѣ. XX, 12) сего званія и служенія уже тогда, когда меня не было еще на свѣтѣ Божіемъ... Поэтому вы повѣдайте и, безъ сомнѣнія, повѣдаете мнѣ о трудностяхъ и тягостяхъ епископскаго служенія, особенно въ наше злополучное время, а теперь я скажу только, что никогда не скрывалъ отъ себя трудностей и тягостей, и онѣ то наипаче страшатъ и смущаютъ меня въ часъ сей, особенно когда я

вспомню еще о скудости силъ моихъ, о немощахъ плоти и духа моего.

Говорить ли мнѣ подробно о немощахъ моихъ? Но мнѣ думается, что здѣсь не мѣсто и теперь не время для подобной рѣчи. Поэтому лучше я только вообще упомяну, или, по апостолу и со апостоломъ, *похваляюся о немощехъ моихъ, да вселится и въ мя сила Христова* (2 Кор. XII, 9),—и, о еслибъ она вселилась въ меня недостойнаго!... Велики, многочисленны и разнообразны, святѣйшіе отцы, немощи плоти моей грѣшной и духа моего бѣднаго. Мнѣ кажется, что онѣ видимо положили печать свою на лицѣ моемъ,—отражаются постоянно и въ рѣчахъ и во взорахъ моихъ, и во всѣхъ моихъ приемахъ и движеніяхъ. Подъ ихъ бременемъ тяжкимъ *едва не пошатнулись ноги мои, едва окончательно не поскользнулись стопы мои* (Псал. LXII, 2) и на этомъ, сравнительно недолгомъ еще пути жизни и немноготрудномъ поприщѣ служенія, доселѣ пройденномъ мною. Одолѣваемый этими немощами, я неоднократно помышлялъ въ сердцѣ своемъ удалиться отъ дѣлъ общественнаго служенія и водвориться гдѣ нибудь въ пустыни (Псал. LIV, 8).

Но вотъ, когда я уже готовъ былъ рѣшиться на этотъ шагъ, т. е. готовъ былъ бѣжать въ пустыню, случилось то, что вы знаете и видите. Въмѣсто пустыни я притекъ сюда, въ царствующій градъ, дабы пріять отъ высшаго правительствующаго собора церкви нашей хиротонію архіерейства... Господи, что же сіе еже о мнѣ бысть таинство?!

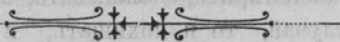
Когда я вхожу въ размышленіе объ этомъ таинствѣ, мнѣ припоминаются и Боговидецъ Моисей и Богоотецъ Давидъ, оба отъ стадъ и дворовъ овчихъ взятые пасти возлюбленный народъ Божій; припоминаются бѣдный пастухъ изъ Оекуи—пророкъ Божій Амосъ и Иеремія, говорившій Іеговѣ при своемъ избраніи на пророческое служеніе: *не въмъ глаголати, яко отрокъ азъ есмь* (Иер. I, 6); припоминаются и рыбаки галилейскіе, вселенную уловившіе Христу, и Савлъ—гонитель, ставшій Павломъ—ревнителемъ и апостоломъ и мученикомъ Христовымъ; припоминаются и многіе другіе избранные сосуды Божіи, взятые отъ плуга, отъ гумна и т. п. и совершившіе великая и славная и дивная въ церкви Божіей, не смотря на молодость лѣтъ и скудость силъ своихъ, вопреки всѣмъ обыкновеннымъ расчетамъ человѣческимъ, часто даже вопреки своимъ собственнымъ желаніямъ, намѣреніямъ и стремленіямъ... Конечно, я не дерзаю ставить себя на

ряду съ этими чрезвычайными избранниками и посланниками Божиими; но дерзну похвалиться предъ вами, богомудрые,—и, какъется, *не буду безуменъ, истину бо реку* (2 Кор. XII, 6),—что и мое окаянство Господь мой и Богъ мой избралъ въ служеніе епископское еще отъ *чрева матери моея* (Гал. I, 15). Да, еще водни моего отрочества и самой ранней юности моея, въ моихъ наклонностяхъ и стремленіяхъ, въ любимыхъ моихъ занятіяхъ, даже въ дѣтскихъ моихъ играхъ и забавахъ многіе видѣли образы и знаменія того высокаго званія и служенія, въ которое я нынѣ призываюсь вами, и заранѣе именовали меня не только монахомъ, но и архіереемъ; мать же моя, какъ передавали мнѣ, прорекала о моемъ монашествѣ еще тогда, когда я едва умѣлъ различать десницу отъ шуйцы. Съ другой стороны, и самый путь моего воспитанія и общественнаго служенія, доселѣ пройденный мною, не смотря на всѣ его камни и утесы, тернія и волчцы, крутизны и стремнины,—когда я теперь вглядываюсь въ него и какъ теперь понимаю его,—былъ для меня самымъ лучшимъ пѣстуномъ и руководителемъ къ этому именно званію и служенію. Въ разъясненіе и подтвержденіе сейчасъ сказаннаго, я могъ бы сообщить вамъ теперь не мало характерныхъ чертъ и любопытныхъ подробностей изъ моего прошлаго, но боюсь утомить вниманіе вашего святѣйшества; притомъ же и опасуюсь, *да не како кто вознепшуетъ о мнѣ паче, еже видитъ мя, или слышитъ что отъ мене* (2 Кор. XII, 6).

Благословленъ убо буди, Господи и Владыко живота моего, едине вѣдый моего существа немощь, яко избавлялъ еси даже до сего дне и часа *душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ и ноздръ мои отъ поползновенія* (Псал. СХІV, 7), когда же я и претыкался и падалъ, паки и паки возставлялъ меня и поставлялъ на путь твой. *Много содѣлалъ Ты* для меня, Господи Боже мой; *о чудесахъ и помысленіяхъ Твоихъ* обо мнѣ *хотѣлъ бы я проповѣдывать и говорить, но они превышаютъ число* (Псал. XXXIX, 6). И нынѣ, Господи, познахъ и вѣровахъ и исповѣдаются Тебѣ *въ церкви сей величій* (Псал. XXI, 26), яко Ты мя избралъ и призвалъ и посылаеши въ великое и страшное сіе служеніе Тебѣ... *Готово сердце мое, Боже готово сердце мое: се иду сотворити волю Твою: точію и Ты, Господи, не удали щедротъ Твоихъ и не отврати лица Твоего отъ мене; помощникъ мой буди, яко же и доселѣ былъ еси, и не отри ни мене, и не остави мене, Боже Спасителю мой!* (Псал. СVII, 1; XXXIX, 8, 9, 12; XXVI, 9).

Благословите и вы меня, святѣйшіе архипастыри и отцы, на новый путь, въ который иду, и новый подвигъ, который подь- емлю; а когда настанетъ уреченный день и часъ, вознесите о мнѣ мольбы ваши ко Господу и преподайте моему недостоинству бла- годать и власть епископства, отъ самаго Христа Бога, чрезъ Его св. апостоловъ и ихъ преемниковъ другъ - другопримательно пришедшую и на васъ. Вѣрую несомнѣнно, что въ священномъ тайнодѣйствіи вашего святительскаго руковожденія облекуся *силою свыше* (Лук. XXIV, 49) и уповаю твердо, что руководимый отеческимъ руководствомъ архипастыря рязанскаго, въ со- трудника коему *Святому Духу* и вамъ *удобно* было (Дѣян. XV, 28) послать меня, явлюсь въ дому Божіемъ рабомъ благимъ и вѣрнымъ и потщуся *себе искусна поставити предъ Богомъ, дѣла- теля непостыдна, право правяща слово истины* (2 Тим. II, 15).

(«Церков. Вѣсти.» 1881 г. № 36).

3.

Р Ѣ Ч Ъ

при первомъ вступленіи въ Костромскій кафедраль- ный соборъ 24 января 1889 года.

Слава и благодареніе Господу Богу нашему, призвавшему мое недостоинство на архипастырскую кафедру богохранимыя паствы Костромскія и сподобившему нынѣ прибыть невредимо въ богоспасаемый градъ вашъ! Великое значеніе для нашей Церк- кви и отечества главнѣйшей Костромской святыни—чудодѣй- ственной иконы Пресв. Богородицы Феодоровскія, украшающей храмъ сей и храняющей градъ сей, извѣстно, думаемъ, повсюду и всякому, кто хоть немного знакомъ съ отечественною исторіей. Знаменита также и славна въ историческомъ отношеніи и та древняя обитель града сего, въ которой указалъ Господь теперь жить, а, быть-можетъ, судить и умереть мнѣ, грѣшному. Да по- чиваетъ же присно надъ градомъ симъ и надъ всѣми градами и весями богодарованныя мнѣ паствы сея миръ и благословеніе

Божіе! Да не оскудѣетъ до вѣка благодать и сила Царицы небесной отъ сея пречудныя иконы Ея, покрывая, заступая и спасая всѣхъ насъ отъ всякихъ лютыхъ!

Прибыль я къ вамъ, братіе мои, не для того только, чтобы воспринимать честь и славу, какую благочестіе ваше обыкло воздавать святительскому сану и какую сейчасъ воздало и моему убожеству, какъ облеченному симъ высокимъ саномъ. Нѣтъ, я прибыль сюда на дѣло и дѣланіе Господне, неразрывно соединенное съ моимъ званіемъ. Дѣло это—въ высшей степени великое и важное, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ такой же мѣрѣ трудное и тяжелое. Обязанности епископскаго служенія въ Церкви и всегда были не легки; но особенно тяжелы стали онѣ въ наше время— время повсемѣстнаго почти упадка въ нашемъ отечествѣ духа вѣры Христовой, когда для многихъ нѣтъ уже ничего завѣтнаго и святаго, кромѣ ихъ собственнаго грубаго эгоизма и жалкаго матеріализма,—когда умѣнье жить стало означать для большинства умѣнье льстить, лицемерить, обманывать, лгать, а если представится удобный случай, то и похищать, и воровать,—когда на нѣкоторыхъ не дѣйствуетъ уже ни голосъ совѣсти, ни даже страхъ суда Божія и будущаго воздаянія *коемуждо по дѣломъ его*. Понятно само собою, какъ трудно, какъ тяжело среди людей подобнаго направленія сѣять съ успѣхомъ слово Божіе, насаждать и возвращать строгое благочестіе христіанское, обличать заблужденіе и нечестіе, возвѣщать путь правды и спасенія.

Облегчите же, отцы и братіе и чада моя о Господѣ, облегчите мнѣ, слабому духомъ и тѣломъ, возложенное на рамена мои тяжкое бремя архипастырства. Облегчите—первѣе всего строгимъ и точнымъ исполненіемъ вашего служебнаго долга.

И во первыхъ, васъ умоляю, духовные пастыри града сего, а въ лицѣ вашемъ—и всѣхъ пастырей паствы нашея; умоляю апостольскимъ словомъ: *насите еже въ васъ стадо Божіе, надзирая за нимъ не по принужденію, но по доброй волѣ, не для тнужной корысти, но изъ усердія, и не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавая собою образецъ стаду* (1 Петр. 5, 2. 3). Учите ввѣренный вашему водительству народъ Божій правой вѣрѣ и доброй жизни христіанской,—учите нелѣбнымъ исполненіемъ церковныхъ богослуженій и молитвословія; простымъ, яснымъ и вразумительнымъ проповѣденіемъ слова Божія—и въ храмѣ, и въ школѣ, и въ домѣ, въ богослужебное и виѣбогослужебное время, короче—всегда и вездѣ, гдѣ представится къ

сему поводъ и случай; учите, наконецъ, и самымъ образомъ своей жизни (что всегда почти бываетъ дѣйствице всякаго слова), жизни доброй, неукоризненной, трезвенной, цѣломудренной. Помните твердо, что это существенная обязанность званія не нашего только, но и вашего, за неисполненіе которой строго взыщеть съ насъ Господь.

Далѣ къ вамъ обращаюсь, ближайшіе сотрудники мои по управленію врученной мнѣ паствой, составляющіе собою извѣстное церковно-правительственное учрежденіе, или „присутственное мѣсто“! Дѣлайте свое дѣло, яко имущіи воздати за него слово не предъ людьми только, но и предъ Богомъ. Законъ и правда, растворяемая милостію къ достойнымъ милости, да будутъ вамъ единственными руководителями въ вашихъ судебныхъ рѣшеніяхъ и административныхъ распоряженіяхъ; лихва же и корысть, мзда неправедная и мнимо-праведная, или такъ называемая „безгрѣшная“, покровительство однимъ по родству, сватовству, кумовству и т. п., въ обиду другимъ, болѣе достойнымъ— все это и иное подобное сему далеко да бѣжить отъ васъ, *ниже да именуется въ васъ.*

За симъ, къ вамъ взываю, воспитатели духовнаго юношества—будущихъ пастырей страны сея! Будьте воспитателями въ собственномъ смыслѣ слова, а не простыми только учителями: развивайте въ своихъ питомцахъ не умъ только, но и чувство, и волю, и *всего* человѣка, только, разумѣется, не *ветхаго* *человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прельстныхъ*, но *человѣка новаго, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины* (Еф. 4, 22. 24). Насаждайте и възгрѣвайте въ сердцахъ ихъ, наряду со всѣмъ добрымъ и прекраснымъ, и любовь къ Церкви и отечеству, любовь и ревность къ тому званію и служенію, къ которому они нарочито и приготавливаются вами. Въ святое и великое дѣло свое влагайте всю свою душу, избѣгая всячески такъ называемаго формальнаго отношенія къ нему.

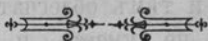
Умоляю, напоследокъ, и васъ, возлюбленные о Христѣ братья, мірскіе граждане, пришедшіе сюда, чтобы взглянуть на насъ, или же и принять благословеніе отъ насъ,—умоляю и васъ *достойно ходити званія, въ неже званіи бысто* (Еф. 4, 1), т. е. добросовѣстно и честно выполнять лежація на васъ обязанности, какъ обще-христіанскія, такъ и свои особенныя—семейныя, общественныя, гражданскія, и тѣмъ облегчать намъ тяготу нашего служенія. Пусть никто не думаетъ и не говоритъ, что намъ

нѣтъ никакого дѣла до его поведенія,—что мы, духовные, сами по себѣ, а вы, міряне, сами по себѣ.... Ахъ, нѣтъ, братіе! Вы-то именно и есть то стадо Христово, то наслѣдіе Божіе, которое призваны пасти и упасти на нажитыхъ спасенія мы, недостойные ваши пастыри и архипастыри,—и такое или иное религіозно-нравственное состояніе ваше есть либо наша похвала, либо наше осужденіе предъ Богомъ и человѣки.

Кромѣ надлежащаго исполненія своихъ обще-христіанскихъ, служебныхъ и другихъ обязанностей, всѣ вы, братіе и чада мои, какъ духовные, такъ и міряне, много могли бы облегчить мнѣ тяготу архипастырства своею любовію къ моему достоинству. Не стану теперь много распространяться о любви—этомъ единственно-истинномъ началѣ истинно-человѣческой и истинно-христіанской жизни. Скажу только, что если, по ученію слова Божія, всѣ мы обязуемся любить другъ друга (1 Іоан. 4, 11 и друг.); то пастыри и архипастыри Церкви Христовой, потому же ученію, имѣютъ нѣкоторое преимущественное предъ другими право на любовь къ нимъ со стороны вѣрующихъ. Послушайте, что писалъ нѣкогда апостолъ Павелъ къ Солунянамъ: *молимъ вы братіе (говоритъ онъ), знайте труждающихся у васъ, настоятелей вашихъ о Господѣ, и наставниковъ вашихъ, и имйте ихъ по презрѣнью въ любви за дѣло ихъ* (1 Сол. 5, 12). Полюбите же, молю васъ, братіе, полюбите и мое окаянство *за дѣло мое*—за то дѣло, на которое я посланъ и пришелъ къ вамъ; а ради этой любви оказывайте мнѣ должное послушаніе, снисходите къ моимъ немощамъ и недостаткамъ, будьте со мною искренни и откровенны, говорите мнѣ правду, чистую правду, безъ прикрасъ, и говорите прямо и открыто, предостерегайте меня отъ ошибокъ, предохраняйте отъ опасностей, наконецъ—*молитесь о мнѣ Господу Богу. Молитесь напроче о томъ, да не безплодно будетъ мое служеніе у васъ, но да явитъ меня Верховный Пастыреначальникъ нашъ дѣлаемъ искусна, непостыдна, право правяща слово истины* (2 Тим. 2, 15) въ странѣ вашей.

Богъ же всякія благодати, призавый васъ въ вѣчную Свою славу во Христвъ Исусъ, Той да совершитъ вы, да утвердитъ, да укрѣпитъ, да оскуетъ. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ! (1 Петр. 5, 10, 11). Аминь.

(«Костром. епарх. вѣдом.» 1889 г. № 3.)

4.

Р Ъ Ч Ъ

при прощаніи съ Костромскою паствою, 29 декабря
1891 г., въ Каедральномъ соборѣ.

Я долженъ нынѣ проститься съ вами, возлюбленные мои! Вы знаете, конечно, что Костромской паствѣ дарованъ Богомъ новый архипастыръ, имя коего и возглашается уже по чиноположенію на церковныхъ службахъ.

Около трехъ лѣтъ тому назадъ, прибывъ къ вамъ на архіерейскую каеэдру, на этомъ самомъ священномъ мѣстѣ держалъ я рѣчь къ вамъ, въ которой просилъ облегчать мнѣ всячески тяжкій трудъ архипастырства, выпавшій на мою долю. Просилъ я объ этомъ и духовныхъ пастырей града сего и всей паствы Костромской; просилъ и ближайшихъ сотрудниковъ моихъ по епархіальному управленію, и воспитателей духовнаго юношества; просилъ и васъ, мірскіе граждане, встрѣчавшіе меня тогда въ этомъ храмѣ. Благодареніе Господу, нашлись въ паствѣ души добрыя, боголюбивыя и богобоязненныя, внявшія гласу моленія своего архипастыря: онѣ помогли мнѣ, на сколько это отъ нихъ зависѣло, открыть и уничтожить нѣкоторыя злоупотребленія, нестроенія и неправды, укоренившіяся въ епархіальной жизни. Да воздастъ имъ за это Господь Своею великою и богатою милостію и въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ! Но нашлись, къ прискорбію, и другаго рода люди, которые не только не содѣйствовали, а, напротивъ, всячески противодѣйствовали моимъ просьбамъ, намѣреніямъ и распоряженіямъ, направленнымъ ко благу епархіи. И такихъ нашлось громадное большинство и—что еще прискорбиѣ—всѣ они или почти всѣ изъ священнаго сословія пастырей... Это пастыри, *пасущіе самихъ себе*, каковымъ еще ветхозавѣтные пророки возвѣщали *юре!* — Это священнослужители, служащіи не столько Богу, сколько мамонѣ, и своему чреву. Славолюбцы, честолюбцы, сребролюбцы, льстецы, хитрецы, они на первыхъ же порахъ не возлюбили моей простоты, нестяжательности и прямоты, а когда нѣкоторые изъ нихъ современемъ воспріяли отъ рукъ моихъ достойное воздаяніе по дѣламъ своимъ, тогда положительно возненавидѣли меня и начали „глаголати лукавая на душу мою“. Будучи не въ силахъ вступить въ борьбу со мною

прямо и открыто, они прибѣгли къ вѣткамъ извѣданному вѣрному оружію противъ всякаго добра—къ оружію лжи и клеветы. Стали повсюду разглашать обо мнѣ, и въ устныхъ бесѣдахъ между собою, и въ письмахъ къ разнымъ своимъ друзьямъ и пріятелямъ, даже въ безыменныхъ письмахъ къ лицамъ, стоящимъ у кормила высшаго церковнаго управленія, разглашать, говорю, обо мнѣ дурныя вѣсти и нелѣпныя толки. Стали измышлять и возводить на меня обвиненія въ такихъ дѣйствіяхъ, которыхъ я не только никогда не дѣлалъ; но и не думалъ и не могъ дѣлать по своей натурѣ, по своему характеру, положенію и нравственнымъ убѣжденіямъ. Постарались набросить какую-то мрачную тѣнь даже на лицъ, окружающихъ меня и соприкасающихся со мною въ домашней моей жизни, тогда какъ никто изъ нихъ не зналъ, какъ слѣдуетъ, ни самой этой жизни, ни самихъ этихъ лицъ. Не постави, Господи, людямъ симъ грѣха сего, паче же просвѣти умы и смягчи сердца ихъ къ зрѣнію истины и воспріятію правды Твоея!

По навѣтамъ-ли этихъ зломыслящихъ мнѣ людей, какъ думаютъ и говорятъ многіе, или по другимъ какимъ причинамъ и побужденіямъ состоялось мое перемѣщеніе въ иную епархію,— во всякомъ случаѣ жаль мнѣ разставаться съ тобою, паства Костромская! Жаль, что я не успѣлъ сдѣлать тебѣ и половины того добра, какого—Богъ свидѣтель!— всегда желалъ и нынѣ желаю тебѣ отъ всего сердца моего. Жаль мнѣ оставлять твои прекрасныя храмы, какихъ не приводилось мнѣ доселѣ видѣть не только въ селахъ, какъ здѣсь, но и во многихъ изъ знакомыхъ мнѣ городовъ. Жаль оставлять и этотъ величій храмъ, въ которомъ я привыкъ видѣть васъ, братья мои, въ такомъ множествѣ и съ такимъ усердіемъ молящимися всякій разъ, когда совершалъ въ немъ богослуженіе. Жаль, наконецъ, разставаться и съ этимъ сладкозвучнымъ, умирительнымъ пѣніемъ архіерейскихъ пѣвцовъ, которое утѣшало, умиляло и умиротворяло скорбную душу мою и какое далеко не вездѣ можно услышать въ нашихъ губернскихъ городахъ, при небогатыхъ архіерейскихъ каѳедрахъ.

Простите же меня, отцы и братія, матери и сестры, и отпустите съ миромъ и благословеніемъ въ предстоящій мнѣ далекій путь, на новый нелегкій трудъ. Простите, если, по немощи естества, оскорбилъ или обидѣлъ кого изъ васъ словомъ или дѣломъ, вѣдніемъ или невѣдніемъ. Съ своей стороны прощаю всѣмъ все и призываю на всѣхъ васъ благословеніе Божіе. Въ заклю-

чение прошу и молю любовь вашу, не забывать моего недостойнства въ молитвахъ вашихъ къ Богу, наипаче же по отшествіи моемъ отъ міра сего, по кончинѣ моей, о которой, безъ сомнѣнія, многіе изъ васъ услышатъ во время свое. Благословеніе Божіе да пребудетъ со всѣми вами отнынѣ и до вѣка!

(Собственноручная рукопись автора).

V.

К Р А Т К І Я

БЛАГОЧЕСТИВЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

1.

Нѣсколько мыслей о будущей жизни, страшномъ судѣ и картинахъ сего суда.

Истина втораго пришествія Христа Спасителя, для совершенія послѣдняго суда надъ человѣчествомъ и открытія новаго славнаго царствія Божія, есть одна изъ самыхъ существенныхъ и основныхъ истинъ христіанскаго ученія. Она стоитъ въ тѣсной связи съ истинною перваго пришествія Сына человѣческаго, есть какъ-бы прямое естественное слѣдствіе этого пришествія. Первое пришествіе Христа Спасителя, Его небесное ученіе, Его крестная смерть, Его св.Церковь съ своею спасительною благодатію, словомъ—вся совокупность благъ, дарованныхъ человѣчеству въ христіанствѣ, — все это — только приготовленіе, только средство къ вѣчной блаженной жизни съ Богомъ, къ которой собственно и назначено первоначально человѣчество, отъ которой оно удалилось въ Адамѣ, на путь къ которой снова поставлено во Христѣ и которая откроется для него только со времени втораго пришествія Сына человѣческаго. Уничтожьте въ мысли своей эту истину христіанскаго ученія,— и цѣль нашего сотворенія и существованія окажется не достиг-

путою, все домостроительство нашего спасенія явится чѣмъ-то непонятнымъ, незаконченнымъ: это будетъ средство безъ всякой цѣли.—Столь важная въ догматическомъ отношеніи, эта истина не менѣе, если еще не болѣе, важна и въ нравственномъ. Давая человѣку правильный взглядъ на жизнь настоящую,—на ея радости и горе, на ея счастье и бѣдствія, на ея дѣйствительное добро и зло,—она устрояетъ по роду своему и самую дѣятельность человѣчества. Она одушевляетъ добраго воина Христова, изнемогающаго въ тяжелой борьбѣ съ безчисленными бѣдствіями виѣшними, съ самимъ собою—собственными страстями и немощами, наконецъ—съ коварствомъ, хитростію, зложелательствомъ, измѣною, предательствомъ, ненавистію и злобою другихъ,—даетъ ему все новыя и новыя силы и средства для борьбы со зломъ. Въ мысли о праведномъ Мздовоздателѣ находить для себя нравственную поддержку угнетенная невинность, отверженная бѣдность, непризнанная честность и добросовѣтность, гонимая правда, преслѣдуемое благочестіе. Но успокоивая и одушевляя добрыхъ и благочестивыхъ, мысль эта, съ другой стороны, устрашаетъ и сдерживаетъ злыхъ и нечестивыхъ. Она сдерживаетъ порывы эгоизма во всѣхъ его видахъ и степеняхъ, со всѣми его нравственно-разрушительными обнаруженіями, а отсюда—сколько подавляетъ зла въ самомъ его зародышѣ! Самолюбіе, честолюбіе, корыстолюбіе, плотугодіе, со всѣми ихъ адскими исчадіями, здѣсь, въ этой мысли, находятъ для себя крѣпкую узду. И еслибы человѣчество глубоко прониклось этой истиной, еслибы оно положило ее въ основу всей своей жизни,—новый видъ представила бы тогда наша грѣшная земля.

Вслѣдствіе такого важнаго значенія своего въ мысли и жизни христіанина, истина втораго пришествія Христова и праведнаго суда и мздовоздаянія, съ особенною силою, полнотою и опредѣленностію возвѣщается въ словѣ Божіемъ, и преимущественно—новаго завѣта. Много мѣстъ въ новомъ завѣтѣ, въ которыхъ говорится объ этой истинѣ,—и еслибы мы захотѣли привести всѣ ихъ, намъ пришлось бы выписать едва ли не большую половину всего новозавѣтнаго Писанія. Самъ І. Христось, и въ многочисленныхъ притчахъ Своихъ (таковы всѣ притчи о царствіи Божіемъ, отличительною чертою которыхъ служатъ слова: *уподобися царствіе небесное, подобно есть царствіе Божіе*—Матѣ. 13, 24—50, 18, 23—35 и пр.; таковы же притчи—о сѣятелѣ, о богатомъ и Лазарѣ, о вечери веліей и мн. др.) и въ пря-

момъ изложеніи своего божественнаго ученія предъ народомъ (Матѳ. 6, 19—21, 33; Иоан. 6, 36—54 и проч.), и въ возвышенныхъ бесѣдахъ Своихъ къ невѣрующимъ іудеямъ (Иоан. 5, 21—29 и др.), и въ частныхъ собесѣдованіяхъ съ своими учениками (Матѳ. 10, 28; 24, 27—51; 1—30 и др.),—внушаетъ Своимъ слушателямъ истину будущей жизни, своего втораго пришествія, праведнаго суда и мздовоздаянія. Особенно же важно въ этомъ отношеніи то извѣстное мѣсто евангелія Матѳея (25, 31—46), гдѣ будущій Судія вселенной излагаетъ самый образъ совершенія, представляетъ живую картину своего праведнаго суда. Въ апостольскихъ писаніяхъ проповѣдь о Судіи живыхъ и мертвыхъ, о днѣ гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, о воздаяніи комуждо по дѣломъ его и под., можно встрѣтить на каждой страницѣ.

Св. Церковь, вѣрная хранительница и истолковательница богопреданнаго ей ученія, руководящая чада своихъ къ вѣчному спасенію, скоро и глубоко сознала и всегда сознаетъ все великое значеніе этой истины для своихъ вѣрующихъ, и потому всячески старалась и старается внѣдрить ее въ ихъ умы и сердца, перелить въ ихъ убѣжденіе и жизнь. Считаая недостаточнымъ для этой цѣли одно слушаніе вѣрующими евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, въ которыхъ проповѣдуется эта истина, она выбрала ее,—на ряду съ другими догматическими и нравственными истинами,—предметомъ своихъ богослужебныхъ пѣснопѣній. Всѣ—такъ—называемыя на церковномъ языкѣ—покаянныя и умильтельныя стихиры и каноны имѣютъ содержаніемъ своимъ, главнымъ образомъ, мысль о праведномъ Судіи и Его неумытномъ судѣ, и еженедѣльно по нѣсколько разъ поются и читаются въ храмахъ (см. седмичныя службы въ Октоихѣ, также въ постной Трїоді). Кромѣ того, св. Церковь отдѣляетъ въ году особый день для памяти „страшнаго дне суднаго“, и въ этотъ день съ особенною полнотою и живостію живописуетъ страшныя событія того великаго дня. Въ недѣлю мясопустную вѣрующая душа какъ бы непосредственно созерцаетъ, какъ „Праведный Судія сидитъ на страшнѣмъ престолѣ славы своея“, какъ со страхомъ предстоятъ Ему ангелы, какъ „книги совѣстныя разгибаются и тайная челоуѣковъ являються“, какъ „рыдають нечестивіи, отъ избранныхъ разлучаеми и въ муку вѣчную посылаеми“ и проч. Но и этого мало; желая, чтобы вѣрныя чада ея, такъ сказать, ни на минуту не забывали этой благодѣтельной для нихъ

истины, Церковь излагаетъ ее въ тѣхъ молитвословіяхъ, которыя назначаетъ преимущественно для ихъ домашняго употребленія. Въ „часословахъ, молитвословахъ, правильникахъ и каноникахъ“, назначаемыхъ для частнаго употребленія вѣрующими, она помѣщаетъ „много тропарей и каноновъ покаянныхъ“, главная мысль которыхъ—мысль о страшномъ судѣ, а помѣщаемая въ нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ, такъ-называемая, „служба по вся дни“ есть не что иное, какъ сокращеніе службы недѣли мясопустной. Наконецъ, Церковь хочетъ, чтобы вѣрующій всѣ свои мысли, чувствованія, желанія, стремленія и дѣйствія ежедневно заканчивалъ мыслию о послѣднемъ судѣ: послѣ „молитвъ на сонъ грядущимъ“, она даетъ ему такой заключительный со- вѣтъ: „таже прекрестися, и съ молитвою засни, помышляя день судный, како имаша предстати Богу“.

При такомъ важномъ значеніи для христіанина истины послѣдняго суда, при такомъ настойчивомъ желаніи св. Церкви напечатлѣть эту истину въ умахъ и сердцахъ чадъ своихъ, естественно было ожидать, что, раньше или позже, между христіанами непремѣнно явятся живописныя изображенія или картины страшнаго суда Христова, какъ постоянныя, живыя и наглядныя напоминанія объ этой, столь благотворной, истинѣ. И— надо думать—эти назидательныя картины, или иконы, очень рано вошли во всеобщее употребленіе въ Церкви Христовой, — по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ она, освободившись отъ гоненій и притѣсненій языческихъ, начала свободно и открыто отправлять свое богослуженіе и занялась устроеніемъ величественныхъ храмовъ и ихъ благолѣпнымъ украшеніемъ (IV в.). Съ тѣхъ поръ эти картины никогда не выходили изъ употребленія между христіанами—и въ ихъ частныхъ домахъ и въ ихъ общественныхъ мѣстахъ собраній. Есть эти картины и въ настоящее время въ нашихъ православныхъ храмахъ, и дай Богъ, чтобъ они болѣе и болѣе умножились и распространялись у насъ, чтобъ со стѣнъ храмовъ и домовъ нашихъ они глубже и глубже проникали въ души наши: можетъ быть, мало по малу, они наконецъ во многомъ измѣнили бы настоящую картину нашей суетной жизни!...

Таковы наши мысли и желанія касательно истины страшнаго суда Христова и касательно живописныхъ изображеній, или картинъ этого суда. Не то думаютъ объ этомъ дѣлѣ и не того желаютъ ему нѣкоторые изъ современныхъ „передовыхъ

людей“, представителей и двигателей современной общественной мысли и жизни. Вотъ что недавно прочитали мы объ этомъ предметѣ въ одномъ изъ литературныхъ органовъ нашего развитія и образованія,—поставившемъ главною своею задачей педагогическое руководство нашего общества („Учитель“ № 23, 1861 г., стр. 946, 947). Дѣло здѣсь идетъ по русской исторіи—о склоненіи равноапостольнаго нашего князя къ принятію крещенія. Разбирая миссіонерскую дѣятельность греческаго философа (монаха), обращавшаго къ вѣрѣ Христовой Владиміра, какъ она записана въ нашихъ лѣтописяхъ, и заговоривъ о томъ, что философъ этотъ, въ заключеніе своей проповѣди, указалъ Владиміру на будущее вѣчное воздаяніе праведникамъ и грѣшникамъ, г. О. Миллеръ продолжаетъ: „онъ (греч. философъ) не стыдился говорить это (т. е. то, что грѣшниковъ ожидаетъ вѣчная мука), чтобы страхомъ заставить креститься Владиміра. Въ то время не понимали, что обращать въ христіанство страхомъ—не приноситъ никакой пользы; что настоящимъ христіаниномъ можетъ быть только тотъ, кто душою полюбитъ Христа, а не тотъ, кто станетъ бояться того огня, которымъ, будто-бы по приказанію Спасителя, будутъ жечь на томъ свѣтѣ всѣхъ не крестившихся. Въ то время не понимали, что тотъ неугасимый огонь и тотъ неусыпающій червь, который, по словамъ Иисуса Христа, ожидаетъ грѣшниковъ, означаетъ только вѣчную муку ихъ совѣсти, которая жжетъ какъ огонь, и грызетъ какъ червь. А грубые, невѣжественные христіане того времени воображали, будто-бы этотъ огонь будутъ разжигать на томъ свѣтѣ черти, будто они будутъ на немъ жарить грѣшниковъ, напускать на нихъ лютыхъ червей, или же грызть ихъ своими собственными зубами. И объ этомъ не только рассказывали, — рѣшились даже рисовать эту чертовщину, осмѣливались вѣшать ее въ храмахъ Божіихъ, на ряду съ образами Спасителя и святыхъ, и даже не подозрѣвали, что это просто кощунство, оскверненіе храма Божія“...

Что сказать объ этихъ разсужденіяхъ современнаго просвѣщеннаго человѣка, берущагося при томъ еще другихъ просвѣщать?—Насмѣшливый, по мѣстамъ даже жолчный тонъ ихъ, по нашему—неумѣстный въ устахъ серьезнаго писателя, особенно тогда, когда онъ касается священныхъ истинъ вѣры и нравственности христіанской,—очевиденъ съ перваго же разу, и напередъ располагаетъ читателя не въ пользу автора. Мы однакожь остановимъ свое вниманіе на самомъ содержаніи этихъ раз-

суждений. Въ приведенныхъ словахъ г. О. Миллера рѣзко выдаются три пункта: во-первыхъ, обвиненіе греческаго философа въ недобросовѣстности при обращеніи Владиміра; во-вторыхъ, взглядъ автора на религіозно-нравственныя понятія христіанъ X-го вѣка; въ-третьихъ, взглядъ его на адскія мученія и на картины страшнаго суда. Сообразно съ нашею цѣлю, насъ интересуетъ собственно этотъ послѣдній пунктъ; однакожь, говоря о немъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ и два первые, уже по одной тѣсной связи между ними, въ какой они поставлены у самаго автора. Итакъ —

1) Г. О. Миллеръ упрекаетъ (хотя прикровенно) греческаго философа въ томъ, что „онъ не стыдился говорить“ Владиміру о вѣчныхъ мукахъ, „чтобы страхомъ заставить его креститься; что—какъ говоритъ нашъ историкъ нѣсколько ниже—„напугавъ Владиміра страхомъ, онъ (греч. философъ) хотѣлъ въ тоже время прельстить его раемъ“. Съ нашей точки зрѣнія, греческаго философа отнюдь нельзя заподозрѣвать въ непрямотѣ и нечистотѣ дѣйствій въ обращеніи Владиміра; напротивъ, намъ кажется, его скорѣе можно было-бы упрекнуть въ этомъ тогда, еслибъ онъ, изложивъ Владиміру всю совокупность ученія христіанскаго, *сказавъ ему не обинуясь всю волю Божию*, умолчалъ при этомъ предъ великимъ княземъ о будущемъ мздовоздаяніи праведникамъ и грѣшникамъ—этомъ важнѣйшемъ и существеннѣйшемъ догматѣ христіанскаго ученія. Если же онъ говорилъ предъ Владиміромъ объ адѣ и раѣ, то только потому, что добросовѣстно и честно выполнялъ свое миссіонерское дѣло, что не обинуясь возвѣщаль ему всю волю Божию, какъ она всегда возвѣщалась православною Церковію, а отнюдь не потому, что рассчитывалъ этимъ—устрашить или прельстить Владиміра. Еслибъ греческій философъ понималъ вѣчныя муки грѣшниковъ такъ же, какъ понимаетъ ихъ г. О. Миллеръ, а между тѣмъ Владиміру толковалъ о нихъ, какъ о дѣйствительныхъ мукахъ въ огнѣ, —въ такомъ случаѣ можно было-бы упрекнуть его въ томъ, что онъ „*страхомъ хотѣлъ заставить Владиміра креститься*“. Но самъ же г. О. Миллеръ говоритъ, что въ то время (когда обращали Владиміра) вообще такъ не понимали адскихъ мукъ, — не понималъ, значитъ, ихъ такъ и греческій философъ. Зачѣмъ же было ему „стыдиться говорить“ о нихъ такъ, какъ онъ самъ понималъ ихъ,—и когда говорилъ онъ о нихъ такъ, какъ понималъ, можно-ли упрекать его въ какихъ-нибудь хитрыхъ расчетахъ?!

2) Взглядъ г. О. Миллера на религіозно-нравственныя понятія христіанъ X-го вѣка слишкомъ произволенъ и обиденъ для христіанъ. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, въ X-мъ вѣкѣ *никто* не понималъ, „что настоящимъ христіаниномъ можетъ быть только тотъ, кто душою полюбитъ Христа, а не тотъ, кто станетъ бояться того огня“ и проч.? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, представить, что (какъ говоритъ нашъ историкъ не много далѣе) во время обращенія Владиміра „всѣ полагали, что человѣкъ можетъ сдѣлаться добрымъ только, боясь наказанія, или ища награды“,—не понимали, „что можно и должно быть добрымъ, просто любя Бога, который желаетъ добра“? Вообще, напрасно полагаютъ нѣкоторые, что такія чистыя понятія нравственныя суть исключительное достояніе нашего *чуманнаго* XIX вѣка. Мы, напротивъ, крѣпко стоимъ за то, что эти понятія всегда были исключительнымъ достояніемъ и отличительною чертою православной Церкви Христовой,—что онѣ первоначально и родились въ ней,—что она всегда воспитывала въ нихъ своихъ чадъ,—что, наконецъ, и нашъ пресловутый вѣкъ ей собственно обязанъ этими понятіями. Незмѣнно вѣрная и буквѣ и духу евангелія, православная Церковь всегда отличала истинныхъ рабовъ Христовыхъ отъ наемниковъ, всегда различала между чистою любовію и дѣтскимъ страхомъ послѣднихъ; при оцѣнкѣ различныхъ подвиговъ вѣры и нравственности своихъ членовъ, она всегда обращала вниманіе свое, главнымъ и исключительнымъ образомъ, на достоинство и чистоту тѣхъ побужденій и внутреннихъ расположеній, по какимъ принимались и съ какими совершались эти подвиги. Будучи проникнута сама такимъ взглядомъ, она во всѣ времена во всеуслышаніе проповѣдывала его и всѣмъ своимъ членамъ. Итакъ, несправедливо г. О. Миллеръ думаетъ, что въ X-мъ вѣкѣ никто изъ христіанъ не понималъ началъ чистой любви христіанской. Сообразнѣе будетъ и съ исторической и съ догматической истиной—полагать, что во всѣ времена и вѣка христіанскаго міра, какъ дѣйствительно были христіане, которые не разумѣли въ чистомъ видѣ началъ своего ученія, такъ, съ другой стороны, были и такіе, которые и понимали ихъ такъ же, какъ понимаемъ ихъ теперь и мы, а, можетъ быть, еще чище и совершеннѣе насъ.... По крайней мѣрѣ—скажемъ мимоходомъ—нашъ вѣкъ мало являетъ такихъ подвиговъ любви и самоотверженія христіанскаго, какими поражаютъ насъ времена апостоловъ, исповѣдниковъ, подвижниковъ; нашъ вѣкъ хвалится даже своимъ „*прак-*

тическимъ, утилитарнымъ, меркантильнымъ“ направлениемъ, а это такое направление, которое никакъ нельзя логически совмѣстить съ истинною любовію и самоотверженіемъ христіанскимъ... Если же нашего историка соблазняетъ то, что иногда дѣйствительно страхомъ и насиліемъ заставляли невѣрующихъ креститься; то да не забываетъ онъ, что, съ одной стороны, такъ дѣйствовали частныя лица, а отнюдь не всѣ христіане извѣстнаго времени, съ другой стороны—и тѣ лица, которыя дѣйствовали въ такомъ духѣ, быть можетъ, очень хорошо понимали, что они дѣйствуютъ не чисто и не законно;—и если не отставали отъ такихъ своихъ дѣйствій, то отнюдь не потому, чтобъ находили оправданіе и одобреніе для нихъ въ ученіи Церкви, а просто потому, что добились чрезъ нихъ другихъ корыстныхъ цѣлей, совершенно чуждыхъ интересамъ вѣры и жизни христіанской. Церковь же православная всегда учила, что это—не хорошо, всегда порицала такой образъ дѣйствій. Но довольно объ этомъ! Мы сказали прежде, что насъ особенно интересуеетъ взглядъ автора на будущее воздаяніе грѣшникамъ и на живописныя изображенія страшнаго суда Христова. Итакъ, обратимся къ этому взгляду.

3) Г. О. Миллеръ упрекаетъ христіанъ X-го вѣка за то, что они „не понимали, что тотъ неугасимый огонь и тотъ неусыпающій червь, который, по словамъ Іисуса Христа, ожидаетъ грѣшниковъ, означаетъ только вѣчную муку ихъ совѣсти“. Если это правда, то она—по нашему мнѣнію—служитъ развѣ къ чести христіанъ X-го вѣка, но никакъ—къ ихъ обвиненію въ грубости и невѣжествѣ. Въ то время не понимали адскихъ мукъ такъ, какъ понимаетъ ихъ въ наше время г. О. Миллеръ; но Церковь вселенская и сама никогда не понимала, и никому изъ чадъ своихъ не давала права—понимать ихъ такъ, какъ бы хотѣлось нашему историку,—особенно она никогда не понимала такъ огня геенскаго. Не отвергая и мученій совѣсти, огонь геенскій она всегда принимала въ смыслѣ вещественномъ и буквальномъ, хотя и отличала его отъ огня, извѣстнаго намъ въ настоящей жизни,—понимала его, какъ особый видъ мученія вѣшняго, тѣлеснаго *). Итакъ, если нашъ историкъ понимаетъ огонь адскій, какъ мученіе *только совѣсти*; то это отнюдь не всеобщее пони-

*) См. Православно-Догматическое Богословіе—преосв. Макарія, томъ V, стр. 235—242. Также Догм. Богосл.—преосв. Антонія, по седьмому изданію, стр. 271, § 381.

маніе православныхъ христіанъ нашего времени: это—его личное пониманіе, или же—вѣриѣ—иѣмецкое, раціоналистическое.—Высказавъ свой взглядъ на вѣчныя муки, нашъ историкъ крайне неуважительно отзывается о картинахъ страшнаго суда и удивляется, какъ это „грубые, невѣжественные христіане того времени (X в.) рѣшались даже рисовать ихъ, осмѣливались вѣшать ихъ въ храмахъ Божіихъ на ряду съ образами Спасителя и святыхъ, и даже не подозрѣвали, что это просто кощунство, оскверненіе храма Божія“. Что же касается насъ, то мы не видимъ въ этомъ явленіи никакой дерзости, никакого кощунства и оскверненія храма Божія; напротивъ—охотно признаемъ за нимъ законное основаніе, разумный смыслъ и нравственное значеніе. Прежде всего, самъ авторъ нашъ, кажется, не станетъ спорить, что содержаніе этихъ картинъ, по крайней мѣрѣ, для простаго вѣрующаго, особенно назидательно, поучительно и трогательно, и что, слѣдовательно, Церковь, въ видахъ одного нравственнаго воспитанія своихъ членовъ, имѣла,—если можно такъ выразиться,—полное право, даже прямой и естественный долгъ благословлять частное употребленіе этихъ картинъ вѣрующими. Но этого мало. Церковь могла принимать и—какъ свидѣтельствуемъ нашъ же историкъ—дѣйствительно принимала эти картины въ число украшеній своихъ храмовъ;—и она имѣла на это всѣ, тѣже самыя, основанія, по которымъ вообще ввела употребленіе св. иконъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ общественныхъ храмахъ своихъ вѣрующихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если она всегда изображала и изображаетъ на своихъ иконахъ первое пришествіе Сына Человѣческаго, со всѣми его частными событіями, со всѣми предшествовавшими, сопутствовавшими и послѣдовавшими ему явленіями и обстоятельствами; то почему не изображать ей, съ такою же полнотою и обстоятельностью, Его втораго пришествія? Правда, могутъ сказать, что это второе пришествіе еще только ожидается христіанами, а изображать можно только то, что уже было и что намъ извѣстно. Но такъ могутъ говорить только незнакомые съ дѣломъ: христіанинъ, упражняющійся съ вѣрою и любовію въ чтеніи и слушаніи слова Божія, знаетъ, что и объ этомъ будущемъ событіи намъ открыто почти столько же, сколько и о тѣхъ, которыя записаны въ евангеліи, какъ уже случившіяся,—знаетъ, что содержаніе и всѣ подробности картинъ страшнаго суда не измышляются самими иконописцами, а берутся изъ церковныхъ книгъ, а сюда заимствованы со словъ самаго Судіи живыхъ и мертвыхъ.

Могутъ сказать еще, что въ этихъ картинахъ много человѣкообразности; но какъ же и быть иначе, когда дѣло дѣлается людьми и для людей,—когда, даже въ самомъ первомъ оригиналѣ этой картины (Матѳ. 25, 31—46), она допущена въ значительной степени? Вѣдь, безъ этого-жъ нельзя, безъ этого не мыслима никакая картина.... Далѣе, если даже притчи Христа Спасителя, не имѣющія историческаго значенія, св. Церковь изображаетъ на своихъ иконахъ и употребляетъ эти иконы въ своихъ храмахъ; то почему не изображать ей событія, прямо предсказаннаго и обѣщаннаго Спасителемъ, какъ будущее историческое событіе, и почему не употреблять этихъ изображеній въ своихъ храмахъ? Для вѣры Церкви здѣсь нѣтъ никакого различія, и истинный христіанинъ на картину будущаго суда взираетъ съ такою же полною вѣрою, какъ, напр., на картину рождества Христова, воскресенія и под. Послѣ этого, мы не станемъ удивляться вмѣстѣ съ нашимъ авторомъ, какъ это христіане X-го вѣка „рѣшались даже рисовать такія картины, осмѣливались вѣшать ихъ въ храмахъ Божіихъ“ и проч. Здѣсь, очевидно, не на что и *рышатся*, нечего и *осмѣливаться*.... Наконецъ, мы не можемъ не замѣтить, что называть картину страшнаго суда, главное дѣйствующее Лице которой есть самъ Сынъ Божій, Судія вселенной, окруженный сонмами архангеловъ и ангеловъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, исповѣдниковъ, святителей, преподобныхъ, праведныхъ, словомъ—всею небесною торжествующею Церковію,—называть, говоримъ, такую св. икону *чертовщиною*.... мы уже и не знаемъ, какъ назвать это. Нашъ авторъ считаетъ кощунствомъ—вѣшать такія иконы въ храмахъ Божіихъ, но его выраженіе объ этихъ иконахъ—болѣе, чѣмъ кощунство....

Обращая свой взоръ отъ временъ прошедшихъ къ настоящему, нашъ историкъ разсуждаетъ: „такіе богопротивные (?) образа (т. е. иконы страшнаго суда) до сихъ поръ еще водятся по деревнямъ, въ нѣкоторыхъ церквахъ“. И не только „по деревнямъ, въ нѣкоторыхъ церквахъ“,—прибавимъ мы съ своей стороны,—а и по многимъ городамъ, въ первопрестольныхъ храмахъ, особенно дорогихъ, по своей святости, для благочестиваго сердца русскаго (напр. во св. Кіевопечерской Лаврѣ и др.). „А пора бы, наконецъ,—продолжаетъ онъ,—возстать православнымъ противъ такого соблазца“ (!)! Напротивъ, мы позволимъ себѣ еще разъ повторить наше желаніе, чтобы такія иконы болѣе и болѣе умножались и распро-

странялись между православными, — и не только не видимъ здѣсь какого нибудь соблазна, а скорѣе — богатый источникъ нравственнаго одушевленія, столь необходимаго православнымъ для побѣжденія разнаго рода соблазновъ, приражающихся къ нимъ то со стороны діавола, то со стороны плоти и крови, то со стороны челоуѣковъ, *глаголющихъ и пишущихъ лукавство...*

Какое, однакожъ, основаніе приводитъ нашъ авторъ въ оправданіе такихъ обидныхъ своихъ взглядовъ и такихъ желаній по отношенію къ иконамъ страшнаго суда? А вотъ какое: „развѣ Спаситель — говоритъ онъ далѣе — нуждается въ помощи всѣхъ этихъ дьяволовъ, чтобы ими наводить страхъ, и этимъ страхомъ насильно привлекать насъ къ Себѣ? Неужели Онъ не привлечетъ насъ тѣмъ, что такъ горячо полюбилъ насъ“ и проч.? Никто и не споритъ въ томъ, что безмѣрная любовь Божія, явленная намъ во Христѣ Спасителѣ, — сильнѣйшее средство для привлеченія насъ къ Нему: это — главная мысль евангельскаго ученія. Но, какъ видно, нашъ историкъ думаетъ, что и „всѣ эти дьяволы“ придуманы кѣмъ-то для той же цѣли, т. е. для привлеченія насъ ко Христу и къ добру. Что дѣйствительно онъ такъ думаетъ, это открывается вотъ изъ чего: нѣсколько ниже онъ выражается: „во времена Владиміра вѣра въ чертей была въ большомъ ходу между христіанами“; значитъ, на эту вѣру онъ смотритъ, какъ на какую нибудь моду, которая, будучи выдумкою людей, въ одно время — въ большомъ ходу между ними, а въ другое — въ совершенномъ упадкѣ. Съ этой точки зрѣнія нашъ историкъ, пожалуй, правъ: отсюда только и становится понятнымъ, какъ осмѣлился онъ гласно назвать икону страшнаго суда „*чертовщиной*“, почему въ церковномъ употребленіи ея онъ видитъ „*кошунство, оскверненіе храма Божія*“, почему желаетъ онъ, чтобы православные возстали наконецъ „*противъ такого соблазна*“, противъ такихъ „*бгопротивныхъ образовъ*“. Все это объясняется очень просто и естественно тѣмъ, что — по взгляду автора — „*вѣра въ чертей*“ уже вышла изъ моды... Подробное опроверженіе такого взгляда нашего историка повело бы насъ слишкомъ далеко. Впрочемъ, такое опроверженіе намъ кажется и излишнимъ. Съ одной стороны, намъ хорошо извѣстно свойство вольномыслія и невѣрія, по которому оно никакими доводами не убѣждается въ своемъ ложномъ направленіи, и до тѣхъ поръ не послушается гласа истины, доколѣ самъ Господь, сама Истина не уврачуеетъ его своею всеильною благодатію; съ другой стороны, мы увѣ-

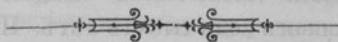
рены, что и православные, прочитавъ ложныя мудрованія невѣрія, подобныя вышеприведеннымъ, не сразу повѣрятъ имъ, а скорѣе скажутъ, какъ равноапостольный нашъ князь посламя католическимъ: „отцы наши сего не приняли“. Но мы, однакожь, не можемъ не спросить у нашего историка: какъ же это самъ Сынъ Божій нѣсколько разъ говорилъ о діаволѣ и духовныхъ его чадахъ, нѣсколько разъ изгонялъ бѣсовъ изъ одержимыхъ ими, и изображая свой праведный судъ, говорилъ, что нѣкогда скажетъ нечестивымъ: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его?* Ужели нашъ историкъ думаетъ, что и Онъ—Святѣйшій святыхъ—говорилъ и вѣдалъ все это только потому, что „*нуждался въ помощи всѣхъ этихъ діаволовъ, чтобы ими наводитъ страхъ, и этимъ страхомъ насильно привлекать насъ къ Себѣ*“?!...

Наконецъ, нашъ историкъ высказываетъ свой взглядъ на будущую жизнь. Можно уже напередъ думать, что этотъ взглядъ будетъ столь же вѣренъ истинѣ, какъ и взглядъ его на вѣчныя муки, на бытіе діавола, словомъ—какъ вѣрно вообще его религиозное міровоззрѣніе, которое онъ съ такимъ самодовольствомъ выставляетъ на видъ, какъ особенное преимущество нашего просвѣщеннаго вѣка. Такъ дѣйствительно и есть: нашъ историкъ говорить, что въ той великой любви, которой научилъ насъ Спаситель, Онъ „далъ намъ средство—со временемъ такъ хорошо все устроить на этомъ свѣтѣ, что тогда исполнится наша молитва: „да прійдетъ царствіе Твое“! Такъ вотъ будущая жизнь, вотъ небесное царствіе нашего автора! Со временемъ люди все такъ хорошо устроятъ на этомъ свѣтѣ, что для нихъ и наступитъ тогда та будущая жизнь, то небесное царствіе, которыхъ лучшая часть человѣчества ожидаетъ съ такимъ нетерпѣніемъ ужъ слишкомъ семь тысячъ лѣтъ. Прекрасно!.. Но тутъ самъ съ собою напрашивается вопросъ: чтожь будетъ съ тѣми несмѣтными милліонами человѣчества, которые не дожили и не доживутъ еще до вождедѣннаго времени? Если они на вѣки осуждены *удобрять почву* этого новаго царствія Божія „на этомъ свѣтѣ“, (а такое слѣдствіе прямо и естественно вытекаетъ изъ подобнаго взгляда на будущую жизнь); то какъ же объяснить тѣ *вѣчныя муки совѣсти* грѣшниковъ, о которыхъ недавно говорилъ нашъ авторъ, объясняя огонь геенскій? Какъ понять такое странное противорѣчіе самому себѣ, такое явное отсутствіе согласія и единства въ его взглядахъ и убѣжденіяхъ? Или же, быть

можетъ, нашъ историкъ надѣется, что человѣчество, въ силу своего прогресса, со временемъ найдетъ средства—воззвать изъ могилъ къ новой жизни „на этомъ свѣтѣ“ и этихъ „грубыхъ, невѣжественныхъ“ братьевъ своихъ, умершихъ въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя—на другомъ, новомъ свѣтѣ?! Евангеліе никогда не проповѣдывало такого страшнаго убійственнаго ученія: оно всегда учило и учитъ, что настанетъ нѣкогда новая, безконечно лучшая настоящей, жизнь, къ которой, по всеблагой волѣ Творца, воззваны будутъ всѣ отъ вѣка усопшіе,—но настанетъ она не на этомъ свѣтѣ, а подѣ новымъ небомъ и на новой землѣ. Тогда-то и тутъ-то исполнится во всей силѣ наша ежедневная молитва: *да пріидетъ царствіе Твое!*

Что сказать по поводу приведенныхъ выше разсужденій и высказанныхъ въ нихъ религіозныхъ взглядовъ? Нельзя не пожалѣть о томъ, что подобные взгляды раздѣляются едва-ли не большинствомъ нашихъ свѣтскихъ образованныхъ людей: мы это знаемъ достовѣрно. Но еще болѣе жаль, что подобные взгляды высказываются уже гласно, и притомъ—именно въ видахъ просвѣщенія народнаго: если не противодействовать этому злу, зараза эта угрожаетъ со временемъ охватить собою почти всѣ слои нашего православнаго общества... *Горе міру отъ соблазна: нужда бо есть пріити соблазномъ: обаче горе и тѣмъ чловѣкамъ, которыми соблазнъ пріиходитъ!* (Матѣ. 18, 7).

«Воскр. Чтеніе» 1862 г. № 43).

2.

Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоинъ кланяться.

(Иоан. 4, 24).

Такъ говорилъ нѣкогда Христось Спасительъ женѣ-самарянкѣ. Въ церкви іудейской самаряне были еретиками и раскольниками. По законамъ іудейскимъ, кто хотѣлъ служить истинному Богу и истиннымъ, Ему угоднымъ, служеніемъ, тотъ долженъ былъ быть іудеемъ или прозелитомъ іудейскимъ, ходить въ храмъ іерусалимскій, и только въ этомъ храмѣ приносить жертвы, совершать обряды и молитвы, со всею точностію и подробностію опредѣленныя въ законѣ. Самаряне всецѣло нарушали эти законы іудейства. Отдѣлившись отъ него, они хотѣли учредить у себя независимое отъ іудейства почитаніе Іеговы и служеніе Ему. Но какъ богословіе ихъ иногда не свободно было отъ примѣси языческихъ заблужденій, такъ и богопочтеніе и богослуженіе ихъ не всегда было истинно и правильно само въ себѣ, и во всякомъ случаѣ было незаконно. Вѣковые религіозные споры провели самую строгую, самую рѣзкую черту разобщенія между іудеями и самарянами: самарянка не можетъ не высказать своего удивленія Іисусу Христу, какъ Онъ, будучи іудеемъ, просить у ней—самарянки воды напиться: *не прикасаются жидове самаряномъ* (Иоан. 4, 9). Главнѣйшимъ спорнымъ пунктомъ между ними былъ вопросъ о мѣстѣ богослуженія: самарянамъ казалось непонятнымъ, отчего это только въ Іерусалимѣ принесенная жертва пріятна Богу, и почему не можетъ быть такою принесенная, наприм., на горѣ Гаразинѣ, какъ это утверждали іудеи. И вотъ, лишь только самарянка увидѣла, что бесѣдовавшій съ нею есть пророкъ, она тотчасъ же предлагаетъ ему спорный вопросъ для рѣшенія (—19—20). Отдавъ должную справедливость богослуженію іудейскому предъ самарянскимъ І. Христось возводитъ мысль своей собесѣдницы къ наступающимъ временамъ новаго завѣта, когда уже богослуженіе не будетъ привязано къ одному опредѣленному мѣсту, когда богоугодность или небогоугодность его будетъ зависѣть уже совсѣмъ не отъ того, въ Іерусалимѣ ли, на Гаразинѣ, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ будетъ оно совершаться: *истиннии поклонници*, которыхъ ищетъ Отецъ небесный, не будутъ уже

кланяться Ему такъ, какъ кланяются іудеи, у которыхъ за множествомъ обрядовыхъ предписаній, умноженныхъ еще фарисейскими преданіями, часто не видно бываетъ въ богослуженіи ни жизни, ни *духа*; тѣмъ болѣе они не будутъ Ему кланяться такъ, какъ кланяются самаряне, у которыхъ самое существованіе богослуженія лишено законнаго основанія, и потому не имѣетъ въ себѣ *истины*. Они будутъ кланяться Ему вмѣстѣ и *духомъ и истиною*. Это новое повсюдное служеніе Богу будетъ сообразнѣе и съ самымъ понятіемъ о Богѣ: Богъ есть духъ, и потому—кто кланяется Ему, долженъ кланяться духомъ и истиною (—21—24).

Таковъ прямой, естественный смыслъ этого изрѣченія Спасителя, какъ онъ дается разсмотрѣніемъ историческихъ обстоятельствъ и условій, вызвавшихъ самое изрѣченіе. Между тѣмъ, оно, будучи разсматриваемо внѣ своей исторической основы и приводимо внѣ связи съ ходомъ цѣлой рѣчи Спасителя, часто служило и служитъ камнемъ претыканія и соблазна для очень многихъ: въ немъ часто думаютъ находить такой смыслъ, какого оно рѣшительно не имѣетъ.

Какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя общества людей, почему-либо не любящія Церкви и отрицающія ея богослуженіе, таинства, обряды, праздники, посты и подобныя учрежденія, всегда думали и думаютъ находить оправданіе такому своему поведенію и основаніе такому отрицанію въ приведенныхъ словахъ Спасителя. Множество такихъ людей и обществъ было и теперь есть въ странахъ неправославныхъ; являлись подобные люди и въ нашемъ православномъ отечествѣ; таковы были, наприм., новгородскіе — *жидовствующіе*, таковъ былъ еретикъ *Феодосій Косой* и др.; есть, наконецъ, такіе люди и общества и въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ: это нѣкоторыя *согласія раскольниковъ*, также разные другіе сектанты—*духоборцы* и *молокане*, *скопцы* и *хлысты*, *скакуны* и проч. Оторвавшись отъ живительнаго союза съ Церковію Христовою, не имѣя у себя ни законныхъ священниковъ, ни св. храмовъ, ни животворныхъ и спасительныхъ таинствъ, сообщающихъ вѣрующей душѣ благодать Божію, и пребывая, по этому, въ духовномъ гладѣ и жадѣ,—эти люди и общества утѣшаютъ себя тѣмъ, что подобное состояніе и есть настоящее правильное и единственно-возможное состояніе,—что богослуженіе, священство, таинства, благодать вообще Церковь со всѣми своими освящающими и соединяющими съ Богомъ учрежденіями не только не имѣетъ основанія въ словѣ Божіемъ, а, напротивъ, будто прямо

отвергается многими мѣстами св. писанія. Въ ряду этихъ многихъ мѣстъ всегда почти первымъ поставляется выше приведенное нами: *Духъ есть Богъ, и уже кланяется Ему, духомъ и истинною достоинъ кланяться.*

Въ опроверженіе ученія этихъ людей написано много сочиненій и цѣлыхъ книгъ. Но люди эти опровергаютъ сами себя своею практикою, своею жизнію. Отвергая истинную Церковь, іерархію и таинства, люди эти, въ тоже время, учреждаютъ въ своихъ обществахъ нѣчто въ родѣ этого. Они имѣютъ у себя молитвенные дома, свое богослуженіе, своихъ старцевъ—учителей и совершителей священнодѣйствій. Мало того: нѣкоторые изъ этихъ обществъ, вооружаясь на словахъ противъ всякой обрядности и внѣшности, на дѣлѣ вводятъ у себя самые странные, самые нелѣпыя и уродливыя обряды, въ родѣ круженій, скаканій разнаго рода и тому подобныхъ одуряющихъ дѣйствій, — и думаютъ посредствомъ этихъ обрядовъ входить въ общеніе съ Богомъ. . .

Есть другой у насъ родъ людей, сооблазняющихся приведеннымъ мѣстомъ Писанія, и думающихъ находить въ немъ защиту и оправданіе своему ошибочному взгляду и неуважительному отношенію къ обрядности церковной. Эти люди не составляютъ собою особыхъ религиозныхъ партій, не выдѣляются изъ общества и церкви: они любятъ называть себя людьми съ независимыми религиозными убѣжденіями, людьми—чуждыми предрасудковъ, суевѣрій и заблужденій толпы (какъ они называютъ людей, не принадлежащихъ къ ихъ кругу). Люди эти не отвергаютъ прямо многообразныхъ обычаевъ, обрядовъ, уставовъ и предписаній церковныхъ: но и смотрятъ на все это какъ на принадлежность массы, толпы, которая, по своей неразвитости, не способна возвыситься до разумнаго представленія о Богѣ и внутренняго, духовнаго служенія Ему. Подобные люди, выражая свои воззрѣнія и убѣжденія, то сѣтуютъ о томъ, что на св. Руси слишкомъ много праздниковъ, что они отнимаютъ въ году много времени, которое могло-бъ быть употреблено на полезныя работы и занятія, то жалуется, что русскій простолудинъ много тратитъ денегъ на поминъ своихъ родителей, на служеніе молебновъ и акаѣистовъ, то порицаютъ обычай благочестиваго странствованія ко св. мѣстамъ, то не одобряютъ земные поклоны и употребленіе свѣчей при богослуженіи, какъ выраженіе молитвеннаго настроенія души, и т. п. и т. п.

Никто не станетъ защищать бездушнаго и лицемѣрнаго употребленія внѣшнихъ обрядовъ и выражений христіанскаго богослуженія, въ комъ-бы это ни происходило, въ простомъ чело-вѣкѣ или образованномъ. Во всякомъ и хорошемъ дѣлѣ возможны и бываютъ крайности, а они вредны уже потому одному, что они крайности. Но изъ-за злоупотребленій благочестивыми обычаями отрицать самое ихъ значеніе и употребленіе — дѣло не логическое и во всѣхъ отношеніяхъ несправедливое: оно можетъ предпола-гать или незнаніе сущности, духа и силы христіанства, или вра-ждебное отношеніе къ церкви православной, въ которой богослу-женіе слагается ихъ внутренней и внѣшней стороны.

Необходимость внѣшнихъ формъ богослуженія такъ очевидна для всякаго православнаго, что доказывать и защищать ее было бы, съ нашей стороны, дѣломъ лишнимъ. Всякій православный знаетъ, что внѣшнее богослуженіе есть, съ одной стороны, есте-ственное, необходимое выраженіе богослуженія внутренняго, ду-ховнаго; а съ другой — также необходимое средство нравственнаго освященія, укрѣпленія и освященія, — богоучрежденный органъ божественной благодати, подающей вѣрующему *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1. 3). На этомъ осно-ваніи, всякій православный убѣжденъ, что внѣшность, обрядность, церковность должна существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать церковь, пока будетъ продолжаться на землѣ благо-датное царство Христово.

„Пусть такъ“, говорятъ намъ, „но бѣда въ томъ, что нашъ простой народъ самую-то сущность религіи поставляетъ въ этой обрядовой внѣшности; онъ не можетъ, говорятъ, представить, что можно служить Богу безъ колоколовъ, можно быть нравствен-нымъ челоуѣкомъ безъ поклоновъ и постовъ, можно лучше уго-дить Богу дѣлами любви къ ближнему, нежели покушкою свѣчь въ церкви и проч. Поставляя несущественное на мѣсто сущест-веннаго, внѣшнее на мѣсто внутренняго въ своемъ взглядѣ на религію, народъ по неволѣ заблуждается и въ своей нравственной жизни. вмѣсто любви и добрыхъ дѣлъ, вмѣсто исправленія сердца и жизни, онъ довольствуется только посѣщеніемъ храмовъ, хо-жденіемъ по св. мѣстамъ и т. д.“ Если народъ нашъ дѣйстви-тельно такъ привязанъ къ обрядности, что изъ-за нея забываетъ существенное въ дѣлѣ религіи, то надо выводить его изъ этого заблужденія мудрыми совѣтами и исправленіями, здоровымъ про-свѣщеніемъ его и другими благоразумными средствами: это — за-

дача нравственно-религіознаго воспитанія его и духовнаго возрастанія; но не нужно смѣяться надъ самою обрядностію, не лишать ее подобающаго ей уваженія, не отнимать у ней истиннаго ея значенія. Спаситель, укоряя книжниковъ и фарисеевъ за то, что они учили народъ исправно давать законныя десятины храму, но не заботились о главномъ въ законѣ—правосудіи, милости и вѣрѣ,—не требоваль, однакожь, отъ нихъ оставленія этихъ обрядовыхъ предписаній закона. Онъ говоритъ, что *и сія подобаше творити, и о тѣхъ не оставляти* (Мате. 23, 23). Таково должно быть и всегда правильное отношеніе къ двумъ сторонамъ религіи: за виѣшнею ея стороною не должна быть забываема внутренняя; въ свою очередь за внутреннею не должна быть оставляема и презираема виѣшняя. Если нашъ крестьянинъ, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ представить служенія Богу безъ колоколовъ,—онъ заблуждается; но онъ совершенно правъ, когда не можетъ представить себѣ религіи Христовой, напр., безъ креста Христова, безъ чаши Завѣта и под.,—совершенно справедливъ также, когда не понимаетъ, какъ это можно быть истиннымъ христіаниномъ и въ тоже время не ходить въ церковь, не творить поклоновъ, не соблюдать праздниковъ и проч.

Но, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ христіанъ были такъ просты, что не понимали-бы дѣла религіи иначе, какъ понимаютъ это дѣти, когда думаютъ, что богослуженіе состоитъ только въ томъ, чтобы ходить въ церковь, творить крестное знаменіе, класть поклоны, цѣловать иконы, кресты, мощи и проч. подоб.; то и въ такомъ случаѣ мы не послѣдшимъ бросить въ нихъ камень осужденія.

Церковь Христова, по назначенію своему, должна включатьъ въ себя всѣхъ людей. Іисусъ Христосъ, посылая на проповѣдь апостоловъ, велѣлъ имъ идти во *весь міръ*, проповѣдывать евангеліе *всей твари*, учить и крестить *вся языки* (Мате. 28, 19. Мар. 16. 15). При такомъ характерѣ всеобщности, вселенства, въ церковь, естественно, должны войти люди какъ всѣхъ націй, званій и состояній, половъ и возрастовъ, такъ и—всѣхъ возможныхъ степеней умственнаго и нравственнаго развитія, образованности, гражданственности, цивилизаціи и т. д. Долгъ и цѣль церкви—воспитывать всѣхъ этихъ людей въ духѣ религіи Христовой, *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста полноты Христовой* (Еф. 4, 13); церковь должна всѣхъ возродить и пересоздать,

всѣхъ просвѣтить, и освятить, всѣхъ привести къ соединенію со Христомъ въ Богѣ. Но эти самые люди, которыхъ она должна воспитывать, составляютъ уже ея члены. Она не есть такая школа, которая принимаетъ къ себѣ въ ученики только лицъ, извѣстнымъ образомъ подготовленныхъ къ ней, нѣтъ,—она принимаетъ къ себѣ всѣхъ и каждого желающаго, и воспитываетъ ихъ съ младенческаго невѣдѣнія, проводитъ ихъ чрезъ извѣстныя степени развитія и совершенствованія;—поэтому, въ составѣ церкви должны быть и такіе члены, каковы дѣти въ семействѣ; въ нравственномъ возрастѣ дѣтей ея неизбѣжно является безчисленное множество степеней христіанской зрѣлости и совершенства. Будемъ-ли мы разсматривать церковь, какъ всемірное общество вѣрующихъ, и притомъ на всемъ пространствѣ ея многовѣковой жизни, или же—только какъ извѣстное частное общество, и притомъ только въ данномъ мѣстѣ и въ данное время ея существованія,—во всякомъ случаѣ всегда и вездѣ найдемъ въ ней членовъ болѣе зрѣлыхъ и совершенныхъ и менѣе зрѣлыхъ и совершенныхъ въ христіанской жизни, найдемъ также и *младенцевъ о Христѣ* (1 Кор. 3, 2). Члены болѣе зрѣлые и совершенные всегда найдутъ себѣ въ церкви духовное *брашно*, пищу твердую и крѣпкую, высокія истины вѣдѣнія, глубокіе предметы созерцанія и размышленія и, по своей развитости, будутъ вникать болѣе въ духъ и силу религіи: младенцы о Христѣ—найдутъ себѣ у ней здоровое *словесное млеко*, простое безхитростное слово истины и правило жизни, и по своему духовному возрасту, естественно, будутъ расположены болѣе къ внѣшней сторонѣ религіи, къ ея формѣ и обряду. Но и тѣ и другіе члены ея если пребудутъ вѣрны ея матернему руководству и попеченію, одинаково *возрастутъ* въ ней *во спасеніе* (1 Кор. 3, 3. 1 Петр. 2, 2). Въ этомъ-то и состоитъ всеобщее значеніе христіанства, отличающее его отъ всякой другой религіи и философіи, что оно даетъ духовную пищу и вѣчную жизнь какъвысокообразованнымъ и учено-взыскательнымъ людямъ, такъ и людямъ необразованнымъ и простымъ,—что оно способно удовлетворить и спасти равно тѣхъ и другихъ. Человѣческое образованіе всегда было достояніемъ меньшинства,—и религія Христова перестала бы быть спасительною силой, еслибъ стояла въ зависимости отъ этого образованія.—Такимъ образомъ, если есть въ нашемъ обществѣ христіане съ чисто-внѣшнимъ отношеніемъ къ дѣлу религіи, то это *младенцы о Христѣ*. Наше дѣло, конечно, просвѣ-

щать ихъ; возводить ихъ понятія отъ буквы къ духу, отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ формы къ содержанію; но удержимся смѣяться надъ ними, осуждать и презирать ихъ. Дитя, безъ сомнѣнія, ничего не понимаетъ въ религіи Христовой; однакожь Иисусъ Христосъ и ихъ называетъ наслѣдниками царства Божія (Мѡ. 18, 3. Марк. 10, 14, 15 и др.).

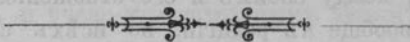
Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на взрослого человѣка, но младенца по разумѣнію истинъ и существа христіанства, — посмотрите на этого человѣка, съ такимъ усердіемъ полагающаго земные поклоны, съ такою ревнивою торопливостію послѣщающаго къ честному кресту, къ помазанію елеемъ, къ окропленію св. водою, съ такою горячностію лобзающаго св. икону, св. мощи и т. д.; въ этихъ дѣйствіяхъ его выражается чувство, высоко религиозное, умиляющее душу вашу. Этотъ невѣжественный человѣкъ съ такимъ жаромъ цѣлуетъ икону, содержанія и смысла которой самъ недоразумѣваетъ; вы знаете, что на ней изображено, положимъ, таинство воплощенія ради насъ Бога-Слова, и однакожь остаетесь къ ней холодными и невнимательными. Онъ взираетъ на картину распятія Господня и слезы умиленія и раскаянія текутъ изъ его очей: вы, какъ человѣкъ развитый и образованный, конечно, гораздо больше его понимаете всю цѣнность, всю силу крестной жертвы вашего Спасителя, — и однакожь остаетесь равнодушными при взглядѣ на картину. Поютъ умильную пѣснь: „Тебе поемъ, Тебе благословимъ“; этотъ человѣкъ такъ усердно молится, такъ искренно воздыхаетъ; можетъ быть онъ и не знаетъ того, что извѣстно вамъ, какъ человѣку ученому, именно — что, по ученію Церкви, въ это время совершается великая тайна преложенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову, и однакожь онъ кладетъ поклоны, онъ воздыхаетъ, а вы, зная это, остаетесь спокойными, безъ всякаго религиознаго выраженія. И такъ далѣе проведите, если угодно, сравненіе между своимъ поведеніемъ и поведеніемъ этого человѣка въ Церкви, между своимъ и его отношеніемъ къ святышѣ, къ таинствамъ, вообще къ религіи, во всѣхъ случаяхъ вашей жизни, — и скажите по совѣсти, не промѣняли бъ вы въ этихъ случаяхъ свою ученую холодность на его дѣтское чувство?

Итакъ, въ этомъ, по-видимому, чисто внѣшнемъ отношеніи къ дѣлу религіи сокрыты живыя внутреннія начала христіанскія — вѣра и любовь. А гдѣ вѣра и любовь, тамъ содержится все для того, чтобъ быть истиннымъ христіаниномъ... *Любовь покрываетъ*

множество *чръговъ* (1 Петр. 4, 8), и чѣмъ болѣе кто любитъ, тѣмъ болѣе ему оставляется (Лук. 7, 44). Вотъ почему этой простотѣ вѣры такъ много открывается, такъ много дается. Не одни только апостолы, будучи простыми рыбаками, удивили міръ своею мудростію, своею дѣятельностію. Читайте исторію церкви, — и вамъ часто, очень часто придетъ на память извѣстная молитва Спасителя, въ которой Онъ благодаритъ Отца небеснаго, что Онъ *утаилъ тайны царствія Своего отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ ихъ младенцемъ* (Лук. 10, 21), — придуть также на мысль изрѣченія апостольскія, что *буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ, и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая* (1 Кор. 1, 27).

Вы хотите, чтобъ простой человѣкъ поклонялся Богу духомъ и истиною, съ разумніемъ своего служенія Богу: желаніе доброе и святое; учите этому народъ, но не отнимайте у него при этомъ того сокровища его вѣры, которое украшаетъ его дѣтскую душу. Начинайте развитие, усовершенствованіе его съ той умственной и нравственно-религіозной ступени, на которой онъ стоитъ; дайте ему расти и совершенствоваться въ его духовномъ возрастѣ, а не отрывайте его отъ той почвы его духовной жизни, которою онъ живетъ: совершенство не дается сразу; высшее есть развитіе низшаго. Начало нравственной жизни нашего простолюдина — правильное: развивайте въ немъ это начало правильно и постепенно, а не сталкивайте его съ той ступени, на которой онъ живетъ крѣпко; можно отнять у него образъ его религіознаго служенія Богу и не дать ему вмѣсто того ничего.

(«Воскресное Чтеніе» 1863 г. № 5.)

3.

Праведнику законъ не лежитъ.

(1 Тим. 1, 9).

Странною на первый разъ можетъ показаться эта мысль. Для кого же, думаешь, особенно и важенъ законъ, какъ не для праведника? Кто, какъ не онъ, болѣе всѣхъ и знаетъ и исполняетъ его? Что онъ и за праведникъ, когда для него нѣтъ закона. Подобныя мысли не будутъ тревожить насъ, если мы уяснимъ себѣ истину, заключающуюся въ этомъ изрѣченіи Апостола.

Праведнику законъ не лежитъ. Почему? Потому-ли, что праведникъ отвергъ законъ Божій, не хочетъ принять его за правило своей жизни и водится въ своей дѣятельности своимъ произволомъ? Нѣтъ. Храни Богъ христіанство отъ такихъ праведниковъ! Это не праведникъ, а беззаконникъ, отвергшійся и Бога, и Его закона, и своей совѣсти. Праведнику законъ не лежитъ потому, что онъ не нуждается въ законѣ, какъ *внѣшнемъ побужденіи*—творить волю Божію, и потому законъ въ этомъ отношеніи для него не существуетъ. Только несовершенный въ духовной жизни нуждается въ побужденіи къ храненію воли Божіей. Иначе онъ легко можетъ забыться и, по нравственной слабости своей, обольщаемый различными искушеніями, уклониться на путь беззаконія. Но мужъ праведный, достигшій уже извѣстной мѣры возраста Христова, утвердившійся уже въ духовной жизни, *слова* закона *скрылъ* уже *въ сердце* своемъ (Ис. 118, 11); онъ служитъ исходникомъ всей его жизни и дѣятельности, сдѣлался для него нравственною необходимостію,—и чтобы онъ ни дѣлалъ, ничего не сдѣлаетъ противъ закона, потому что не можетъ не дѣлать законнаго.

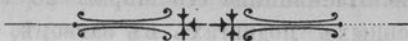
Праведнику законъ не лежитъ. Только рабъ нуждается въ постоянныхъ приказаніяхъ своего господина, а добрый сынъ не дожидается приказаній отца своего: онъ самъ видитъ, что угодно и полезно отцу его и творить то безъ его приказанія. Такъ и праведникъ, водящійся въ своей дѣятельности духомъ любви и сыноположенія, не дожидается приказаній Отца своего небеснаго, выраженныхъ въ законѣ Его, но самъ чувствуетъ, что Ему угодно

и потому, даже если это угодное прямо не предписано въ законѣ Божіемъ, съ радостію творить то, потому только, что оно угодно небесному Отцу его. Таковы всѣ роды подвижнической жизни: отшельничество, столпничество, молчальничество, затворничество, юродство и другіе. Все это не предписано въ законѣ Божіемъ, но *святіи Божіи чловѣци* (2 Петр. 1, 21), пламенѣвшіе любовію ко Господу, съ радостію брали на себя такіе подвиги, потому только, что *такowymi жертвами благоугождается Богъ* (Евр. 13, 16). А нужны ли имъ послѣ этого прямыя приказанія, нуженъ ли законъ, когда дѣла ихъ выше дѣлъ законныхъ? Нужно ли праведнику слово закона: *не прелюбы сотвори*, когда онъ и безъ того старается, чтобы и не возрѣть на жену? Сестра преподобнаго Піора, пустыножителя горы Нитрійской, не видѣвшая его болѣе 30-ти лѣтъ, желая повидѣться съ нимъ, послала двоихъ дѣтей своихъ отыскать его въ пустынѣ. Они нашли его и открылись ему, но онъ не принялъ ихъ. Тогда они обратились къ преподобному Антонію, начальнику пустыножителей, и просили его убѣдить Піора посѣтить мать ихъ. Антоній велѣлъ ему пойти и посѣтить сестру. Піоръ послушался: взявъ съ собою монаха, онъ пришелъ къ дому сестры и, закрывъ глаза, сталъ около крыльца, чтобы не видѣть сестры. „Вотъ я Піоръ, твой братъ; смотри на меня, если хочешь“, сказалъ онъ и тотчасъ возвратился въ свою пустыню (Палл. Лавс. гл. 11, 74, 75). Нужно ли праведнику слово закона: *не укради*, когда онъ добровольно отрекается отъ всякой собственности, когда слово Писанія: *ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явь, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. 6, 7), есть любимое правило его жизни, а потому онъ готовъ и полѣднее отдать просящему у него? Св. Макарій, когда тать пришелъ обокрасть его, самъ пособилъ ему скудные пожитки свои вынести изъ келліи и положить на коня (Воск. Чт. годъ 2 № 42). Другой подвижникъ тогоже имени задавилъ нѣкогда комара, укусившаго его ногу. Раскаившись въ своей нетерпѣливости, онъ осудилъ себя на полгода сидѣть при скитскомъ болотѣ, и здѣсь такъ былъ изъѣденъ комарами, что когда возвратился въ келлію, только по голосу узнали его. Нужно ли ему послѣ этого слово закона: *не убій*? Нужно ли праведнику слово закона: *не жесвительствуй*, когда онъ связалъ языкъ свой молчаніемъ, молчитъ даже о добромъ? (Псал. 38, 3). Для слова назиданія и утѣшенія, увѣщанія и вразумленія рѣдко отверзаетъ уста свои (молчальники).

Праведнику законъ не лежитъ. Добрый и мудрый сынъ не усомнится и нарушитъ предписанія отца своего, когда видитъ, что необходимо нарушитъ ихъ для его же блага и пользы. Подобно сему и праведникъ, водясь духомъ сыноположенія, не убоится нарушитъ нѣкоторыя предписанія закона, когда этого потребуетъ отъ него слава Божія или благо ближняго. Св. Апостоль Павель свидѣтельствуетъ о себѣ: *быхъ юдеемъ, яко юдей, да юдеи приобрящу; подзаконнымъ, яко подзаконенъ, да подзаконныя приобрящу; беззаконнымъ, яко беззаконенъ, не сый беззаконникъ Богу, но законникъ Христу, да приобрящу беззаконныя. Быхъ немощнымъ, яко немощенъ, да немощныя приобрящу; всемъ быхъ вся, да всякоу чья спасу* (1 Кор. 9, 20—22). Въ житіи преподобнаго Аврамія-затворника (Чет. Мин. 29 окт.) читаемъ слѣдующее замѣчательное обстоятельство. Племянница его Марія, 20 лѣтъ проведенная съ нимъ въ духовныхъ подвигахъ въ затворѣ, по особенному допущенію Божію, впала въ грѣхъ любодѣянія, ушла изъ затвора и сдѣлалась извѣстною всемъ блудницею. Узнавъ ея мѣстопробываніе, преподобный облачается въ воинскую одежду, покупаетъ деньгами входъ къ блудницѣ и разрѣшаетъ даже съ нею на вино и мясо. Но при этомъ открывается предъ нею, приводитъ ее въ стыдъ и смущеніе, возбуждаетъ въ ней слезы раскаянія, принимаетъ ея грѣхъ на себя и возвращаетъ ее на путь прежней богоугодной жизни. Св. Спиридонъ-тримеутскій (Чет. Мин. 12 дек.) также не усумнился, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, и самъ нарушитъ и страннику-христіанину позволить нарушеніе поста во святую четырехдесятницу. Особенно это можно сказать о св. мужахъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ юродивыхъ Христа ради. Для нихъ именно законъ не лежалъ. Они ходили, куда, кажется, и не слѣдовало бы, посѣщали людей самыхъ подозрительныхъ, позволяли себѣ въ словѣ даже нѣчто неприличное, дерзкое и ругательное. Но все это—для того, дабы какимъ нибудь образомъ обратить грѣшника на путь покаянія. Итакъ, праведники допускали въ своей жизни уклоненія отъ закона, бывъ поставлены въ нѣкоторую необходимость. Ревнуя по славі Божіей, пламенѣя любовію къ ближнимъ, они не сомнѣвались допустить какъ бы нѣкоторое зло для себя, дабы доставить высочайшее благо ближнимъ,—и плодомъ ихъ уклоненія было спасеніе ближнихъ. Они нарушали правила монашескаго житія—разрѣшали на мясо и вино; но чрезъ это спасли души погибающихъ. И суть ли такія уклоненія отъ закона—уклоненія истинныя,—такія, которыя

допускаетъ грѣшникъ, когда рѣшается на какое либо злодѣяніе, забывъ Бога и совѣсть? Нѣтъ: въ общемъ ходѣ дѣла онъ совѣстѣ не уклоненія, онъ—самое исполненіе закона. Это мѣры, которыя измышляетъ ихъ любовь для спасенія погибающихъ,—любовь, которая сама готова быть изглажденною изъ книги живота, нежели видѣть изглаженными изъ нея другихъ (Исх. 32, 33. Рим. 9, 3). А такая любовь и есть именно исполненіе закона; *ибо весь законъ во единомъ словеси исполняется, во еже: возлюбиши ближняго твоего, якоже себе* (Гал. 5. 14), и *любяй друга законъ исполни* (Рим. 13, 8). Такимъ образомъ, праведники, уклоняясь, повидимому, отъ закона, самымъ уклоненіемъ своимъ творили законное.

(«Воскресное Чтеніе» 1863 г. № 17).

4.

Рабы лукавые и лѣнивые.

И неключимаго раба верзите во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ.

(Матѣ. 25, 30).

Такова послѣдняя судьба раба лукаваго и лѣниваго, взявшаго отъ Господа своего одинъ талантъ и потомъ явившагося къ нему съ отчетомъ. По словамъ Господа, ему надлежало вдати сребро это торжникамъ, т. е. пустить свой талантъ въ ростъ, приумножить его, а онъ не сдѣлалъ этого: убоявшись чего-то тамъ, *идѣже не бѣ страхъ*, онъ скрылъ данный ему талантъ въ землю, оставилъ его безъ всякаго употребленія.

И всѣ мы получили отъ Господа свои таланты, и каждый въ частности, можно сказать, ежедневно получаетъ ихъ. Это—разныя благодатныя и естественныя средства, даруемыя намъ любовію Божіею для приготовленія насъ къ будущей жизни со Христомъ въ Бозѣ, для воспитанія насъ въ достойныхъ сыновъ и наслѣдниковъ царствія Божія. Сколько-же нашлось бы между нами рабовъ лукавыхъ и лѣнивыхъ, если бы небесный Домовладыка сейчасъ захотѣлъ *стягаться съ нами о словеси*, потребовалъ от-

чета въ употребленіи вѣреннаго намъ! Въ наше время то и дѣло говорятъ о развитіи, усовершенствованіи, стремленіи впередъ и впередъ по всѣмъ отраслямъ и путямъ жизни; насъ увѣряютъ, что мы далеко лучше нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, и почти съ каждымъ днемъ все улучшаемся и усовершенствуемся. При такомъ положеніи дѣлъ, казалось бы нельзя и подозрѣвать существованія между нами рабовъ лукавыхъ и лѣнивыхъ; казалось бы, что всѣ мы—рабы добрые и вѣрные, неутомимо и добросовѣстно приумножающіе дарованные намъ отъ Господа таланты. Казалось бы такъ, но... во-первыхъ, не все и не всегда на самомъ дѣлѣ такъ бываетъ, какъ намъ кажется; во-вторыхъ, можно быть неутомимо-дѣятельнымъ и ревностнымъ въ одномъ отношеніи, и въ то же время лукавымъ и лѣнивымъ—въ другомъ. Быть можетъ, и евангельскій рабъ, скрывшій свой талантъ въ землю, не сидѣлъ сложа руки; быть можетъ, и онъ трудился и работалъ не менѣе своихъ товарищей; но трудился лишь для себя, работалъ только для умноженія своего имущества, а не—имущества господина своего. Оттого, быть можетъ, Господь и назвалъ его не лѣнивымъ только, но первѣе всего—*лукавымъ*. И мы такимъ же образомъ можемъ быть неутомимо дѣятельными въ извѣстномъ отношеніи, *по-своему*, и въ то же время лукавыми и лѣнивыми предъ Господомъ и для Господа. Если вѣренные намъ таланты мы употребляемъ не такъ, какъ бы слѣдовало, и не для того, для чего они намъ вѣрены,—не для славы Божіей, не для счастья ближнихъ, не для спасенія нашей души; то какъ бы мы ни трудились, какъ бы ни работали, мы тѣмъ не менѣе—рабы лукавые и лѣнивые, подобные осужденному рабу евангельскому: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть, и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ*, говоритъ Господь. И такъ—повторяемъ—и въ наше время напряженныхъ трудовъ и усовершенствованій, и между нами многоработающими и суесящимися есть много рабовъ лукавыхъ и лѣнивыхъ.

Кто же это?

Первѣе всего—люди небрежные по отношенію къ дарованіямъ благодатнымъ. Св. церковь въ своихъ молитвахъ и таинствахъ ежедневно предлагаетъ намъ *вся божественныя силы къ животу и благочестію*, къ нашему нравственному преуспѣянію; люди эти, иногда и часто, принимаютъ сіи дары любви Божіей, но нисколько не дѣлаются отъ этого лучше, добрѣе, совершеннѣе. Они не възгрѣваютъ въ себѣ дара Господня, угашаютъ въ себѣ

духъ благодати, не внемля внутреннему гласу совѣсти, зовущему ихъ, послѣ каждаго умилительнаго священнодѣйствія, послѣ каждой исповѣди и причащенія, къ исправленію жизни, — они остаются постоянно въ одномъ и томъ же состояніи нравственнаго усыпленія, разсѣянности, безпечности. Сюда же относятся всѣ тѣ, которые чувствуютъ въ себѣ призваніе къ разнымъ подвигамъ христіанской жизни, напр., къ дѣвству, нестяжательности, учительству и под., но, по страху ли къ общественному мнѣнію, или изъ ложнаго стыда, или по другимъ подобнымъ причинамъ, не внемлютъ своему призванію.

Это—далѣе—люди, надѣленные блистательными дарованіями природы, развившіе и усовершенствовавшіе ихъ до послѣдней степени, и потомъ окончательно остановившіеся на ней. Есть люди, у которыхъ, какъ говорится, бездна ума; но когда посмотришь на ихъ жизнь, невольно подумаешь: зачѣмъ дано имъ это сокровище, что добраго сдѣлали они съ своимъ обширнымъ умомъ? Знаютъ много, а живутъ не лучше тѣхъ, кто ничего не знаетъ. Сами многоучены, а никого ничему не научили. Напрасно сомнѣвающейся сталъ бы искать у нихъ разрѣшенія своему сомнѣнію; напрасно колеблющейся въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни сталъ бы просить у нихъ совѣта. Они и могли бы подать ему и то, и другое; но имъ кажется, что они не могутъ этого сдѣлать; они обыкновенно отвѣчаютъ въ такихъ случаяхъ: *я не знаю, я не могу, я не способенъ, это не мое дѣло.*

Далѣе, это люди—такъ называемые разочарованные. Съ блестящими надеждами, съ похвальными, хотя нерѣдко и заносчивыми, стремленіями выступили они на поприще дѣйствительной жизни. Но жизнь какъ-то не пошла первоначально по ихъ планамъ; на первыхъ же порахъ они встрѣтили вездѣ преграды къ осуществленію своихъ намѣреній. Они не захотѣли, или не сумѣли побороться съ собою, помириться съ обстоятельствами, или, если они того не стоили, покорить ихъ себѣ. И вотъ они на все махнули рукой: теперь ихъ ничто не интересуется, ничто уже не радуетъ, не печалитъ; теперь они считаютъ себя рѣшительно ни къ чему негодными и неспособными, и нерѣдко выражаются о себѣ: *я лишній на свѣтѣ.* И точно, они становятся лишними на свѣтѣ, когда дойдутъ ужъ до того, что подняться съ постели—для нихъ подвигъ...

Далѣе, это—родители и воспитатели, не брегущіе о добромъ христіанскомъ воспитаніи своихъ дѣтей и питомцевъ. Такихъ родите-

лей и воспитателей много теперь—особенно въ высшихъ классахъ общества. Отецъ семейства обыкновенно постоянно занятъ бываетъ дѣлами службы, устройствомъ дома, улучшеніемъ хозяйства, а мать или принимаетъ гостей, или сама собирается въ гости: съ гостями и въ гостяхъ, да еще въ разныхъ нарядахъ, прогулкахъ и забавахъ, у нея проходитъ все время. Очевидно, такимъ родителямъ некогда, да и скучно заниматься воспитаніемъ дѣтей своихъ,—и оно поручается ими старымъ слугамъ и служанкамъ, наемнымъ учителямъ и учительницамъ. Конечно, эти слуги и служанки, учителя и учительницы не всегда бываютъ недобросовѣстны; но одно уже то, что они дѣлаютъ не свое дѣло, а чужое, и притомъ дѣлаютъ его по нуждѣ, по найму и заказу, часто безъ всякаго призванія и сочувствія къ своему дѣлу,—одно это, говоримъ, большею частію заставляетъ ихъ ограничивать свою воспитательную дѣятельность однимъ внѣшнимъ лоскомъ своихъ питомцевъ, не касаясь ихъ внутренняго человѣка.

Это люди... но можно ли перечислить всѣхъ? Вообще говоря, это—всѣ тѣ, которые имѣютъ возможность и разными условіями общежитія поставлены даже въ необходимость—дѣлать сравнительно больше добра и себѣ, и другимъ, и однакожь по какой-то преступной безпечности не дѣлаютъ его.

Поименованные доселѣ люди—болѣе лѣнны, чѣмъ лукавы, (хотя впрочемъ самая лѣнность есть уже нѣкоторое лукавство); но есть еще много людей, болѣе лукавыхъ, чѣмъ лѣнныхъ. Тѣ въ строгомъ смыслѣ закапываютъ таланты Господни, а эти святотатственно употребляютъ ихъ для своихъ цѣлей и расчетовъ, противныхъ цѣлямъ и намѣреніямъ Господнимъ. — Кто же эти люди?

По отношенію къ дарамъ благодатнымъ, это—пастыри церкви, которые, по выраженію писанія, *пасутъ самихъ себе*, которые на свое небесное призваніе и высокое назначеніе смотрятъ только какъ на ремесло, какъ на средство болѣе или менѣе безбѣдной жизни, которые—скажемъ словами св. Димитрія Ростовскаго—въ своемъ служеніи ищутъ, „не Господа Иисуса, а хлѣба куса“... Сюда же относятся всѣ тѣ, которые принимаютъ на себя разные подвиги христіанской жизни, предоставленные доброй волѣ христіанъ, не по любви и призванію къ нимъ, а по цѣлямъ и расчетамъ—чисто земнымъ и мірскимъ.

Особенно много такихъ людей по отношенію къ дарованіямъ естественнымъ.—Это во первыхъ, всѣ тѣ, которые на занимаемыя

ими мѣста въ обществѣ и соединенныя съ ними должности и обязанности смотрятъ только какъ на средство *наживаться*, т. е. извлекать изъ своего общественнаго положенія возможно большую сумму и денегъ и разныхъ выгодъ и удовольствій для себя. Люди съ такимъ взглядомъ не задумаются ни предъ какими средствами къ обогащенію себя: самоотверженное и безкорыстное, даже—болѣе или менѣе правдивое исполненіе своихъ обязанностей для нихъ—вещь немыслимая, невозможная. Сюда относятся эти начальники и представители разныхъ общественныхъ заведеній и учрежденій—*общинцы татемъ, любяще дары, злоняще воздаяніе*,—эти судьи, подобно евангельскому и Бога не боящіеся и людей не стыдящіеся, *сырымъ не судящимъ и суду дошлицъ не внимающимъ* (Иса. 1, 23).

Это, далѣе, всѣ тѣ, узнавши о которыхъ невольно скажешь: не будь они умны и столько учены, они меньше дѣлали бы зла. Сюда относится этотъ знаменитый законовѣдъ, къ которому постоянно обращаются тяжущіеся за помощію. Онъ попеременно общается успѣхъ то той, то другой сторонѣ, а къ концу поставитъ дѣло такъ, что кто больше далъ, тотъ и правъ, хоть бы всѣ показанія были рѣшительно противъ него. Сюда же относятся многіе изъ современныхъ представителей и движителей общественной мысли и жизни, которые за такъ-называемымъ прогрессомъ забываютъ о своемъ христіанствѣ, которые все наше развитіе думаютъ построить помимо того краеугольнаго камня, который положенъ *во главу угла* всего истинно-прочнаго и вѣрнаго, и о которомъ сказано, что паче-его *никтоже можетъ положить* чему нибудь *основанія много*. Слово Божіе говоритъ, что здѣсь мы только воспитываемся, а жить будемъ тамъ, въ другой жизни; а эти современные просвѣтители наши утверждаютъ на-перекорь, что здѣсь только и пожить намъ. Изъ откровеннаго ученія мы знаемъ, что давно уже потеряли рай на землѣ и должны, подъ руководствомъ Христа Спасителя и Его церкви, искать его на небѣ; а эти люди общаются намъ найти его здѣсь, на землѣ, при помощи труда и науки. Такимъ образомъ выходитъ,—намъ даны таланты для пріобрѣтенія царства небеснаго, а они хотятъ употребить ихъ для пріобрѣтенія воображаемаго царствія земнаго.

Далѣе, это—родители и воспитатели, которые обучаютъ дѣтей и питомцевъ своихъ только ловкимъ манерамъ, свѣтскому тону, свободному обращенію со всѣми, словомъ—сообщаютъ имъ

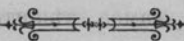
только *тѣлесное обученіе*, которое, по апостолу, *вмѣстѣ полезно есть*, а о благочестіи, которое *на все полезно* (1 Тим. 4, 8), не даютъ имъ вовсе даже и понятія.

Это—тѣ, которые, будучи одарены крѣпостію и красотою тѣлесною, смотря на дородность своей природы какъ на нѣкое право—предаваться буйному разгулу и темному разврату, и, безъ сомнѣнія не пропускаютъ случаевъ пользоваться этимъ мнимымъ правомъ своимъ. Такіе люди больше всего встрѣчаются въ нѣкоторыхъ кругахъ между молодежью, гдѣ скромный, степенный и стыдливый молодой человекъ считается едва не чудомъ.

Это—всѣ тѣ, которыя беспокоятся о томъ, *яко не имутъ идѣ собрати плодовъ* богатства своего, ежегодно *разоряютъ жилищи* своя и *большая* созидаютъ, но отъ крупицъ трапезы коихъ напрасно думалъ бы насытиться хоть одинъ Лазарь. Нужда, бѣдность, убожество и нищета для нихъ—пустыя слова, отговорки лѣни и бездѣйствія.

Это тѣ... но довольно! Много такихъ людей, много рабовъ лукавыхъ и лѣнивыхъ, или совершенно зарывающихъ въ землю таланты Господни, или же употребляющихъ ихъ не такъ, и не на то, какъ и на что слѣдовало бы. Да вразумить и утратить ихъ страшная участь подобнаго имъ евангельскаго раба, осужденнаго Господомъ!

(«Воскр. Читеніе» 1868 г. № 24.)

5.

И мы должны и можемъ быть святыми.

Такую истину внушаетъ намъ совершаемая церковію память всѣхъ святыхъ Божіихъ человекъ. И мы должны быть такими же, какъ они—святыми и непорочными предъ Богомъ и людьми. И это—не излишество, это не гордая претензія и дерзость съ нашей стороны; нѣтъ, это прямой нашъ долгъ и обязанность, прямое наше назначеніе и призваніе, ясно выраженное въ словѣ Божіемъ.—Всѣмъ намъ, конечно, извѣстно, что Господь Богъ воззвалъ человекъ къ бытію для того, чтобъ имѣть въ немъ до-

стойное Себѣ чадо, достойнаго сообщника и сожителя Себѣ въ своемъ вѣчномъ, славномъ царствѣ. Безъ сомнѣнія, Онъ могъ и не создать человѣка, могъ сотворить, какъ и дѣйствительно сотворилъ, цѣлые міриады существъ несравненно лучшихъ человѣка для общенія съ Собою; но Его любовь восхотѣла удостоить этого счастія и человѣка. Понятное дѣло, что со Святѣйшимъ святыхъ человѣкъ могъ имѣть такое живое общеніе только до тѣхъ поръ, пока самъ былъ святъ и непороченъ. Къ сожалѣнію человѣкъ былъ такимъ очень недолго; впадши во грѣхъ, онъ потерялъ свою святость и самовольно разрушилъ свой союзъ, свое общеніе съ Господомъ. Господу Богу предстояло теперь одно изъ двухъ: или совершенно оставить безъ вниманія и такимъ образомъ окончательно погубить эту благодарную тварь свою; или же указать ей какія либо средства для возвращенія ея потерянной святости и для возстановленія съ Нимъ снова прежняго общенія и единенія. Человѣколюбивый и милосердый, Онъ избралъ послѣднее. Много давалъ Онъ грѣшному человѣку различныхъ обѣтованій, заповѣдей и предписаній, много дѣлалъ уставовъ и учреждений, увѣщаній и угрозъ, направленныхъ къ этой цѣли; душою и сердцемъ всего этого было требованіе: *святи будите, яко Азъ святъ есмь—Господь Богъ вашъ* (Лев. 19, 2). Наконецъ, когда все это оказалось недостаточнымъ для своей цѣли, когда человѣчество, вмѣсто того, чтобъ постоянно улучшаться и приближаться къ своему первобытному союзу съ Богомъ, только постоянно удалялось отъ Него и дѣлалось все хуже, все грѣшнѣе и безнадежнѣе, — Господь избралъ уже послѣднее, самое рѣшительное средство, — средство такое чудное и дивное, какое только могла измыслить безпредѣльная любовь Божія. Единородный Сынъ Божій пріемлетъ на Себя человѣческое естество, и въ Своемъ богочеловѣческомъ лицѣ, въ Своемъ ученіи и жизни, особенно же въ Своихъ страданіяхъ и крестной смерти за насъ, снова воссоединяетъ, примиряетъ, сродняетъ небо съ землею, человѣчество съ Божествомъ. А чтобы мы съ своей стороны могли поддерживать этотъ возстановленный союзъ съ Богомъ, чтобы мы до конца пребыли вѣрными этому союзу здѣсь, на землѣ, и достаточно воспитали и приготовили себя для поддержанія его въ жизни будущей, чрезъ всю необятную вѣчность, Господь Иисусъ учредилъ церковь Свою на землѣ и въ ней положилъ самыя дѣйствительнѣйшія и вѣрнѣйшія средства для нашего духовнаго возрожденія, очищенія, просвѣщенія, освященія и спасенія. Главнѣйшія изъ этихъ средствъ — это Его

божественное слово и Его спасительныя таинства, а главнѣйшими, хотя и незримыми, дѣятелями и распорядителями этихъ средствъ—Духъ-Святый, дарованный Имъ церкви—Духъ - Утѣшитель, Наставникъ и Освятитель нашъ и Онъ Самъ, обѣщавшій пребывать съ Своею церковію *во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20). Вотъ почему апост. Павелъ могъ, послѣ этого, необинуясь, сказать о христіанахъ, что Богъ *избралъ ихъ во Христѣ прежде сложенія міра—быть святыми и непорочными предъ Нимъ въ любви* (Епф. 1, 4),—что *Христосъ возлюбилъ Свою церковь, т. е. общество христіанъ, и себе предалъ за ню, да освятитъ ю, да представитъ ю себѣ славу церковь, не имущу скверны или порока, но да будетъ свята и непорочна* (Епиф. 5, 20—27). Вотъ почему, съ другой стороны, христіане называются въ писаніи *присными Богу, т. е., своими, чадами Божими и наследниками, друзьями, братьями и сонаследниками Христовыми, родомъ избраннымъ, народомъ святымъ*. Вотъ почему, наконецъ, тотъ же Павелъ писалъ солуняномъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ христіанамъ: *сія есть воля Божія—святость ваша* (1 Сол. 4, 3), т. е. Богъ того только и хочетъ и требуетъ отъ васъ, чтобъ вы были святыми.

Если же такова воля Божія о насъ и для выполненія ея намъ даны такія чрезвычайныя средства: то, несомнѣнно, мы и можемъ быть святыми. Живѣйшимъ и нагляднѣйшимъ доказательствомъ этой возможности служатъ безчисленные сонмы св. Божіихъ челоувѣковъ, прославленныхъ своею святостію. Они были во всемъ подобными намъ людямъ: такъ же, какъ и мы, *въ беззаконіихъ зачинались и во грѣсѣхъ раждались* (Псал. 50, 7); такъ же, какъ и мы, обложены были немощами плоти и крови, растлѣнныхъ грѣхомъ еще въ Адамѣ; такъ же, какъ и мы, отовсюду окружены были искушеніями, соблазнами и приманками ко грѣху и пороку. И средство для борьбы съ грѣхомъ и порокомъ и для своего освященія у нихъ было тоже самое, что и у насъ: это таже самая церковь Христова съ своими спасительными совѣтами и наставленіями, вразумленіями и учрежденіями, съ тѣмъ же самымъ словомъ Божіимъ, съ тѣми же таинствами, съ тою же самою благодатною помощію. Отчего же они сдѣлались святыми, а мы при тѣхъ же самыхъ средствахъ, условіяхъ и обстоятельствахъ не могли сдѣлаться такими?!

Положимъ, мы не можемъ быть теперь пророками, апостолами, мучениками; но это не значитъ, что мы не можемъ быть святыми. И сами апостолы, пророки и мученики не потому святы,

что были апостолами, пророками и мучениками: Иуда искаріотскій былъ апостоломъ, однакожъ онъ не стяжалъ святости, а погибъ; было много и пророковъ, которымъ Самъ Господь угрожалъ гибелью; было, наконецъ, какъ есть и теперь, много ложныхъ мучениковъ, которыхъ святость и спасеніе болѣе чѣмъ сомнительны. Итакъ, пророки, апостолы и мученики стяжали святость не за то, что были, и не потому, что были такими; они были святы и безъ этихъ своихъ служеній въ церкви: значить, и мы, не будучи апостолами, ни пророками, ни мучениками, все же можемъ быть святыми.

Напрасно мы думали бы также, что для того, чтобъ стяжать святость, непременно нужно отказаться отъ всѣхъ связей и условій жизни семейной и общественной, уйти куда нибудь въ пустыню или пещеру, или поселиться на столпѣ, и тамъ не знать никого и ничего, кромѣ молитвъ и псалмопѣній, бдѣній и пощеній и другихъ подобныхъ подвижническихъ занятій. Если многіе и избрали къ святости, по преимуществу, этотъ путь, то на это была ихъ добрая воля; слово же Божіе и церковь ничего такого не требуетъ отъ насъ, какъ непремѣннаго и необходимаго условія нашей святости. И въ ликѣ святыхъ Божіихъ мы видимъ не однихъ людей подобной жизни: здѣсь есть и цари и князи, управлявшіе государствами и народами, есть воины, ведшіе брани, есть отцы и матери семействъ, благочестивые мужья и благовѣрныя жены. Наконецъ, и не всѣ удалявшіеся въ пещеры и пустыни сдѣлались святыми: значить, имъ удаленіе отъ міра не помогло, а тѣмъ семейная и общественная жизнь не воспрепятствовала сдѣлаться святыми. Такимъ же образомъ и мы, и не удаляясь отъ общества и не бросая міра, тѣмъ не менѣе можемъ быть святыми.

Какъ же мы можемъ быть святыми? Что требуется для этого съ нашей стороны? Безъ сомнѣнія, мы можемъ быть святыми не нашею собственною силою, которая въ добрыхъ дѣлахъ равна почти совершенному безсилію, но только силою того, Кто избралъ насъ быть святыми и непорочными предъ Нимъ, Кто восхотѣлъ имѣть въ насъ Своихъ сообщниковъ и сожителей и даетъ намъ во Христѣ и Его церкви всѣ нужныя мѣры и средства для достойнаго приготовленія нашего къ этой *почести вышняго званія*. И посмотрите въ самомъ дѣлѣ на нашу святость: ее совершаетъ въ насъ, по крайней мѣрѣ, на половину, сама сила Божія. Возьмемъ хоть таинства церковныя: въ таинствѣ крещенія церковь,

дарованною ей силою и властію, очищаетъ человѣка отъ скверны прирожденнаго грѣха, въ миропомазаніи подаетъ ему благодатныя силы, нужныя для прохожденія жизни новой, святой; въ причащеніи питаетъ его таинственнымъ брашномъ плоти и крови Христовой, очищающихъ, освящающихъ, обожающихъ тѣхъ, которые достойно вкушаютъ эту чудную, непостижимую пищу; въ покаяніи опять смываетъ съ него скверны грѣховныя, какими онъ имѣетъ несчастіе пятнать свою душу и послѣ того, какъ она уже нѣсколько разъ очищена и освящена; въ священствѣ она особеннымъ образомъ освящаетъ нѣкоторыхъ избранныхъ въ достойные себѣ служители, давая имъ при этомъ право—совершать дѣло ея освященія и въ другихъ и для другихъ. Какъ видите, братья, все она и вездѣ она, т. е. церковь, или вѣрнѣе—дарованная ей и дѣйствующая въ ней сила Божія. Что же мы? что съ нашей стороны?—Отъ насъ требуется только вѣра и любовь, т. е. дѣтское, безусловное и безраздѣльное повиновеніе и послушаніе всему тому, чему учить, чего хочетъ, чего требуетъ, что заповѣдуетъ и предписываетъ намъ отъ лица Божія св. церковь. Вѣруй отъ души всему тому, чему учить св. церковь и живи такъ, какъ она требуетъ,—и ты будешь святымъ; иначе: будь истиннымъ христіаниномъ, и ты будешь святымъ.

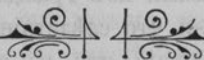
Такова-то святость, требуемая отъ насъ словомъ Божиимъ и возможная для всѣхъ насъ! Это святость не безусловная и самородная, свойственная только единому Святому и святыхъ Святѣйшему; нѣтъ, это святость производная, условная, относительная,—святость, истекающая отъ своего первоисточника и совершающая въ насъ свои спасительныя дѣйствія, по крайней мѣрѣ, наполовину, незримо, незамѣтно и какъ-бы помимо насъ самихъ... И однакожь, и эту святость человѣколюбецъ Господь вмѣняетъ намъ *въ похвалу, честь и славу*, какъ-бы она была нашею собственною святостію. Такова ужъ, братіе мои, сила безконечной любви Божіей къ роду человѣческому,—любви, способной видѣть заслугу и въ такихъ пожертвованіяхъ со стороны любимаго, какъ простое повиновеніе, покорность, послушаніе. Въ этомъ случаѣ очень мѣтко сравниваютъ иногда Господа Бога съ тѣмъ отцомъ семейства, который хвалитъ и цѣлуетъ своего малютку за исполненіе какого-нибудь своего порученія, сдѣланное однакожь при пособіи его же самого, когда напр. малютка принесетъ и поставитъ на столъ чашку, будучи поддерживаемъ рукою самого же отца, или еще что нибудь подобное сдѣлаетъ при его

же непосредственной помощи и содѣйствіи. Заслугамъ этого малютки подобны и всѣ наши заслуги предъ Богомъ, такого же точно характера и самая святость наша. Тутъ, какъ и во всѣхъ вообще нашихъ отношеніяхъ къ Господу, важны и пріятны для Него, цѣнятся, хвалятся и награждаются Имъ собственно не наши внѣшнія дѣла, не наши подвиги и труды, хоть-бы они были самые изумительные, но наша добрая воля, наше внутреннее расположеніе, наше послушаніе и повиновеніе Его благимъ хотѣніямъ о насъ.

Но заслуживаетъ-ли такая святость своего высокаго имени, — святость, не отличающаяся ни особыми подвигами, ни особыми знаменіями и чудесами, — святость, живущая въ мірѣ и среди міра и состоящая только въ томъ, что человекъ живетъ истинно похристіански? — Напрасно, братіе, мы вообще привыкли представлять себѣ святыхъ не иначе, какъ окруженными разными знаменіями и чудесами небесными, ничего не ядущими, никогда не спящими, ходящими по водамъ, и проч. и проч. Даръ чудотвореній, даръ предвѣдѣнія будущаго, даръ исцѣленій, нетлѣніе тѣла и др. дары, если и даются святымъ при ихъ жизни и по ихъ смерти: то во-первыхъ, не всѣмъ, а только нѣкоторымъ, и во-вторыхъ, не какъ необходимая и непремѣнная принадлежность ихъ святости, а по особымъ мудрымъ планамъ и намѣреніямъ Божиимъ; и измѣрять и опредѣлять святость только по однимъ этимъ знаменіямъ и чудесамъ было-бы наивностью съ нашей стороны. Не всѣ святые были чудотворцами, равно какъ и не всѣ, прославившіеся въ жизни своими чудотвореніями, были святыми... Сомнѣваться же въ дѣйствительности такой святости, не отличающейся знаменіями и чудесами, но отличающейся истинною христіанскою жизнію и только въ этомъ и состоящей, можетъ только тотъ, кто не знаетъ, что значитъ жить истинно похристіански, что значитъ быть истиннымъ христіаниномъ. Быть истиннымъ христіаниномъ, т. е. въ отношеніи къ Господу до конца жизни сохранить непоколебимо вѣру, надежду и любовь; въ отношеніи къ церкви сохранить безраздѣльное повиновеніе и послушаніе; въ отношеніи къ семейной и общественной дѣятельности сохранить строгую честность и непоколебимую вѣрность и преданность своему долгу и своимъ обязанностямъ; въ отношеніи къ ближнимъ сохранить ко всѣмъ миръ, любовь и правду; въ отношеніи къ самому себѣ сохранить свою душу, свой умъ и сердце такими же чистыми и непорочными, какими они вышли изъ купели св. крещенія; и сохранить все это среди

міра, его безчисленнихъ суеть, хлопоть и заботь, соблазновъ, напастей и искушеній, среди тѣхъ разнообразїишихъ случаевъ, условій и обстоятельствъ жизни, которые иногда почти насильно сбиваютъ съ пути честности и добра на путь зла, беззаконія и порока: судите сами, не есть-ли это высокій подвигъ? не вышли онъ даже подвига тѣхъ, которые, бросая все, бѣгутъ въ пустыни или заключаются въ пещеры? И ужели христїанинъ, до конца жизни своей доблестно выдержавшій этотъ подвигъ, не можетъ быть почтенъ именемъ святаго, хотя-бы онъ и не сотворилъ во всю жизнь свою ни одного чуда?!

(«Воскр. Чтеніе» 1869 г. № 9.)

6.

**Нѣсколько уроковъ изъ жизни преподобнаго
Еоодосія Печерскаго *).**

Святые Божїи, память которыхъ св. церковь творить ежедневно съ большею или меньшею торжественностію, назидаютъ насъ, болѣе всего, своею чудною жизнію, своимъ истинно-христїанскимъ поведеніемъ, своими дивными подвигами, нерѣдко и страданіями за имя, вѣру и церковь Христову. И жизнь преп. отца нашего Еоодосія печерскаго полна такими поучительными образами и назидательными событіями. Не изображая подробно всей этой жизни,—потому что это было бы слишкомъ долго, мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя черты ея, и извлечемъ изъ нихъ уроки для себя.

Преподобный Еоодосій, будучи еще отрокомъ и учась въ школѣ, былъ необыкновенно набоженъ и благочестивъ: каждый день утромъ и вечеромъ ходилъ въ церковь, принималъ участіе въ богослуженіи, даже самъ приготовлялъ просфоры къ литургїи, и постоянно занимался чтеніемъ и изученіемъ боже-

*) 28 августа въ Кіево-Печерской лаврѣ празднуется «соборъ преподобныхъ отецъ печерскихъ, почивающихъ въ дальнихъ пещерахъ». Препод. Еоодосій былъ начальникомъ этихъ пещеръ.

ственныхъ книгъ, т. е. книгъ религіознаго содержанія. Мать Θεодосія, женщина богатая и свѣтская, часто сердилась за это на преподобнаго и сильно скорбѣла, что ея сынъ не таковъ, какъ чужія дѣти, нерѣдко даже и била его... Но преподобный отрокъ разсуждалъ: „послушаюсь матери,—забуду Бога; кто же дороже человѣку, мать или Богъ?“ и не оставлялъ своего благочестія...

Вотъ, достойный примѣръ и для нашихъ дѣтей и вмѣстѣ назидательный урокъ для нынѣшнихъ родителей и воспитателей! Нынѣ нерѣдко можно слышать, что не слѣдуетъ малымъ дѣтямъ внушать религіозныхъ истинъ,—что дѣти еще не могутъ понять и оцѣнить всей высоты и важности этихъ истинъ,—что въ представленіи своемъ они смѣшиваютъ эти высокія истины съ обыкновенными разказами изъ гражданской исторіи и даже съ баснями и сказками,—и что слѣдствіемъ этого бываетъ потомъ холодность и равнодушіе ихъ къ этимъ истинамъ, такъ что они съ одинаковымъ сердечнымъ участіемъ или безучастіемъ воспоминаютъ и разсказываютъ вамъ, напр., объ Александрѣ Македонскомъ и Иисусѣ Христѣ, о царицѣ Семирамидѣ и пресв. Дѣвѣ Маріи... Что сказать объ этомъ? Конечно, если воспитатели на ряду съ разказами о страданіяхъ Спасителя разсказываютъ своимъ воспитанникамъ то и другое одинаковымъ тономъ, съ одинаковымъ усердіемъ, и требуютъ отъ нихъ при этомъ одинаково-точного повторенія разсказаннаго; то могутъ выходить подобныя явленія,—дѣти смѣшаютъ и обезразличаютъ въ своемъ представленіи разсказанное, и для нихъ будетъ все равно, что Иисусъ Христосъ, что Семирамида, что другой кто. Но что же слѣдуетъ отсюда? Совсѣмъ не то, что не нужно внушать дѣтямъ религіозныхъ истинъ, а то, что нужно умѣть внушать ихъ, т. е. виновато здѣсь не само дѣло, а неумѣнье вести его... Далѣе, если дѣти, по неразвитости своей, или по милости своихъ воспитателей, и не въ состояніи будутъ различить религіозныхъ истинъ отъ другихъ истинъ и даже отъ басней и сказокъ; то предполагается же, что они выростутъ, разовьются, поумнѣютъ, и тогда будутъ въ состояніи отличать ложь отъ истины—болѣе важныя отъ другихъ, менѣе важныхъ. Отчего же непременно они станутъ теперь холодны и равнодушны именно къ истинамъ религіознымъ,—этимъ важнѣйшимъ и—такъ сказать—завѣтнѣйшимъ и задушевнѣйшимъ истинамъ человѣческаго знанія? Нѣтъ, если они и будутъ холодны и равнодушны къ этимъ истинамъ, то почему нибудь другому, а совсѣмъ не потому, что рано стали внушать

имъ эти истины. Василій Великій не сдѣлался холоднымъ къ религіи христіанской отъ того, что, какъ самъ онъ говоритъ, когда онъ былъ еще малымъ дитятемъ и лишь только научился кое-какъ произносить слова, бабушка брала его къ себѣ на колѣни и заставляла часто и долго, внятно и съ благоговѣніемъ произносить сладчайшее имя Іисуса. И преподобный Феодосій не охладѣлъ въ зрѣломъ возрастѣ къ религіи Христовой отъ того, что еще въ дѣтствѣ познакомился съ ея истинами... Да и вообще, менѣе всего можно ожидать отъ человѣка забвенія, холодности и равнодушія къ тому, что онъ узналъ и что внушено ему въ дѣтствѣ: это каждый знаетъ по собственному опыту. Итакъ, въ основѣ того мнѣнія, что не нужно малыхъ дѣтей учить истинамъ религіи, чтобъ они потомъ не сдѣлались холодными и равнодушными къ ней,—въ основѣ этого мнѣнія, говоримъ, и лежитъ именно холодность и равнодушіе къ религіи, и только прикрывается личиною ревности къ ней.

Таже холодность и равнодушіе къ религіи, только сбрасывая уже личину ревности къ ней,—многое говоритъ и прямо противъ религіознаго воспитанія дѣтей, въ родѣ того, напр., что это воспитаніе можетъ сдѣлать ихъ односторонними, мечтателями, фанатиками и т. п. Не опровергая всѣхъ этихъ и подобныхъ возраженій,—такъ какъ несправедливость ихъ очевидна для всякаго благоразумнаго и не предубѣжденнаго,—мы посмотримъ только, чѣмъ думаютъ обыкновенно замѣнить религіозное воспитаніе дѣтей... Большею частию стараются первѣе всего ознакомить дѣтей съ природою,—стараются преподавать имъ естественныя науки. Это значить—хотятъ, чтобъ дитя познакомилось со всѣмъ существующимъ на землѣ—отъ кедра до иссопа, отъ слона до букашки, и только не знало Виновника и Творца всего этого, не знало также и себя самого и своего Спасителя. Хорошо ли это?! Учатъ также дѣтей съ самыхъ раннихъ лѣтъ разговору на иностранныхъ языкахъ,—а къ чему это и для чего, и сами родители не скажутъ вамъ: такъ принято, да и только! Наконецъ, учатъ еще маленькихъ дѣтей пѣснямъ, танцамъ,—какъ будто лишь для того, чтобы скорѣе возбудить въ нихъ чувственныя влеченія, развитъ плотскія нескромныя движенія. А отсюда, что можетъ выйти? Тайныя дѣтскіе пороки, затѣмъ ранній развратъ, а далѣе преждевременная дряхлость, вялость, апатія ко всему, тоска, грусть, болѣзни, тягота самую жизнь. Тутъ-то могли бы сдержать отъ паденія или по паденіи уже могли бы уврачевать

человѣка страхъ Божій, чувство стыдливости предъ людьми, сознание высокаго достоинства нашей богосозданной природы, вообще—религіозно-нравственныя начала. Но что, если этихъ началъ нѣтъ въ сердцѣ? А ихъ не будетъ тамъ, если они не будутъ внушены человѣку съ дѣтства, не будутъ влиты въ него—такъ сказать—съ молокомъ матери. Увоенныя въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда человѣку читали законъ Божій, эти начала не проникнутъ въ глубь существа его, останутся въ одной памяти и въ минуту искушенія легко забудутся, какъ забывается старый урокъ изъ учебника. Такъ—вотъ къ чему можетъ привести нынѣшнее многостороннее гуманное воспитаніе безъ одно-сторонняго—религіознаго!...

Преподобный Феодосій, также будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ, не любилъ богато и роскошно одѣваться. Пріодѣнетъ, бывало, мать его понарядише, большею частію, насильно, да и посылаетъ къ сосѣдямъ, къ чужимъ дѣтямъ. А онъ встрѣтитъ нищаго, и отдастъ весь свой нарядъ, или просто скинетъ съ себя этотъ нарядъ, и опять надѣнетъ свою простую одежду. И за это часто бранила и била его мать. Здѣсь опять урокъ для родителей, особенно для матерей. Многія матери и теперь любятъ слишкомъ щегольски наряжать своихъ дѣтей. Не говоря уже о излишней затратѣ денегъ на эти щегольскіе уборы,—затратѣ, которая съ большею пользою могла-бы идти на дѣли болѣе разумныя и достойныя человѣка,—сколько зла въ жизни происходитъ отъ этого, повидимому незначительнаго, обстоятельства! Вотъ дитя, богато убранное, щегольски принаряженное: что это оно такъ косится въ сторону, отъ чего дѣлаетъ такія странныя гримасы? Это отъ того, что рядомъ съ нимъ стоитъ другое дитя, одѣтое просто, бѣдно: оно его презираетъ. Вотъ плачетъ маленькая дѣвочка: отъ чего? Отъ того, что на подругѣ своей она увидѣла лишнюю ленточку, которой нѣтъ на ней самой! А когда выплачется, то въ ея сердцѣ уже явится злость, зависть къ этой подругѣ. Вотъ еще возрастная дѣвица такъ пристально осматриваетъ свою сосѣдку: это она замѣтила на ней новомодный нарядъ, и лишь только придетъ домой, сейчасъ же станетъ просить родителей—сдѣлать и ей такой же точно нарядъ; а потомъ, чрезъ мѣсяць, снова увидитъ на комъ нибудь новую моду, и опять станетъ просить родителей... Потомъ эта любительница модъ и нарядовъ выйдетъ замужъ за человѣка съ небольшими средствами,—и сколько бѣдный мужъ натерпится отъ нея горя! Изъ-за

этой *невинной* (какъ говорятъ) страсти ея къ разнымъ ленточкамъ да побрякушкамъ сколько можетъ выйти самыхъ серьезныхъ, самыхъ плачевныхъ явленій, нарушающихъ супружеское согласіе, отравляющихъ семейное счастье! А что, наконецъ, будетъ, если эта женщина лишится родителей, мужа, родственниковъ, и останется безъ всякихъ средствъ къ жизни? Куда, наконецъ, она можетъ ринуться и на что рѣшиться?... Конечно, мы беремъ крайнія явленія; но они не такъ рѣдки и всегда могутъ быть, если вы станете еще съ пеленокъ богато наряжать дѣтей своихъ и тѣмъ приучать ихъ къ щегольству, франтовству, къ роскоши.

Однажды, ничего не сказавши матери, Θεодосій ушелъ тайно съ проходившими чрезъ ихъ городъ богомольцами, и думалъ побывать съ ними въ Іерусалимѣ и поклониться гробу Господню. Но мать чрезъ три дня нашла его, много била и, приведши домой, заковала въ желѣзные путы. Конечно, мать поступила дурно, тѣмъ, что била своего сына и даже заковала его; но тѣмъ, что возвратила его съ дороги, она можетъ быть сдѣлала хорошо. Быть можетъ, юный Θεодосій не сообразилъ хорошо всѣхъ трудностей и опасностей дальняго путешествія; быть можетъ, оно могло повредить его здоровью, быть можетъ, онъ былъ-бы въ тягость тѣмъ богомольцамъ, къ которымъ присталъ, и т. д. Конечно, все это могло быть такъ, но вѣроятно также, что все это могло быть и иначе. Какъ бы то ни было, впрочемъ, только и въ этомъ событіи изъ дѣтской жизни преподобнаго мы можемъ найти урокъ для себя. Не всѣ желающіе могутъ и должны предпринимать дальнія странствованія и путешествія ко св. мѣстамъ. Не должны путешествовать тѣ, кого это отвлекло-бы отъ прямыхъ обязанностей службы, кто оставилъ бы чрезъ это свою семью голодною и холодною, кто не имѣлъ бы чѣмъ содержаться въ пути и рассчитывалъ бы на подаванія другихъ, и т. п. Но, съ другой стороны, и мы не должны—такъ сказать—бить и ковать въ путы всѣхъ желающихъ странствовать и путешествовать. Есть много странниковъ, совершающихъ свое дѣло безъ всякаго вреда для своего семейства, безъ всякой тягости для общества, по однимъ чисто религіознымъ побужденіямъ: странствованіе ихъ не мѣшаетъ никому и ничему, а только приноситъ имъ духовную пользу. А мы нерѣдко безъ разбора осуждаемъ ихъ и ихъ св. дѣло,—обзываемъ ихъ бродягами, лѣнтяями, тунеядцами. Подобныя сужденія, особенно въ послѣднее время, вошли въ обычай,

и въ нихъ высказывается, большею частію, таже самая холодность и равнодушіе къ вѣрѣ, которая и у дѣтей хотѣла бы отнять религіозное воспитаніе...

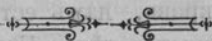
На 24-мъ году отъ рожденія Θεодосій пришелъ въ Кіевъ и принялъ иноческое постриженіе. Сдѣлавшись монахомъ, онъ меньше всѣхъ ѣлъ и спалъ, а молился и трудился больше всѣхъ,— и притомъ трудился не для себя только, но и для другихъ и за другихъ. Бывало, не станеть въ пещерѣ дровъ,—смотрятъ, а Θεодосій уже нарубилъ ихъ и носить изъ лѣсу. Не станеть у кого-либо воды,—Θеодосій уже замѣтилъ это и несетъ воду изъ Днѣпра, взбираясь по крутой горѣ. Иной, послѣ долгаго труда и безсонной ночи, уснетъ, а жито его лежитъ подъ кельей не смолотое (братія тогда сами мололи себѣ муку),—Θеодосій тихонько возьметъ жито, смелеть и поставитъ на свое мѣсто. Вотъ образчикъ истинно-братской услужливости! Такъ-ли у насъ? У насъ даже если дѣло дѣлается съобща, то и тогда, большею частію, одинъ старается взвалить его на другаго, другой на третьяго и т. д.; а услуживать мы умѣемъ только лицамъ знатнымъ и вліятельнымъ, чтобъ обратить ихъ вниманіе на себя и получить отъ нихъ что-нибудь; безкорыстныхъ услуги, въ родѣ услугъ Θεодосіевыхъ, были-бы дивомъ между нами...

По прошествіи извѣстнаго времени преподобный Θεодосій, по единодушному согласію всей братіи, былъ выбранъ въ игумена Печерскаго монастыря. Сдѣлавшись начальникомъ многочисленной братіи, онъ начальствовалъ надъ нею не только словомъ и наставленіемъ, но, болѣе всего, собственнымъ примѣромъ, личнымъ руководствомъ братіи въ исполненіи ими монастырскаго послушанія. Бывало, замѣтитъ онъ въ комъ-либо лѣность къ своей работѣ,—идеть и самъ станеть работать за него, что нужно: тотъ видитъ это, бѣжитъ, проситъ прощенія и тотчасъ принимается за свою работу. Разъ, приходитъ къ нему эконома монастырскій и говоритъ: „воды нѣтъ въ монастырѣ и некому носить ее“. Θεодосій тотчасъ всталъ, пошелъ и началъ носить воду. Увидѣли это братія,—стало имъ стыдно, всѣ принялись и наносили воды съ избыткомъ. Тоже самое въ другой разъ—съ дровами. „Вотъ я праздно сижу теперь“,—сказалъ преподобный на докладъ эконома,—и тотчасъ пошелъ и началъ рубить дрова. Да примуть это къ свѣдѣнію и исполненію, и всѣ, поставленные начальствомъ надъ кѣмъ бы то ни было и чѣмъ бы то ни было. Они должны быть первыми и самыми строгими исполнителями

того, что предписываютъ, чего требуютъ отъ другихъ. На то они и поставлены выше и впереди другихъ, чтобъ руководить ихъ и быть ихъ образцами во всемъ. Не напрасно же Спаситель заповѣдалъ: *болій въ васъ да будетъ яко мній, и старый яко служай* (Лук. 22, 26), и — *иже аще хоцетъ въ васъ вѣщій быти, да будетъ вамъ слуга* (Матв. 20, 26). Своимъ начальническимъ вниманіемъ и наблюденіемъ преподобный Θεодосій не оставлялъ никого, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ изъ подвѣдомой ему братіи. Придетъ, бывало, въ хлѣбню или на кухню, и начнетъ работать вмѣстѣ съ поварами, и всѣхъ ободряетъ, утѣшаетъ, наставляетъ. Хорошо было бы, еслибъ и наши начальники не ограничивали своего добраго вліянія и надзора только кругомъ лицъ, ближайше къ нимъ поставленныхъ, но простирали его и на лицъ отдаленнѣйшихъ и низшихъ. Это съ одной стороны поощряло бы этихъ лицъ къ труду, а съ другой и предохраняло бы отъ разныхъ злоупотребленій дѣломъ. А то иногда главный начальникъ и не подозрѣваетъ того, что дѣлается тамъ въ низшихъ кружкахъ его вѣдомства, полагаясь на лицъ ближайшихъ къ нему. А тѣ—или тоже по невѣденію, или иногда и съ намѣреннымъ укрывательствомъ, — знай долагаютъ ему, что все обстоитъ благополучно...

Итакъ, преподобный Θεодосій своею жизнію всѣмъ намъ даетъ такіе или иные уроки: помолимся ему, да своими молитвами поможетъ онъ намъ и осуществить на дѣлѣ эти благіе уроки.

(«Воскр. Чтеніе» 1869 г. № 19).

7.

Недостаточность нашего обычнаго покаянія во дни великаго поста.

Время великой четыредесятницы у насъ по-преимуществу есть время покаянія. Въ четыредесятницу каждый православный христіанинъ считаетъ священною своею обязанностию принести Господу покаяніе въ своихъ согрѣшеніяхъ, очистить свою совѣсть и уврачевать душу постомъ и говнїемъ, таинствами исповѣди и причащенія. Многіе изъ насъ, конечно, и успѣли уже

это сдѣлать въ настоящую четыредесятницу; другіе постараются сдѣлать это въ скоромъ и ближайшемъ времени... Прекрасное дѣло! Превосходный обычай! Только вотъ что, братіе мои, искренно-ли наше покаяніе? Тверда-ли и непреклонна наша рѣшимость—отстать навсегда отъ тѣхъ грѣховъ и беззаконій, въ которыхъ мы исповѣдались или еще намѣрены исповѣдаться? Ахъ, сколько разъ мы уже каялись, говѣли, исповѣдывались, умоляли Господа о прощеніи и помилованіи, обѣщали исправиться и всякій годъ, всякій разъ являлись на исповѣдь все тѣми же и тѣми, если еще не большими и тягчайшими, грѣшниками! Не то же ли самое будетъ и съ теперешнимъ нашимъ покаяніемъ? Быть можетъ, многіе изъ недавно покаявшихся и очистившихся опять уже успѣли оскверниться привычными беззаконіями, въ которыхъ каялись нѣсколько дней тому назадъ. Быть можетъ, имѣющіе уже приступить къ исповѣди приступятъ къ ней еще съ большею тяжестью въ совѣсти, съ большими ранами въ душѣ, чѣмъ съ какими приступали къ ней въ прошломъ году, а въ слѣдующій разъ приступятъ и еще съ большими!... Что же значить все это? Отчего происходитъ такое печальное явленіе въ нравственной жизни нашей? Отчего мы, сколько повидимому ни каемся, а въ существѣ дѣла остаемся все тѣми же, почти нераскаянными грѣшниками?

Въ отвѣтъ на это нѣкоторые, быть можетъ, подумаютъ, что мы—грѣшники по самой природѣ своей, и потому намъ свойственно, такъ сказать, необходимо грѣшить, какъ, напр., свойственно намъ ходить, сидѣть, говорить и т. п. Къ сожалѣнію, есть правда въ этомъ: грѣхъ точно прирожденъ намъ, онъ вошелъ въ нашу плоть и кровь, намъ естественно грѣшить; но все таки этимъ не объясняется дѣло. Намъ все естественно грѣшить; однакожъ Иисусъ Христосъ для того и воплощался, для того и пострадалъ и умеръ за насъ, чтобъ представить насъ Отцу небесному святыми и непорочными, и сверхъ того прямо и рѣшительно требуетъ отъ насъ святости, какъ послѣдней цѣли нашей здѣшной жизни. А онъ лучше насъ самихъ знаетъ всѣ наши немощи и силы, и невозможнаго отъ насъ не потребовалъ бы. Намъ естественно грѣшить; однакожъ это не значить, что мы должны грѣшить все больше и больше, все тягче и сильнѣе: иначе къ чему были бы всѣ эти средства нашего очищенія и усовершенствованія, дарованныя намъ во Христѣ Спасителѣ и доселѣ даруемыя въ Его св. Церкви? Намъ свойственно грѣ-

шить; но можно сказать, что такъ же свойственно намъ и быть святыми и непорочными предъ Богомъ и людьми. Вѣдь были же святые люди; а они были во всемъ такіе же, какъ и мы, и имъ, такъ же какъ и намъ, свойственно было грѣшить. Однакожь, они святые, а мы... Отчего же мы все грѣшимъ и грѣшимъ, да еще все больше и больше? Нѣтъ, что ни говорите, а видно—мы мало думаемъ о спасеніи души, мало боимся грѣха и его гибельныхъ дѣйствій, мало даже сознаемъ его въ себѣ; оттого и каемся мы далеко не такъ, какъ-бы слѣдовало, и покаяніе наше мало приноситъ намъ пользы.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы каемся, и такъ ли бы мы каялись, еслибы каялись искренно, нелицемѣрно, отъ души и сердца?

Большею частію мы каемся только въ этотъ святой постъ, да и то еще въ одну только изъ седмиць его, которую мы выберемъ себѣ для такъ-называемаго говѣнья. Одно уже это показываетъ, что въ нашемъ покаяніи—что-то не такъ. Безспорно, въ четырехдесятницу и самое пощеніе наше и особое церковное богослуженіе, какъ-бы невольно располагаютъ къ покаянію, и это время—самое лучшее для покаянія. Но все-же это не значить, что только въ это время и можно и должно каяться. Опасно больной, если дорожить своимъ здоровьемъ, не откладываетъ же своего леченія до извѣстныхъ, періодическихъ сроковъ: такъ точно и грѣшникъ, если дорожить спасеніемъ своей души, не откладываетъ своего покаянія до великаго поста. Не желая подвергать опасности свою жизнь, больной лечится тотчасъ же, какъ только ощутитъ въ себѣ болѣзнь: такъ точно боящійся грѣха грѣшникъ кается тотчасъ же послѣ всякаго, болѣе или менѣе тяжкаго грѣха,—въ тотъ же самый день, въ тотъ же самый часъ, какъ допустилъ его въ себѣ. А мы... мы грѣшимъ круглый годъ, и во всякое время, а каемся всего нѣсколько дней и то въ опредѣленное разъ навсегда время! Какъ мало, значить, боимся мы грѣха!

Грѣша цѣлый годъ, мы до того свыкаемся съ своими грѣхами, что какъ-бы и не замѣчаемъ ихъ въ себѣ. Все у насъ, отъ утра до ночи и отъ ночи до утра, отъ явныхъ дѣйствій до тайныхъ помышленій и мечтаній, отъ занятій важныхъ и серьезныхъ до праздныхъ забавъ и развлеченій,—все проникнуто и заражено грѣхомъ; а мы почти и не считаемъ себя грѣшниками, или если и считаемъ, то грѣхи свои представляемъ ничтожными, неопасными, неизбѣжными, обыкновенными слабостями,

и охотно уживаемся съ ними. Часто мы стоимъ на краю погибельной бездны, и вотъ-вотъ ринемся въ нее безвозвратно; а между тѣмъ думаемъ, что мы живемъ какъ должно, что лучше и жить нельзя, что намъ не угрожаетъ ни откуда никакая опасность, или же, большею частію, и ничего вообще не думаемъ о своемъ нравственномъ положеніи. Такъ у насъ проходитъ весь годъ. Но вотъ наступилъ великій постъ, и мы вдругъ говѣемъ, каемся. Что же, спрашивается, случилось съ нами? Сознали-ль мы внезапно всю опасность своего грѣховнаго состоянія? Увидѣли-ль ту пропасть, въ которую зашли и которая готова сейчасъ поглотить насъ? Восчувствовали-ль вдругъ благодатную жажду обновленія, возрожденія, жажду новой, святой и непорочной жизни? О, нѣтъ, нѣтъ! Да и какъ и когда-бы это случилось съ нами, когда мы еще на дняхъ такъ мило забавлялись, такъ свѣтло веселились, что не могли и думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ этихъ самыхъ забавъ и увеселеній,—тѣмъ болѣе не могли думать о томъ, о чемъ и круглый годъ ровно никогда не думали, по крайней мѣрѣ—серьезно? Итакъ, что же побудило насъ говѣть, каяться? Очень просто: наступилъ великій постъ, а мы въ это время всегда говѣемъ;—такъ научили насъ издѣтства, такъ мы дѣлали всегда прежде, такъ дѣлаютъ и другіе,—вотъ почему мы и теперь идемъ въ церковь, говѣемъ, каемся. Такимъ образомъ наше покаяніе, вмѣсто того, чтобъ быть живою потребностію души и сердца, является какимъ-то обычаемъ, приличіемъ, формою, которую мы отбываемъ каждый годъ въ извѣстное время. Мы идемъ, т. е., говѣть и каяться не потому, чтобы боялись грѣха, тяготились имъ и спѣшили скорѣе избавиться отъ него, а такъ себѣ, по заведенному уже порядку.

Приступая, такимъ образомъ, къ покаянію не по влеченію сердца, а какъ-бы по заказу, мы, естественно, и совершаемъ его холодно и сухо, формально и официально. При этомъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, самую сущность, самую такъ-сказать душу дѣла мы оставляемъ почти безъ всякаго вниманія, а хватаемся за его внѣшнюю оболочку, обрядовую сторону. Откажемъ себѣ на нѣсколько дней въ пресыщеніи и обычныхъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, отстоимъ нѣсколько богослуженій сряду, положимъ извѣстное количество земныхъ поклоновъ,—и думаемъ, что мы каемся и даже совсѣмъ уже покаялись. А между тѣмъ, все это, какъ понятно само собою, совсѣмъ не покаяніе еще, а лишь только пособіе, приготовленіе, возбужденіе къ покаянію,

котораго при всемъ этомъ можетъ все таки и не быть въ нашемъ сердцѣ. Вѣдь можно же ѣсть постную пищу, и въ маломъ количествѣ, и въ то же время распалаться обычною злобою и ненавистію противъ ближняго; можно быть въ церкви тѣломъ, а духомъ носиться далеко, далеко по всемъ распутіямъ грѣшнаго міра; можно исправно класть земные поклоны, и при этомъ услаждаться нечистыми мыслями, скверными похотѣніями, лукавыми вождѣніями; короче: можно дѣлать все, что мы дѣлаемъ, когда говѣемъ, и въ чемъ полагаемъ наше покаяніе, и въ то же время въ душѣ нисколько не каяться, а еще больше согрѣшать.

Черезъ нѣсколько дней нашего хожденія въ церковь, наступаетъ самый важный и существенный актъ покаянія—исповѣдь и слѣдующее за нею разрѣшеніе и отпущеніе грѣховъ; и здѣсь-то во всей силѣ обнаруживается фальшивость нашего положенія, наша неподготовительность къ покаянію, наше формальное отношеніе къ нему. Мы являемся на исповѣдь, и, большею частію, не знаемъ, что сказать нашему отцу духовному, почему и отдѣльваемся общимъ признаніемъ себя грѣшниками и безучастными отвѣтами на вопросы духовника. Итакъ, мы каемся, и сами не знаемъ—въ чемъ; пришли лечиться, да и не говоримъ, гдѣ и что болитъ у насъ. Что же подѣлаетъ съ нами, чѣмъ поможетъ намъ въ такомъ случаѣ и отецъ духовный? На такую общую и формальную исповѣдь онъ, по необходимости, и отвѣчаетъ такими же общими и формальными правоученіями; но онъ не направитъ своихъ совѣтовъ и наставленій прямо противъ тѣхъ недуговъ, которыми болитъ извѣстная душа, потому что эта душа не раскрылась предъ нимъ, потому что недуги ея остались тайной для него... Я уже не говорю о тѣхъ капризахъ и иногда нескромныхъ шутахъ, которыя позволяютъ себѣ нѣкоторые относительно духовниковъ и самой исповѣди у нихъ. Тотъ духовникъ изъ ученыхъ, а этотъ нѣтъ; тотъ очень старъ, а тотъ очень молодъ; тотъ грубъ, тотъ вѣжливъ; одинъ придирчивъ и строгъ, другой слишкомъ уже мягокъ и снисходителенъ; одинъ слишкомъ долго держитъ и много спрашиваетъ, другой совсѣмъ не умѣетъ или не хочетъ спрашивать; пойти бы къ тому, но онъ очень знакомъ, стыдно; пойти бы къ тому, но опять то и другое и третье, и проч. т. п. Все эти капризы и шутки показываютъ только то, что въ душѣ капризничающихъ и шутищихъ нѣтъ и тѣни того, что называется истиннымъ покаяніемъ. Да, не такъ, совсѣмъ не такъ бы исповѣдывались, еслибъ искренно каились,

серьезно боялись грѣховъ и старались избавиться отъ нихъ. Со слезами на глазахъ, съ глубокою скорбію въ сердцѣ мы спѣшили бы къ отцу духовному, не разсуждая, кто и каковъ онъ, и раскрыли бы предъ нимъ всю свою душу, указали на всѣ большыя мѣста ея, и его совѣты и наставленія приняли бы какъ цѣлительный бальзамъ на раны, а его разрѣшеніе—какъ голосъ самаго Бога, прощающаго и исцѣляющаго насъ.

Послѣ того какъ мы, кое-какъ исповѣдавшись, сподобимся причаститься св. таинъ,—мы уже считаемъ поконченнымъ дѣло нашего покаянія, и жизнь наша снова идетъ во всемъ по-прежнему, до будущаго года, до будущаго поста и покаянія. Оттого и въ слѣдующій годъ мы опять оказываемся тѣми же самыми грѣшниками. Но этого мало. Пренія дурныя привычки наши порождаютъ новыя, еще болѣе дурныя, порочныя и преступныя; служеніе одному грѣху приводитъ ко многимъ другимъ; удовлетвореніе одной страсти поднимаетъ и разжигаетъ другія, которыя тоже требуютъ себѣ пищи, удовлетворенія, и въ свою очередь раждаютъ множество другихъ, по роду и виду своему. Оттого въ слѣдующій годъ мы оказываемся не только тѣми самими, но уже и большими и тягчайшими грѣшниками. Не то было бы съ нами, если бы искренно каялись. Послѣ исповѣди и св. причащенія мы начали бы борьбу съ собою, съ грѣхомъ, живущимъ въ насъ, и это во многомъ измѣнило бы прежній образъ нашей жизни, нашъ взглядъ на вещи, наши отношенія къ другимъ. Мы отстали бы отъ многого, безъ чего прежде жить не могли, и обратно—усвоили бы себѣ многое, что прежде считали лишнимъ и ненужнымъ для себя; что прежде считали мы дѣломъ безразличнымъ, пожалуй даже добрымъ и честнымъ, то нашли бы теперь худымъ и опаснымъ и т. д., словомъ: мы стали бы теперь перемѣняться къ лучшему, нравственно очищаться, возвышаться, усовершенствоваться. Оттого въ слѣдующій годъ мы явились бы къ исповѣди съ меньшими уже ранами въ душѣ, съ меньшимъ бременемъ на совѣсти. Можетъ, конечно, статься, что мы не устояли бы и скоро пали бы въ борьбѣ съ своими грѣховными привычками и страстями; но въ такомъ случаѣ мы не стали бы уже дожидаться слѣдующаго великаго поста, а тотчасъ же послѣшили бы обратиться къ покаянію, и опять востали бы, и съ новою силою начали борьбу съ собою. Такъ, говоримъ, мы поступали бы, еслибъ истинно каялись; но мы... мы только играемъ роль кающихся, не больше, и потому, еслибъ спросилъ насъ

кто послѣ покаянія: въ чемъ мы покаялись, въ чемъ исправились, въ чемъ переимѣнились и улучшились, то мы и не знали бы какъ отвѣчать на это, или же принуждены были бы отвѣтить: „ни въ чемъ, ни въ чемъ“!!

Нѣкоторые изъ насъ сами сознаютъ неудовлетворительность такого своего покаянія, и потому нерѣдко просятъ духовниковъ наложить на нихъ известную эпитимію за грѣхи, полагая въ ней восполненіе, а иногда и всю силу своего покаянія. Но это, въ большинствѣ случаевъ, опять значить, что мы хватаемся за вѣшнюю сторону дѣла, забывая его духъ и силу. Эпитиміи, безспорно, имѣютъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ покаянія. Но нужно помнить первѣе всего то, что онѣ не есть наказаніе грѣшнику, не есть также плата, возмездіе или удовлетвореніе Богу за наши грѣхи, какъ это представляютъ себѣ многіе. Отсюда—и перенося ихъ, не слѣдуетъ думать, что этимъ собственно мы и дѣлаемся угодными Богу,—что за это именно Онъ и прощаетъ насъ. Нѣтъ, эпитиміи существуютъ и нужны не для Бога, а для насъ: онѣ суть просто врачевныя, исправительныя и воспитательныя средства церковныя, направленныя къ тому, чтобъ отучить, вылечить грѣшника отъ любимаго имъ порока. Поэтому, далѣе, нужно помнить, что для того, чтобъ быть полезными и спасительными душѣ кающейся, онѣ должны быть прямо направляемы противъ главнаго недуга этой души, и въ точности выполняемы. Если вы, напр., страдаете нетрезвостію; то эпитиміею вашею должно быть запрещеніе вамъ пить, по крайней мѣрѣ, въ известныя дни, или же позволеніе пить только въ известной, небольшой мѣрѣ. Если вы страдаете скупостію, то вамъ эпитимія—въ известныя дни раздавать милостыню. Если вы любите чрезъ мѣру болтать, и при этомъ много согрѣшаете языкомъ; то для васъ эпитимія—положить устомъ своимъ храненіе, т. е. поменьше говорить, побольше молчать и слушать, и т. п. А отсюда видно, наконецъ, что удачно назначаться эпитиміи могутъ лишь тогда, когда грѣшникъ откроетъ на исповѣди всю свою душу, и укажетъ на самый главный и опасный недугъ ея: безъ этого же онѣ и назначаютъ, большею частію, неудачно, потому что назначаютъ наугадъ, и при самомъ тщательномъ даже исполненіи мало приносятъ пользы грѣшнику, потому что не врачуютъ главнаго его недуга, не исправляютъ его жизни. Вы, напр., исправно отбываете каждый день известное число поклоновъ, назначенныхъ вамъ въ видѣ эпитиміи; но это все же не мѣшаетъ

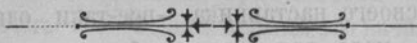
вамъ быть по-прежнему невоздержными, нетрезвыми. Вы постигъте въ извѣстные дни больше обыкновеннаго, въ силу наложенной на васъ эпитиміи, или выслушиваете полное суточное богослуженіе, либо читаете душеспасительную книгу; но все это не мѣшаетъ вамъ по-прежнему сердиться, скупиться, сплетничать, обижать другихъ и т. д. Итакъ, не съ эпитиміями напрашиваться, и не поклонами отдѣливаться, а очищать свой умъ и сердце, исправлять свою жизнь, улучшать свое поведеніе, бороться съ собою, подвизаться противъ грѣха,—вотъ что должны мы дѣлать, и непременно стали бы дѣлать, еслибъ каялись искренно.

Другіе изъ насъ тоже сознаютъ недостаточность своего ежегоднаго, заказнаго покаянія; но полное и совершенное покаяніе думаютъ принести въ старости, либо даже предъ самую смертію своею. Но, не говоря уже объ очевидной для всякаго благоразумнаго непрочности подобныхъ надеждъ, все-таки это свидѣтельствуешь лишь о томъ, что мы не только не боимся грѣха, а и любимъ еще временную обманчивую сладость его, почему и жалѣемъ разстаться съ нимъ во время. Намъ хочется напередъ испить одуряющій и отравляющій ядъ его весь до капли,—и тогда уже, пожалуй, мы проснемся, истрезвимся, покаемся и исцѣлимся. Дай Богъ, чтобъ такъ было, т. е. чтобъ мы хоть тогда образумились и покаялись; но, безъ всякаго сомнѣнія, лучше, несравненно лучше, безопаснѣе и благоразумнѣе было-бы, еслибъ мы и совсѣмъ не заходили въ глубины грѣха, не погружались въ бездну грѣховную, и какъ можно меньше и рѣже отвѣдывали страшный ядъ его. Истинный воинъ Христовъ, какимъ, по Писанію, долженъ быть всякій христіанинъ, всю жизнь свою борется и до крови подвизается противъ грѣха, пока окончательно не умертвить его въ себѣ; онъ хорошо знаетъ, что въ этомъ состоитъ и все его земное призваніе. А мы всю жизнь воспитываемъ и развиваемъ въ себѣ грѣхъ, и только тогда, когда доведемъ его до послѣдней уже степени развитія, когда онъ совершенно уже высосетъ у насъ всѣ силы,—только тогда думаемъ бороться съ нимъ и умерщвлять его. Можетъ ли быть большее неразуміе?

Но къ чему,—скажутъ нѣкоторые,—эта постоянная, пожизненная борьба съ грѣхомъ, эти кровавые труды и подвиги, когда и безъ нихъ, такъ просто и легко, подается намъ прощеніе грѣховъ? Вѣдь духовные же отцы всякій разъ разрѣшаютъ насъ отъ грѣховъ и безъ особыхъ подвиговъ съ нашей стороны?—

Ахъ, братіе мои, знаете ли вы, какъ грѣшно и опасно разсуждать такъ? Прощеніе грѣховъ подается намъ такъ легко и просто! Но вспомнимъ, чего стоило это Сыну Божию; взглянемъ на крестъ... видите-ли, какою дорогою цѣною куплено Спасителемъ нашимъ это простое и легкое средство избавленія насъ отъ грѣховъ? Страшная жертва принесена за это, а намъ какъ бы и дѣлать до этого, и мы еще думаемъ опереть на этомъ нашу лѣность и безпечность!... Духовные отцы всякій разъ разрѣшаютъ насъ отъ грѣховъ и безъ нашихъ подвиговъ! Но вспомнимъ, если забыли, что они разрѣшаютъ насъ только подъ условіемъ съ нашей стороны искренняго раскаянія и твердаго намѣренія и обѣщанія—впредь исправиться. Если же мы обманываемъ ихъ въ этомъ случаѣ, то обманываемъ самихъ себя,—и разрѣшенія и прощенія намъ въ такомъ разѣ послужатъ только къ горшему и тягчайшему осужденію нашему предъ взоромъ Всевѣдущаго и Правосуднаго, Который все знаетъ, съ Которымъ шутить нельзя, Который *порушаемъ не бываетъ*.

(«Воскресное Читеніе» 1870 г. № 46.)

8.

Главное—въ дѣлѣ воспитанія.

Воспитаніе имѣетъ цѣлю—развить человѣка,—положенный въ немъ отъ природы способности возрастить, укрѣпить, усовершенить. Для чего жъ это?—Для того, чтобъ человѣкъ понялъ себя, свое призваніе, свою цѣль и назначеніе, — чтобъ выразумѣлъ, далѣе, свои отношенія къ другимъ, свои права и обязанности въ обществѣ и, наконецъ,—чтобъ соотвѣтственно этимъ правамъ, обязанностямъ и отношеніямъ съ успѣхомъ пользовался своими развитыми силами и способностями, — однимъ словомъ—чтобъ онъ научился *жить, какъ слѣдуетъ* человѣку: школа—приготовленіе къ жизни и какъ бы введеніе къ ней.—Понятно само собою,—для того, чтобъ жить какъ слѣдуетъ, недостаточно еще изучить

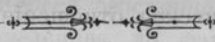
какую угодно науку, хоть бы и по самой современной и лучшей методѣ. Можно быть ученѣйшимъ человѣкомъ, и въ тоже время не умѣть жить истинно по-человѣчески; можно имѣть обширныя, научныя познанія, и употреблять ихъ только во вредъ себѣ и на зло другимъ. Современная педагогія, правда, признала это, и своимъ девизомъ избрала умное изрѣченіе одного изъ своихъ представителей: нужно напередъ развить въ питомцѣ человѣка, а потомъ уже дѣлать изъ него медика, юриста и т. д.“ Единственное средство, которое изобрѣла для этой цѣли педагогія, есть гуманное обращеніе воспитателей съ воспитанниками. Но гуманное обращеніе, при всей безспорной важности его въ дѣлѣ воспитанія, особенно доведенное до фамильярности съ дѣтьми, какъ показываетъ опытъ, часто становится болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ для успѣховъ воспитанія. Молодой питомецъ, подъ вліяніемъ такого обращенія съ нимъ, болѣею частію составляетъ взглядъ на своего учителя какъ на *панібрата*, а потому, естественно, всякое наставленіе, всякая угроза, вообще все нравственно-педагогическое вліяніе на него со стороны воспитателя мало приносятъ плода, мало оказываютъ дѣйствія на питомца. Но еслибы гуманное обращеніе и не довело воспитанника до такого взгляда на своего наставника,—все-таки одного этого обращенія слишкомъ мало для того, чтобъ воспитанника „сдѣлать человѣкомъ.“ Если въ пору моего воспитанія со мною обращались по-человѣчески,—слѣдуетъ ли отсюда необходимо, что и я буду обращаться съ людьми такъ же?.. Но пусть, наконецъ, и я научусь обращаться съ людьми вѣжливо, гуманно,—однакожь и этого опять-таки мало. для того, чтобъ считать меня истиннымъ человѣкомъ. Въ моей жизни могутъ на каждомъ шагу случаться такія обстоятельства, въ которыхъ я долженъ забыть вынесенную изъ школы гуманность, какъ привычку неприложимую въ данномъ случаѣ... Очевидно, такимъ образ., чтобъ сдѣлать человѣка человѣкомъ,—воспитаніе должно предварительно сдѣлать его личностію нравственною, должно научить его—отъ всей души полюбить доброе и возненавидѣть злое, въ какомъ бы видѣ ни являлось то и другое. А какъ научить этому человѣка можетъ только христіанское ученіе; то весьма основательно поэтому такъ поправляли нѣкоторые умное изрѣченіе педагога: „нужно напередъ сдѣлать человѣка христіаниномъ, а потомъ уже—ученымъ.“

Мы сказали, что воспитываютъ человѣка для того, чтобъ онъ понималъ себя, узналъ свое призваніе, свою цѣль и назначеніе. Но

какая система, какая научная теорія можетъ лучше научить этому человѣка, какъ не ученіе Христово? Исторія мудрости человѣческой какъ нельзя яснѣе показываетъ, что помимо ученія Христова всегда существовали и существуютъ въ человѣчествѣ одни только предположенія о цѣли его бытія, гаданія, сомнѣнія, нерѣдко самыя безотрадныя начала и положенія, ничѣмъ существенно не отличающія человѣка отъ животнаго. Только христіанство указало человѣку на его богоподобную природу, на его высшее, неземное призваніе.—Одного этого, по-видимому, уже достаточно было бы для того, чтобъ поставить человѣка въ нормальное, истинно-человѣческое отношеніе ко всѣмъ и всему, его окружающему, потому что такой или иной взглядъ человѣка на самого себя и свое назначеніе такъ или иначе устрояетъ и его внѣшнюю дѣятельность. Но христіанство не ограничилось этимъ. Оно провозгласило прямое и положительное начало жизни, которое объѣмлетъ собою рѣшительно всѣвозможныя отношенія людей, очищая, возвышая, освящая эти отношенія. Начало это коротко выражается такъ: „люби Бога болѣе всего, и ближняго какъ себя самого.“ И оно—не мертвая буква въ христіанствѣ; нѣтъ, божественный Основатель христіанства Самъ первый осуществилъ въ Своемъ собственномъ Лицѣ это начало; цѣлыя сомны Его вѣрныхъ послѣдователей тоже представили примѣръ всецѣлаго, и въ высшей степени благодѣтельнаго для человѣчества—проникновенія духомъ этого новаго начала жизни. Это начало безспорно, незыблемѣе, глубже и шире гуманности, и только оно можетъ научить ей человѣка... Но и этого мало. Любовь къ Богу и человѣчеству, которую учитъ христіанство, когда стремится проявиться въ жизни и дѣятельности человѣка, требуетъ отъ него многихъ и многихъ жертвъ. За эту любовь человѣку необходимо бороться, часто до крови, и съ своимъ самолюбіемъ, съ своею чувственностію, и съ обычнымъ строемъ жизни, съ препятствіями со стороны другихъ: ему необходимо, поэтому, запастись неистощимымъ терпѣніемъ, безмѣрнымъ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ. Христіанство и тутъ не оставляетъ человѣка, или—вѣрнѣе—тутъ-то особенно и поддерживаетъ его. Оно подаетъ ему *вся божественныя силы яже къ животу и благочестію въ таинствахъ церковныхъ*, а за *легкое нынѣшней печамъ* нашей обѣщаетъ *тяготу вѣчныхъ славы*.—Итакъ, только христіанство можетъ научить человѣка жить какъ слѣдуетъ, только оно можетъ и сдѣлать его истиннымъ человѣкомъ. „Если ты знаешь

все кромѣ Иисуса,—говорить одинъ христіанскій учитель,—ты ничего не знаешь; если же ничего не знаешь, кромѣ Иисуса,—ты ничего не потерялъ.“ Нужно прибавить, что христіанство не только не исключаетъ собою ни одной науки, но даже благопріятствуетъ возможно-полному и всестороннему образованію.

(«Воскр. Чтеніе» 1870 г. № 47).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

І. Слова.

	<i>Стр.</i>
1. Слово о мнимыхъ нищихъ	1
2. — о нищихъ	7
3. — во святой великій пятокъ	14
4. — на рождество Спасителя нашего Иисуса Христа.	21
5. — въ пятокъ третьей недѣли великаго поста	25
6. — о судѣ Пилата и о подражателяхъ ему	33
7. — въ день рожденія Ея И. В. Благовѣрной Госуд. В. Кн. Маріи Александровны	40
8. — въ день св. муропомазанія и вѣнчанія на цар- ство Благочест. Госуд. Имп. Александра Ни- колаевича	45
9. — во святой великій пятокъ и въ день Благовѣще- нія Пресвятыя Богородицы	50
10. — въ недѣлю Православія и въ день восшествія на престоль Госуд. Императора	58
11. — въ день св. мироносицы и равноапостольныя Маріи Магдалины	63
12. — по случаю заупокойнаго поминовенія Литовскою дух. семинаріею ея основателей, благодѣтелей, начальниковъ и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся	68
13. — на 26-е августа, день коронованія и священ- нѣйшаго муропомазанія Благочест. Госуд. Имп. Александра Николаевича.	74
14. — въ день 25-лѣтія царствованія Благочест. Госуд. Имп. Александра Николаевича	79
15. — во святой великій пятокъ	87
16. — въ недѣлю 3-ю великаго поста	96

II. Поученія.

1. Поученіе въ день святителя Николая	102
2. — въ день Казанской чудотворной Иконы Бо- жіей Матери	110
3. — предъ причащеніемъ святыхъ таинъ	116
4. — къ простому народу о седьмой заповѣди Бо- жіей	121
5. — къ простому народу въ день Срѣтенія Го- сподня	125
6. — въ недѣлю Самаряныни	131
7. — въ недѣлю 22-ю по пятидесятницѣ	135
8. — въ недѣлю о слѣномъ	140

9.	Поученіе въ недѣлю св. мироносицъ	143
10.	— въ недѣлю четвертую великаго поста	148
11.	— въ день памяти св. Благовѣр. и Равноап. князя Владиміра	151
12.	— въ день Успенія Пресвятыя Богородицы	156
13.	— въ день празднованія Θεодоровской иконѣ Божіей Матери	161
14.	— въ день 17-го октября	165
15.	— въ день Тезоименитства Благочест. Госуд. Имп. Александра Александровича	170
16.	— воспитанницамъ Костромской жевской гим- назии	173

III. Бесѣды.

1.	Бесѣда священника съ прихожаниномъ-простолю- диномъ, у котораго пропали деньги	177
2.	— къ простому народу о святыхъ исповѣдни- кахъ и мученикахъ	185
3.	— священника съ прихожанами-простолюдинами послѣ погребенія младенца	192
4.	— сельскаго священника къ прихожанамъ о вѣ- рахъ нехристіанскихъ: 1-я: язычество	204
5.	— — 2-я: новоіудейство	213
6.	— — 3-я: о магометанствѣ	222

IV. Рѣчи.

1.	Рѣчь, сказанная при погребеніи жены священника Вилен, Благовѣщ. церкви, З. Давидовича	228
2.	— св. Синоду при нареченіи во епископа михай- ловскаго	232
3.	— при первомъ вступленіи въ Костромскій ка- едральный соборъ	235
4.	— при прощаніи съ Костромскою паствою	239

V. Краткія благочестивыя размышленія.

1.	Нѣсколько словъ о будущей жизни, страшномъ судѣ и картинахъ сего суда	242
2.	Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и исти- ною достойно кланяться	255
3.	Праведнику законъ не лежитъ	263
4.	Рабы лукавые и лѣнныя	266
5.	И мы должны и можемъ быть святыми	271
6.	Нѣсколько уроковъ изъ жизни препод. Θεодосія Пе- черскаго	277
7.	Недостаточность нашего обычнаго покаянія во дни великаго поста	283
8.	Главное— въ дѣлѣ воспитанія	291

